ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БАССЕЙНА ДОНА

МЕЖВУЗОВСКИЙ СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ВОРОНЕЖ 2004

Рецензенты:
профессор *А. З. Винников*
профессор *А. А. Выборнов*

Редакционная коллегия:
профессор *А. Т. Синюк* (ответственный редактор)
доцент *В. Д. Березуцкий*
доцент *Ю. Д. Разуваев*
преподаватель *Ю. А. Чекменев* (ответственный секретарь)

Археологические памятники бассейна Дона: Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2004. – 239 с.

Статьи сборника посвящены публикации и анализу вещественных источников разных археологических эпох: от каменного века до средневековья. В научный оборот вводятся результаты новейших исследований памятников и отдельных категорий материальной культуры древних обществ. Затронутый в статьях круг проблем касается реконструкции исторических и этнокультурных процессов на территории Среднего и Верхнего Подонья. Помимо этого, в сборник включены работы историографического характера.

Сборник предназначен специалистам-археологам, студентам и всем, кто интересуется вопросами археологии.

© Авторы статей, 2004

В.В. Попов, А.Ю. Пустовалов
(Воронеж, музей «Костенки»)

Поселение 2-го культурного слоя стоянки Костенки 11 (Аносовка 2)

Многослойная стоянка Костенки 11 была открыта А.Н. Рогачевым в 1951 г. и исследовалась на протяжении ряда лет (Рогачев А.Н., 1953; 1957; 1961; Рогачев А.Н., Праслов Н.Д., 1982; Попов В.В., 1994). Памятник расположен в приустьевой части Аносова лога, на оконечности центрального мыса, образованного слиянием лога с его отвершком, на второй террасе балки. Под современной почвой находится толща лессовидного суглинка серо-коричневого цвета, включающая остатки 2-го культурного слоя. Мощность суглинка на площади стоянки неодинакова: от 0,80 м до 2,50 м.

Поселение 2-го культурного слоя представлено остатками двух наземных жилищ, выраженных локализированными линзами гумусированного суглинка, с концентрацией в них культурных остатков. Они располагаются на гребне и северном склоне мыса, в 16 м друг от друга. Характерные культурные остатки 2-го слоя обнаружены также на гребне, южном и северном склонах оконечности мыса. Всего они зафиксированы в 8 шурфах (рис. 1).

Первое (южное) жилище представляло собой линзу гумусированного суглинка темно-каштанового цвета, удлиненно-овальной формы, размерами 6,5×12 м. В западной части стоянки гумусированность имела мощность 0,40 м, в восточной – 0,20 м. Верх гумусированного слоя залегал в западной части раскопа на глубине 2,50м от современной поверхности (0,80 м от верха суглинка); в восточной части – на глубине 0,90-0,95 м от верха суглинка. Культурный слой круто падает в юго-восточном направлении, в соответствии с современным склоном мыса. За пределами концентрации культурных остатков никакого естественного образования гумуса нет.

Всего в линзе гумусированности собрано более 13,5 тысяч расщепленных кремней, 1730 мелких осколков железистых конкреций, 596 кусков мергеля, в том числе 160 поделок из него. За ее пределами находок относительно мало.

Верхняя по склону часть скопления культурных остатков залегала в четко выраженном углублении, с округлым в плане, почти отвесным западным краем. Глубина ее составляла 0,20-0,42 м от уровня древней дневной поверхности. Южные и северные края углубления были пологи, мощность слоя здесь составляла 0,20-0,30 м.

Далее к востоку, вниз по склону, линза гумуса постепенно расширялась к югу и северу, края ее теряли четкость, мощность слоя уменьшалась до 0,07 см. Однако полного ее выклинивания у северной и южной стенок раскопа проследить не удалось. Наибольшая концентрация культурных остатков зафиксирована около двух очагов. К краям жилища количество находок постепенно сокращается по мере уменьшения мощности слоя гумусированного суглинка.

Исходя из концентрации находок и уменьшения мощности слоя гумуса остатки жилища, очевидно, переотложены вниз по склону мыса в юго-восточном направлении.

Второе (северное) жилище, выраженное аналогичной линзой гумусированности, исследовано примерно на 2/3 в раскопе 1966 года. Оставшаяся треть – юго-западный сектор остатков жилища находится в пределах раскопа в здании музея и частично перекрывается костями жилища Iа слоя. Слой гумусированного суглинка, содержащий остатки жилища 2-го культурного слоя, залегает на глубине 2,0 м от поверхности и отделен от Iа слоя сорокасантиметровой прослойкой стерильного суглинка. Культурный слой имеет уклон в северо-восточном направлении, в соответствии с современным склоном мыса. Предполагаемые размеры жилища – 6 м с юга на север, 7 м с запада на восток. По сравнению с остатками южного жилища, северное имеет меньшую мощность гумусированности (до 0,20 м), более расплывчатые очертания, относительно меньшую концентрацию культурных остатков. Всего здесь собрано около трех

тысяч расщепленных кремней, 980 мелких осколков железистых конкреций, более 800 кусков мергеля, в том числе 120 обработанных, и также большое количество костного угля. Линза гумусированности имела округлую форму, несколько удлиненную в направлении склона мыса. В центре скопления гумусированность сплошная и четкая, к краям мощность ее уменьшалась, и на периферии она выглядела как отдельные пятна. Соответственно и уменьшалось количество находок. Какой-либо концен-

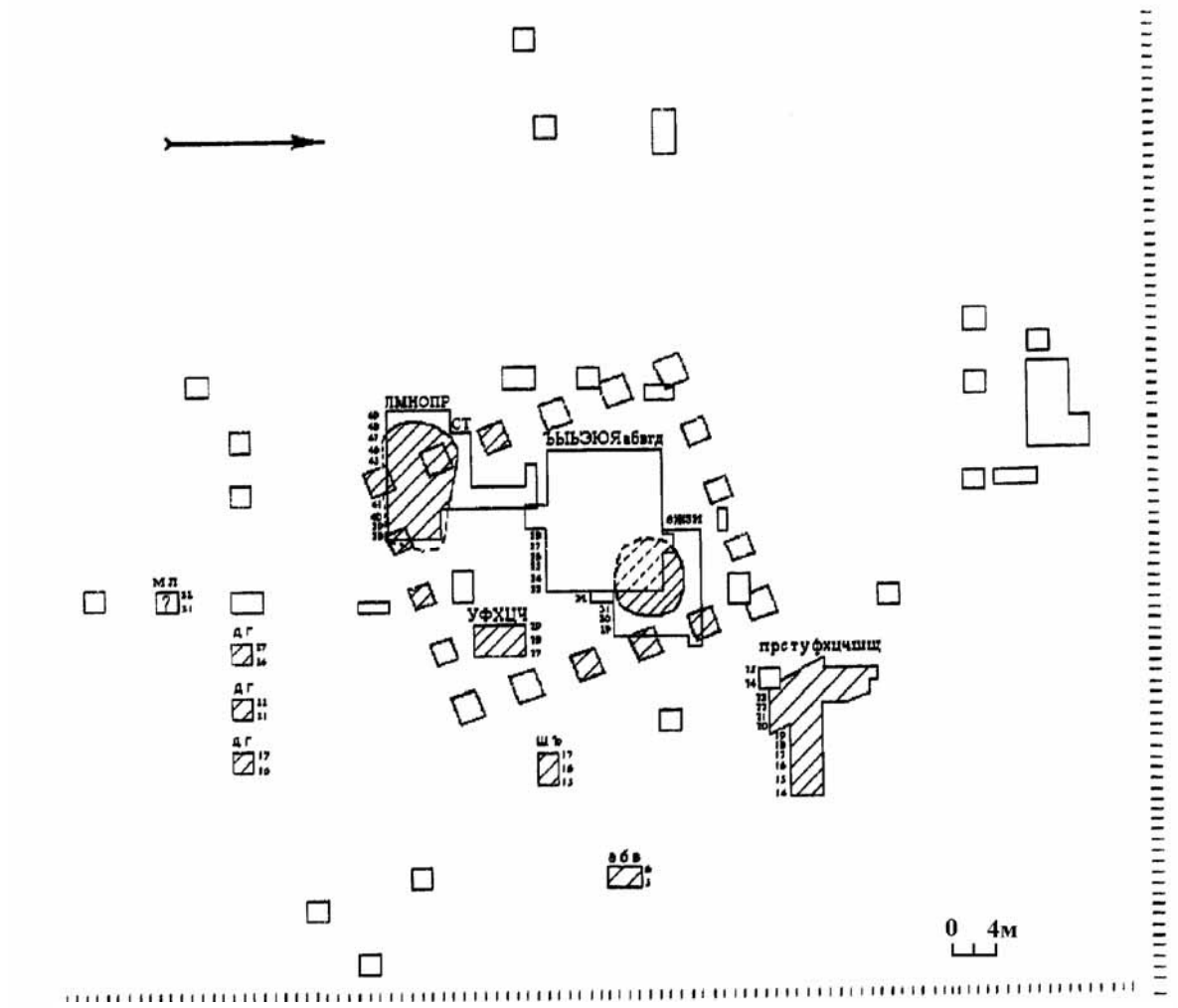


Рис. 1. *План шурфа и раскопов стоянки Костенки 11.*
Штриховкой обозначены местонахождения остатков 2-го культурного слоя

трации костного угля и зольной массы, как в южном жилище, здесь не обнаружено.

Исходя из того, что в жилищах обнаружено большое количество отщепов, чешуек, сколов оживления нуклеусов, резцовых сколов и т.д., можно предположить, что изготовление орудий производилось в жилищах. Значительная насыщенность слоя культурными остатками, и в первую очередь расщепленным кремнем, свидетельствует о том, что это были долговременные жилища.

Находки 2-го слоя, зафиксированные в нескольких шурфах, немногочисленны и малохарактерны. Однако культурные остатки 2-го культурного слоя, зафиксированные в шурфах А3 и А4 на северном склоне мыса, также залегали в прослойках гумусированного суглинка. Причем гумусированность имеет тот же характер, что и в остатках обоих жилищ, но уровень ее залегания находится на 0,20-0,30 м ниже основания культурного слоя в северном жилище. Это дало возможность предположить существование третьего комплекса 2-го культурного слоя, расположенного ниже по склону, вероятно, под вторым костно-земляным жилищем Iа слоя (Попов В.В.,1989). В процессе исследования этого жилища было найдено несколько десятков кремней, харак-

терных для 2-го слоя (Рогачев А.Н., 1970, с. 14).

Меловой кремень, употреблявшийся на поселении – черного цвета, с темно-коричневой на просвет кромкой; желвачная корка белого цвета. Кремень, как правило, покрыт патиной белого, синего и темно-синего цветов. Многие кремни сохраняют черный цвет. В коллекции имеются редкие находки цветного кремня и расщепленного кварцита. В общей сумме они составляют около 1% в каждом жилище (Попов В.В., 1983). Расщепление и вторичная обработка производились непосредственно на поселении, о чем свидетельствует масса отходов. Техника первичного раскалывания – призматическая в обоих жилищах. Нуклеусы имеют по 2-4 скошенные ударные площадки, расположенные в разных плоскостях относительно друг друга. Все ядрища до предела сработанные. Заготовками для орудий служили пластины, часто крупные (7-12 см длиной). Основными приемами техники вторичной обработки являются крутая и вертикальная ретушь, срезающие край и конец пластины, резцовый скол и плоская ретушь (рис. 2).

Всего на поселении в обоих жилищах было обнаружено около тысячи изделий с вторичной обработкой.

Наиболее многочисленной категорией орудий являются пластины с поперечно-усеченными концами (рис. 2, 7, 8, 11, 12). По форме усечения конца они подразделяются на пластины с дугообразно-выпуклым концом, с косоусеченным, косоусеченным вогнутым, с прямоусеченным, с прямоусеченным вогнутым. Во всех типах различаются орудия, обработанные плоской ретушью по обоим краям (или следами утилизации в виде плоской ретуши), и орудия, где ретушь расположена по одному краю.

Другой многочисленной категорией на поселении являются орудия с резцовыми сколами (рис. 2, 13-17). Среди них преобладают боковые резцы. У орудий этого типа поперечная ретушь конца по форме аналогична пластинам с дугообразновыпуклыми и косоусеченным вогнутым концами. Видимо, некоторая часть боковых резцов изготавливалась на обломках или сработанных пластинах с поперечноусеченным концом. Срединные и срединно-угловые резцы, в основном, изготавливались на обломках орудий с плоской ретушью. Характерным для орудий этого типа является неоднократное оживление резцовых лезвий.

Весьма многочисленна и такая категория орудий, как острия с притупленным ретушью краем (иначе аносовские острия) (рис. 2, 5, 6, 9, 10). Они изготавливались на небольших пластинках. Заострение достигалось сближением обработанного вертикальной ретушью и необработанного краев пластинки. Встречаются острия как с ретушью основания, так и без ретуши.

По технике изготовления к ним близки пластинки с притупленным вертикальной ретушью краем (рис. 2, 1-4). Среди них выделяются: пластинки с притупленным краем поперечной ретушью обоих концов, с ретушью одного конца, без ретуши. Можно предположить, что острия и пластинки с притупленным краем употреблялись в каком-то сочетании друг с другом (Попов В.В., 1983).

Кроме вышеперечисленных типов орудий, в коллекции есть несколько скребков, асимметричные острия, острия овальной формы, пластинки с черенком, орудия с чешуйчатой подтеской концов и др.

В целом кремневый инвентарь, собранный в обоих жилищах, ничем существенно друг от друга не отличается. Все типы орудий южного жилища есть и в северном. Процентное соотношение изделий с вторичной обработкой также очень близкое. Из этого можно сделать заключение, которое подтверждается данными стратиграфии, что оба жилища существовали одновременно или непосредственно одно за другим.

Такие орудия, как пластины с усеченным концом, боковые резцы, асимметричные острия, пластины с плоской ретушью, связаны между собой как по форме и размерам заготовок, так и техникой обработки. Острия и пластинки с притупленным ретушью краем существенно отличаются от них и составляют иную группу инвентаря. Вторая группа орудий, несомненно, играла важную роль в производственной жизни

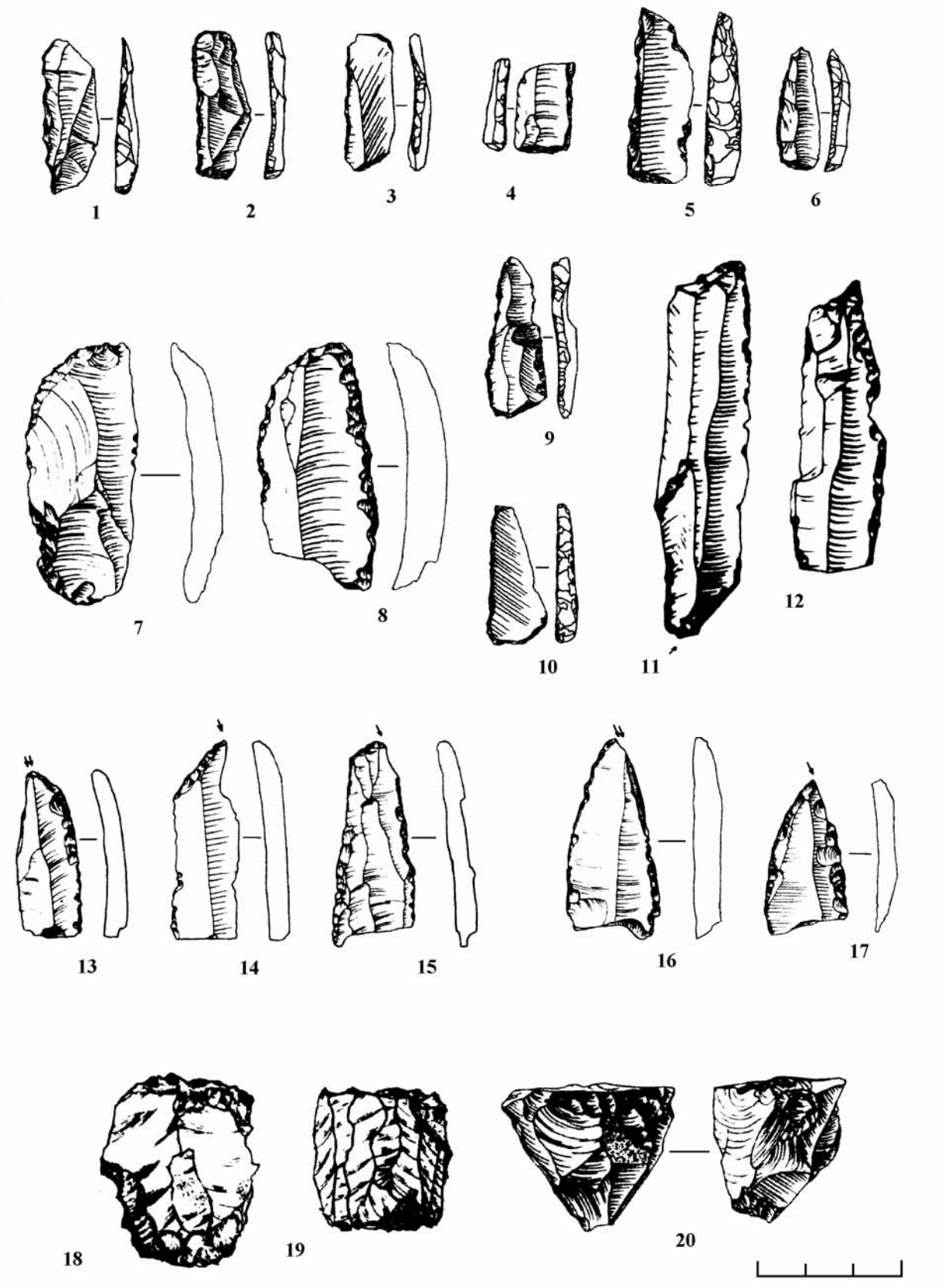


Рис. 2. *Каменный инвентарь стоянки Костенки (2-й культурный слой). 1-4 – пластинки с притупленным ретушью краем; 5, 6, 9, 10 – «аносовские острия»; 7, 8, 11, 12 – пластины с поперечноусеченными концами; 13-17 – орудия с резцовыми сколами; 18-20 – нуклеусы*

обитателей стоянки, поскольку в сумме она составляет 39,6% в южном и 38,6% в северном жилищах от всего количества орудий (Попов В.В., 1989).

Техника обработки, форма некоторых типов орудий, а также порода кремня определяют характер индустрии и выделяют ее среди остальных культурных слоев стоянки Костенки 11. Она в целом отличается от других памятников Костенковско-Борщевского района и индустрий таких культур, как стрелецкая, городцовская, замятнинская и др.

Вместе с тем, каменный инвентарь 2-го культурного слоя Костенок 11 близок к индустрии стоянки Костенки 21 (3-й культурный слой). Аналогичными являются такие типы орудий, как острия и пластинки с притупленным ретушью краем, пластины с поперечно-усеченным концом, идентична технология переоформления этих пластин в боковые резцы (Иванова М.А., 1981; Праслов Н.Д., Иванова М.А., 1982).

Выводы об однокультурности памятников подтверждаются данными стратиграфии: памятники залегают в так называемой Гмелинской почве, сопоставимой с межстадиалом тюрсак, а также серией радиоуглеродных дат. Для Костенок 11 (2-й культурный слой) получены две даты, из которых одна явно омоложена. Вторая (21 800± 200 (ГИН-2531)),полученная по костному углю, указывает на совпадение с данными стратиграфии и вполне хорошо соотносится с радиоуглеродными датами для Костенок 21 (3-й культурный слой). Из дат, полученных по древесному углю, одна также явно омоложена. Две других дали возраст 22 270±150 (GrN-7363) и 21 260±340 (GrN-10513).

За пределами Костенковско-Борщевского района наибольшее сходство по категориям орудий обнаруживается с памятником Пушкари 1 (Борисковский П.И., 1953; Попов В.В., 1989).

Однако в последнее время получены результаты, которые опровергают устоявшееся представление о сходстве этих памятников. Как известно, при группировании памятников в общности типа археологических культур археологи сталкиваются с проблемой интуитивного подхода к имеющимся построениям. Х.А. Амирханов подвергнул многомерному статистическому анализу выборку из 14 граветтоидных памятников, происходящих из четырех разных регионов Русской равнины. Критериями для отбора памятников послужили статистическая представительность коллекций и содержание в них морфологических групп и технологических признаков, являющихся показательными для установления сходства и различий между сравниваемыми объектами. В качестве показательных для рассмотрения были избраны три базовые морфологические группы: наконечники с боковой выемкой, листовидные наконечники и наконечники черешковые и две базовые технологические группы, которые учитывали характер заготовки («крупнопластинчатая», «узкопластинчатая») и наличие или отсутствие техники подработки конца по принципу ножа костенковского типа («костенковская техника») (Амирханов Х.А., 1997; 1998; 2000).

В результате кластерирования выяснилось, что полтора десятка граветтских памятников делятся на две большие группы. Причем в первую группу наряду с такими памятниками, как Хотылево 2, Гагарино, Костенки 8(II), Пушкари 1, Борщево 1 входит Гмелинская стоянка. А Костенки 11(II) входит в другую группу, проявляя наибольшее сходство с памятниками Молодова 5(VII) и Молодова 5(X).

Расхождений полученных результатов кластерирования с существующей классификацией памятников достаточно много. Часть расхождений может быть связана с недостаточной степенью представительности коллекций отдельных памятников (например, Костенки 11(II), Молодова 5(X) и др.). Из числа причин нельзя исключить и возможность погрешностей при составлении матрицы признаков.

Тем не менее, сходство инвентаря таких памятников, как Костенки 11(II) и Костенки 21(III) по характерным категориям орудий, определяющих своеобразие коллекций (в число которых входят острия и пластинки с притупленным ретушью краем, пластины с поперечно-усеченным концом и т.д.), несомненно. Несмотря на

присутствие некоторых отличий (например, в инвентаре Гмелинской стоянки есть микроинвентарь, отсутствующий в Костенках 11(II)), близость каменных коллекций очевидна, что дает основания для предположения о принадлежности данных памятников к одной археологической культуре.

Амирханов Х.А., 1997. Кластерный анализ ведущих составляющих кремневого инвентаря граветтоидных памятников Русской равнины// Восточный граветт (тезисы докладов международного коллоквиума. Зарайск-Москва, 1-7 сентября 1997). М. С. 5-8.

Амирханов Х.А.,1998. «Восточный граветт» или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы?// Восточный граветт. М. С. 15-34.

Амирханов Х.А., 2000. Зарайская стоянка. М. С. 195-216.

*Борисковский П.И.,*1953.Палеолит Украины.// МИА. № 40.

Иванова М.А.,1981. Жилой комплекс Гмелинской позднепалеолитической стоянки в Костенках// КСИА. Вып. 165. С. 37-42.

Попов В.В., 1983. Анализ кремневого инвентаря стоянки Костенки11 (II культурный слой)// Древние памятники на территории Восточной Европы. Воронеж. С. 5-13.

Попов В.В., 1989. Развитие позднепалеолитической культуры Восточной Европы по материалам многослойной стоянки Костенки 11. Автореф. канд. дис. Л.

Попов В.В., 1994. История исследования стоянки Костенки 11(Аносовка 2)// Труды Воронежского областного краеведческого музея. Воронеж. С. 6-21.

Праслов Н.Д., Иванова М.А.,1982. Костенки 21 (Гмелинская стоянка)// Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону. 1879-1979. Л. С. 198-210.

Рогачев А.Н., 1953. Раскопки Костенок I // КСИИМК. Вып. 51. С. 14,15.

Рогачев А.Н.,1957. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине// МИА. № 59. С. 97.

Рогачев А.Н., 1961. Аносовка II – новая многослойная стоянка в Костенках// КСИА. Вып. 82. С. 86-96.

Рогачев А.Н., 1970. Палеолитические жилища и поселения// МИА. №166.

Рогачев А.Н., Праслов Н.Д.,1982. Заключение// Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону. 1879-1979. Л. С. 260-267.

В.В. Попов, А.Е. Дудин
(Воронеж, музей «Костенки»)

Каменный инвентарь третьего культурного слоя стоянки Костенки 11

Третий культурный слой стоянки Костенки 11 (Аносовка 2), как и весь известный комплекс верхнепалеолитических памятников "Костенки 11", находится на "оконечности центрального мыса, образованного слиянием Аносова лога и его отвершка" (Рогачев А.Н., Попов В.В., 1979, с. 84). Ландшафтно слой локализован в юго-восточной части гребня мыса. Данный вывод становится очевидным, если обратиться к планиграфической картине исследования стоянки (рис. 1).

Культурные остатки третьего слоя Костенок 11 впервые были обнаружены в процессе раскопок сезона 1956 г. экспедицией под руководством А.Н. Рогачева. Площадь вскрытого участка составила 28 кв.м. Мощность горизонта находок не превышала 0,10-0,15 м. Слой залегал в нижней части покровных лессовидных суглинков. Абсолютные отметки – 170-165 см от 0. Надо отметить, что в 50-60-х гг. прошлого века данное стратиграфическое подразделение выделялось как целое, противопоставляемое двум нижележащим гумусированным толщам, разделенным между собой прослойками вулканического пепла (трехчленное, в основе, деление верхнеплейстоценовых отложений региона – основа относительной хронологии вмещающих культур-

ных слоев). Выделение в покровных суглинках отдельных стратиграфических горизонтов фактически началось позже открытия и исследования третьего культурного слоя. Поэтому говорить о соотнесенности его с тем или иным горизонтом в рамках данного подразделения пока преждевременно. Отметим лишь, что серо-коричневый суглинок, к которому были приурочены культурные остатки, на площади их распространения характеризовался потемнением «типа легкой гумусированности» (Попов В.В., 1989, с. 16). В принципе, линзы гумусированности, сопровождающие культурные слои, залегающие в покровных суглинках, не такое уж редкое явление. Аналогичная ситуация характерна, к примеру, для вышележащего второго слоя. Объяснение этому интересному факту может быть дано как результат воздействия антропогенного фактора. Более высокая плотность почвенного слоя, если предположить на этом участке раскопа существование жилища или зону его окрестности, могла стать реальной причиной, обусловившей сохранность отдельных линз гумусированности при

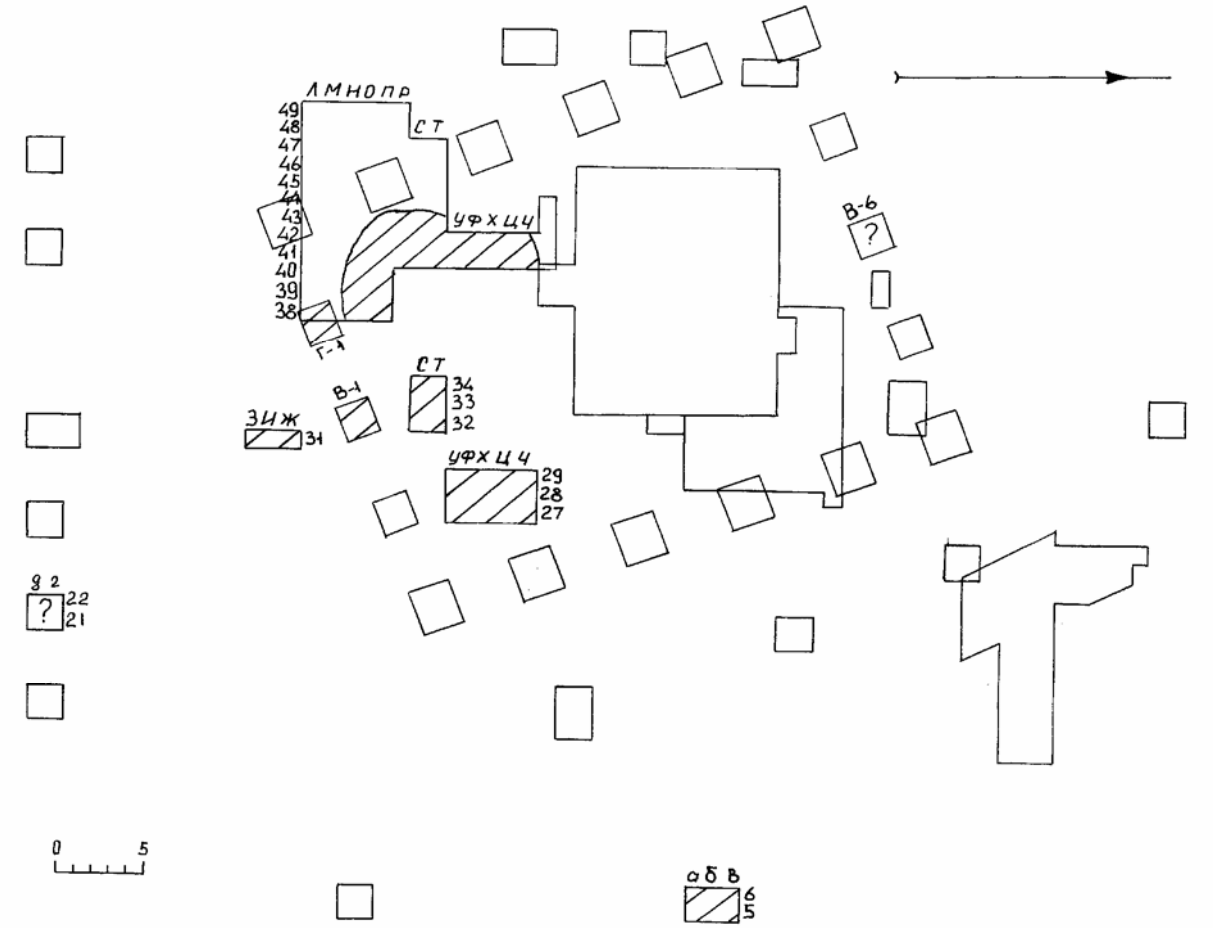


Рис. 1. *Стоянка Костенки 11. План шурфов и раскопов третьего слоя*

склоновых размывах и обеспечившей возможность ее "стратификации".

В последующие годы несколькими шурфами удалось определить примерную зону распространения культурных остатков третьего слоя как по площади, так и по характеру залегания. Выяснилось, в частности, что в расположенном западнее раскопа 1956 г. шурфе (СТ -32-34) находки, относимые к третьему слою, стратиграфически "подтягивались" к горизонту вышележащего второго. Учитывая падение склона к юго-востоку от гребня мыса, превышение составило порядка 40 см. Есть ли это результат переотложенности части слоя или можно говорить о его двухгоризонтности в настоящее время однозначного ответа дать нельзя. Требуется траншейное соединение изолированных шурфов, тогда возможно будет коррелировать стратиграфию залегания культурного слоя относительно стратиграфии склоновых отложений.

Очевидно, что некоторые вопросы, касающиеся характера залегания третьего культурного слоя, корреляции его стратиграфии между отдельными раскопами, да и определения полной площади распространения его культурных остатков, остаются еще открытыми. Что же касается датировки третьего слоя, то здесь ситуация также неоднозначная. Как и все культурные слои, залегающие в покровных суглинках, он относится к группе памятников Костенковско-Борщевского района, составляющих третью хронологическую группу. Другое дело, что относительная хронология этой группы стоянок находится ещё в стадии разработки. В целом хронологический диапазон оформления отложений суглинков первой и второй террас р. Дон – 25-17 тыс. лет назад. Надо сказать, что для третьего культурного слоя Костенок 11 существуют две радиоуглеродные даты по кости: 16040 ± 120 (ЛЕ - 1638 А) и 22760 ± 340 (ЛЕ - 1638 Б) (Синицын А.А., Праслов Н.Д., Свеженцев Ю.С., Сулержицкий Л.Д., 1997, с. 49).

Отметим, что эти даты можно принимать только к сведению. В любом случае, первая из них явно "омоложена" (для вышележащего первого "а" слоя как раз есть серия дат со средним значением 19,5-18 тыс. лет назад), а вторая нуждается в подтверждении. Исходя из условий залегания, представляется возможным определить примерный возраст рассматриваемого объекта в хронологических рамках от 24 до 22,5 тыс. лет назад.

Переходя к характеристике коллекции каменного инвентаря, заметим, что пока имеется лишь одна публикация (Попов В.В., 1989, с. 16-18). Последующее описание в части статистики и структуры коллекции во многом основано на ее результатах.

Каменный инвентарь

Общее количество предметов из камня в коллекции третьего слоя Костенок 11 – 622 экземпляра. Основной сырьевой материал – меловой кремень. На его долю приходится 91,64% (570 экз.) всего инвентаря. Использовался полупрозрачный, воскового цвета кремень, покрытый светло-синей пятнистой патиной. Помимо мелового кремня в коллекции есть предметы из кварца, кремнистого сланца, песчаника и цветного кремня.

Нуклеусы

Представленные в инвентаре нуклеусы и нуклевидные осколки (до 15 экз.) не дают возможности охарактеризовать направленность технологии первичного расщепления по этому показателю прежде всего из-за отсутствия серии начальных форм. По степени использования практически все нуклеусы предельно сработанные. Выделяются пять многоплощадочных с плоским фронтом скалывания; три – дисковидных, с концентрическим способом снятия. Еще три относятся к бессистемным и характеризуются крайней степенью сработанности. Один определяется как грубо призматический. Выпадает из этой характерной картины один клиновидный по форме нуклеус из цветного кремня, служивший для производства микропластинок, каковых в рассматриваемой коллекции нет.

Продукты расщепления

Статистика по данным категориям инвентаря дает нам следующую, весьма показательную картину: пластины и пластинчатые отщепы (включая изделия со вторичной обработкой) составляют более четверти (26,37%) от общего числа инвентаря, или 164 экземпляра. Среди же предметов со вторичной обработкой на долю изделий из пластин и пластинчатых отщепов приходится 59,15% (84 экз.). Отщепы (130 экземпляров) составляют 20,90% от общего числа инвентаря. Чешуйки представлены наравне с отщепами (20,90% – 130 экз.). Их небольшое количество указывает, по всей видимости, на то, что они являются в основном вторичным продуктом расщепления. Резцовые сколы, как продукты вторичного расщепления (оформление резцовых кромок на "чистых" заготовках или переоформления в резцы других орудий), представлены в количестве 20 экземпляров (3,22% от ее общего числа). Одиннадцать экземпляров – удлиненные с краевой ретушью, являются сколами переоформления, снятыми с краев пластин.

Изделия с вторичной обработкой

Таких предметов в коллекции 142 экземпляра (22, 83% от общего количества изделий). Выше уже обращалось внимание на тот примечательный факт, что значительную долю среди них составляют орудия на крупных пластинах и пластинчатых отщепах. За неимением характерных форм нуклеусов начальных фаз расщепления, данный показатель – основной, указывающий на контекст технологии индустрии, а именно: получение заготовок удлиненных форм (в основном крупные пластины, массивные пластинчатые отщепы), орудия на которых в решающей степени и определяют ее характерные особенности и известное морфологическое единство.

Рассмотрим категории представленных орудий.

Острия

В коллекции насчитывают 4 целых и 11 обломков острий, представленных колющей частью (пером), выполненных на пластинах и пластинчатых отщепах. Серия небольшая, тем не менее, внутри ее выделяется ряд типов. Первый тип включает 6 экз. (3 целых и 3 обломка), выполненных на узких пластинах (рис. 2, 2-4). Среднее соотношение длины и ширины для целых изделий – 4 : 1. Характерная особенность этой группы – применение при оформлении данных орудий крутой, полукрутой и плоской ретуши по всему периметру вентрального фаса. При этом крутая и полукрутая ретушь использовалась с целью выпрямления более выпуклого края заготовки. Центральная часть вентрального фаса вдоль оси скалывания не ретушировалась. Лишь в одном случае (рис. 2, 2) ретушь покрывает большую часть поверхности брюшка. Стоит обратить внимание и на различия внутри данного типа. Прежде всего они касаются характера оформления насада (для целых изделий) и колющей части. Так, у одного из острий комбинированной ретушью со спинки и чешуйчатой подтеской с брюшка выделен черешок (рис. 2, 4). В другом случае ретушь "уплощения" не затронула участок края в дистальной части предмета. В целом же признаки единства у этих острий достаточно устойчивы. Второй тип острий на длинных заготовках – это орудия листовидной формы, выполненные на крупных пластинах. К нему относятся одно целое изделие и пять обломков, все – с сохранившимся дистальным окончанием (рис. 2, 5-6). Характерная особенность этого типа орудий - обработка краевой, плоской и полукрутой ретушью дорсального фаса заготовки. Подработка вентрального фаса присутствует на двух экземплярах острий данной серии. Тенденция к оформлению ретушью всего периметра заготовки сохраняется, но в то же время, единственное целое острие этой группы показывает нам пример избирательного характера подработки ретушью периметра края со стороны спинки (рис. 2, 6). Примечательно также, что на двух экземплярах на спинке сохранились участки с желвачной коркой.

Помимо двух рассмотренных типов острий на заготовках удлиненных форм, в коллекции имеются три обломка острых концов с ретушью по краю дорсального фаса, которые выполнены на массивных и широких пластинчатых отщепах. Основной признак этого типа – характер заготовки. Отметим, что место слома одного из них впоследствии оформлено резцовым сколом.

Кроме вышеперечисленных, есть еще три фрагмента, относимые к группе острий, которые не относятся ни к одному из рассмотренных типов и которые не объединены сколько-нибудь устойчивыми признаками.

Помимо целых острий и фрагментов на удлиненных формах заготовок с характерной плоской или полукрутой краевой ретушью преимущественно по периметру одного из фасов, в коллекции третьего слоя представлен и хорошо известный по ряду местонахождений на территории Русской равнины тип треугольного наконечника с вогнутым основанием и бифасиальной обработкой поверхности. Этот тип орудий является важным диагностирующим признаком группы памятников, относимых к стрелецкой археологической культуре. Факт его единичности и особенности морфологии предполагают известное "расследование" самого явления его присутствия. Наконечник был обнаружен при раскопках шурфа СТ 32-34 (рис. 1) на кв. С-33 на глубине

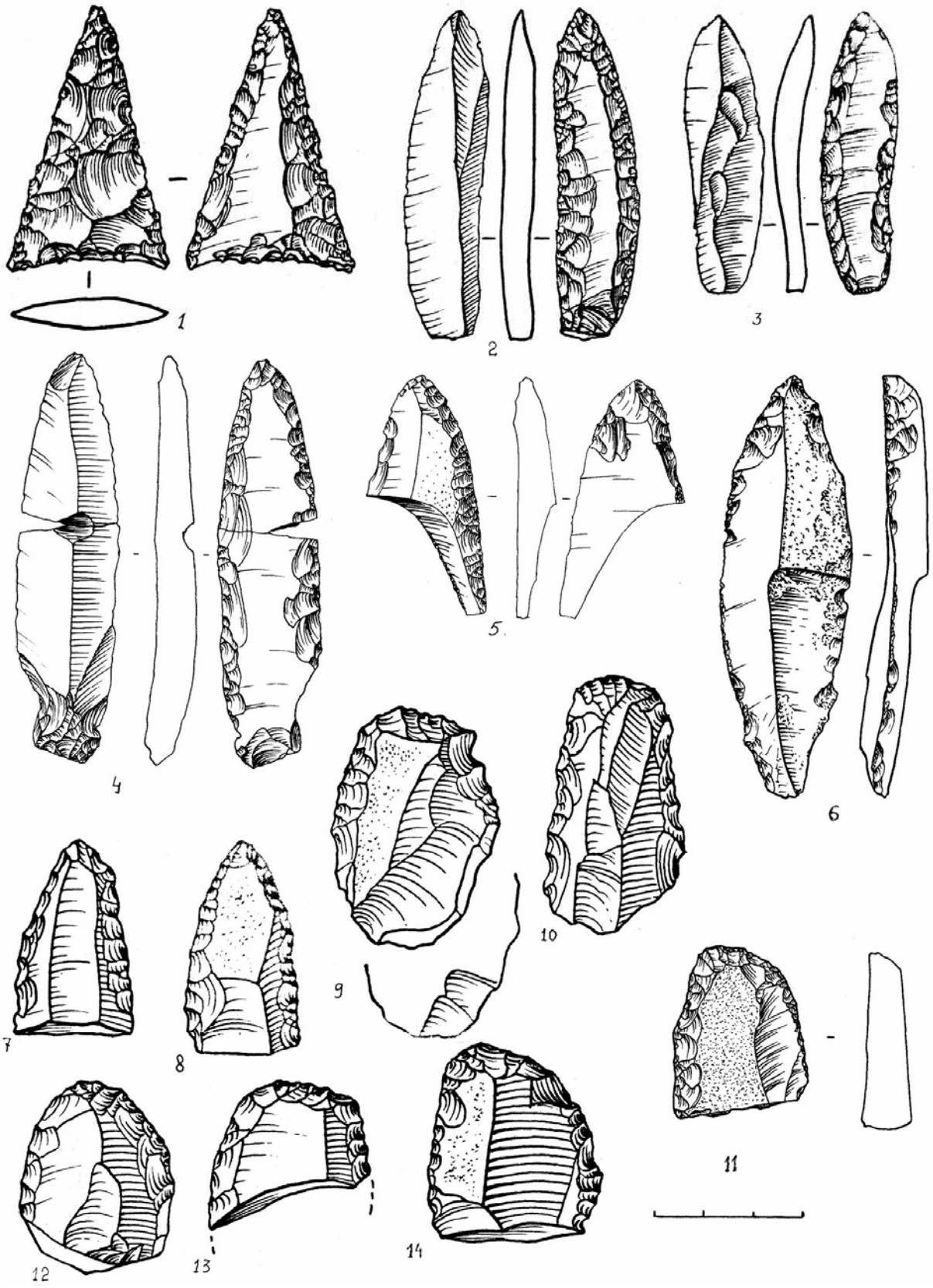


Рис. 2. *Стоянка Костенки 11. Кремневые орудия третьего слоя.*
1 – треугольный наконечник; 2-8 – острия; 9-14 – скребки

70 см от верха и покровных суглинков, т.е. примерно на 35-40 см выше общего уровня залегания культурных остатков третьего слоя. Наконечник выполнен из того же патинизированного мелового кремня воскового цвета, что и абсолютное большинство других предметов коллекции. Его размеры – 53 х 32 х 6 мм. Он имеет треугольную, несколько вытянутую симметричную форму. Края прямые, ровные и тонкие; основание слабовогнутое. Один из фасов покрыт сплошной плоской ретушью. У второго плоской ретушью обработан периметр края. Заготовкой для изделия, вероятно, служил широкий отщеп или пластинчатый отщеп. Этот вывод мы можем сделать исходя из контекста технологии первичного расщепления, которая направлена на получение сколов-заготовок. Следует добавить, что подтверждением вышесказанному может служить как раз факт покрытия сплошной ретушью поверхности только одного фаса, так как центральная часть второго – плоская. Сплошной же обработке был подвергнут противоположный дорсальный фас. Следующий момент – технологический аспект формообразования. В известной статье М.В. Аниковича, Б.А. Бредли и Е.Ю. Гири (Аникович М.В., Бредли Б.А., Гиря Е.Ю., 1997, с. 152-162), посвященной технологическому анализу наконечников стрелецкого типа, рассматривается применение при их изготовлении особой техники вторичного утончения. Она направлена на максимально возможное уплощение центральных зон поверхностей фасов при максимально возможном сохранении ширины орудий. Не вдаваясь в подробности технологии, остановимся на результатах, а именно - отношении ширины к толщине готовых форм. Авторами выделяется критерий такого соотношения – 4 : 1 и выше, если при изготовлении использовалась техника вторичного утончения. С известной долей уверенности можно констатировать, что при производстве наконечника из третьего слоя Костенок 11 такой технический прием применялся. Коэффициент уплощения составляет в нашем случае 5 : 2. Обращаясь к морфологии отметим, что плоские формы в индустрии третьего слоя – нонсенс. Таким же нонсенсом является применение сплошной, покрывающей всю поверхность (пусть и одного фаса) плоской ретуши. Пусть в нашем случае - это результат специфического технического приема, направленного на вторичную доработку прежде оформленного изделия, но и сам он – атипичен в контексте оформления заготовок в готовые формы этой индустрии. В то же время не может не обращать на себя внимание сходство, которое наблюдается в характере обработки поверхности вентральных фасов острий на узких пластинах и вентрального фаса треугольного наконечника, у которого краевая плоская ретушь не заходит на его центральную часть. В одном случае это сходство выражено очень ярко (рис. 2, 1-2).

Таким образом, треугольный наконечник стрелецкого типа выпадает из технико-морфологической группы острий, представленных в коллекции третьего слоя, как по технологии производства, так и по морфологическим признакам в целом. Тем не менее, он был изготовлен в рамках данной индустрии. На это указывает исходное сырье и тип используемой заготовки. Более того, характер оформления вентрального фаса аналогичен остриям на относительно узких пластинах.

Резцы

В коллекции их 22 экз., что составляет 16,54% от общего числа предметов с вторичной обработкой. В рамках этой категории сложно выделить устойчивые серии типов. Резцы разнородны. Заготовками служили преимущественно пластины и пластинчатые отщепы (13 экз.), как правило, обломанные. В меньшей степени использовались отщепы и фрагменты неопределенной формы (в основном это технические сколы). Характерно, что в первом случае техника резцового скола применялась для переоформления изделий или их обломков с вторичной обработкой. В этой группе заготовок, как минимум, в пяти случаях, ударная площадка располагалась на узком дистальном конце и чуть смещалась относительно продольной оси. Соответственно немного смещенной оказывалась и рабочая кромка резца, которая оформлялась одним (в трех случаях) или двумя резцовыми сколами, снимавшимися под острым углом к продольной оси изделия (рис. 3, 1-5). Не случайным представляется и тот факт, что в

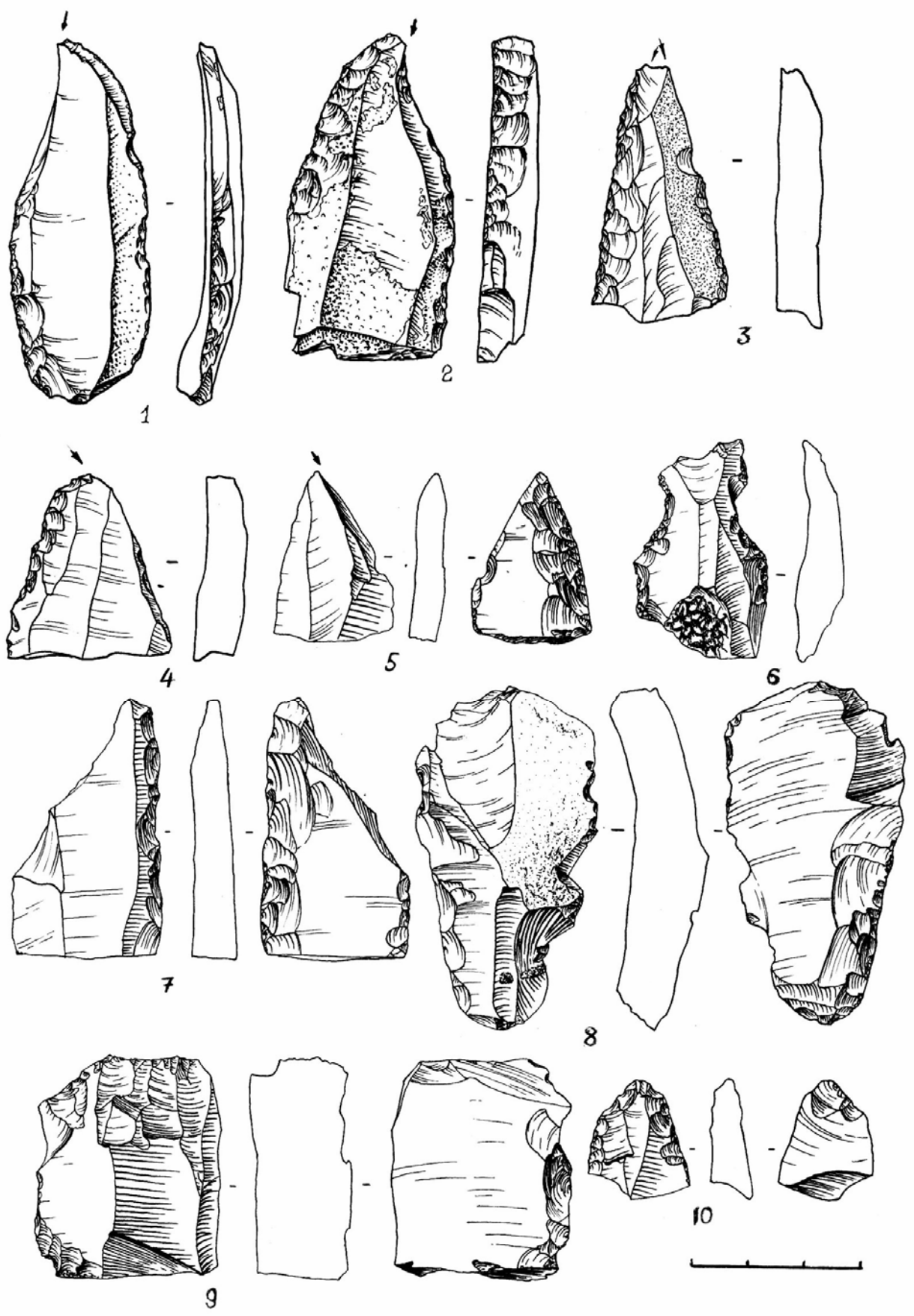


Рис. 3. *Стоянка Костенки 11. Кремневые орудия третьего слоя. 1-5 – резцы; 7-10 – орудия с чешуйчатой подтеской*

большинстве приведенных примеров ударные площадки располагались на ретушированных (т.е. фактически подготовленных для снятия) участках края переоформленных орудий. Естественно, что резцовая кромка могла образоваться как сочетанием двух резцовых плоскостей, так и резцовой плоскости и ретушированного края заготовки. Надо сказать, что приведенные схожие варианты не исчерпывают всей тенденции оформления резцовых кромок на узких концах заготовок, которые морфологически близки (в некоторых случаях до уровня типа) технико-морфологической группе "острий".

Что же касается выделения типов по признакам формообразования, то абсолютное большинство представленных в коллекции резцов можно (с известными оговорками) отнести к типу угловых и боковых. Первых, изготовленных, как правило, из других сломанных или сработанных форм, насчитывается до 11-ти экземпляров. Большинство боковых резцов характеризуются тем, что изготовлялись они на обломках массивных пластин. Средних резцов – 4 экземпляра. Использовались аналогичные заготовки с ретушированным краем. Следует отметить, что некоторые формы сложно классифицировать из-за неустойчивости такого показателя, как угол схождения резцовой плоскости и естественного или ретушированного края заготовки (в случаях оформления рабочей кромки у продольной оси заготовки). В коллекции есть одно двойное орудие – нижний конец оформлен как боковой резец, дистальный – как срединный.

Отметим также имеющийся в единственном экземпляре резец с предварительной подработкой ударной площадки приемом чешуйчатой подтески.

В заключении скажем, что при относительно высоком в процентном отношении присутствии орудий, оформленных техникой резцового скола, создается ощущение их аморфности. Выражается это в отсутствии набора стандартных форм.

Скребки

Скребки среди изделий с вторичной обработкой составляют чуть больше 9% (12 экземпляров). Большинство их выполнено на обломках массивных пластин и пластинчатых отщепах, для которых характерна крутая или полукрутая краевая ретушь, иногда заходящая на спинку дорсального фаса.

Предварительно можно констатировать, что если не все, то почти все орудия этой технико-морфологической группы относятся к однолезвийным скребкам. Лезвия формировались на концах заготовок. Выделяется тип подовальных в плане изделий со стрельчатым лезвием, в количестве 6 экз. (рис. 2, 11-14). Внутри данного типа четыре изделия имеют еще более устойчивый признак сходства. Это скребки с лезвием, смещенным к углу заготовки (рис. 2, 11, 13-14). Отметим также два концевых скребка (соответственно на пластине и пластинчатом отщепе) с выпуклым, подокруглым в плане лезвием (рис. 2, 9-10).

В коллекции выделяются два комбинированных орудия: скребок-скобель и скребок-резец.

В целом для технико-морфологической группы скребков характерно известное морфологическое единство, обусловленное как формой заготовок, так и приемами формообразования орудий, для которых характерна сплошная обработка крутой или полукрутой ретушью выпуклых краев, плавно переходящих в единственное лезвие. Характерно также постепенное сужение краев по направлению к лезвию.

Орудия с чешуйчатой подтеской

Таких предметов насчитывается 13 экземпляров, что составляет 9,77% от числа предметов с вторичной обработкой. Форма заготовки существенной роли не играла (рис. 3, 7-10). Из семи представленных в этой группе орудий piece esguillee прием чешуйчатой подтески в пяти случаях использовался на отщепах, один раз на пластинчатом и один раз – на сработанном нуклеусе. Из этой серии лишь два отщепа представлены односторонней подтеской с брюшка, тогда как остальные – с двух сторон. В четырех случаях подтеска применялась по продольному краю (две пластины, пластин-

чатый резец, сработанный нуклеус). Сюда можно добавить и резец с ударной площадкой, подправленной подтеской.

Привлечение различных форм заготовок косвенно указывает на относительно широкое распространение чешуйчатой подтески в индустрии третьего слоя. Возможно, что количество имеющихся в коллекции артефактов не отражает в полной мере степени распространения этого приема обработки.

Зубчато-выемчатые формы

Зубчато-выемчатые формы – 15 экз. составляют 11,28% изделий. Как правило, это пластинчатые отщепы и отщепы с зубчатыми краями или выемками "с изношенной забитой кромкой". Среди этой группы орудий есть три проколки. Короткое шило выделено крутой ретушью (рис. 3, 6).

Отметим также, что до 50-ти экземпляров изделий коллекции составляют фрагменты пластин, пластинчатых отщепов и отщепов с ретушью.

Помимо вышеперечисленного, в коллекции представлены 5 ретушеров из сланцевых галек, два осколка кварцитовых плиток со стертыми поверхностями и два терочника, выполненные из песчанника.

В заключение отметим, что морфологический облик индустрии третьего культурного слоя достаточно сбалансирован по представленности основных технико-морфологических групп. Вторичная обработка характеризуется применением устойчивого набора приемов формообразования, как то: прием оформления краев заготовки преимущественно полукрутой ретушью с тенденцией к обработке всего ее периметра. Таким образом, обрабатывались дорсальные фасы. Не является редкостью и применение приема чешуйчатой подтески. Плоская ретушь применялась в основном при обработке вентрального фаса острий на узких пластинах и треугольного наконечника и не распространялась на другие формы. В то же время, внутри отдельных категорий орудий выделить определенные типы весьма затруднительно. Так, при значительном в процентном отношении количестве в коллекции резцов, сама техника резцового скола создает впечатление архаичности. Некоторая аморфность законченных форм, отсутствие стандартизации и в то же время очевидные предпочтения в формах заготовок и выборе места ударной площадки – основные моменты, ее характеризующие. Мы уже упоминали об избирательном и сравнительно редком применении плоской вентральной ретуши. Но абсолютно не характерно для индустрии третьего слоя применение вертикальной ретуши. Данный признак не менее важен в общей характеристике морфологического облика инвентаря. Сравнительно небольшое количество предметов, содержащихся в коллекции, и, тем более, незначительное количество вторичных форм может быть в какой-то мере компенсировано как детальным и комплексным анализом собственно артефактов коллекции (типологический и технологический анализ), так и привлечением параллелей морфологически близких индустрий.

* * *

Касаясь вопроса о культурной принадлежности рассмотренной коллекции, отметим, что в принципе давно уже определен круг памятников на территории Русской равнины, с которым так или иначе она соотносится. Кратко повторим основные критерии морфологического облика инвентаря, на базе чего строятся аналогии совпадений.

1. Самый общий. Архаизм индустрии. Подразумевается существование пережиточных форм ранней поры верхнего палеолита с традициями, уходящими в мустье.
2. Первичное расщепление. Преобладание техники параллельного скалывания. Ведущие формы заготовок – массивные пластины, пластинчатые отщепы и отщепы.
3. Широкое применение в технике вторичной обработки крутой и полукрутой ретуши. Тенденция к оформлению большей части края заготовки.
4. Наличие в коллекции треугольного наконечника с двусторонней обработкой.

Перечисленные черты, действительно, характеризуют индустрию с точки зрения

"консервативной" традиции. Данные критерии могут являться основой для поисков истоков культуры, ее генетических корней. Тем более, что направленность этих поисков задана достаточно определённо. Но, прежде всего, желательны аналогии, во-первых, хронологически сопоставимые и, во-вторых, географически приближенные. На территории Костенковско-Борщевского района такой памятник представлен первым слоем стоянки Костенки 8 (Тельманская).Стоянка Костенки 8 расположена в соседнем с селом Костенки селе Александровка по правому борту оконечности центрального овражного мыса в приустьевой части Александровского лога. Была открыта П.П. Ефименко в 1936 году. В послевоенные годы исследовалась А.Н. Рогачевым (Рогачев А.Н., Аникович М.В., 1979, с. 88). Первый культурный слой, как и в случае с третьим слоем Костенок 11, залегал в нижней части лессовидных суглинков. Общая площадь раскопа составила 550 кв.м, в том числе 450 кв.м было вскрыто одной большой площадью. Коллекция находок весьма значительна – около 6000 предметов из камня. Из них около 1000 экземпляров составляют предметы с вторичной обработкой. В коллекции, правда, мало нуклеусов (до 20-ти экземпляров). Первичная техника расщепления была направлена на получение пластин. Использовались как заготовки и широкие отщепы (Рогачев А.Н., Аникович М.В.,1984, с. 212). Основываясь на ведущих формах заготовок, было высказано мнение о том, что техника первичного расщепления являлась призматической (Рогачев А.Н., Аникович М.В., Артемова В.Д.,1979, с. 88). В технике вторичной обработки наблюдается ряд аналогий с третьим слоем Костенок11. Во-первых, это совпадения по ряду технико-морфологических групп:

1. Резцы. В обеих индустриях они составляют значительное количество в процентном соотношении (16,54% для Костенок 11 и около 16% для Костенок 8) (Ефименко П.П., Борисковский П.И.,1957, с. 222). В обоих случаях ведущим типом является угловой. Для индустрий характерным является изготовление резцов на заготовках вторичной формы. Более того, в обоих случаях мы имеем характерные примеры переделки в резцы острий.

2. Скребки. Здесь стоит сказать, что в коллекции первого слоя Костенок 8 их чрезвычайно мало (менее 20 экз.). Тем не менее, совпадения на уровне групп типов реальны и заключаются в том, что присутствуют формы со сплошь обработанными выпуклыми краями, плавно переходящими в сужающееся лезвие.

3. Острия. В обеих коллекциях представлены острия как на широких массивных пластинчатых отщепах и пластинах, так и на узких пластинах.

4. Орудия с чешуйчатой подтеской. Сопоставляются по использованию данного технического приема для оформления продольного края пластин.

Перейдем к совпадениям по приемам вторичной обработки. Они заключаются: в преобладании полукрутой ретуши на большей части края заготовки; в тенденции к обработке всего или большей части периметра; в достаточно широком применении чешуйчатой подтески; в сравнительно редком, избирательном применении плоской ретуши с брюшка.

В принципе можно расчленить приведенные аналогии по приемам обработки на те, которые характерны для позднепалеолитической техники развитой поры верхнего палеолита, и на те, которые, в сущности, являются "данью традиции", уходящей в начальную пору позднего "камня". К первым мы отнесем всего лишь применение приема чешуйчатой подтески. Техника резцового скола, так хорошо представленная на обоих памятниках, все же еще морфологически незрелая.

Отметим также такие объединяющие черты, как отсутствие в обеих индустриях приема вертикальной, усекающей края ретуши, а также невостребованность плоской вентральной ретуши.

Как мы видим, в индустрии обоих памятников есть ряд совпадений как технологического, так и морфологического свойства. Достаточно ли их для выделения на основе индустрий верхнего слоя Костенок 8 и третьего слоя Костенок 11 единства такого уровня, как "археологическая культура"? Ведь действительно, указанные

сходства в существенной мере определяют морфологический облик обоих памятников. Мысль об однокультурности обеих стоянок высказана уже достаточно давно (Рогачев А.Н., Аникович М.В., Дмитриева Т.Н., 1982, с. 99). Но нельзя не заметить и существенных различий в инвентаре обеих стоянок. В отличие от Костенок 8 в третьем слое Костенок 11 отсутствуют скрёбла (за исключением одного скребловидного орудия); нет специфических для Костенок 8 листовидных острий "тельманского типа". В верхнем слое Тельманской стоянки, в свою очередь, неизвестны треугольные наконечники стрелецкого типа. Проблема также заключается и в том, что третий слой Костенок 11 до конца не исследован, а, значит, нет гарантии того, что структура его инвентаря представлена в полном виде. Вместе с тем, гипотеза, высказанная А.Н. Рогачевым и М.В. Аниковичем, представляется в большей своей части обоснованной. Но важно продолжение поисков отмеченных признаков, уровней типов и ниже. Должны выделяться устойчивые морфемы, контексты технологий, связывающие памятники на "генетическом" уровне непосредственно напрямую. Тем более, когда эти индустрии представлены в одном регионе и относительно одновозрастны.

В статье не затронута проблема генезиса. Мы не обращались к проблеме генетической преемственности индустрии третьего слоя и памятников стрелецкой археологической культуры. Не рассмотрены параллели и возможные аналогии с Сунгирьской стоянкой. Эти вопросы требуют отдельного рассмотрения.

В заключение хотелось бы отметить следующее. Каменный инвентарь третьего культурного слоя Костенок 11, несмотря на сравнительно небольшое количество представленных в нем предметов, выразителен и показателен по своей структуре и содержанию. Он отличается известным морфологическим единством, общей однородностью, полнотой облика. Чувствуется традиция, восходящая к ранней поре позднего палеолита. Консерватизм и традиционность – ключевые слова, определяющие суть облика этого памятника.

Аникович М.В., Бредли Б.А., Гиря Е.Ю., 1997. Технологический анализ стрелецких наконечников // Технологический анализ каменных индустрий. СПб.

Ефименко П.П., Борисковский П.И., 1957. Тельманское палеолитическое поселение // ПиН. Т.3.

Попов В.В.,1989. Развитие позднепалеолитической культуры Восточной Европы по материалам многослойной стоянки Костенки 11. Автореф. канд. дисс. Л.

Рогачев А.И., Аникович М.В., 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР.

Рогачев А.Н., Аникович М.В., Дмитриева Т.Н., 1982. Костенки 8 (Тельманская стоянка) // Палеолит Костенкоско-Борщевского района на Дону.

Рогачев А.Н., Попов В.В., 1979. Костенки 11 (Аносовка 2) // Верхний плейстоцен и развитие палеолитической культуры в центре Русской равнины. Воронеж.

Рогачев А.Н., Аникович М.В., Артемова В.Д., 1979. Костенки 8 (Тельманская стоянка) // Верхний плейстоцен и развитие палеолитической культуры в центре Русской равнины. Воронеж.

Синицын А.А., Праслов Н.Д., Свеженцев Ю.С., Сулержицкий Л.Д., 1997. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. СПб.

С.С. Чернышов
(Воронеж, ВГПУ)

История изучения аносовско-мезинских жилых комплексов

Проблема существования позднепалеолитических жилищ была поставлена в

конце 20-х годов XX века в связи с исследованиями С.Н. Замятнина и П.П. Ефименко. Вслед за ними разработкой данного вопроса занимались П.И. Борисковский, А.Н. Рогачев, И.Г. Пидопличко, И.Г. Шовкопляс, В.Я. Сергин и др. В 1926 г. С.Н. Замятнининым была открыта Гагаринская стоянка, ставшая опорным памятником в изучении эпохи палеолита. Открытие здесь остатков долговременного жилища радикальным образом изменило представление об уровне развития общества в эпоху верхнего палеолита. Палеолитическая стоянка определяется уже не как временное стойбище, а как долговременное поселение. Естественно, что изменения в представлениях о сущности верхнепалеолитических стоянок привели к повороту в методических принципах их изучения. Главной задачей в процессе проведения раскопок становится выявление остатков каких-либо искусственных сооружений, будь то жилая или хозяйственная конструкция. Для достижения поставленных задач П.П. Ефименко разрабатывает совершенно новую методику проведения полевых работ. В ее основе лежит обязательное вскрытие изучаемой стоянки на широкой площади с расчисткой на месте любого значимого объекта. На вскрытой таким образом стоянке проводится анализ каждого комплекса культурных остатков и устанавливается их взаимосвязь.

Подобное изучение остатков жилищ позволило исследователям сделать выводы об основных принципах домостроительства, размерах и формах построек. Однако критериальные принципы, позволяющие бесспорно определить данный комплекс как остатки постройки, вызвали немало споров, которые ведутся до сих пор. Как представляется, наиболее обоснованно жилища определяет А.Н. Рогачев, который в качестве критериев выделяет скопление линз культурного слоя с группой строительных материалов (камней, плит, крупных костей животных), остатков очагов внутри этих скоплений и плановость расположения строительных материалов, в частности по краям этих скоплений (Рогачев А.Н, 1970).

Исследователи не обошли стороной и вопрос типологического разнообразия жилых построек палеолитического времени. Так, П.И. Борисковский, помимо определения признаков жилищ и методики их исследования, дал типологизацию жилых сооружений палеолитического времени. Они были разделены им на четыре группы: землянки; полуземлянки; крупные жилища (типа верхнего слоя Костенок I); «небольшие округлые или овальные дома наземного характера, или слегка углубленные» (наиболее распространенные) (Борисковский П.И., 1958). Позднее П.И. Борисковский разделяет позднепалеолитические жилища на два типа. Остатки жилищ первой группы, куда ученый помещает Мезин, Гонцы, Межирич, Пушкари I, Юдиново, Елисеевичи, Аносовку II, стоянку Замятнина (Костенки II), Мальту и Буреть и др., заполнены большими скоплениями костей и бивнями мамонтов, рогов северных оленей, которые входили в конструкцию жилищ. Вторую группу (Костенки I, Костенки VI, Тельманская стоянка) составляют конструкции, не содержащие явно выраженных скоплений крупных костей животных (Борисковский П.И., 1989).

Проблемой классификации верхнепалеолитических жилых комплексов занимался и А.Н. Рогачев, который, опираясь на археологические памятники Русской равнины, выделил несколько типов жилых построек. В окончательном виде его схема выглядит следующим образом: наиболее характерными типами жилищ являются аносовско-мезинский, костенковско-авдеевский, александровско-пушкаревский, александровско-тельманский, аносовско-гмелинский (Рогачев А.Н., Аникович М.В., 1984). И хотя автор говорит о предварительном характере данной типологии, она выглядит вполне проработанной и в отдельных аспектах является эталонной для памятников, расположенных на Русской равнине. Особо отметим, что к созданию столь дробной классификации А.Н. Рогачева привел первоначально выделенный им один тип жилищ – аносовско-мезинский (Рогачев А.Н., 1962). Как отдельный тип, аносовско-мезинский жилой комплекс характеризуется «округлым в плане наземным костно-земляным жилищем с двумя-четырьмя окружающими его ямами-кладовыми» (Рогачев А.Н., Аникович М.В., 1984, с. 189). В целом приняв и высоко

оценив характеристику аносовско-мезинских жилых комплексов, З.А. Абрамова внесла ряд дополнений и исправлений, расширяющих положения А.Н. Рогачева. Ямы-кладовые относятся не к жилищу, а ко всему жилому комплексу, имеющему свои особенности. Собственно жилища различаются по размерам; количеству костного материала, примененного для их сооружения; по форме; степени углубленности в землю (или наземные); конструктивными особенностями; наличию и размещению входа; расположению очага (внутри или снаружи). Количество использованных для постройки конструкции черепов мамонтов колеблется от 7 до 46, количество особей – от 11 до 95, количество костей – от 80 до 563. Аносовско-мезинские жилища могут быть как наземными, так и углубленными в землю. При общем сходстве всех аносовско-мезинских построек каждое обладает своими особыми конструктивными деталями. "Обязательный элемент – намеренно вкопанные черепа мамонтов, которые располагались парами (Аносовка 2) или группами по 3-4 (Юдиново)". Черепа могли быть вкопаны в землю альвеолами, лобными костями, направлены внутрь жилища (Межирич, Добраничевка). Для жилищ аносовско-мезинского типа вовсе необязательным признаком является наличие внутреннего очага. Хронологически данный тип жилищ можно отнести к периоду 16-14 тыс. лет назад. Несмотря на ряд особенностей, все аносовско-мезинские жилища составляют культурно-этнографическое единство (Абрамова З.А., 1997).

Необходимо отметить, что вкапывание черепов мамонтов в землю как раз не является отличительной особенностью для аносовско-мезинских жилищ.

На данное время аносовско-мезинские конструкции являются единственными на Русской равнине, которые были наиболее полно изучены и о которых можно уверенно говорить как о жилищах поры позднего палеолита. Ныне с уверенностью можно выделить 16 подобных комплексов, расположенных на Дону и в бассейне Десны – среднего Днепра (Абрамова З.А., Григорьева Г.В., 1997, с. 30).

Открытие первого по времени аносовско-мезинского жилища относится к 1914 г. и связано с именами В.А. Городцова и В.М. Щербаковского. Именно они опубликовали первый план жилища на Гонцовской стоянке, хотя оба археолога полагали, что раскрытое ими скопление костей мамонта служило для прикрытия кучи мусора. Собственно поселение в с. Гонцы было открыто в 1873 г. Первое сообщение о нем сделано лубенским преподавателем Ф.И. Каминским на археологическом съезде в Киеве. В последующие годы памятник не изучался, но подвергался любительским раскопкам, в результате которых большая его часть была изрыта ямами. Только с 1914 г. проводятся серьезные раскопки при участии В.А. Городцова, В.М. Щербаковского, А.П. Павлова. В 1914 г. на поселении была заложена траншея, обнажившая скопление костей. Согласно методике проведения раскопок того времени, все находки были сняты. В 1915 г. при полном вскрытии комплекса крупные кости мамонта были оставлены на месте, однако культурные остатки под и между ними были выбраны. По отчетам 1915 и 1935 гг. прослеживается тот факт, что "кучи" костей мамонта находились в определенной взаимосвязи и составляли некую систему. Кости очерчивали овальную площадку длиной 4,5 м и шириной 4 м. По краю площадки находилось 27 черепов мамонта, которые окружали ее с северной, восточной и западной сторон. Середину скопления занимали культурные остатки, поверх которых лежали бивни мамонта, тазы и нижние челюсти. К скоплению примыкали «кучи» костей мамонта, которые И.Ф. Левицкий охарактеризовал как хозяйственные ямы. П.П. Ефименко определил этот комплекс как «остатки жилища-землянки с примыкающими к нему краевыми ямами» (Ефименко П.П., 1953, с. 552, 553).

Крайне неудовлетворительное состояние планов и отчетов о раскопках жилища на Гонцовской стоянке побудило ученых провести его дополнительное исследование. В 1977 г. Брянский палеолитический отряд Института археологии АН СССР под руководством В.Я. Сергина приступил к раскопкам. С северо-востока по отсутствию культурных остатков на прямоугольном участке площадью около 7 кв. м обозначился

конец разведочной траншеи 1914 г. Ею был снят центр жилища. В целом комплекс имел размеры 5,7 м на 5,5 м. Всего в остатках жилища выявлено 22 черепа мамонта, 17 лопаток, нижняя челюсть, тазовые кости, четыре крупные трубчатые кости, шесть целых и три передние половины бивней. В семи лопатках, двух тазовых костях имелись искусственные отверстия.

По итогам изучения жилого комплекса В.Я. Сергин отрицает земляночный или полуземляночный характер гонцовского жилища, так как основные находки были встречены в жилище и у его входа на уровне нижней части костного скопления, но не глубже, что подтверждает наземное положение постройки (Сергин В.Я., 1981). Характерной ее особенностью является южное положение входа, который был обращен против склона плато. «В данном случае ярко проявился избирательный подход первобытных людей к строительству жилища. Наиболее полное использование солнечного тепла, которое могло быть достигнуто только южным положением входа в жилище, они предпочли другим бытовым удобствам» (Сергин В.Я., 1981, с. 50). Таким образом, Гонцовская стоянка определяется как «поселение состоявшее из группы костно-земляных жилищ, около которых были сооружены ямы-кладовые» (Рогачев А.Н., Аникович М.В., 1984, с. 190).

Крупное скопление костей мамонта у с. Добраничевка было обнаружено в 1952 г. при прокладке дороги. Для раскопок и изучения стоянки была организована экспедиция Института археологии АН УССР под руководством И.Г. Шовкопляса. Работы начались в 1953 г. Было вскрыто около 200 кв. м площади стоянки с остатками «костно-земляного жилища». Дальнейшие раскопки показали, что на Добраничевке исследуется целый «хозяйственно-бытовой комплекс» (Шовкопляс И.Г., 1955), состоящий из жилища, очага вне жилища, места обработки камня, ямы – хранилища (заполненной костями животных) и небольшого скопления костей. Остатки жилища, округлого в плане, диаметром 4 м, на момент раскопок представляли собой скопление костей животных. По краю скопления находились наиболее крупные из костей и черепа, нижними концами вкопанные в землю. Все черепа своими плоскими сторонами были повернуты к центру скопления. Кроме черепов, жилую площадь ограничивали другие крупные кости – тазовые, конечностей, бивни, которые образовывали сплошное кольцо – ограждение. Внутри ограждения находились мелкие и легкие кости, образовавшие небольшое “сплетение” (Шовкопляс И.Г., 1972, с. 177, 178).

Отличительная особенность этого жилища, как отмечает И.Г. Пидопличко — его сравнительно небольшие размеры (Пидопличко И.Г.,1969). По наружной окружности его основание занимает площадь около 15 кв.м, наибольший диаметр основания – 4 м. Внутренняя площадь (или «пол») не превышает 12 кв.м.

К юго-западу от жилой постройки находился углубленный очаг; к юго-востоку – место для обработки камня и кости – «производственный центр» комплекса. За тыльной стороной жилища (к северо-востоку) находилась «хозяйственная яма» (Пидопличко И.Г., 1969, с. 73) или крупная «яма- хранилище» (Шовкопляс И.Г., 1972, с. 173) очень плотно заполненная большим количеством костей животных, главным образом мамонта.

Спорность в определении характера жилища – «яранга» (Пидопличко И.Г., 1969, с. 69) или «чум» (Шовкопляс И.Г., 1972, с. 178) – не имеет объективного значения, так как оба утверждения ошибочны: и чум, и яранга не являются стационарными постройками. Это легкие переносные жилища.

Первое добраничевское жилище представляет собой наземную жилую конструкцию с отсутствием внутреннего очага, округлую в плане и связанную с рабочей площадкой и ямой-хранилищем (Абрамова З.А., Григорьева Г.В., 1997, с. 45).

Второе жилище открыто в 1967 г. в 20 м к северо-востоку от первого. Оно также входило в состав «хозяйственно-бытового комплекса», куда, помимо собственно жилой постройки, входили два очага вне жилища, два «производственных комплекса», четыре ямы-хранилища. Остатки округлого, 4 м в диаметре, жилища были представле-

ны скоплением костей мамонта, по краю которого располагались вкопанные в землю черепа, повернутые к центру плоскими сторонами – лбами. В центре скопления находился углубленный «подовальный» очаг, имеющий размер 1х0,8 м, глубиной 0,2 м (Шовкопляс И.Г., 1972, с. 179, 180). К юго-западу и западу от жилища обнаружены два очага. Вокруг располагались четыре ямы, имевшие овальные очертания. Кости, залегавшие в них бессистемно, принадлежали нескольким особям мамонта (Абрамова З.А., Григорьева Г.В., 1997, с. 47). Таким образом, второе добраничевское жилище отличается от первого лишь наличием внутреннего очага, в целом повторяя его конструкцию и замысел строителей этих построек.

Практически идентичным второму является третий комплекс стоянки, открытый и исследованный в 1969 г. В него также входило небольшое по размерам (диаметром 4 м) наземное жилище, два внешних очага, два «производственных центра», четыре ямы-хранилища. Вход в жилище находился с юго-западной стороны. В центре – небольшой очаг. Заключение по содержанию ям-хранилищ дала З.А. Абрамова: костный материал состоял из бивней, лопаток, обломков тазовых, трубчатых костей, кусков позвоночника (Абрамова З.А., Григорьева Г.В., 1997). Планы 2-го и 3-го хозяйственных комплексов были опубликованы И.Г. Шовкоплясом в 1972 г. (Шовкопляс И.Г., 1972, рис. 1-4). Открытое в 1970 г. четвертое добраничевское жилище представляет собой точную копию 2 и 3-го жилищ. З.А. Абрамова высказала предположение о наличии на поселении пятого жилища аносовско-мезинского типа (Абрамова З.А., Григорьева Г.В., 1997, с. 45).

Исследователь добраничевских жилищ И.Г. Шовкопляс обратил внимание не только на схожесть их между собой в рамках одного поселения, но и провел аналогии с мезинским и гонцовким жилищами (Шовкопляс И.Г., 1965). Позднее он предположил наличие взаимосвязи между Добраничевкой и другими стоянками, на которых были обнаружены подобные жилища (Мезинская, Киево-Кирилловская, Гонцовская, Межиричская).

В итоге И.Г. Шовкопляс сводит их в рамки единой «среднеднепровской этнокультурной общности» (Шовкопляс И.Г., 1972, с. 187). Полученная радиоуглеродная дата для Добраничевских жилищ – 12700 ± 200, не устраивает ряд ученых, которые считают ее значительно омоложенной (Абрамова З.А., Григорьева Г.В., 1997, с. 48).

Изучение Мезинской стоянки, давшей название типу жилищ, началось в начале XX века. В 1908 г. Ф.К. Волков заложил шурф на месте обнаружения крупных костей мамонта. В стенках шурфа была зафиксирована прослойка культурных остатков, содержавшая угольки, кремни, кости животных. В 1909 г. раскопки продолжил П.П. Ефименко. В последующие годы интерес к Мезинской стоянке угас. Работы возобновились в 30-е гг. В 1930 и 1932 гг. под руководством М.Я. Рудинского были проведены разведочные раскопки с целью привязки к уже вскрытым участкам. Таким образом, Мезинская стоянка с момента ее открытия и до начала Великой Отечественной войны неоднократно подвергалась раскопкам и обследованиям, в результате которых была вскрыта центральная часть ее площади (Шовкопляс И.Г., 1965, с. 14). К сожалению, несовершенство применяемой при работах на стоянке кессонной методики не позволило вовремя распознать в «завалах костей мамонта» остатки жилых построек, сооруженных палеолитическим человеком. В результате раскопок, проводимых Ф.К. Волковым, Л.Е. Чикаленко, М.Я. Рудинским, четыре костно-земляных жилища были потеряны для науки (Пидопличко И.Г., 1969, с. 86). А.Н. Рогачев, рассматривая Мезинскую стоянку, определяет ее как поселение, состоящее “из трех комплексов сооружений, группирующихся около остатков трех жилищ” (Рогачев А.Н., Аникович М.В., 1984, с. 190). Однако полностью изученным и достоверным можно считать лишь один жилой комплекс, открытый И.Г. Шовкоплясом в 1954 г. Тогда на Мезинской стоянке в раскопе II было обнаружено скопление костей мамонта, которое после раскрытия оказалось «костяными развалинами жилища» (Пидопличко И.Г., 1969, с. 87). Все обнаруженные культурные остатки оставлялись на своих местах до полного изучения

вскрываемого участка. Для продолжения изучения постройки она была присыпана лессом и законсервирована до 1955 г. В июле 1955 г. Мезинскую стоянку посетили А.Н. Рогачев, П.И. Борисковский, А.П. Черныш, которые пришли к выводу о жилом характере изучаемой конструкции.

Жилище представляло собой округлое в плане скопление костей, диаметром около 6 м, мощностью до 0,5 м. По краю скопления на лобных костях лежали черепа мамонтов. Всего было расчищено 18 черепов, 21 нижняя челюсть, 83 трубчатых кости. Пол жилища был несколько углублен. Ряд крупных костей мамонта были вертикально вкопаны в пол. Вход находился в юго-восточной части жилища. В "хозяйственно-бытовой комплекс" входили ямы-кладовые, заполненные костями животных (Шовкопляс И.Г., 1956,1965; Рогачев А.Н., Аникович М.В., 1984). При изучении "развалин" был применен способ частичной реконструкции в процессе исследования. Кости мамонта были поставлены в их первоначальное положение, что позволило оконтурить не только округлые очертания постройки, но и его высоту и форму фасадной дуги. Результаты работ 1954-1964 гг. на Мезинском поселении, а также обзор предыдущих раскопок в полном объеме были отражены в монографии И.Г. Шовкопляса "Мезинская стоянка" (Шовкопляс И.Г., 1965).

И.Г. Пидопличко в своей обобщающей работе тщательно анализирует конструктивные особенности мезинского жилища (Пидопличко И.Г., 1969). Автор особо отмечает, что в данной постройке присутствует ряд заранее продуманных элементов: "цоколь (фундамент) из черепов и крупных костей мамонта; надцоколевый каркас из деревянных жердей и бивней мамонта; внутренние деревянные подпоры, прикрепленные к вкопанным в пол жилища пасынкам из костей мамонта; завалинка, образованная костями цоколя, присыпанными снаружи землей; надцоколевый черепитчатый пояс из лопаток мамонта; надчерепичная часть жилища; фасадная дуга из бивней мамонта" (Пидопличко И.Г.,1969, с. 110). На основе такого разложения жилой постройки на отдельные элементы И.Г. Пидопличко была осуществлена реконструкция мезинского и первого межиричского жилищ, представленная в палеонтологическом музее АН Украины. Для Мезина существует ряд радиоуглеродных датировок, которые значительно расходятся между собой: от 15100+ 200 до 29700 ± 800 (Абрамова З.А., Григорьева Г.В., 1997, с. 37).

Стоянка Межирич, расположенная на правом берегу Днепра, является наиболее изученной. Открытая в 1965 г., она исследовалась в разное время И.Г. Пидопличко, М.И. Гладких, Н.Л. Корниец. К настоящему времени раскопаны четыре жилых комплекса, включающие жилища, очаги, ямы-хранилища.

В период с 1966 по 1970 гг. на поселении были открыты и изучены 2 жилища, краткое описание которых И.Г. Пидопличко публикует в 1972 г (Пидопличко И.Г., Люрин И.Б., Тимченко Н.Г., 1972).

Развернутая, но представленная по отдельным элементам конструкции характеристика первых трех жилищ предпринята исследователем в отдельной работе (Пидопличко И.Г., 1976).

Особенностью межиричских жилищ является ярко выраженная "обкладка цоколей", сложенная "сосенками" из нижних челюстей мамонта (Пидопличко И.Г., 1976). Еще одним важным элементом является "надцокольная обкладка". Однако З.А. Абрамова сомневается в правомочности выделения этого элемента конструкции жилищ. "…выделение надцокольной обкладки представляется наиболее уязвимой частью интерпретации элементов сооружения…При разрушении жилищ кости были смещены со своего первоначального положения, и их отношение к цоколю не может быть установлено" (Абрамова З.А., Григорьева Г.В., 1997, с.39).

Первое жилище имело крупные размеры (внешняя площадь – 42 кв. м, внутренняя – 23 кв.м). Из 25 черепов, составлявших "цоколь", лишь два были вкопаны затылочными костями, предположительно – у входа. Из 14-ти костей мамонта, располагавшихся перед "входом", И.Г. Пидопличко сумел выделить новый конструктивный

элемент – “забор” (Пидопличко И.Г., 1976, с. 114). Внутри жилища находился очаг диаметром 1,3 м. Всего же для возведения постройки верхнепалеолитические строители задействовали более 400 костей мамонта.

Второе межиричское жилище имело “эллипсоидную, как бы даже прямоугольную форму, хотя цоколь был округлым” (Абрамова З.А., Григорьева Г.В., 1997, с. 41). И.Г. Пидопличко, объясняя данное несоответствие, ссылается на приведенные в работе фотографии “цоколей”, которые были “…сделаны не с птичьего полета, а несколько сбоку, что, естественно, исказило круг, он выглядит как эллипс…” (Пидопличко И.Г., 1976, с. 98, 99).

Очаг, располагавшийся у южной стены постройки, был обложен лопатками и тазовыми костями мамонта. На сооружение этого жилища было использовано около 600 костей мамонта. Большое количество обнаруженных ребер – 192 (в первом жилище – 9) И.Г. Пидопличко объяснил тем, что «...один из обитателей был мастером-косторезом и использовал их для изготовления разных поделок” ” (Пидопличко И.Г., 1976, с. 85). Остатки третьего жилища образовывали скопление с внешней площадью 15 кв.м, значительно поврежденное делювиальными потоками. Четвертый жилой комплекс был обнаружен в 1976 г. В 1978 г. скопление костей мамонта, размерами 5,85 х 4,62 м было расчищено. На данный момент изучение жилища не закончено.

И.Г. Пидопличко определил возраст межиричских жилищ “не свыше 7 тыс. лет и не меньшим 6 тыс. лет” (Пидопличко И.Г., 1976, с. 226), исходя из данных, полученных “коллагеновым методом определения геологического возраста костей из антропогеновой системы” (Пидопличко И.Г., 1976). Отходя от “нетрадиционных взглядов И.Г. Пидопличко”, З.А. Абрамова берет за основу радиоуглеродные датировки, расположенные в диапазоне от 19 тыс. лет назад до 11 тыс. лет назад (Абрамова З.А., Григорьева Г.В., 1997, с. 45).

Стоянка Юдиново (Брянская область) открыта в 1934 г. К.М. Поликарповичем. Остатки первого жилища, выявленные в 1947 г. в раскопе 2, залегали в виде скопления костей мамонта, образующего неправильный овал. В том же году в раскопе 3 К.М. Поликарпович обнаружил остатки некой конструкции, аналогичной первой постройке. В 1962 и 1964 гг. В.Д. Будько продолжает исследование первого и второго жилищ. Кости, образующие второе жилище, были извлечены для последующей реконструкции в Белорусском Государственном музее. В период с 1981 по 1983 гг. в Юдиново были вскрыты еще два жилых комплекса. Публикация материалов по всем комплексам была осуществлена в 1995-1997 гг. (Абрамова З.А., 1995; Абрамова З.А., Григорьева Г.В., Кристенсен М., 1996; Абрамова З.А., Григорьева Г.В., 1997).

Стены первого жилища, размером 9,5 х 9 м, состояли из черепов мамонта, поставленных вертикально, лобными костями к центру скопления. В северном и западном секторах постройки располагались бедренные, берцовые и плечевые кости, лежавшие горизонтально. З.А. Абрамова приводит количество костного материала, использованного при сооружении жилища: 30 черепов, 7 тазовых, 20 лопаток, 6 бедренных (Абрамова З.А., Григорьева Г.В., 1997, с. 50).

По причине недостаточно полной публикации второго жилища невозможно привести точное его описание. Размеры скопления по внешнему овалу – около 5 м, во внешнем ограждении насчитывается 81 кость, кости внутри жилища не учтены (Абрамова З.А., Григорьева Г.В., 1997).

Третий и четвертый комплексы Юдиново изучены гораздо тщательнее первых двух. Третье жилище, округлое в плане, имеет диаметр 5 м. Внутренняя часть углублена в землю на 0,5-0,6 м. Стены цоколя образованы вкопанными в землю черепами мамонтов. Общее количество задействованных для возведения постройки костей равно 150-ти. Четвертое жилище располагается вблизи третьего. Оно вскрыто лишь частично и, по предположению З.А. Абрамовой, имело округлую форму. Количество черепов в ограждении незначительно. Общим для всех юдиновских жилых конструкций является обязательное вкапывание черепов “как основы конструкции” (Абрамова

З.А., Григорьева Г.В., 1997, с. 54). В плане соотношения с другими подобными памятниками жилые комплексы юдиновского поселения в целом схожи с сооружениями из Аносовки 2, Межиричей, Мезинского поселения, Добраничевки. Наиболее близкие аналогии юдиновским жилищам З.А. Абрамова находит в постройке из Костенок II (Абрамова З.А., Григорьева Г.В., 1997). Остается добавить, что исследователи относят Юдиново к мадленскому памятнику "…не только по времени, а и по культуре" (Григорьева, 2002, с. 150).

Первые раскопки на стоянке Замятнина (Костенки II) относятся к 1923 г. Организованную Русским музеем и Академией истории материальной культуры экспедицию возглавлял П.П. Ефименко при активном участии С.Н. Замятнина. В раскопе 1 (собственно — траншее площадью 14 кв.м), было выявлено скопление костей мамонта. В 1927 г. С.Н. Замятнин заложил два раскопа вблизи раскопа 1923 г. В первом из них были обнаружены остатки очага, второй раскоп не дал палеолитического материала. В 1953 г. раскопки стоянки возглавил П.И. Борисковский, расчистивший в раскопе 1 "нагромождение костей мамонта" (Борисковский П.И., 1963, с. 13). Исследование "нагромождения" велось в несколько этапов: расчистка собственно скопления, с оставлением всего материала на месте, а затем изучение слоя, подстилающего скопления. Благодаря данной методике удалось установить, "что здесь налицо остатки большого общинного палеолитического жилища" (Борисковский П.И., 1963, с. 13).

Жилище состояло из костей мамонта, общей численностью 2000 (от 28 особей). Часть костей находилась вкопанной в вертикальном положении. Длина скопления — 8 м, ширина – 6,5 м , мощность около 0,6 м. В центре постройки располагался очаг, заполненный зольным слоем толщиной до 0,15 м. В 6 м к юго-востоку от скопления находился очаг, имевший в поперечнике 3,5 м. К жилищу примыкала погребальная камера, сооруженная из костей мамонта, в которой обнаружен скелет человека, захороненного в сидячем положении. Сам П.И. Борисковский интерпретировал скопление как "остатки долговременного зимнего позднепалеолитического жилища. Основу стен и кровли его составляли кости и бивни мамонта". Исследователь относил жилище, по собственно выработанной типологии к "первому, наиболее широко распространенному типу…, к сравнительно небольшим овальным или круглым в плане хижинам с одним очагом" (Борисковский П.И., 1963, с. 24).

Характеризуя поселение в целом, следует учитывать ряд положений, выдвинутых в разное время. Так, П.И. Борисковский подчеркивает, что на стоянке Замятнина существовало не одно общинное жилище, а поселение, площадь которого равна 5000 кв.м (Борисковский П.И., 1963). Несколько позднее выдвигается предположение о существовании одного крупного поселения, которое составляют стоянки Костенки 11 (слой I а) и Костенки 2, так как на обоих памятниках присутствуют жилища аносовско-мезинского типа (Рогачев А.Н., 1970; Рогачев А.Н., Аникович М.В., 1984).

Стоянка Костенки 11 (Аносовка 2), открытая в 1951 г., является многослойным памятником. Слой Ia содержит остатки двух жилых комплексов, один из которых (южный) in situ экспонируется в здании музея "Костенки". Скопление костей мамонта, открытое в 1956 г., имеет форму окружности диаметром 9 м. В нем особо выделяется кольцевое нагромождение, состоящее из отдельных звеньев и образующих определенную систему. (Рогачев А.Н., Попов В.В., 1982). В юго-западной части отдельные группы костей плотно примыкают друг к другу – тазовые, лопатки и др. Пол постройки углублен в землю. Вокруг скопления расположены пять краевых ям-кладовых, содержащих кости мамонта. В свое время А.Н. Рогачев высказал мнение о возможном жилом, вернее, спальном назначении краевых ям (Рогачев А.Н., 1962). Радиоуглеродная датировка памятника дала широкий разброс: от 12000 ± 100 до 19900 ± 350 лет от наших дней.

В 1960 г. принимается решение сохранить "в качестве археологического документа" (Рогачев А.Н., Попов В.В., 1982, с. 116) остатки южного жилого комплекса. В период с 1960 по 1965 гг. над раскопом был построен дощатый павильон, а в 1979 г.

закончено строительство кирпичного здания музея.

Таким образом, вполне очевидно, что жилые комплексы аносовско-мезинского типа выделяются своей самобытностью среди прочих, известных на рассматриваемой территории. Несмотря на существующие различия между ними, они содержат ряд объективных признаков, позволяющих объединить данный тип памятников в обособленную группу. Одним из важнейших показателей является массовое использование костей мамонта при сооружении жилищ. Существующие региональные различия в традициях домостроительства (постройки стоянок на Дону имеют более крупные размеры в сравнении с деснинско-днепровским регионом и др.) не отрицают факта принадлежности их к некой единой общности. Кроме того, благодаря использованию костей мамонта в конструкции жилищ, аносовско-мезинские комплексы как остатки жилых сооружений являются наиболее достоверными и дают богатый материал для исследования социальной жизни верхнепалеолитических племен.

Абрамова З.А., 1995. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. СПб. Вып. 1.

Абрамова З.А., Григорьева Г.В., Кристенсен М., 1996. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. СПб. Вып. 2.

Абрамова З.А., Григорьева Г.В., 1997. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. СПб. Вып. 3.

Борисковский П.И., 1958. Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе // СА. №1. С. 3-19.

Борисковский П.И., 1963. Очерки по палеолиту бассейна Дона // МИА. №121.

Борисковский П.И., 1989. Некоторые вопросы изучения позднепалеолитических жилищ: Каменный век: памятники, методика, проблемы. Киев.

Гладких М.И., 1977. Некоторые критерии определения принадлежности позднепалеолитических памятников // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л.

Григорьева Г.В., 2002. О культурной принадлежности Юдиновского верхнепалеолитического поселения // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб.

Ефименко П.П., 1953. Первобытное общество. 3-е изд. Киев.

Ефименко П.П., 1958. Костенки 1. М-Л.

Пидопличко И.Г., 1969. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев.

Пидопличко И.Г., Люрин И.Б., Тимченко Н.Г., 1972. К вопросу о хозяйстве, быте и культуре позднепалеолитического населения в связи с раскопками в с. Межирич // МИА. №185.

Пидопличко И.Г., 1976. Межиричские жилища из костей мамонта. Киев.

Рогачев А.Н., 1962. Об аносовско-мезинском типе палеолитических жилищ на Русской равнине // КСИА. Вып. 92. С.12-17.

Рогачев А.Н., 1970. Палеолитические жилища и поселения. Каменный век на территории СССР. М. С. 64-77.

Рогачев А.Н., Попов В.В., 1982. Костенки 11 (Аносовка 2) // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879 – 1979. Некоторые итоги полевых исследований (ред. Н.Д. Праслов, А.Н.Рогачев). Л. С. 116 – 132.

Рогачев А.Н., Аникович М.В.,1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма. Археология СССР. Палеолит СССР. М. С.162-271.

Тарасов Л.М., 1979. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л.

Черныш А.П., 1989. О мустьерских жилищах и поселениях: Каменный век: памятники, методика, проблемы. Киев.

Шовкопляс И.Г., 1955. Добраничевская палеолитическая стоянка (предварительное сообщение) // КСИИМК. Вып. 59. С.32-45.

Шовкопляс И.Г., 1965. Мезинская стоянка. Киев.

Шовкопляс И.Г., 1972. Добраничевская стоянка на Киевщине (некоторые итоги

исследования) // МИА. №185. С.177-188.

И.В. Федюнин
(Воронеж, ВГПУ)

К вопросу о периодизации мезолита Лесостепного Подонья

Периодизационные схемы в мезолите различных регионов Восточной Европы отличаются как по количеству этапов (периодов), так и по их предполагаемой длительности. Общая дискретность временной и пространственной картины развития мезолита на восточноевропейских равнинах делает достаточно затруднительными вопросы корреляции и синхронизации материалов памятников рассматриваемой территории. В целом для Восточной Европы на конец 1980-х приводилась двучленная периодизация мезолита (ранний и поздний) (Мезолит СССР, 1989, с. 7). В мезолите лесной зоны выделяется также и развитой этап (Жилин М.Г., Энговатова А.В., Уткин А.В., Костылева И.Л., 2002). Исследователи Северного Прикаспия ограничивают эпоху одним периодом (Иванов, Васильев И.Б., 1995; Комаров А.М., 2000).

Разработки проблем периодизации напрямую связаны с процедурной стороной исследований и неполнотой источниковой базы, постоянно увеличивающейся. Так, более дробное периодизационное разделение эпохи встречается в работах, посвященных тем регионам, которые насчитывают не один десяток памятников с «чистыми» комплексами, примером чего может служить археология мезолита Волго-Окского междуречья.

А.Н. Бессудновым мезолитическая эпоха Лесостепного Подонья разделяется на два этапа: ранний, связанный с позднепалеолитическими традициями обработки камня с преобладанием отщеповой технологии, и поздний, характеризующийся общей микролитизацией каменного инвентаря (Бессуднов А.Н., 1997). Материалы позднего этапа, по А.Н. Бессуднову, могут относится и к неолиту, так как последние залегают, как правило, в нижних слоях неолитических стоянок (Бессуднов А.Н., 1997). Топографически раннемезолитические материалы привязываются к возвышенным участкам первой и второй надпойменных террас или высоким береговым валам; поздний мезолит, как и ранний неолит, соотносится с невысокими дюнными всхолмлениями или оконечностями первой надпойменной террасы (Бессуднов А.Н., 1997).

В июле-августе 2003 г. мезолитическим отрядом археологической экспедиции ВГПУ под руководством автора проводилось сплошное обследование приустьевой части поймы и надпойменных участков реки Савала – правого притока Хопра (Федюнин И.В., 2003). Все раскопки проводились по методике трехмерной фиксации находок в слое.

Уникальность данной территории в том, что в районе слияния рек сосредоточено более десятка мезолитических пунктов с оригинальной кварцитовой индустрией, большинство из которых имеют непотревоженный культурный слой, не перекрытый отложениями более позднего времени. Такой «куст» стоянок представлен памятниками всех периодов мезолитической эпохи, некоторые из которых не укладываются в указанную выше схему периодизации, в связи с чем мы можем подробнее остановиться на обзоре материалов различных этапов мезолита в Лесостепном Подонье.

Ранний мезолит представлен стоянками и местонахождениями Самотоевка, Рубеж, Малореченская, Голевка на Дону, Ильмень-Голова и Плаутинская 2 в Среднем Похоперье. Расположение памятников этого времени по высотам относительно уреза воды не образует единой системы: культурные слои стоянок Самотоевка и Плаутинская 2 приурочены к невысоким дюнным образованиям в пойме рек Ольховатка и Савала, материалы Рубежа (на данной стоянке мезолитический слой с архаичным инвентарем залегает поверх материалов срубной культуры эпохи бронзы; такое его положение можно связать с движением деллювиальных отложений с более возвышен-

ных участков), Малореченской, Голевки и Ильмень-Головы располагаются на высоких береговых валах или надпойменных террасах (рис. 1, 2, 3). Примечательно, что во всех случаях культурный слой расположен в глине и не имеет собственной окраски. К числу основных признаков, характеризующих облик каменного инвентаря, можно отнести большой удельный вес отходов производства, невыраженность и случайность конечных форм заготовок, архаичный облик набора орудий, большое количество отщепов с ретушью утилизации. На стоянках представлены все стадии обработки камня (рис. 2).

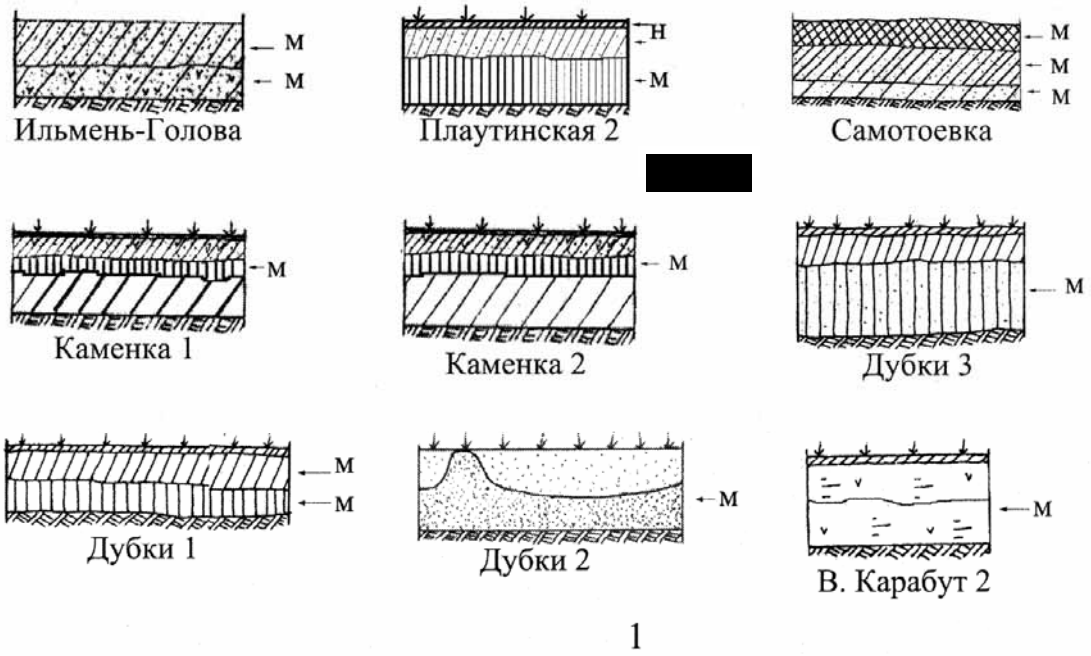
Техника расщепления основана на утилизации одноплощадочных и аморфных (многоплощадочных) нуклеусов; снятие заготовок радиальное, или производилось с одной стороны ядрищ, в результате чего они приобретали пирамидальную или уплощенную форму (Ильмень-Голова) (рис. 2, 1, 23,); встречаются и аморфные экземпляры (Плаутинская 2). Использовался прием (?) продольного и поперечного членения тела нуклеуса. Однако следует сразу отметить и различия в первичной обработке камня: на стоянках Самотоевка и Плаутинская 2, в отличие от материала Ильмень-Головы, отщеп (основная заготовка) – тонкий в профиле, практически каждое такое изделие можно назвать «палеолитической пластиной» (рис. 2, 17).

В памятниках этого времени безраздельно господствует отщеповая техника, причем встречаются довольно массивные экземпляры (Ильмень-Голова). Характерные изделия – резцы различных типов (срединные, боковые, угловые, а также их комбинации) (рис. 2, 8, 11, 12, 20), скребки (рис. 2, 2, 3, 6, 15, 16, 22) и скобели (рис. 2, 7, 9, 14). На стоянке Ильмень-Голова и Плаутинская 2 встречены рубяще-долбящие орудия (рис. 2, 10, 21) – топорик и долото, имеющие грубую бифасиальную обработку. Мощность культурного слоя, а также присутствие здесь следов хозяйственной деятельности в виде небольших ям и следов от жилищ говорят о достаточно большой длительности существования стоянок по сравнению с древностями соседних территорий. Встреченные на стоянке Самотоевка геометрические микролиты позволили А.Ф. Горелику связать ее происхождение с верхнепалеолитическими памятниками Рогаликско-Передельского района Украины (Горелик А.Ф., 2001). На стоянке Плаутинская 2 также найден сегмент низких пропорций из оскольского импортного кремня, очень немногочисленного в Среднем Прихоперье (рис. 2, 13).

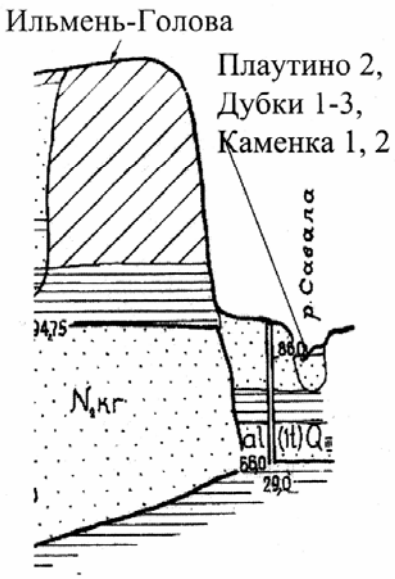
Исследования в Волго-Камском междуречье, проводимые М.Ш. Галимовой, позволили ей выделить целый пласт стоянок, занимающих промежуточное положение между поздним палеолитом и ранним мезолитом (Галимова М.Ш., 2001). Для всех рассмотренных выше раннемезолитических материалов также кажется вполне обоснованным отнесение их к «памятникам переходного периода» (Галимова М.Ш., 2001), тем более, что и упомянутые выше прихоперские архаичные индустрии во многом им близки. Отметим, что формирование этого типа стоянок могло быть связано с поздними проявлениями костенковских традиций, заключающихся в появлении геометрических комплексов.

Предлагаемый в данной работе этап среднего (или развитого) мезолита явился результатом работ последних лет в Среднем Похоперье (Федюнин И.В., 2003). Памятники данного периода (Каменка 1, Каменка 2, Дубки 1, Дубки 3), исследованные на площадях соответственно 18 кв.м, 18 кв.м, 8 кв.м, 4 кв.м, расположены на береговых валах (Каменка 1, 2) или визуально практически не фиксирующихся древних берегах старицы р. Савала в слое пойменного влажного чернозема (рис. 1, 1, 2, 3), консервирующего остеологические находки. Культурные слои имеют темно-коричневую окраску (Каменка 1, 2) или лишены ее, и «взвешены» на уровне в 10-20 см от материка. На стоянке Дубки 3 в основании слоя встречена мощная линза из раковины Unio и перловицы с кварцитовыми изделиями, которая могла быть заполнением хозяйственной или жилой постройки.

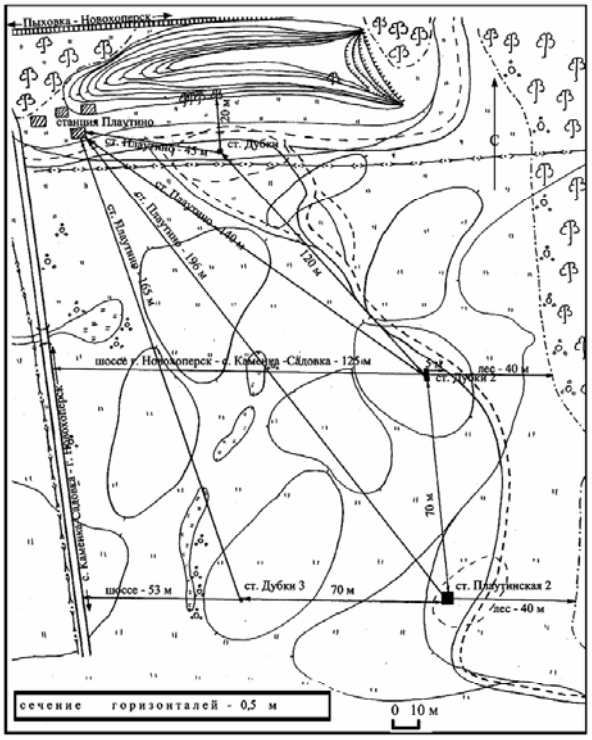
Для каменной индустрии этого типа памятников характерно использование одно- и двухплощадочных нуклеусов в качестве основной заготовки (рис. 3, 1-3). В послед-



1



2



3

Рис. 1. *Мезолитические памятники Лесостепного Похоперья.*
1 – стратиграфические условия залегания мезолитических находок;
2 – топографическиое расположение стоянок;
3 – карта памятников района устья р. Савалы

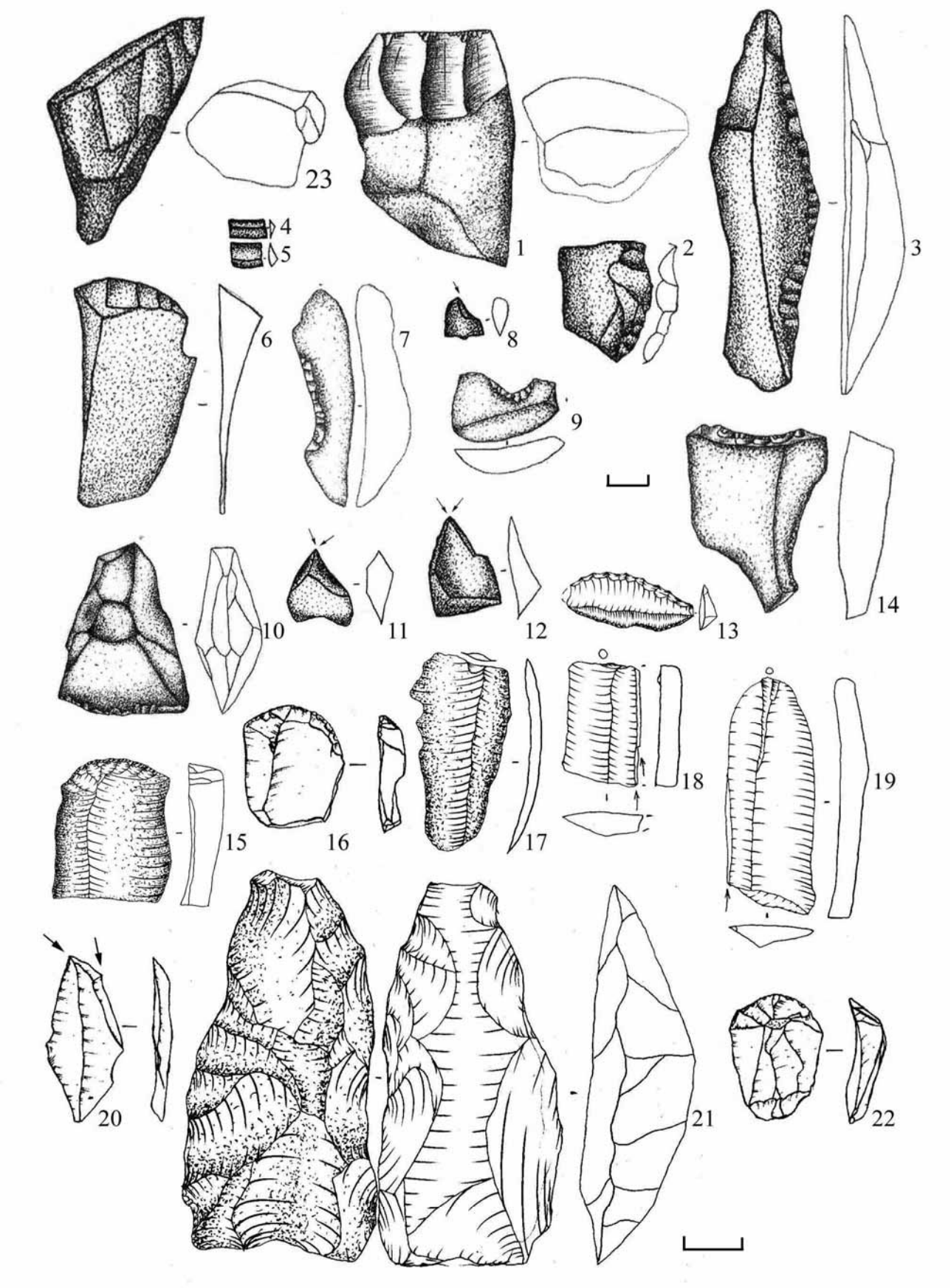


Рис. 2. *Каменный инвентарь раннемезолитических стоянок Лесостепного Подонья. 1-12, 14, 23 – Ильмень-Голова; 13, 15, 17-19, 21 – Плаутинская 2; 2, 16, 20, 22 – Самотоевка (1-12, 14, 15, 17, 21, 23 – кварцит; 13, 16, 18, 19, 20, 22 – кремень*

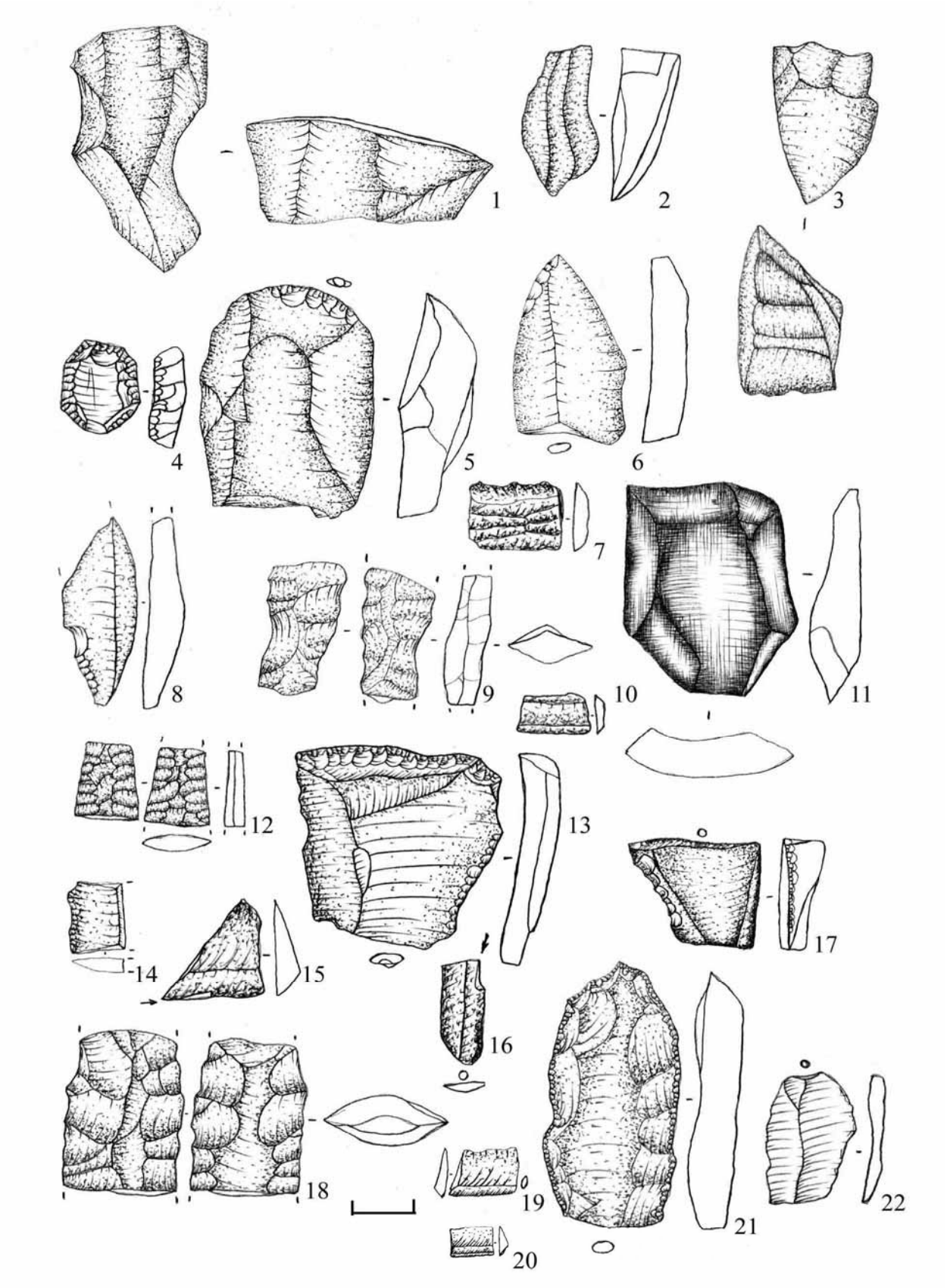


Рис. 3. *Каменный инвентарь среднего (развитого) этапа мезолита Лесостепного Подонья.*
1, 5, 6 – Дубки 1; 2-4, 8, 9, 11-14, 17 – Каменка 2; 7, 10, 15, 16, 18, 21. 22 - Каменка 1; 19, 20 – Устье Савалы
(1-10, 12-21 – кварцит; 11 – кость; 22 – кремень)

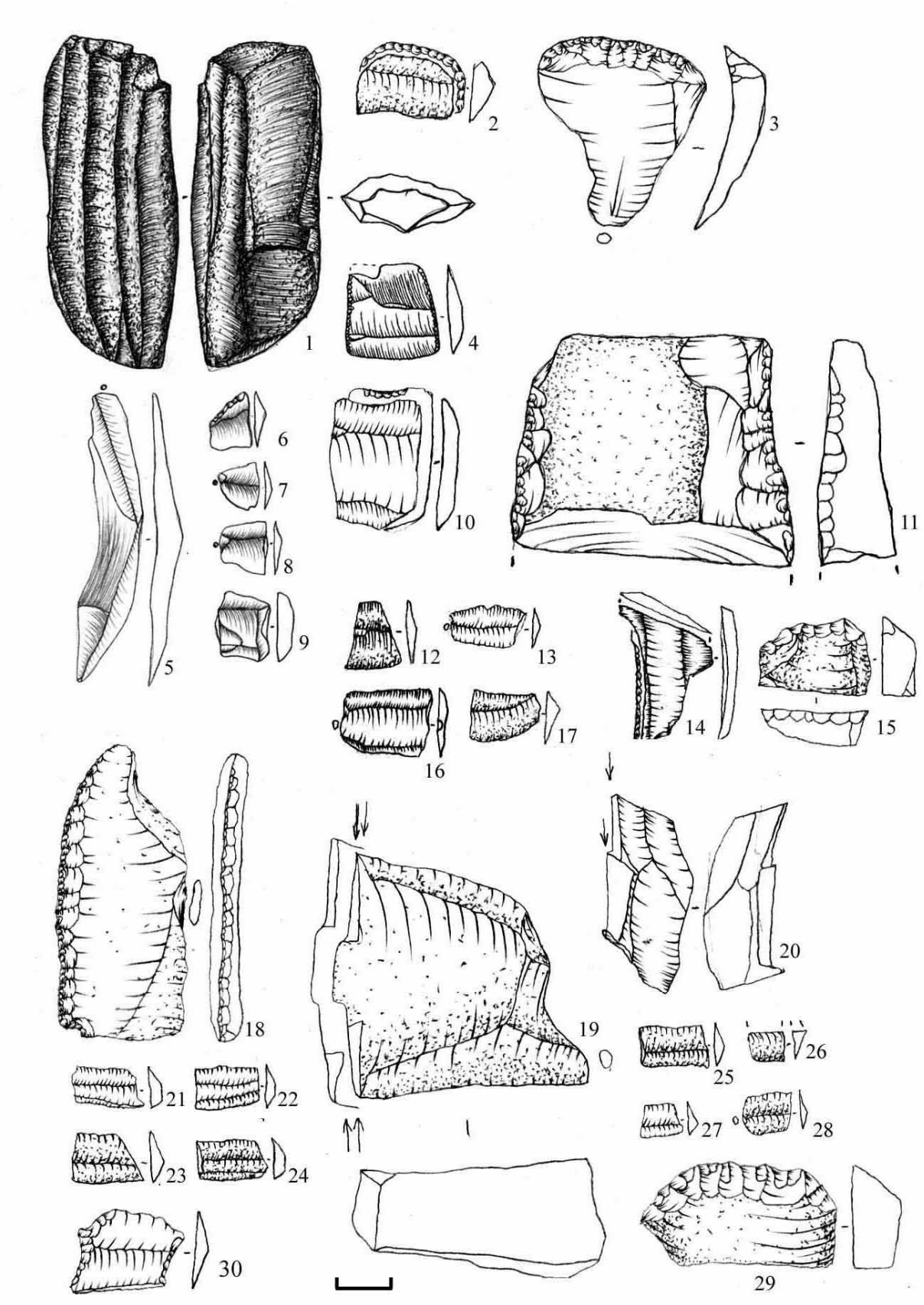


Рис. 4. *Каменный инвентарь позднемезолитических стоянок Лесостепного Подонья.*
1, 4-9 – Верхний Карабут 2; 2, 3, 10, 11 – Плаутинская 4; 12-30 –Дубки 2 (1, 2, 12, 13, 15, 17-19, 21-29 – кварцит; 3-10, 14, 20, 30 – кремень

нем случае снятие пластин и отщепов производилось под прямым углом к противоположной плоскости скалывания (рис. 3, 1, 3). Почти все орудия изготовлены на отщепах (рис. 3, 4-6, 8, 9, 11, 12, 15, 17, 18, 21), пластины немногочисленны и фрагментированы, имеют средние и крупные размеры (рис. 3, 7, 10, 14-16, 19, 20, 22). Среди изделий из пластин заслуживает внимания медиальное сечение с заструганной спинкой, имеющее вид прямоугольника со стоянки Каменка 1 (рис. 3, 7). Еще несколько таких предметов было извлечено из обнажения культурного слоя памятника. Транке отсутствуют. Для всех стоянок рассматриваемого периода характерно наличие концевых и конце-боковых скребков на отщепах (рис. 3, 3-5, 13, 21), угловых и боковых резцов (рис. 3, 16).

Примечательно, что на стоянках Каменка 1 и Каменка 2 обнаружены изделия с бифасиальной обработкой, представленные фрагментами наконечника стрел и дротика (рис. 3, 12, 18), а также обломком предмета неясного назначения, имеющим ромбическое сечение (рис. 3, 9). Первый фрагмент принадлежал подтреугольному наконечнику с тонким линзовидным сечением, обработан струйчатой пологой ретушью по всей поверхности (рис. 3, 12). Второй, имеющий в плане вид плоского пятиугольника – от наконечника массивного дротика (рис. 3, 18). К сожалению, черешковые части не сохранились, что не позволяет более точно установить культурно-хронологическую принадлежность изделий. Прием двусторонней обработки поверхности охотничьего орудия в мезолите встречается достаточно редко, в основном, в памятниках северо-запада лесной зоны. А.А. Хрековым подобная ситуация была прослежена при исследовании многослойных стоянок Верхнего Похоперья (Хреков А.А., 1992).

Поздний мезолит: стоянки и местонахождения Верхний Карабут 1, 2, Монастырская 1, Дубки 2, Пыховка 2, Плаутинская 4. Памятники этого времени, как и неолитические, располагаются в низких участках бассейнов рек-притоков Дона, как правило, на песчаных дюнных всхолмлениях или оконечностях первой надпойменной террасы. Культурные слои расположены в супеси, имеют собственную, более темную окраску (Дубки 2, Плаутинская 4) и часто подвержены дефляционным процессам.

Техника первичного расщепления базируется на утилизации одноплощадочных клиновидных и двухплощадочных нуклеусов (рис. 4, 1). Первые в результате сработанности часто приобретают карандашевидную форму. Основной заготовкой для изготовления орудий являются пластины, и, хотя отщепы также составляют весьма высокий процент, большинство из них можно отнести к отходам производства. Отметим, что в материалах заключительного периода развития мезолита встречается больше кремня, тогда как в памятниках предшествующих этапов кремневые находки единичны. Сечения пластин без дополнительной подработки составляют самый многочисленный тип находок (рис. 4, 6-10, 12, 13, 16, 17, 21-28), что сближает рассматриваемые индустрии со среднедонскими (Синюк А.Т., 1985; 1986; Федюнин И.В., 2003).

Встреченные на стоянках Среднего Похоперья геометрические микролиты представлены сегментом, ретушированным по дуге со стороны брюшка пластины (рис. 4, 2), а также транкированной пластиной, один из боков которой имеет оформленный ретушью выступ (рис. 4, 30). Они позволяют еще раз подтвердить гипотезу А.Т. Синюка о юго-восточных корнях каменной индустрии позднемезолитических и ранненеолитических памятников Среднего Дона (Синюк А.Т., 1985; 1986), вместе с тем увеличивая возможный ареал миграции в Доно-Волжскую Лесостепь. Между тем в среднедонских и прихоперских позднемезолитических памятниках присутствуют и различия: для последних характерно наличие серий резцов, в изготовлении транкированных орудий использовалась техника микрорезцового скола (рис. 4, 30); встречены фрагменты ассиметричных черешковых наконечников стрел на пластинах (рис. 4, 14). В памятниках Похоперья достаточно много сечений пластин, расколотых вдоль по ребру (рис. 4, 26), что свидетельствует о несколько иных способах использования данного типа изделия.

Стратиграфические и топографические условия залегания позднемезолитических

материалов Среднего Дона и Среднего Похоперья едины – как правило, культурные слои памятников приурочены к слою слабогумуссированной супеси. По Е.А. Спиридоновой, нижний слой стоянки Монастырская 1 соответствует этапу наибольшей аридизации климата, имевшей место 7200 лет назад (Спиридонова Е.А., 1991). Эту дату мы должны признать рубежной в понимании культурно-хронологических процессов бытования позднемезолитических древностей Лесостепного Подонья.

Необходимо отметить, что приведенная выше схема периодизационного членения мезолита Лесостепного Подонья, несомненно, с течением времени будет подвергаться корректировке, но выделение развитого этапа эпохи помогает ответить на многие вопросы истории развития мезолита, учитывая то, что памятники рассматриваемой эпохи не имеют абсолютных дат.

Если при сравнении индустрий раннего и развитого мезолита обнаруживается достаточно много общих черт, таких, как отщеповый характер техники первичного раскалывания, наличие устойчивых групп скребков, скобелей и резцов, то памятники развитого и позднего мезолита такого сходства не обнаруживают, что сильно усложняет хронологическую картину развития эпохи. Вопрос о длительности всех представленных периодов развития эпохи следует оставить открытым. На наш взгляд, временные границы бытования мезолитических древностей, особенно развитого и позднего этапов, могут быть очень сжатыми. Последние не имеют каких-либо общих черт и представляются явлениями разнокультурного порядка.

Наличие орудий с бифасиальной обработкой в развитом мезолите в какой-то степени изменяет и представления о развитии традиции изготовления каменного инвентаря ранненеолитических памятников рассматриваемой и сопредельных территорий. Так, например, Р.В. Смольяниновым в настоящее время для территории Верхнего Дона выделяется древнейший, на его взгляд, тип ранненеолитических памятников с точечно-ямочной керамикой, каменный инвентарь которых, достаточно развитый, представлен орудиями с уни- и бифасиальной обработкой. Мы можем увязать в предположительном плане происхождение данного типа памятников с традицией обработки камня предложенного среднего (развитого) этапа мезолита (стоянки Каменка 1, Каменка 2, Дубки 1, Дубки 3). На основании анализа каменного инвентаря позднемезолитических и ранненеолитических памятников Среднего Дона нами уже выделялись два типа ранненеолитических стоянок: 1) с преобладанием сечений пластин при спорадической встречаемости целых экземпляров; 2) с очень малым количеством фрагментированных пластин при наличии целых экземпляров (Федюнин И.В., 2003). К первой группе относятся стоянки Верхний Карабут 2, Монастырская 1, Затон 1; сюда же может быть отнесена Университетская 3. Ко второй группе – Копанище 1, 2, Черкасская, Дрониха, Щучье 2. Интересно отметить, что для памятников второй группы характерно наличие большого количества орудий на отщепах, а двустороннеобработанные каменные находки, выявленные в нижних горизонтах, могут соответствовать и ранним этапам развития неолита.

Необходимо отметить, что предложенная в настоящей работе схема периодизации памятников мезолита для сопредельных территорий и прежде всего для Среднего Дона сложна для корреляции. Так, на Среднем Дону еще не выявлено памятников развитого этапа. Однако, учитывая малую плотность мезолитического населения, отдельный этап развития эпохи может быть просто не представлен в Подонье, или еще не выявлены места концентрации мезолитических памятников. Помочь же решить эти проблемы могут только новые исследования.

Бессуднов А.Н., 1997. Мезолитические памятники Лесостепного Подонья. Автореф. канд. дисс. Воронеж.

Бессуднов А.Н., 1999. О хозяйственном укладе мезолитических племен Лесостепного Подонья // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж.

Галимова М.Ш., 2001. Палеолит и мезолит Камско-Вятского междуречья. Москва-Казань.

Жилин М.Г., Энговатова А.В., Уткин А.В., Костылева Е.Л., 2002. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. М.

Кольцов Л.В., 1989. Мезолит Волго-Окского междуречья / Мезолит СССР. М.

Синюк А.Т., 1985. Стоянка Монастырская как источник для выделения мезолита и периодизации неолита на Среднем Дону // Археологические памятники на территории Европейской части СССР. Воронеж.

Синюк А.Т., 1986. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж.

Спиридонова Е.А., 1991. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене – голоцене. М.

Сурков А.В., 2002. Отчет об археологической разведке по р. Савала в 2002 г. // Архив ИА РАН.

Федюнин И.В., Чекменев Ю.А., 2002. О перспективах выделения Новохоперского археологического микрорайона // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж.

Федюнин И.В. Стоянка Ильмень-Голова в лесостепном Похоперье // Тезисы докладов научной конференции, посвященной 100-летию А.Е. Алиховой. Пенза. В печати.

Федюнин И.В. Позднемезолитические памятники Среднего Дона (современное состояние проблемы) // Тверской археологический сборник. Вып 6. В печати.

А.В. Сурков
(Воронеж, ВГПУ)

Неолитическая стоянка Плаутино 1 в Лесостепном Похоперье

Лесостепное Похоперье, являясь не только смежным по отношению к Дону и Волге, но и центральным географически районом в этом междуречье, довольно слабо изучено. Лишь в последние годы здесь стали проводится систематические раскопки памятников эпохи неолита (Еремин В. И., 1989; Хреков А. А., 1992; 1997). В Среднем Похоперье до последнего времени не было исследованных памятников, что обусловило интерес автора к данному региону.

В 2003 г. экспедицией ВГПУ была раскопана стоянка Плаутино 1, расположенная в приустьевой части р. Савала на южной оконечности берегового вала, возвышающегося над поймой на 2 м (рис. 1; 3, 1).

Рис. 1. *Стоянка Плаутино 1*

Стоянка обнаружена в 1981 г. В. В. Килейниковым, с поверхности вала были собраны керамика и каменные находки, отнесенные им к позднему мезолиту и неолиту (VII – III тыс. до н.э.) (Килейников В. В., 2000). В 2002 г. данный памятник обследован в ходе разведочных работ. Стоянка активно разрушалась рекой, и возникла угроза полного исчезновения памятника, поэтому было принято решение о проведении охранных раскопок.

Рис. 2. *Вид раскопа с юго-запада*

Раскоп 2003 года был разбит на участке с сохранившимся культурным слоем и своей южной стороной примыкал к обрывистому

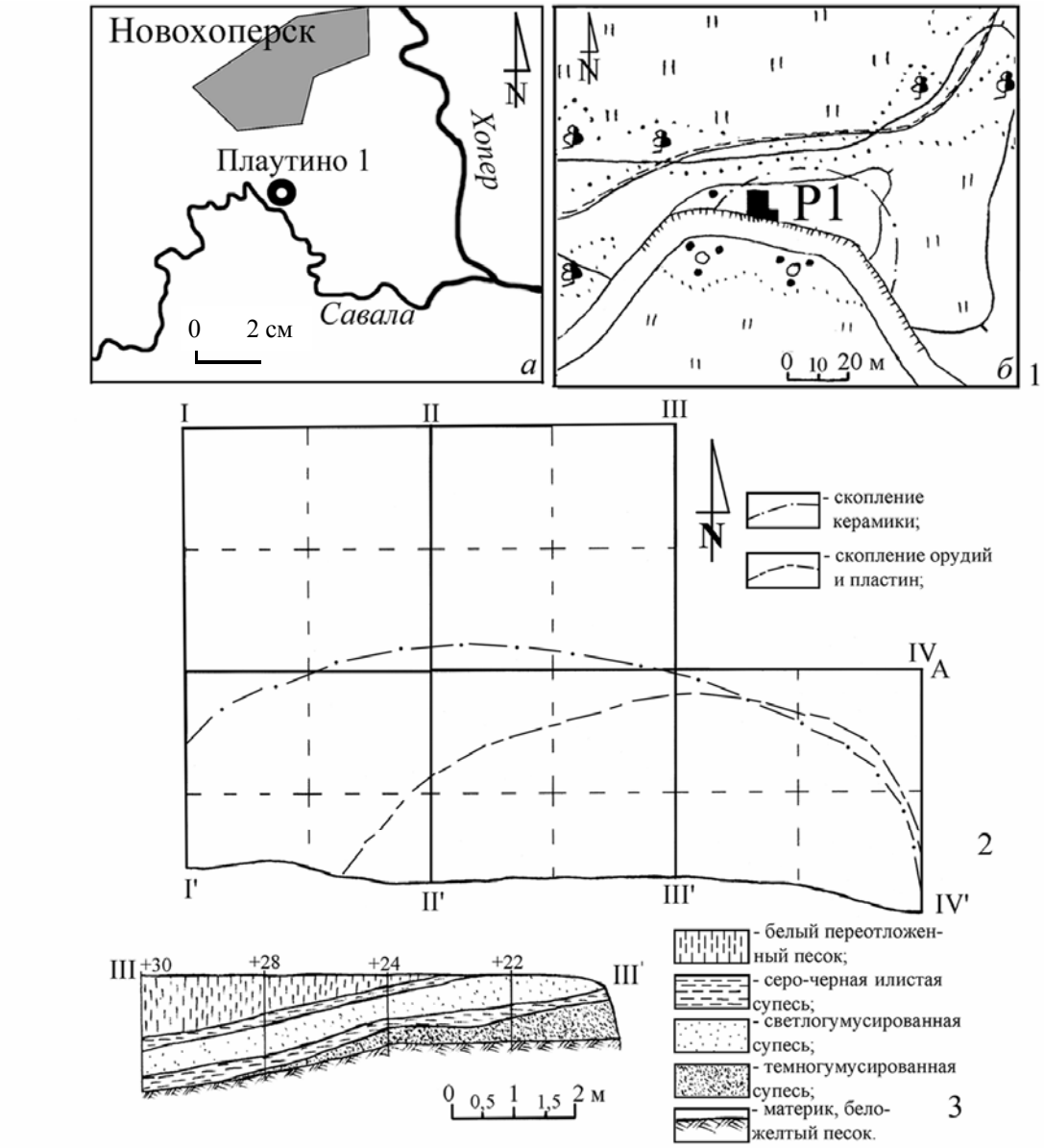


Рис. 3. *Стоянка Плаутино 1.*
1 – ситуационный план (а – расположение стоянки; б – топография памятника); 2 – план раскопа; 3 – стратиграфия наслоений

берегу реки. Общая площадь раскопа составила 68 кв. м (рис. 2; 3, 2). Находки были встречены в слое темной гумусированной супеси, расположенном над материковым белым песком и перекрытом сверху двумя илистыми прослойками, которые разделял слой светлой супеси, еще выше залегал слой белого переотложенного песка (рис. 3, 3).

Стратиграфические и планиграфические наблюдения показали сохранность культурного слоя в южной половине раскопа, где его мощность достигала 0,6-0,8 м, тогда как в северной части сходила на нет. В раскопе было обнаружено 252 фрагмента неолитической керамики (таблица 1) и 174 каменных находки (таблица 2).

Как видно из таблицы 1 (группы керамики выстроены в порядке убывания абсолютного количества фрагментов) большинство обнаруженной в раскопе керамики – 32% — относится к дронихинскому типу (рис. 4). Данная керамика орнаментирована прочерченными линиями в сечении овальными или подпрямоугольными, составляющими композиции в виде горизонтальной елочки (рис. 4, 1, 3-4, 8), сетки из перекрещивающихся линий (рис. 4, 5), зигзагов. На некоторых фрагментах линии сочетаются с глубокими подовальными наколами, выполненными, вероятнее всего, тем же инструментом, что и линии. На некоторых венчиках срез украшен оттисками короткой и узкой гребенки или ногтевыми вдавлениями. Судить о форме сосудов данной группы

Таблица 1

Группа керамики	венчики Венчики	стенки Стенки	днища Днища	Кол-во	В %	Всего
Дронихинский тип	9	68	2	79	32	252
Среднедонская накольчатая	-	41	-	41	16	
Елшанская	3	38	-	41	16	
Подовально-накольчатая	5	32	-	37	15	
Гребенчатая и ямочно-гребенчатая	2	26	-	28	11	
Ямочная	4	14	-	18	7	
Ямочно-накольчатая	4	4	-	8	3	

можно весьма условно. Вероятнее всего, это были горшки с плоским (или уплощенным) дном, в основном прямостенные, за исключением двух, имевших биконическую форму, с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком. Состав теста керамики практически однороден – это илистые запесоченные глины с естественным содержанием небольшого количества органики. Для керамики этого типа характерны следы расчесов изнутри. В некоторых случаях в тесте прослеживается преднамеренное добавление органики. Как правило, такие фрагменты слегка подлощены снаружи, а линии нанесены палочкой с размочаленным концом.

Следующие две группы керамики равны в количественном отношении – по 41 фрагменту. Это керамика среднедонской и елшанской культур. К среднедонской культуре нами отнесены фрагменты стенок с накольчатой орнаментацией, выполненной в отступающей манере, треугольной или подпрямоугольной формы (рис. 5). Композиционно наколы выстроены в горизонтальные или наклонные ряды, иногда нанесены в строчечной манере. В тесте керамики примеси отсутствуют, изготовлена она из илистых запесоченных глин. Судить о форме сосудов трудно, поскольку в раскопе не обнаружено венчиков и днищ, а стенки все прямые.

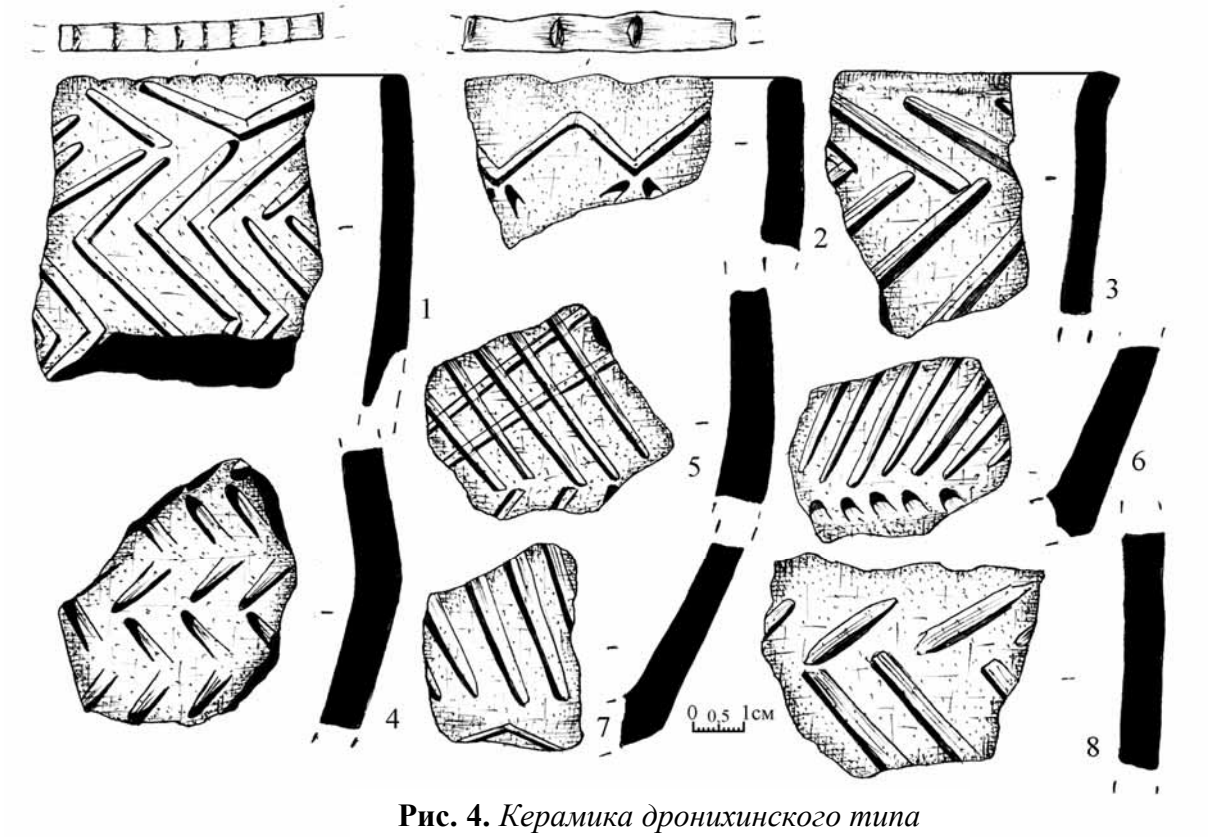


Рис. 4. *Керамика дронихинского типа*

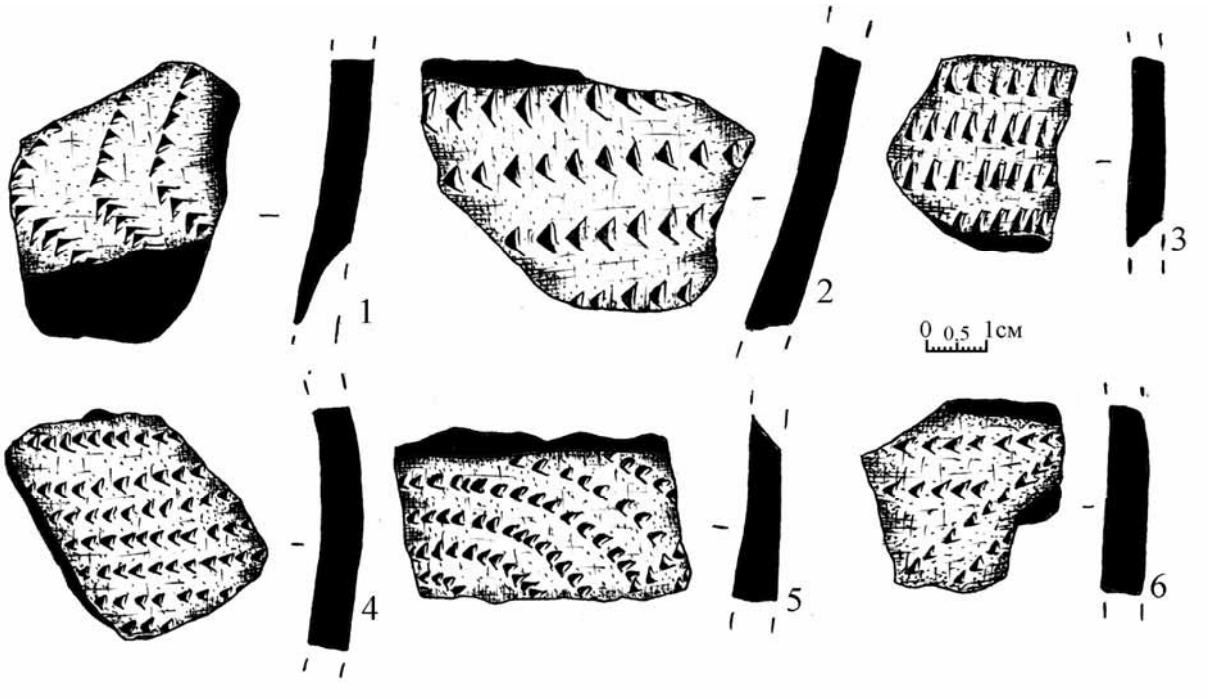


Рис. 5. *Керамика среднедонской культуры*

Среди находок стоянки Плаутино 1 огромный интерес вызывает керамика елшанской культуры, составляющая значительную в количественном отношении группу (рис. 6). Эту керамику отличает хорошая залощенность обеих поверхностей, слабая орнаментированность наколами и прочерченными линиями, состав теста – хорошо отмученная однородная глинистая масса без видимых примесей, а также лоскутный способ лепки сосудов. Наколы на этой керамике небольшие и неглубокие треугольной (рис. 6, 4) или подпрямоугольной формы (рис. 6, 1, 3), иногда спарены (рис. 6, 2, 4) и выстроены в горизонтальные ряды. Прочерченные линии, так же как и наколы, очень неглубокие и узкие (рис. 6, 5-7).

Среди керамики этой группы фрагментов днищ не обнаружено, поэтому судить об их форме нельзя. Стенки сосудов в основном прямостенные, иногда с выделенным переходом к венчику (рис. 6, 4). Среди венчиков два отогнуты наружу (рис. 6, 1-2), а

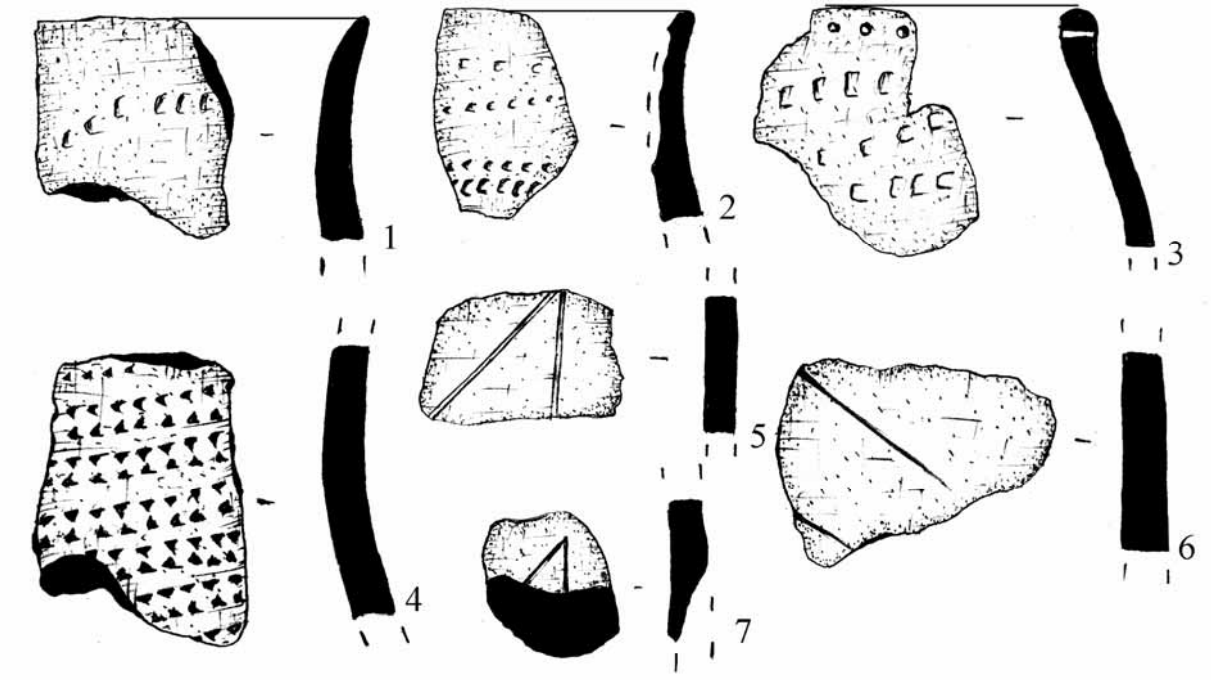


Рис. 6. *Керамика елшанской культуры*

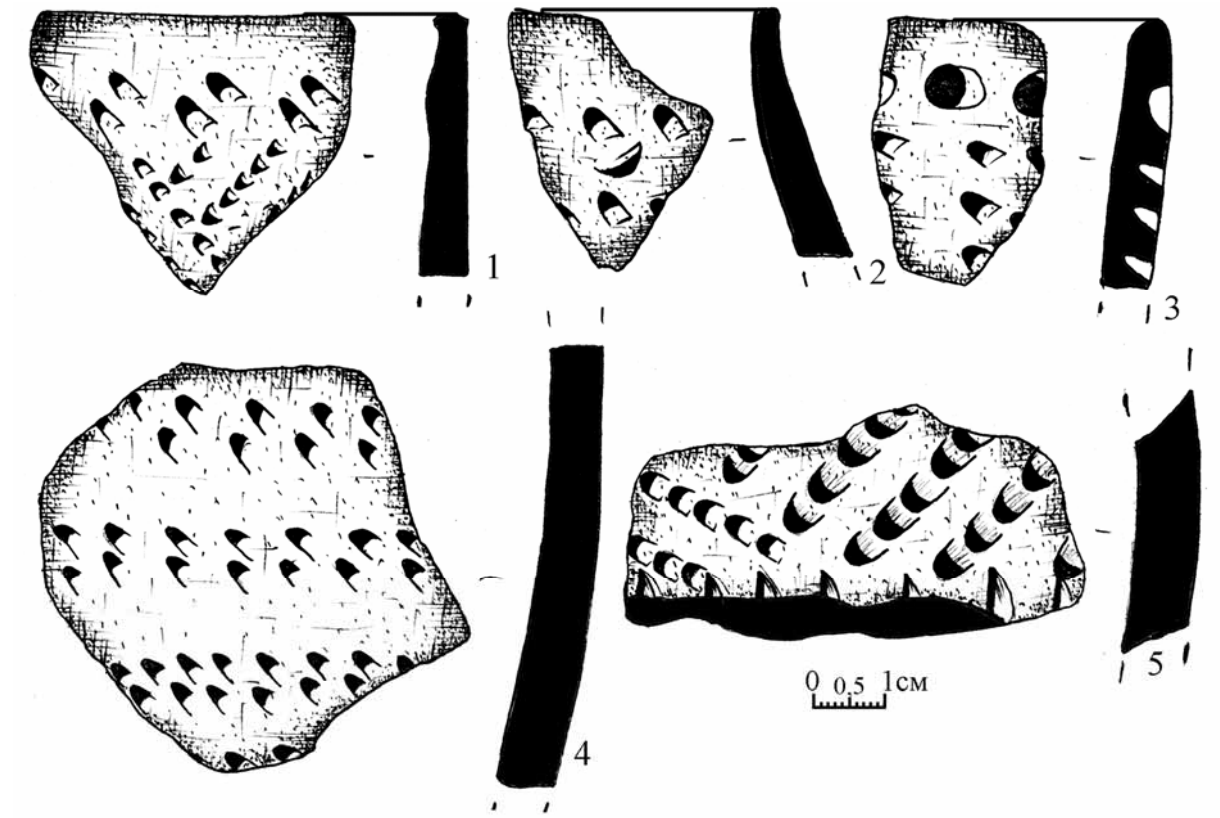


Рис. 7. *Керамика с подовально-накольчатой орнаментацией*

один с утолщением от закрытого сосуда, у которого по утолщению идет ряд небольших сквозных отверстий (рис. 6, 3).

Немного меньше керамики (37 фрагментов) с подовально-накольчатой орнаментацией выделено нами в самостоятельную группу (рис. 7). Она отличается от среднедонской керамики прежде всего по овальной форме накола, нанесенного не углом пластины, а овальной или размочаленной палочкой. Помимо этого, в тесте ряда фрагментов керамики данной группы встречена органическая примесь. Наколы подовальной формы различного размера и глубины, иногда выполнены в отступающей манере (рис. 7, 1. 5). Часто на одном фрагменте сочетаются два вида наколов, различающихся размером (рис. 7, 1, 5). Форма сосудов практически не реконструируется – все стенки прямые, а венчики есть как прямые (рис. 7, 1, 3), так и закрытые (рис. 7, 2).

Пятая группа керамики представлена фрагментами от сосудов с гребенчатой и ямочно-гребенчатой орнаментацией – 28 единиц, что составляет 11% от общего числа.

Среди этой керамики гребенчатый штамп имеет различную форму – как длинную пяти- шестизубчатую (рис. 8, 3-5), так и короткую трехзубчатую (рис. 8, 2). Композиционно гребенка выстроена в горизонтальные ряды, являясь либо самостоятельным элементом, либо разделителем зон ямочных вдавлений (рис. 8, 5). На ряде фрагментов гребенкой выполнена горизонтальная елочка (рис. 8, 3-4). Под венчиком у керамики этой группы встречается ряд ямок (рис. 8, 1-2). В тесте большинства керамики этой группы имеется органическая примесь, иногда обильная (рис. 8, 1). Придонных частей и днищ не обнаружено, стенки и венчики прямые.

Всего 18 фрагментов керамики орнаментировано ямочными вдавлениями (рис. 9).

Ямки имеют различную форму и размер: овальные (рис. 9, 2, 4-5), подпрямоугольные (рис. 9, 1), в виде медвежьих лапок (рис. 9, 3). На некоторых фрагментах изнутри имеются негативы (рис. 9, 1, 3, 4). Основной композицией являются горизонтальные ряды ямок, заполняющие практически всю внешнюю поверхность. Состав теста однороден: глина без видимых примесей, за редким исключением встречается органика. О форме сосудов этой группы, так же как и предыдущей, судить трудно. Имеются только прямые стенки и венчики, как открытые, так и закрытые.

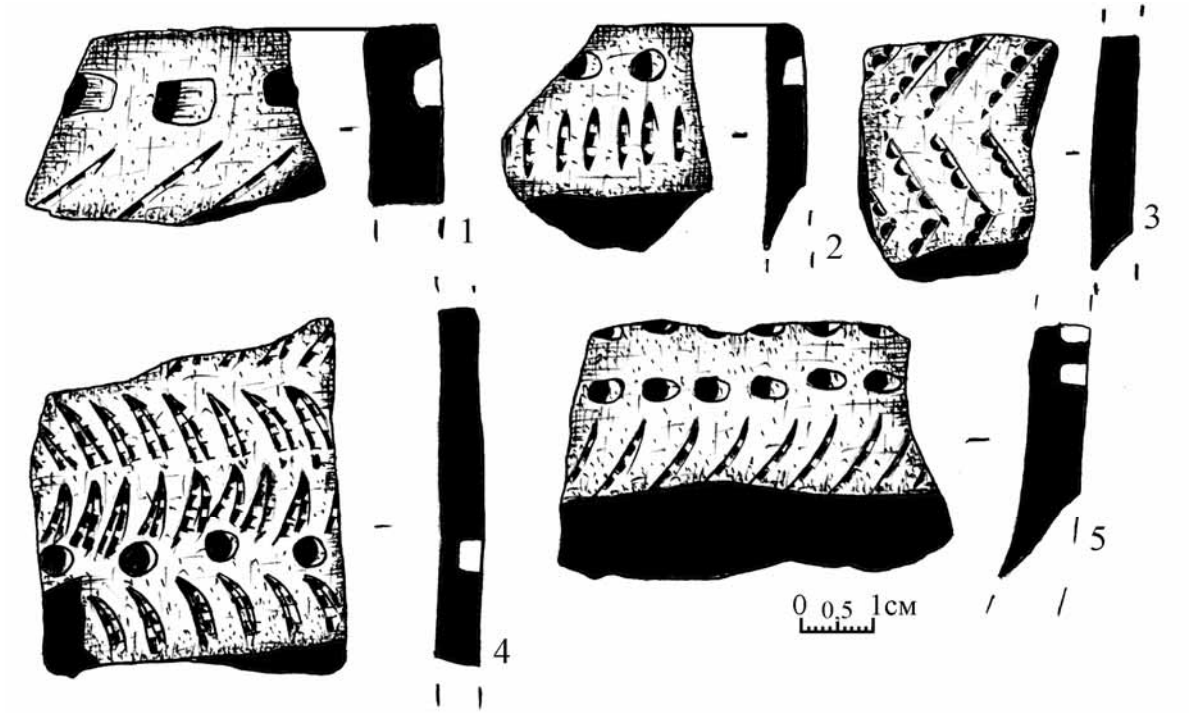


Рис. 8. *Керамика с гребенчатой и ямочно-гребенчатой орнаментацией*

Незначительную группу (8 единиц) составляет керамика с ямочно-накольчатой орнаментацией (рис. 10). На этой керамике горизонтальные ряды ямок и подтреугольных наколов сочетаются друг с другом. Имеется один фрагмент венчика, на котором наколы сочетаются с оттисками панциря улитки (рис. 10, 1). По тесту эта керамика более близка к керамике среднедонской культуры, а в двух фрагментах встречена примесь органики. Судя по стенкам и венчикам, сосуды этой группы были прямостенными.

Планиграфически рассмотренные группы керамики не выделяются. Применение при раскопках памятника методики поглубинной фиксации каждой находки позволило сделать некоторые выводы относительно стратиграфического соотношения в залегании керамики той или иной группы. Поскольку исследован лишь периферийный участок стоянки, то выводы относительно некоторых групп керамики условны.

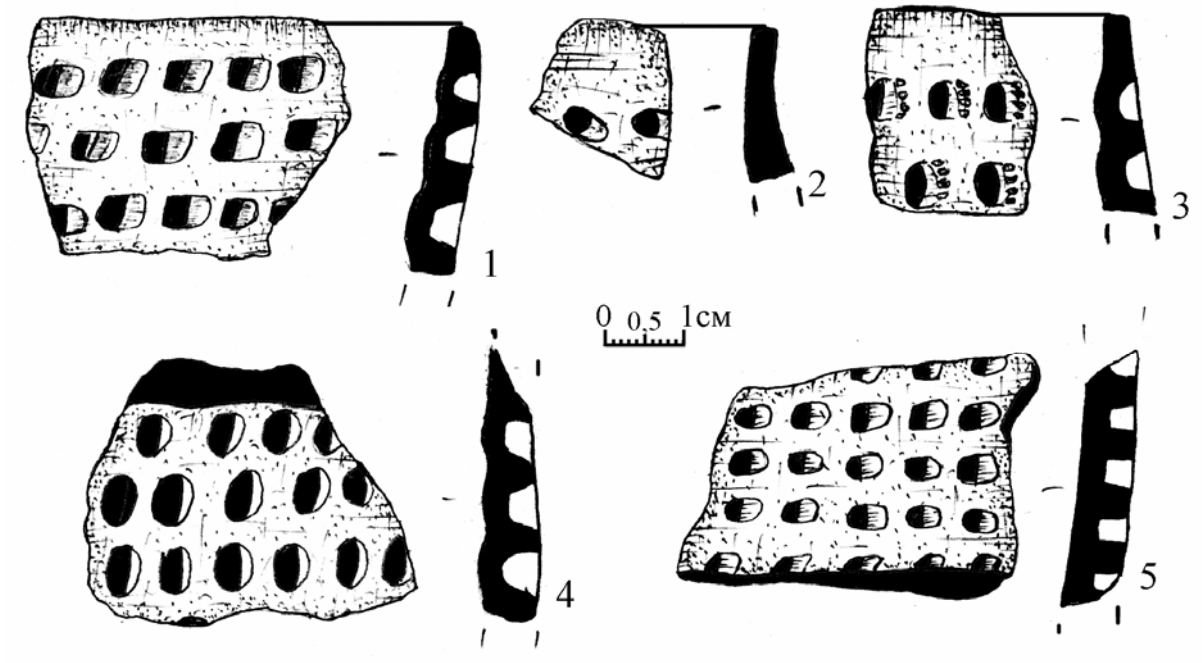


Рис. 9. *Керамика с ямочной орнаментацией*

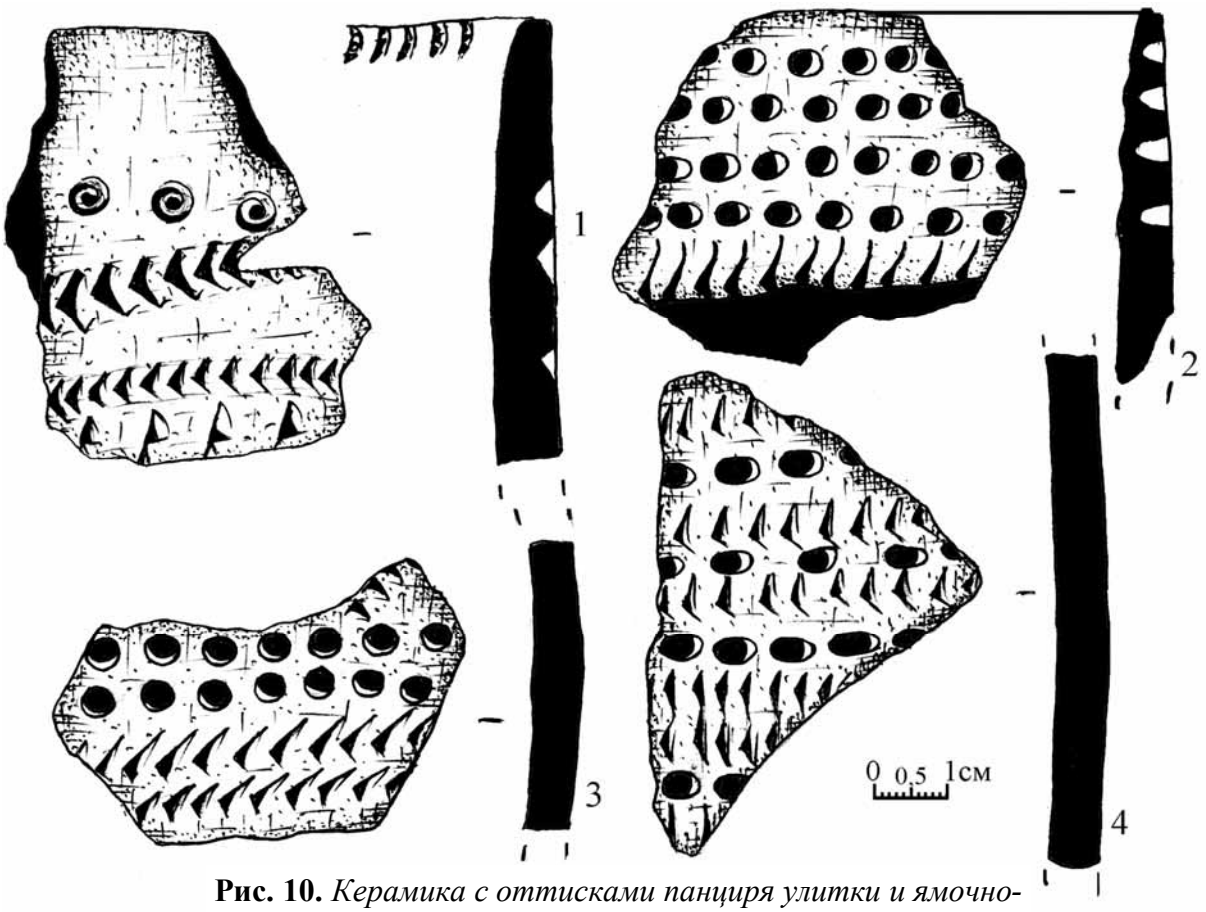


Рис. 10. *Керамика с оттисками панциря улитки и ямочно-накольчатой орнаментацией*

В самом основании слоя залегала керамика елшанской культуры. Несколько выше ее располагались материалы среднедонской культуры и дронихинского типа. Остальная керамика залегала выше этих групп, но вычленить их самостоятельное положение не удалось.

Как уже говорилось, в слое было найдено 174 единицы каменных находок, причем около 70 % из них были выполнены из кварцита, а остальные — из кремня (за исключением трех находок из сланца).

Явное преобладание кварцита можно объяснить наличием поблизости от памятника естественных выходов данного сырья. Подобное соотношение наблюдается на всех известных неолитических стоянках в Среднем Похоперье, что позволяет преобладание кварцита считать также и специфическим признаком для всего региона.

Большую часть каменных находок составляют отходы производства и необработанные отщепы. Среди находок имеется конический одноплощадочный нуклеус для снятия микропластин из серо-черного кремня (рис. 11, 1) и поперечный скол с кварцитового нуклеуса. Орудия на отщепах представлены в основном скребками различной формы (рис. 11, 2), найден и резец на кремневом сколе (рис. 11, 4). Орудие из сланца представляет собой обломок либо тесла, либо топора (рис. 11, 3). В слое найдено

Таблица 2

Отщепы и Отходы пр-ва			Орудия на отщепах			Нуклеусы и их сколы		Пластины, орудия и сечения	
кварцит	кремень	др.	кварцит	кремень	др.	Кв.	Кр.	Кв.	Кр.
79	22	2	8	2	1	1	1	31	27
103			11			2		58	
174									

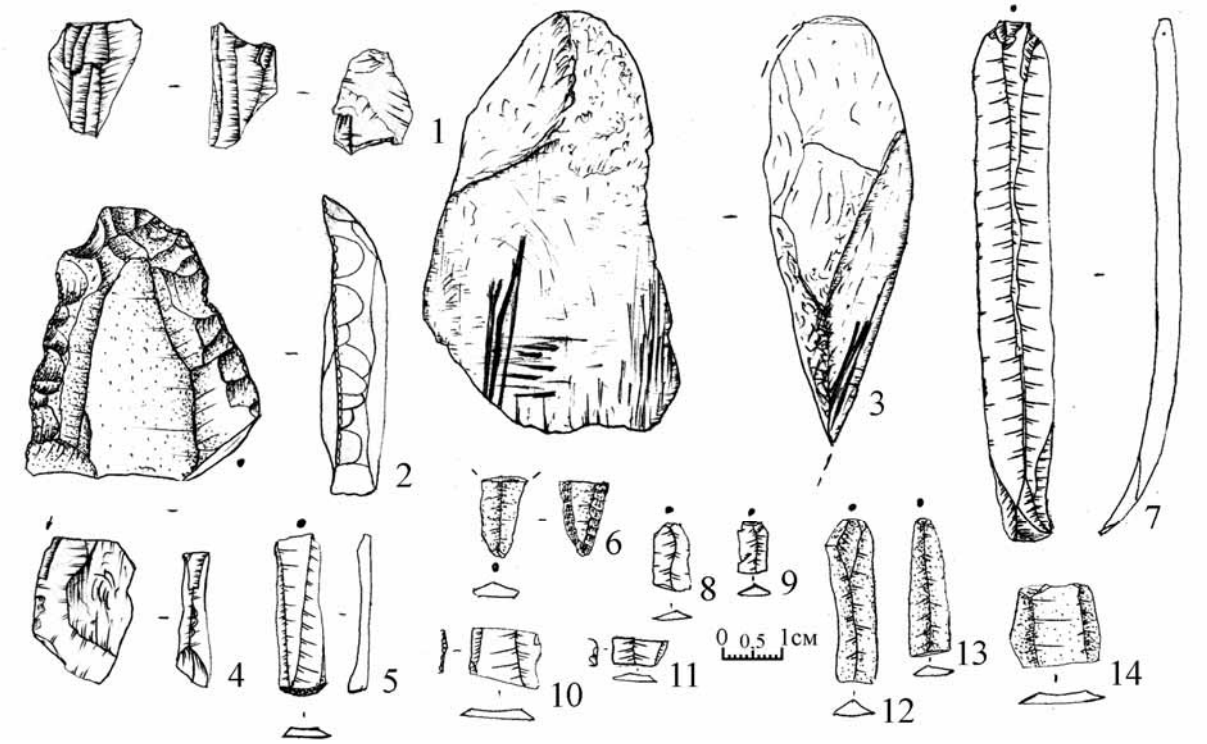


Рис. 11. *Каменный инвентарь (1, 4, 5, 7-11 – кремень; 2, 6, 12-14 – кварцит; 3 – сланец)*

большое количество пластин, орудий на них и их сечений (рис. 11, 5-14). Среди них миниатюрный концевой скребок из желто-коричневого кремня (рис. 11, 5), обломок черешковой части кварцитового наконечника (рис. 11, 6), целая пластина из черно-коричневого кремня (рис. 11, 7), а остальные – сечения различных частей пластин (рис. 11, 8-14).

Определить стратиграфическую позицию того или иного типа каменных находок совместно с керамикой не удалось, поскольку камень залегал на разных глубинах, не давая четких серий. Планиграфически было зафиксировано скопление каменных орудий и пластин в юго-восточной части раскопа (рис. 3, 2).

Помимо материалов, найденных в раскопе, в 2002 и 2003 г. с поверхности стоянки и со дна реки была собрана значительная коллекция, позволяющая во многом дополнить общее представление о культурной принадлежности памятника.

Керамические находки – 472 единицы – представлены теми же группами, что и материалы раскопа (таблица 3).

В количественном отношении среди керамики из сборов на первом месте так же дронихинский тип (рис. 12, 5, 9), затем идет гребенчатая и ямочно-гребенчатая (рис. 12, 4), керамика среднедонской культуры (рис. 12, 6, 8), подовально-накольчатая (рис. 12, 7), ямочная и елшанская (рис. 12, 1-3). Самой малочисленной группой, как и в

Таблица 3

Группа керамики	Количество	В % от общего числа	Всего
Дронихинский тип	162	34	472
Гребенчатая и ямочно-гребенчатая	80	17	
Среднедонская накольчатая	68	14,5	
Подовально-накольчатая	56		
Ямочная	54	11,5	
Елшанская	43	9	
Ямочно-накольчатая	9	2	

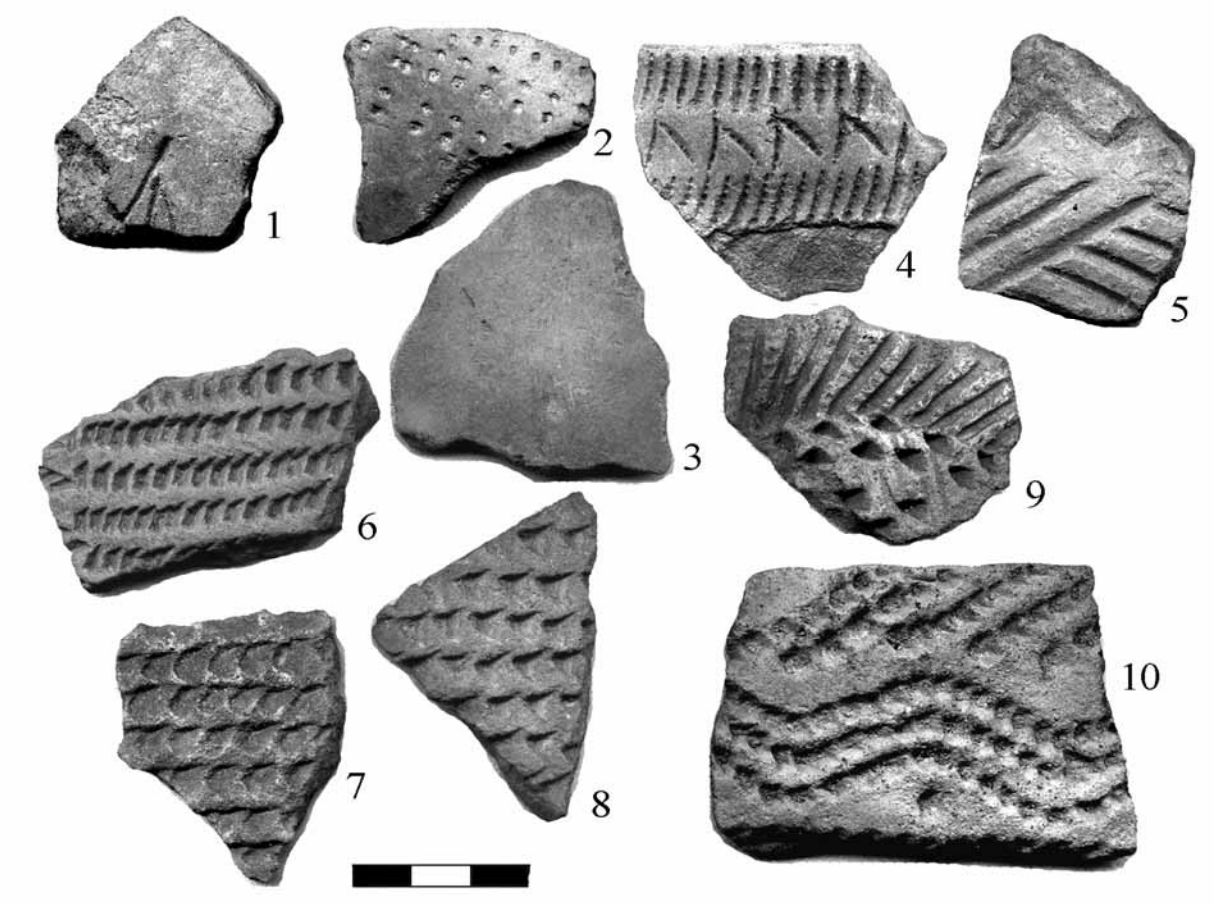


Рис. 12. *Керамика из сборов*

материалах раскопа, является керамика с ямочно-накольчатой орнаментацией. В целом данная керамика аналогична описанной выше. Среди керамики из сборов интересен фрагмент венчика с гребенчатой орнаментацией в шагающей манере (рис. 12, 4), фрагмент венчика, украшенный подовальными наколами в отступающей манере, составляющих композицию из трех зигзагообразных рядов и рядов наклонных линий (рис. 12, 10).

Данные о каменных находках из сборов сведены в таблицу 4. Всего было найдено 2629 единиц, среди которых только пятая часть – кремень, а остальное – кварцит. Немногочисленны (1,4 %) находки из сланца.

Каменные находки из сборов (рис. 13; таблица 4) в основном являются отходами производства и необработанными отщепами, далее идут пластины и их сечения. Среди орудий наибольшую группу составляют скребки различной формы (рис. 13, 5-6), затем идут скобели, резцы и перфораторы. К стамескам можно отнести три орудия (рис. 13, 2). Найден один обломок утюжка из коричневого сланца, реутилизированный в тесло (рис. 13, 4), и обломок рабочей части тесла из того же материала (рис. 13, 3). На памятнике найдено 11 наконечников стрел и их обломков, среди которых можно выделить два наконечника мезолитического облика (рис. 13, 7-8). Интересна находка просверленной подвески подквадратной формы из серого сланца (рис. 13, 1).

Не менее интересны найденные здесь геометрические микролиты (целые и в обломках), в количестве 20 единиц. Среди них – четыре трапеции со струганой спинкой из кремня (рис. 13, 11-12) и кварцита (рис. 13, 13-14), три асимметричные трапеции – две кварцитовых и одна кремневая (рис. 13, 18), два кремневых сегмента (рис. 13, 9-10). Остальные трапеции выполнены в основном из кварцита (рис. 13, 15-16), но есть и кремневые (рис. 13, 17, 19).

Переходя к определению культурно-хронологической позиции материалов стоянки Плаутино 1 отметим, что такое разнообразие культурных групп и разброс

Таблица 4

Тип находки		Материал			Всего
		кремень	кварцит	прочее	
Нуклеусы и их сколы		19	15		34
Пластины и их сечения	Целые	16	25		292
	Прокс.	33	54		
	Мед.	47	71		
	Дист.	14	32		
Орудия	Скребки	12	28		83
	Скобели	3	7		
	Резцы	2	11		
	Стамески	1	2		
	Утюжок			1	
	Тесла			1	
	Перфораторы		4		
	Наконечники	1	10		
Геометрические. микролиты	Трапеции со струганой спинкой	2	2		20
	Асимметричные трапеции	1	2		
	Трапеции	3	8		
	Сегменты	2			
Всего орудий, пластин, нуклеусов:		156	271	2	429
Отходы производства		395	1770	35	2200
Всего:		551	2041	37	2629
Всего в %		21	77,6	1,4	100

каменного инвентаря при отсутствии четкой стратиграфии наслоений во многом затрудняют их членение, поэтому основным критерием будет являться типология, основанная на аналогии с материалами сопредельных территорий.

Похоперье в целом расположено между двумя крупными культурными центрами – Подоньем и Поволжьем, которые оказали огромное воздействие на материальную культуру памятников рассматриваемого региона.

В материалах стоянки Плаутино 1 выделяется группа керамики елшанской культуры, которая, судя по имеющимся данным, является наиболее древней керамической культурой в междуречье рек Волги и Урала. При сопоставлении ее с другими неолитическими культурами Европы, она оказывается наиболее ранней и среди них (Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., 1998). В Лесостепном Поволжье ее датируют второй половиной VII – началом VI тыс. до н. э. (Мамонов А.Е., 2000). Самой ранней она является и для рассматриваемой стоянки, что подтверждается залеганием елшанской керамики в основании культурного слоя. Каменный инвентарь для данной группы керамики не вычленяется типологически, поскольку он во многом схож по характеру с материалами, сопутствующими накольчатой керамике. Говорить о территории, откуда появилась здесь елшанская керамика, на сегодняшний день затруднительно, поскольку вопрос о генезисе этой культуры дискуссионен. На наш взгляд, это, вероятнее всего, единый юго-восточный импульс как в Поволжье, так и в Похоперье на рубеже VII и

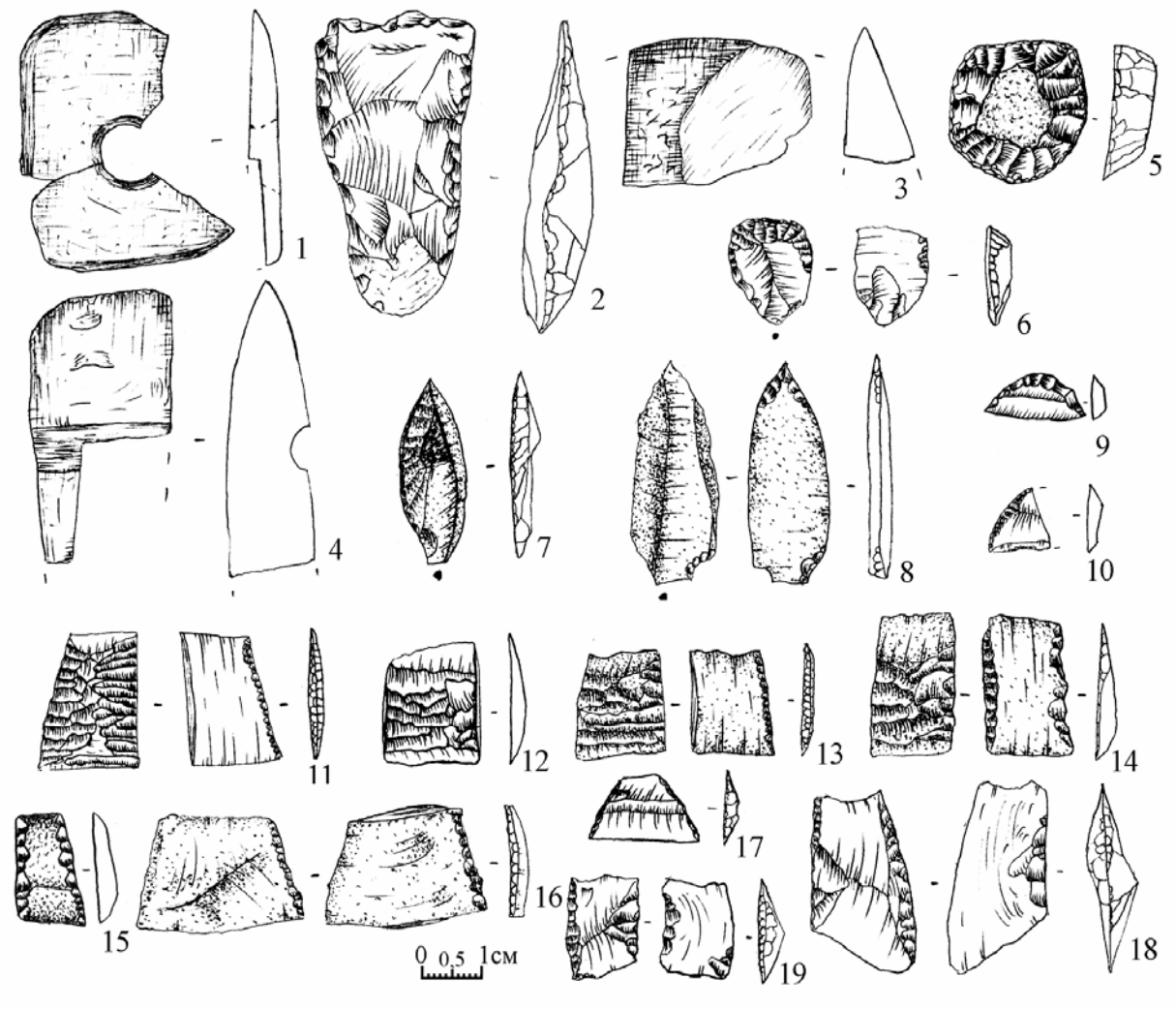


Рис. 13. *Каменный инвентарь из сборов*
(1, 3, 4 – сланец; 2, 5, 6, 9-12 – кремень; 7, 8, 13-16 – кварцит

VI тыс. до н.э.

Несколько выше залегала накольчатая среднедонская керамика и керамика дронихинского типа. При детальном рассмотрении обе эти группы находят прямые аналогии в материалах стоянок Нижнего Похоперья (Еремин В. И., 1989). Накольчатая керамика при этом является более ранней, а прочерченная – поздней. Можно предположить, что на волне юго-восточного импульса вслед за носителями елшанских традиций в V тыс. до н. э. в Похоперье, а затем и на Средний Дон проникли носители культуры с накольчатой орнаментацией керамики, сформировав на местной мезолитической основе среднедонскую культуру. Собственно Похоперье для этой культуры стало периферийной зоной, и она не получила здесь столь широкого распространения, как в Подонье.

Следующей волной явилось продвижение носителей керамики с прочерченной орнаментацией. Судя по тому, что она залегает несколько ниже ямочно-гребенчатой и ямочной керамики, и по датировкам аналогичной керамики в Нижнем Похоперье, ее появление можно датировать не ранее середины IV тыс. до н. э. В пользу юго-восточного происхождения этой группы керамики говорит серия геометрических микролитов и сечения микропластин, также находящих аналогии на Нижней Волге. По данным Варфоломеевской стоянки, исследованной А. И. Юдиным, струганые трапеции появляются уже в позднем неолите, тогда как для ранних слоев более характерны сегменты (Юдин А. И., 1990). Это еще раз подтверждает датировку дронихинского типа, поскольку сегментов всего два, тогда как трапеций – 18, из них со струганой спинкой – четыре. На Средний Дон эти культурные традиции, видимо, проникли

несколько позднее и не получили столь широкого распространения (за исключением собственно Дронихи).

Среди прочерченной керамики стоянки Плаутино 1 имеется несколько фрагментов с примесью растительности. Орнамент на ней нанесен не ровным инструментом, а размочаленной палочкой. Аналогии этой керамике имеются среди находок стоянки Рассказань III (Хреков А. А., 1997). По-видимому, она появилась на основе собственно дронихинской, но несколько позже.

Вопрос о дальнейшей судьбе дронихинского типа керамики пока не может быть решен однозначно. А. Т. Синюк предположил роль дронихинского компонента в сложении волосовской культуры (Синюк А.Т., 1986). Исследования последних лет позволяют нам предположить влияние прочерченных традиций в сложении имеркской энеолитической культуры (Королев А.И., 1998).

Несколько выше залегала керамика с подовально-накольчатой, ямочной, гребенчатой, ямочно-гребенчатой и ямочно-накольчатой орнаментацией. На стоянке Плаутино 1 вычленить стратиграфически различия между этими группами керамики не удалось.

Керамика с подовально-накольчатой орнаментацией неоднородна. Большая ее часть находит аналогии в накольчатых традициях Посурья и Примокшанья. Для этой территории данные материалы являются ранними и вытесняются в конце IV тыс. до н. э. носителями ямочно-гребенчатой традиции орнаментации. В Посурье накольчато-гребенчатая керамика существует вплоть до начала энеолита. Изучение неолита Сурско-Мокшанского региона привело исследователей к выводу о складывании здесь особой, гибридной гребенчато-накольчатой группы керамики (Выборнов А.А., 1988, с. 17). В. В. Ставицкий выделил внутри данной группы керамики часть накольчатой со среднедонскими чертами, а остальную связал, вслед за В.П. Третьяковым и А.А. Выборновым (Третьяков В.П., 1982; Третьяков В.П., Выборнов А.А., 1988), с верхневолжской культурой (Ставицкий В.В., 1998, с. 285).

Часть керамики среди группы с подовально-накольчатой орнаментацией технологически и композиционно близка материалам развитого и позднего этапов джангарско-варфоломеевской культуры.

Ямочная, гребенчатая и ямочно-гребенчатая керамика аналогична рязано-долговской культуре. Появление ямочно-гребенчатой керамики в лесостепном Похоперье следует связывать с миграцией населения из Волго-Окского междуречья. По-видимому, этот процесс начался не ранее второй половины IV тыс. до н.э. С этим временем связано начало более влажного климатического периода, в ходе которого происходило заболачивание речных и озерных водоемов (Спиридонова Е.А., Энговатова А.В. 1997, с. 121). Этот импульс на Хопре по многим показателям был более сильным, нежели на Дону, поскольку ямочно-гребенчатые комплексы продвинулись далеко на юг и практически полностью вытеснили накольчатую традицию. Это еще раз подтверждает самобытность и культурную значимость среднедонской культуры, накольчатая традиция которой сохранилась вплоть до пережиточного неолита. Контакты между этими культурами, вероятно, и сформировали ямочно-накольчатую традицию.

Среди ямочно-накольчатой керамики есть группа фрагментов, на которых ямки выполнены панцирем улитки. Такой орнамент изредка встречается в материалах стоянок Среднего Дона, Нижнего Поволжья. Его генезис и место в неолите Лесостепи и Степи остается невыясненным из-за малочисленности находок.

Существование памятников с ямочно-гребенчатой керамикой в Похоперье было, по-видимому, длительным и продолжалось вплоть до конца III тыс. до н.э., когда на территорию всей Восточно-европейской лесостепи проникли носители энеолитических традиций. Энеолит данного региона практически не изучен, поэтому определение его хронологической позиции затруднено.

Таким образом, материалы стоянки Плаутино 1 являются весьма значимыми для

изучения неолита Доно-Волжского междуречья не только потому, что это первый памятник на Среднем Хопре, изученный раскопками, но и потому, что сам характер его материальной культуры отражает основные культурообразующие и миграционные процессы в неолите Лесостепи.

Выборнов А.А., 1988. Соотношение культурных зон и миров, историко-культурных и этнокультурных областей в эпоху неолита // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск.

Еремин В.И., 1989. Неолитические поселения северо-западных районов Волгоградской области // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев.

Килейников В.В., 2000. Стоянки каменного века в низовьях р. Савалы (Среднее Похоперье).// Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк.

Королев А.И., 1998. Поселение Волгапино и проблема контактов волосовской и имерской культур на Мокше и Верхней Суре. // Тверской археологический сборник. Вып.3. Тверь.

Мамонов А.Е., 2000. Ранний неолит. Елшанская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара.

Синюк А.Т., 1986. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж.

Спиридонова Е.А., Энговатова А.В., 1997. Палеоэкологические события атлантического периода и их связь с культурами неолита и энеолита по материалам поселения Воймежное 1 // Древние охотники и рыболовы Подмосковья. М..

Ставицкий В.В., 1998. О культурной принадлежности примокшанских памятников с гребенчато-накольчатой керамикой // Тверской археологический сборник. Вып.3. Тверь.

Третьяков В.П., 1982. Ранненеолитические стоянки с междуречье Суры и Мокшы // КСИА. № 169. М.

Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., 1998. К проблеме радиоуглеродной хронологии неолита степной и юга лесной зоны Европейской части России и Сибири (обзор источников) // Радиоуглерод и археология. Ежегодник радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН. Вып.2..

Третьяков В.П., Выборнов А.А., 1988. Неолит сурско-мокшанского междуречья./ Уч. пособ. Куйбышев.

Хреков А.А., 1992. Ранненеолитические стоянки Лесостепного Прихоперья // Археология Восточно-европейской степи. Саратов.

Хреков А.А., 1997. Археологические исследования в районе с. Рассказань // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 2. Саратов.

Юдин А. И., 1990. Варфоломеевская неолитическая стоянка и истоки формирования степного энеолита Заволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев.

А.В. Сурков, И.В. Федюнин
(Воронеж, ВГПУ)

Археологические исследования в Среднем Похоперье

Археологической экспедицией Воронежского государственного педагогического университета в течение последних пяти лет проводятся планомерные исследования в Среднем Похоперье, направленные на выявление и паспортизацию памятников каменного века (Чекменев Ю.А., 2000; 2001; Сурков А.В., 2002; Федюнин И.В., 2003). За последние годы на археологическую карту Новохоперского района Воронежской области нанесены более десятка памятников мезолита и неолита с оригинальной

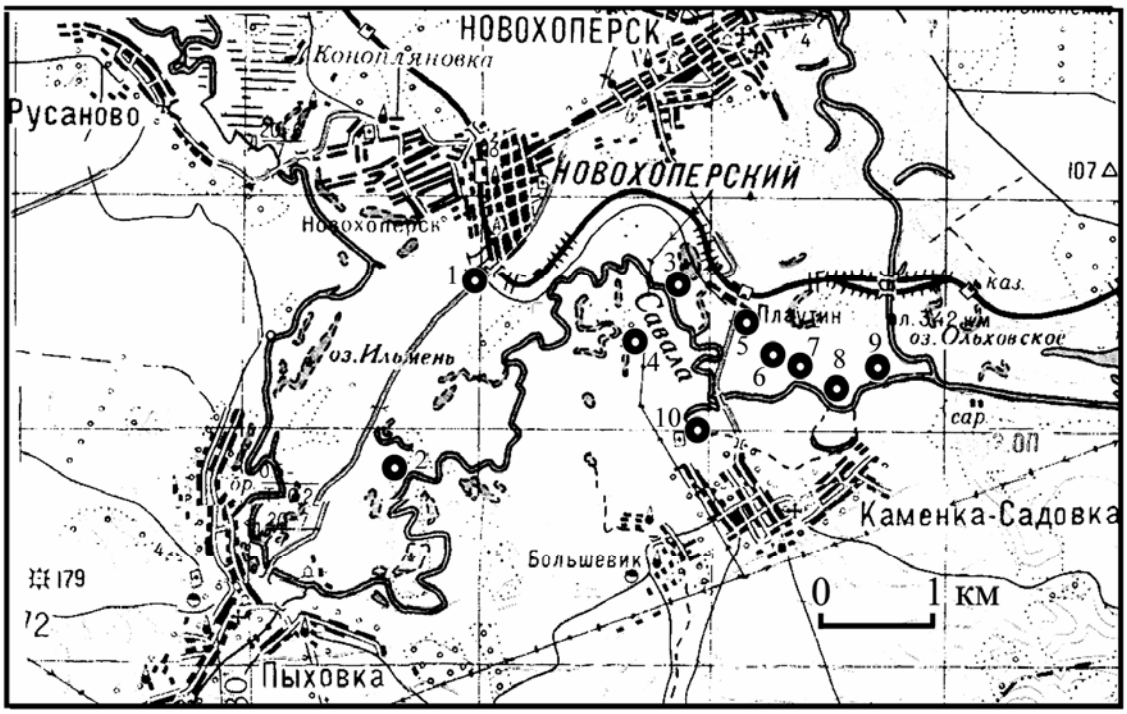


Рис. 1. *Памятники каменного века в устье р. Савала.*
1 – Пыховка 1; 2 – Пыховка 2; 3 – Плаутино 1; 4 – Плаутино 4; 5 – Дубки 1-3; 6 – Плаутино 2; 7 – Каменка 1; 8 – Каменка 2; 9 – Устье Савалы; 10 – Плаутино 3

каменной индустрией и керамическим материалом. В данной работе нам бы хотелось подробнее остановиться на анализе материалов памятников, расположенных в приустьевой части Савалы – правого притока р. Хопер.

Пойма р. Савалы, исследованная в ходе разведки, расширена до 5 км у с. Пыховка и сужается в приустьевой части. Верхний участок обозначенного района изобилует рукавами и старичными озерами, берега которых покрыты зарослями ив и дубовыми рощами. На нижнем участке русло реки более меандрировано, берега обрывистые, не заросшие деревьями. На всем протяжении данного отрезка реки по обоим берегам встречаются песчаные всхолмления и береговые валы. На участке поймы от станции Плаутино до с. Каменка-Садовка наблюдаются визуально слабо фиксируемые древние берега старицы р. Савала, сложенные пойменными влажными сильногумусированными черноземами с включениями болотной руды (рис.1).

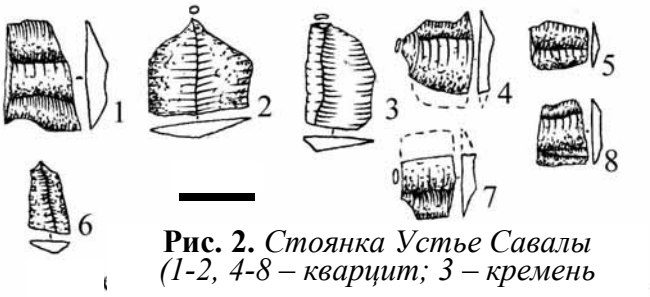


Рис. 2. *Стоянка Устье Савалы (1-2, 4-8 – кварцит; 3 – кремень*

Стоянка **Устье Савалы** выявлена в 2003 г. И.В. Федюниным. Памятник расположен на береговом валу левого берега реки Савала, в 200 м к ЮВ от окраины села Плаутино, в 2 км к северу от западной окраины села Каменка-Садовка, и в 170 м от шоссе г. Новохоперск – с. Каменка-Садовка. Стоянка разрушается разливами реки, а также дорогой, проходящей по ее территории. Сборы с поверхности представлены несколькими кварцитовыми нуклевидными обломками, целыми и фрагментированными экземплярами пластин (рис. 2). Памятник относится к развитой поре мезолита.

Стоянка **Каменка 1** выявлена в 1981 г В.В. Килейниковым (Килейников В.В., 1981). В 2003 году памятник исследовался на площади 18 кв. м (Федюнин И.В., 2003). Стоянка расположена на левом берегу р. Савала (высота над урезом воды – 3 м), в 2,7 км к ЮЮЗ от ЮВ окраины села Плаутино, в 1,8 км к ССВ от центра села Каменка-

Садовка и в 5,2 км к ЮЗ от южной части пос. Новохоперский. Памятник разрушается разливами реки, а также грунтовой дорогой, проходящей вдоль берега. Стратиграфия (сверху вниз): 0-0,05 м – дерн; 0,05-0,15 м – слой коричневой луговой почвы; 0,15-0,25 м – культурный слой коричневатого цвета с илистыми включениями, содержащий каменные орудия эпохи мезолита; 0,25-0,75 м - слой серой пойменной почвы; с 0,75 м – материк (светло-серые илистые отложения). Находки, среди которых доминируют кварцитовые изделия, представлены нуклеусами, отщепами, пластинами. Среди орудий имеются резцы, скребки и скобели, выделяются двустороннеобработанные орудия (рис. 3). Стоянка относится к эпохе мезолита, ее развитой поре.

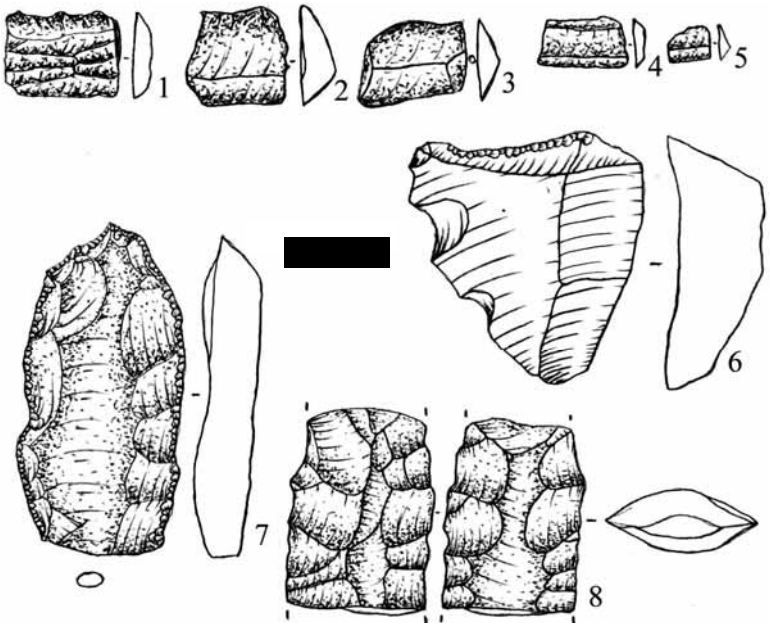


Рис. 3. *Каменный инвентарь стоянки Каменка 1 (1-5, 7-8 – кварцит; 6 – кремень)*

Стоянка **Каменка 2** была обнаружена в 1981 г. В.В. Килейниковым (Килейников В.В., 1982). В 2002 году проводилось повторное обследование стоянки (Сурков А.В., 2002). В 2003 г. на памятнике был заложен шурф площадью 18 кв. м (Федюнин И.В., 2003). Стоянка расположена на левом берегу р. Савала, возвышающемся над урезом воды до 2,5 м, в 2 км к СЗ от ЮВ окраины с. Плаутино, в 1,7 км к ЮВ от центра с. Каменка-Садовка и в 5 км к ЮЗ от южной оконечности пос. Новохоперский. Стоянка в северо-западной части разрушается рекой и грунтовой дорогой. Стратиграфия: 0-0,05 м – дерн; 0,05-0,15 м – слой коричневой луговой почвы; 0,15-0,25 м – культурный слой коричневатого цвета с илистыми включениями, в котором располагались каменные изделия; 0,25-

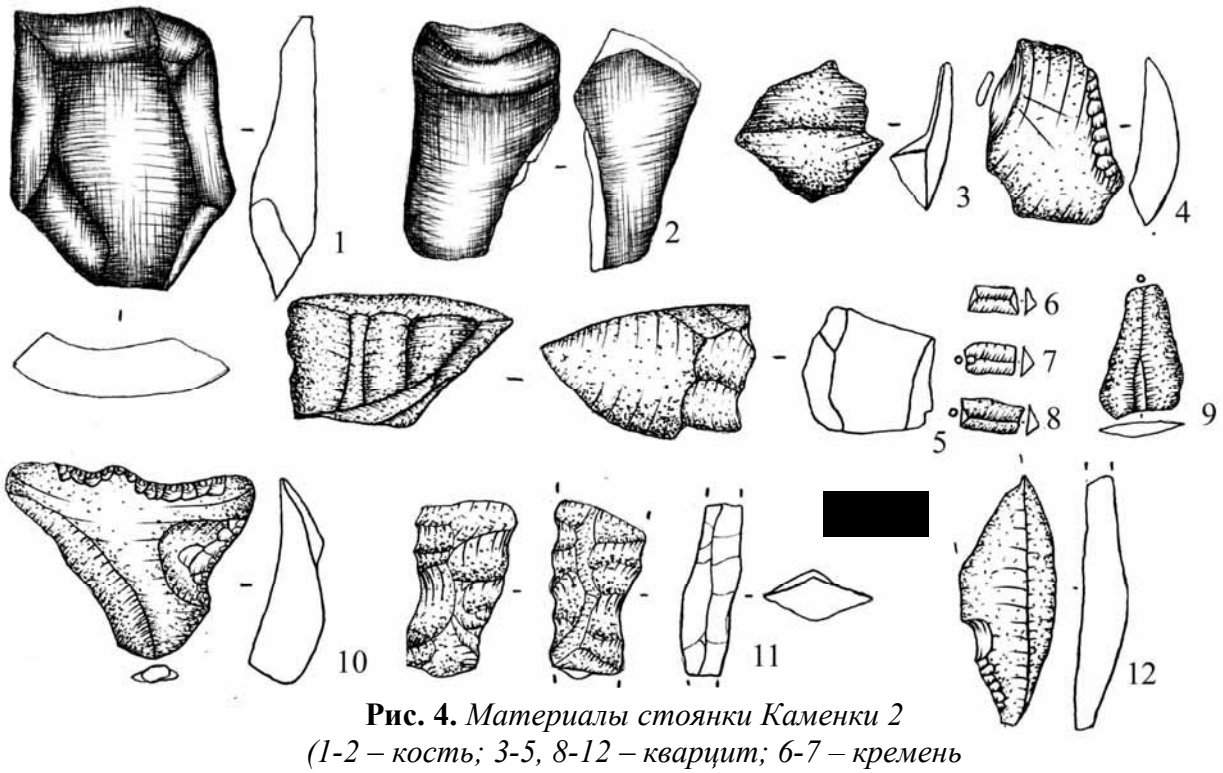


Рис. 4. *Материалы стоянки Каменки 2 (1-2 – кость; 3-5, 8-12 – кварцит; 6-7 – кремень*

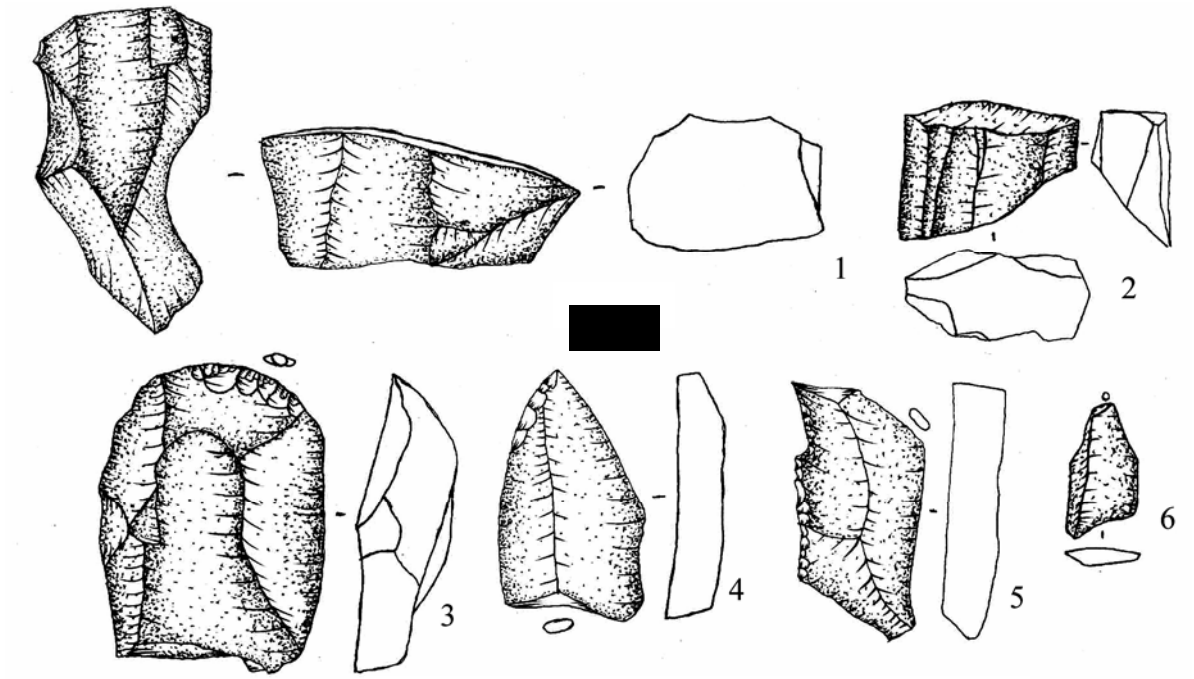


Рис. 5. *Каменный инвентарь стоянки Дубки 2 (1-6 – кварцит)*

0,75 м – слой серой пойменной почвы; с 0,75 м – материк (светло-серые илистые отложения). В отщеповом кварцитово-кремневом инвентаре представлены скребки, резцы, орудия с бифасиальной обработкой (наконечники стрелы и дротика) (рис. 4). Пластины архаичны, часто встречаются экземпляры с «палеолитическим» оформлением спинки. Стоянка относится ко времени среднего (развитого) мезолита.

Стоянка **Дубки 2** выявлена в 2003 г. (Федюнин И.В., 2003). Расположена на древнем берегу старицы р. Савала (высота над поймой – 0, 3 м), в 140 м к ЮЗ от юго-западной оконечности села Плаутино, в 125 м к востоку от шоссейной дороги г Новохоперск – с. Каменка-Садовка и в 40 м к востоку от языкового выступа дубового леса, приуроченного к хоперской пойме. Шурф (8 кв. м) дал следующую стратиграфию: 0-0,05 м – дерн; 0,05-0,4 м – слой пойменного сильногумуссированного чернозема; с 0,75 м – материк (коричневая глина). Стоянка разрушается ежегодными разливами р. Савала. Материал из шурфа представлен двухплощадочным нуклеусом и несколькими отщепами, а также концевым скребком (рис. 5). Стоянка относится ко времени развитого мезолита.

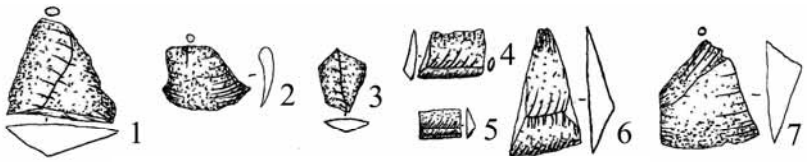


Рис. 6. *Каменный инвентарь стоянки Дубки 3 (1-7 – кварцит)*

Стоянка **Дубки 3** выявлена в 2003 г (Федюнин И.В., 2003). Расположена на древнем берегу старицы р. Савала (высота над поймой 0,2 м), в 165 м к ЮЮЗ от ЮЗ оконечности с. Плаутино, в 53 м к востоку от шоссе г. Новохоперск – с. Каменка-Садовка, и в 80 м к западу от оконечности дубового леса хоперской поймы. Памятник разрушается ежегодными разливами реки. Шурф дал следующую стратиграфию: 0-0,05 м – дерн; 0,05-0,3 м – слой пойменного сильногумуссированного чернозема; 0,3-0,5 – линза раковины Unio с каменными изделиями; 0,5-0,75 – слой пойменного сильногумуссированного чернозема; с 0,75 м – материк (коричневая глина). Находки представлены несколькими кварцитовыми отщепами и медиальным сечением пластины (рис. 6), мелкими кальцинированными косточками, раковинами моллюсков. Стоянка относится к развитому мезолиту.

Стоянка **Пыховка 1** выявлена в 2002 году (Сурков А.В., 2002), в 2003 г. обследо-

валась повторно (Федюнин И. В., 2003). Расположена на оконечности первой надпойменной террасы левого берега р. Савала в 2 км к ЮЮЗ от южной части пос. Новохоперского, в 4 км на ССВ от центра с. Пыховка и в 6 км на ЗСЗ от западной оконечности с. Плаутино. Центральная часть стоянки разрушена во время строительства шоссейной дороги Новохоперск-Пыховка на площади 30х80 м. Западный и восточный участки стоянки задернованы. Подъемный материал представлен десятком пластин и их сечений, а также несколькими отщепами без вторичной обработки (рис. 7). Стоянка относится к позднему мезолиту.

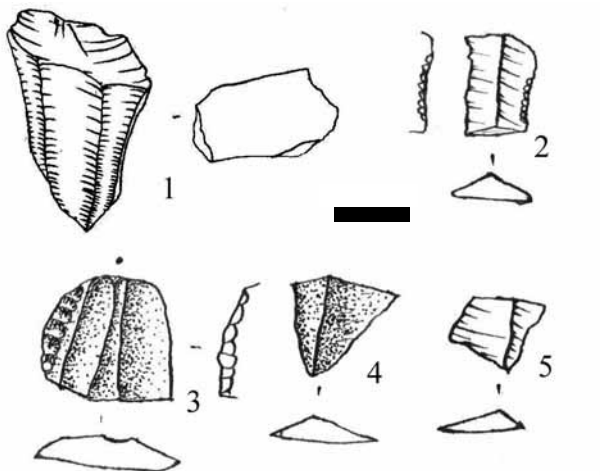


Рис. 7. *Инвентарь стоянки Пыховка 1 (1-2, 5 – кремень; 3-4 – кварцит)*

Стоянка **Плаутино 3** выявлена в 2002 г., в 2003 г. здесь проводились повторные сборы (Федюнин И.В., 2003). Расположена на низком (0,3 м) останцовом выступе первой надпойменной террасы правого берега р. Савала, в 35 м к ССВ от северной

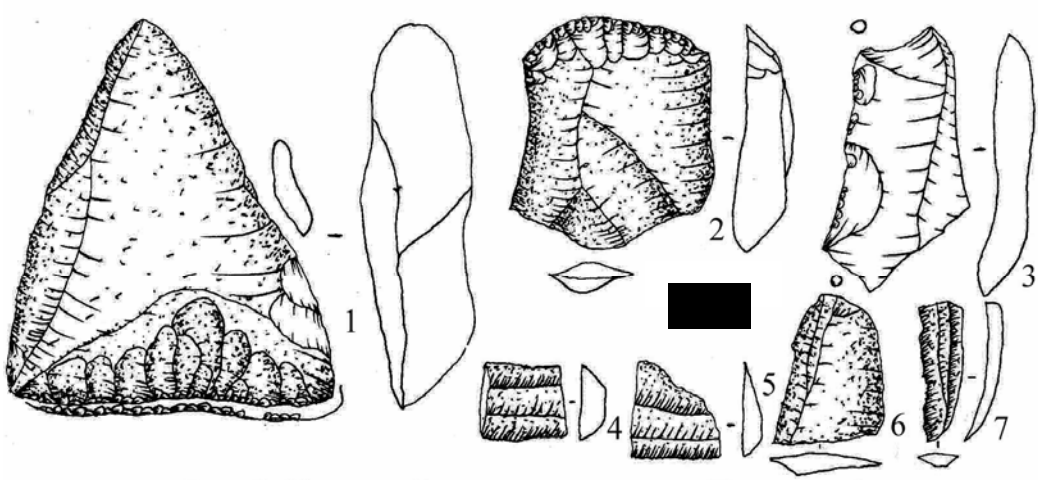


Рис. 8. *Каменный инвентарь стоянки Плаутино 3 (1-2, 4-7 – кварцит; 3 – кремень)*

оконечности кладбища с. Каменка-Садовка, в 3 км к СВ от с. Каменка-Садовка и в 3,7 км к ЮЗ от с. Плаутино. Памятник разрушается разливами реки, а также эрозионными процессами. Подъемный материал представлен небольшим рубящим орудием, концевым скребком на отщепе, а также несколькими пластинами и их сечениями (рис. 8). Памятник, скорее всего, относится к позднему мезолиту, однако не исключена и его принадлежность к неолитической эпохе.

Стоянка **Дубки 1** выявлена в 2003 г. (Федюнин И.В., 2003). Находится на конусе выноса южной части древнего оврага, в 20 м к югу от обнажения коренного берега р. Хопер, в 45 м к ЮЮВ от села Плаутино и в 100 м к югу от железнодорожной линии Новохоперск – Поворино. Стоянка почти полностью разрушена эрозионными процессами, связанными с ежегодными разливами р. Савала. Шурф дал следующую стратиграфию: 0-0,03 – дерн; 0,03-0,35 – слой темных слабогумуссированных деллювиальных отложений с каменными изделиями; 0,35-0,50 – слой светлой слабогумуссированной супеси; с 0,5 – материк (белый песок). Среди находок отметим резцы, в том числе и многофасеточные, многочисленные сечения пластин и орудия на пластинах: скребки, скобели, резцы (рис. 9). Встречен обломок асимметричного черешкового наконечника на пластине, что позволяет связать материал стоянки с кругом лесных мезолитических культур. Стоянка относится к позднему мезолиту.

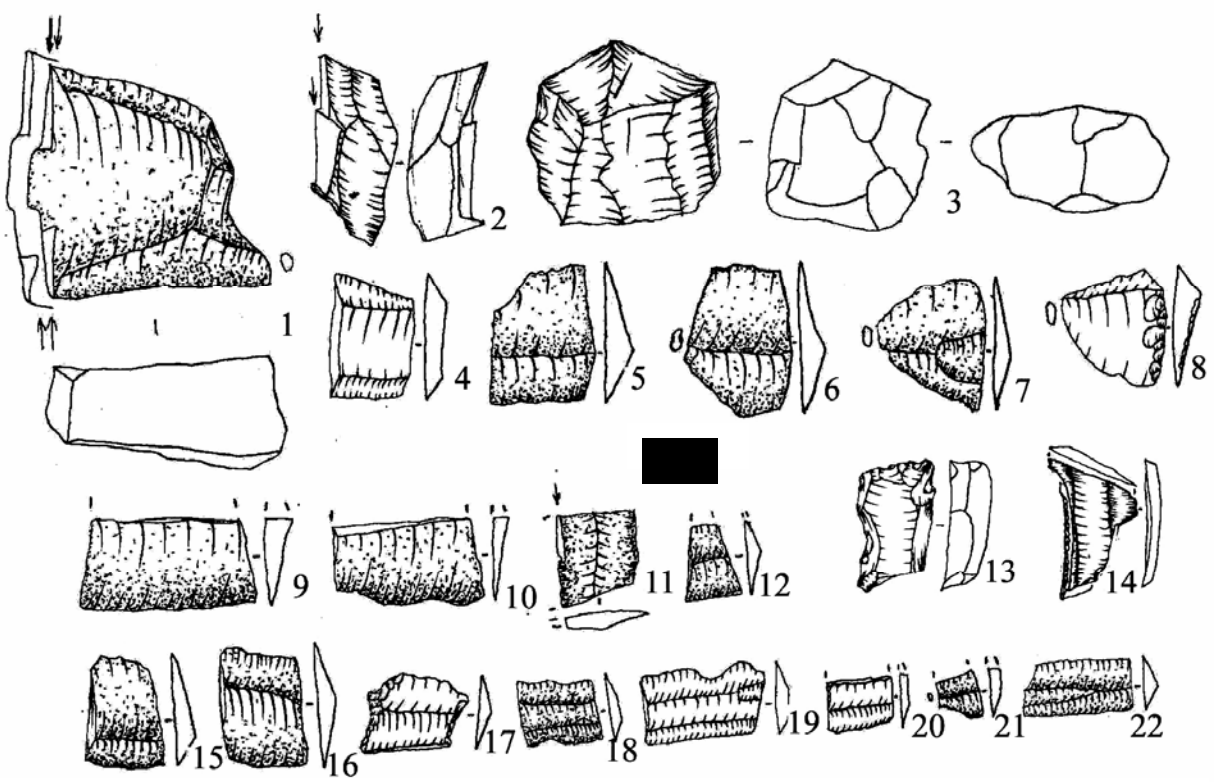


Рис. 9. *Каменный инвентарь стоянки Дубки 1*
(1, 5-7, 9-12, 15-16, 18, 21-22 – кварцит; 2-4, 8, 13-14, 17, 19-20 – кремень)

Стоянка **Пыховка 2** выявлена в 2002 году (Сурков А.В., 2002); в 2003 году здесь проводились повторные исследования (Федюнин И.В., 2003). Расположена на береговом валу левого берега р. Савала, в 3, 2 км к ЮЮЗ от пос. Новохоперский, в 3 км к ССВ от с. Пыховка и в 4 км к ЗСЗ от с. Большевик Новохоперского района Воронежской области. Стоянка разрушается разливами реки. Шурф 4 кв. м дал следующую стратиграфию: 0-0,7 – дерн; 0,7-0,3 – слой темной гумуссированной супеси, содержащей неолитическую керамику и каменный инвентарь; 0,3-0,5 – слой светлой слабогумуссированной супеси с каменными орудиями мезолитического облика; с глубины 0,5 м – материк (белый песок). Мезолитические изделия представлены кварцитовыми и кремневыми пластинами и отщепами, сечениями пластин. Керамика эпохи неолита орнаментирована прочерками, наколами, гребенкой и ямками (рис. 10).

Стоянка относится к позднему мезолиту и неолиту.

Стоянка **Плаутино 2** выявлена в 2002 году (Сурков А.В., 2002) и исследовалась в

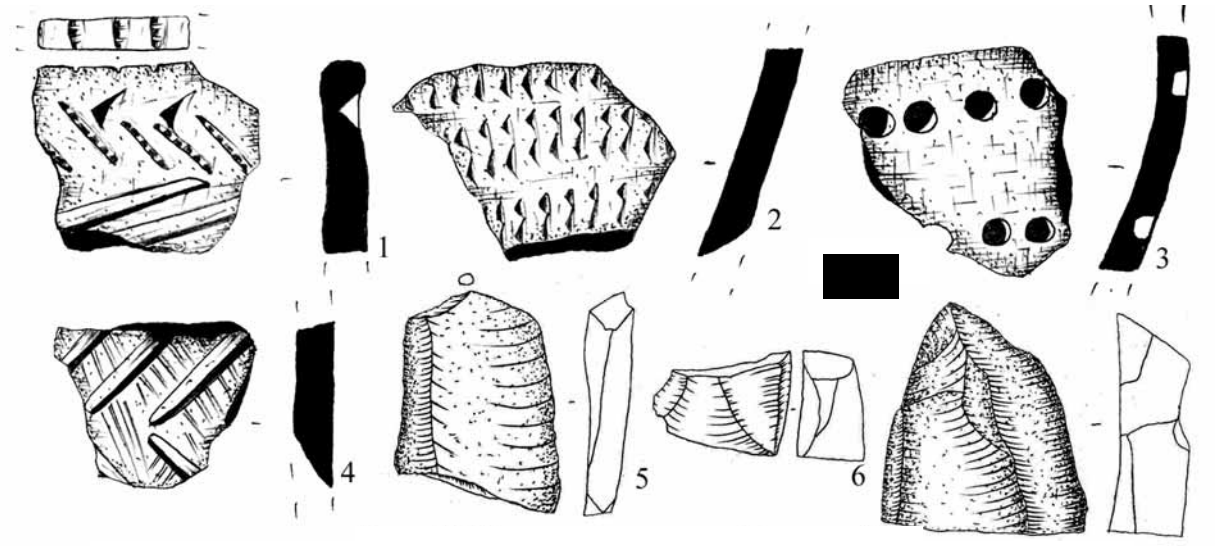


Рис. 10. *Материалы стоянки Пыховка 2 (1-4 – керамика; 5-7 – кварцит)*

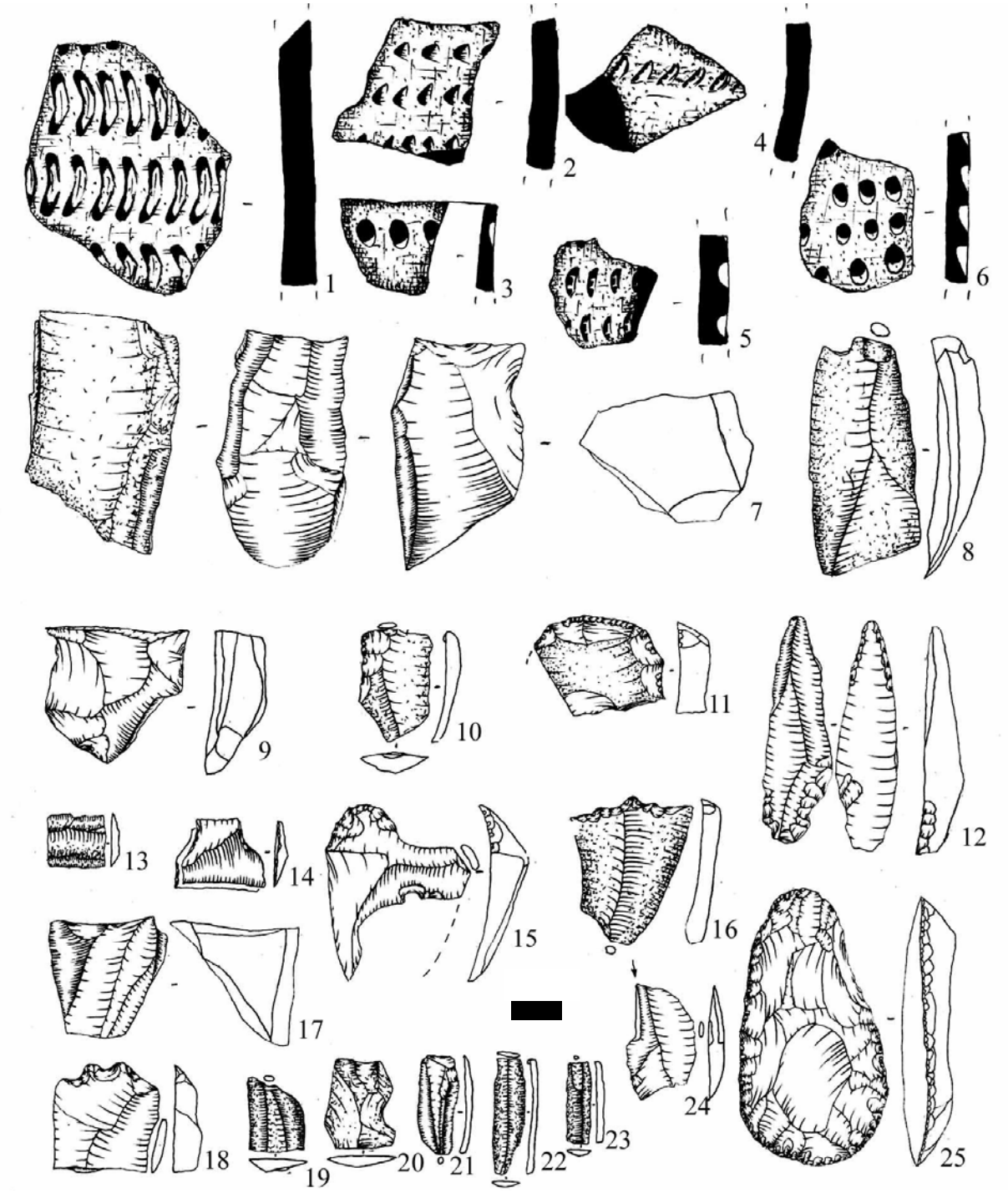


Рис. 11. *Материалы стоянки Плаутино 2 (1-6 – керамика; 7, 8, 10, 11, 13, 16, 19-23 – кварцит; 9, 12, 14, 15, 17, 18, 24, 25 – кремень)*

2003 году на площади 16 кв.м (Федюнин И.В., 2003). Расположена на западной оконечности первой надпойменной террасы левого берега р. Савала, в 53 м к востоку от шоссе с. Каменка-Садовка – г. Новохоперск, в 200 м к ЮВ от села Плаутино и в 40 м к западу от границы дубового леса, покрывающего оконечность террасы. Стоянка разрушается разливами реки, а также сельскохозяйственными работами, проводимыми в пойме. Стратиграфия наслоений: 0-0,05 м – дерн; 0,05-0,2 м – слой темной гумусированной супеси; 0,2-0,4 м – слой светлой гумусированной супеси; с глубины 0,4 м – материк (белый песок). Памятник содержит неолитический и раннемезолитический культурные слои. Керамика из-за постоянного затопления грунтовыми водами подвержена процессам ожелезнения и сохраняется плохо; встречены остеологические материалы. Среди каменных изделий отметим одноплощадочные клиновидные нуклеусы, пластины и особенно сечения, многочисленные скребки, скобели; резцы единичны.

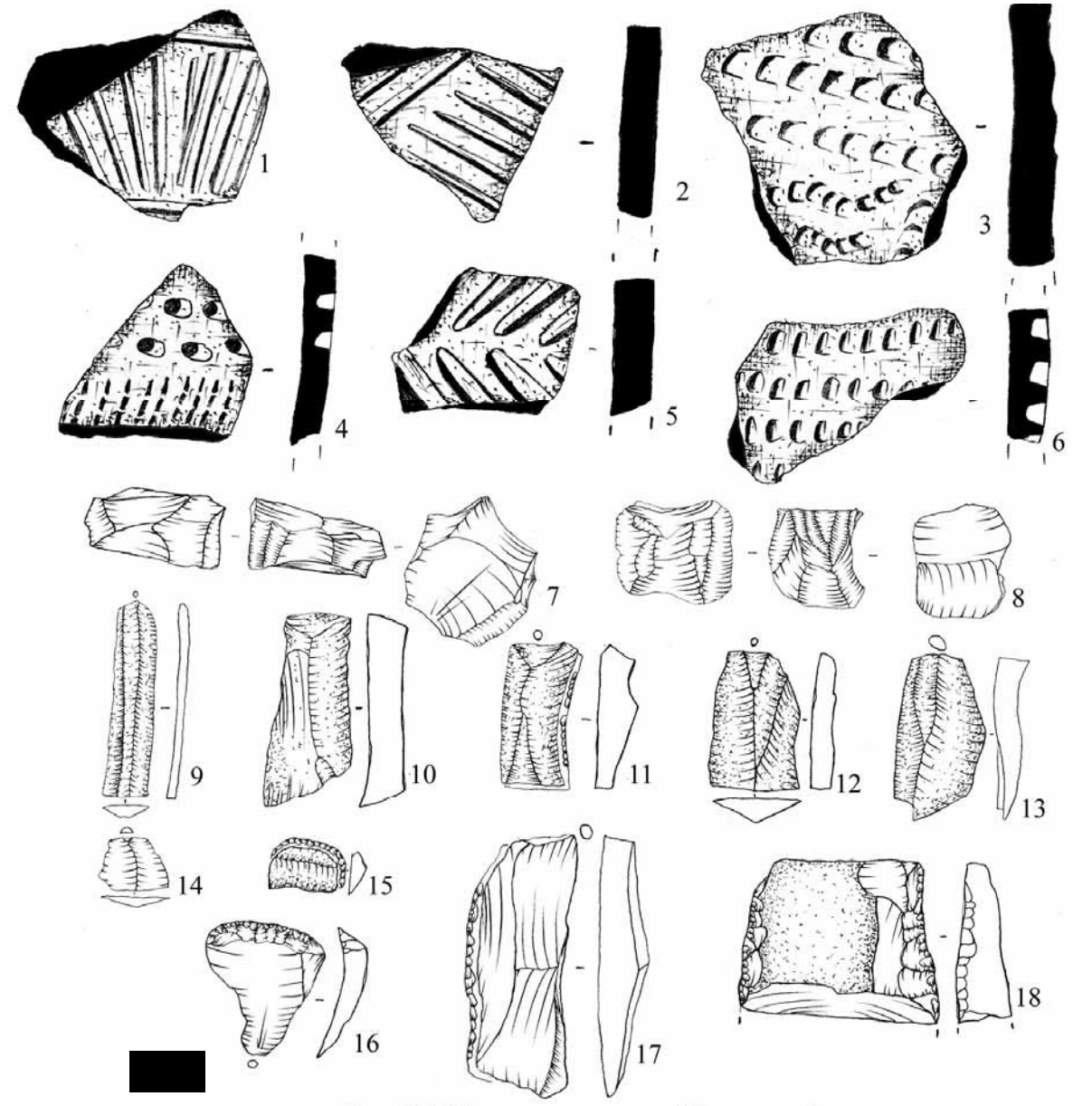


Рис. 12. *Материалы стоянки Плаутино 4*
(1-6 – керамика; 7, 8, 14, 16, 17 – кремень; 9-13, 15, 18 – кварцит

Среди сечений пластин много экземпляров, сломанных вдоль заготовки по ребру. Найдены черешковые наконечники стрел на пластинах; геометрические микролиты представлены трапецией с вогнутыми сторонами, а также высокой асимметричной трапецией (рис. 11). Стоянку можно отнести к раннему мезолиту и неолиту.

Стоянка **Плаутино 4** выявлена в 2002 году (Сурков А.В., 2002), в 2003 г. здесь были проведены дополнительные исследования (Федюнин И.В., 2003). Расположена на песчаном береговом валу правого берега старицы реки Савала в 2,5 км к СВ от с. Каменка-Садовка, в 1,5 км к западу от с. Плаутино, в 2 км к ЮВ от пос. Новохоперский. Стоянка разрушается разливами реки. На южном склоне вала был заложен шурф площадью 8 кв. м. Стратиграфия наслоений: 0-0,4 м – дерн; 0,04-0,1 м – слой светло-серой луговой песчаной почвы с неолитической керамикой и каменными орудиями; 0,1-0,2 м – слой темной гумуссированной супеси с неолитической керамикой и каменными орудиями; 0,2-0,3 м – слой желтоватой супеси с находками эпохи неолита; 0,3-0,5 м – слой светлой гумуссированной супеси с мезолитическим каменным инвентарем. Мезолитический комплекс включает нуклеусы, пластины и их сечения, скребки и скобели. Находка сегмента средних пропорций, обработанного по дуге с брюшка еще раз позволяет подтвердить мысль А.Т. Синюка о юго-восточных корнях позднего

мезолита (Синюк А.Т., 1986). Неолитическая коллекция, помимо каменного инвентаря, содержит накольчатую и гребенчатую керамику (рис. 12).

Таким образом, исследования последних лет, проводимые в Среднем Похоперье, существенно пополнили источниковую базу по памятникам мезолита и неолита. Анализ полученных материалов позволяет подойти к созданию более дробной периодизации мезолита рассматриваемого региона. Неолитические памятники в целом отражают основные культурные традиции, характерные для лесостепной зоны, и вместе с тем подтверждают и расширяют схему неолитизации региона в ходе юго-восточного импульса, предложенную А.Т. Синюком (Синюк А.Т., 1986). Новые материалы опровергают принятую другими исследователями оценку неолитических древностей Лесостепного Подонья, в частности точку зрения о позднем появлении среднедонской культуры в целом, базирующуюся на положении о преобладании керамики над каменным инвентарем в материалах памятников этой культуры (Ставицкий В.В., 1999).

В целом же необходимо отметить, что Среднее Похоперье представляет собой уникальный полигон для исследований; исходя из анализа многочисленного материала можно предположить, что традиции обработки кварцита были особенно устойчивыми и в последующие эпохи.

Килейников В.В., 1981. Отчет об археологической разведке по р. Савала в пределах Новохоперского района в 1981 г // Архив ИА РАН.

Синюк А.Т., 1986. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж.

Ставицкий В.В., 1999. О некоторых критериях периодизации неолитической эпохи // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк.

Сурков А.В., 2002. Отчет об археологической разведке по р. Савала в 2002 году // Архив ИА РАН.

Федюнин И.В., 2003. Отчет об археологической разведке по р. Хопер в 2003 году // Архив ИА РАН.

Чекменев Ю.А., 2001. Отчет о раскопках стоянки Ильмень-Голова в Новохоперском районе Воронежской области // Архив ИА РАН.

Р.В. Смольянинов
(Липецк, ЛГПУ)

Материалы эпохи неолита поселения Карамышево 19 на р. Воронеж

Поселение Карамышево 19 находится на пойменной дюне левого берега р. Воронеж к северу от одноимённого села (Липецкая область) (Чивилёв В.А., 2002; Смольянинов Р.В., 2002; 2003). В 2003 году автором на памятнике был заложен разведочный раскоп площадью 20 кв. м. (Смольянинов Р.В., 2004). В наслоениях памятника выявлена неолитическая накольчатая и ямочно-гребенчатая керамика, энеолитические черепки, посуда верхнедонского типа среднедонской катакомбной культуры, а также небольшие серии керамики городецкой культуры и позднего средневековья. Целью предлагаемой статьи является публикация новых материалов и определение их предполагаемого места в системе древностей эпох неолита-бронзы Верхнего Дона.

Стратиграфия памятника (сверху вниз): 0-0,05 м – дёрн, 0,05-0,30 (0,40 м) – тёмная супесь; 0,30 (0,40)-0,55 м – светлая супесь; 0,55 м и ниже – белый песок (материк), в котором находки отсутствовали. Находки всех групп керамики и изделия из камня встречались равномерно по всей исследованной площади, за исключением фрагментов керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом, большая часть которых располагалась ближе к южной стенке шурфа.

Первая группа керамики – накольчатая. Представлена фрагментами приблизи-

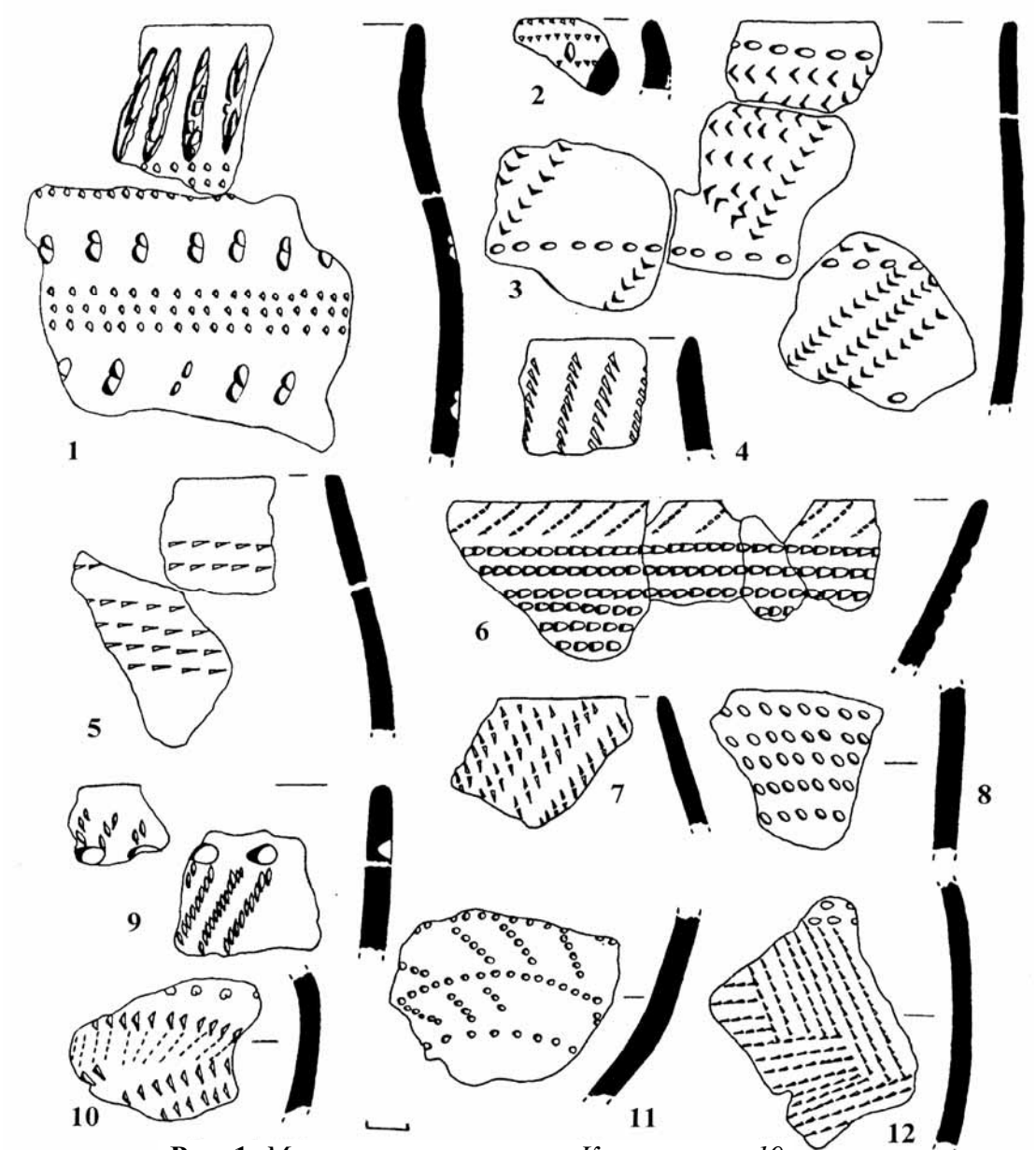


Рис. 1. *Материалы с поселения Карамышево 19*

тельно от 10 сосудов (рис. 1). Горшки украшены раздельными отпечатками крупного накола различной формы, но при преобладании треугольного. Использовались также овальные наколы (рис. 1, 1, 3, 8, 9, 11, 12), отпечатки отступающей лопаточки (рис.1,6) и в двух случаях – гребёнки (рис. 1, 6, 7). В нескольких случаях делителем орнаментальных зон из треугольных наколов выступали горизонтальные ряды овальных наколов (рис. 1, 3). Орнаментальные композиции в основном представлены горизонтальными и косовертикальными рядами наколов. В одном случае прослежена треугольная композиция (рис. 1, 3) и в одном – паркетная (рис. 1, 12).

Край венчика у шести горшков округлый, у двух – уплощён. По форме сосуды можно разделить на профилированные, закрытой и открытой форм. Тесто преимущественно с примесью мелкого песка, органика присутствовала лишь в нескольких фрагментах. Посуда хорошо заглажена, иногда вплоть до лощения. По нашему мнению, эта группа керамики может быть отнесена к неолитической среднедонской культуре её раннего этапа. Об этом свидетельствует орнаментация раздельным крупным треугольным наколом, незначительное количество посуды, украшенной гребенчатым штампом с малым количеством зубцов.

Появление профилировки горшков, а также орнаментации овальным наколом стало, видимо, результатом контакта с иным населением, что уже отмечалось А.Т.

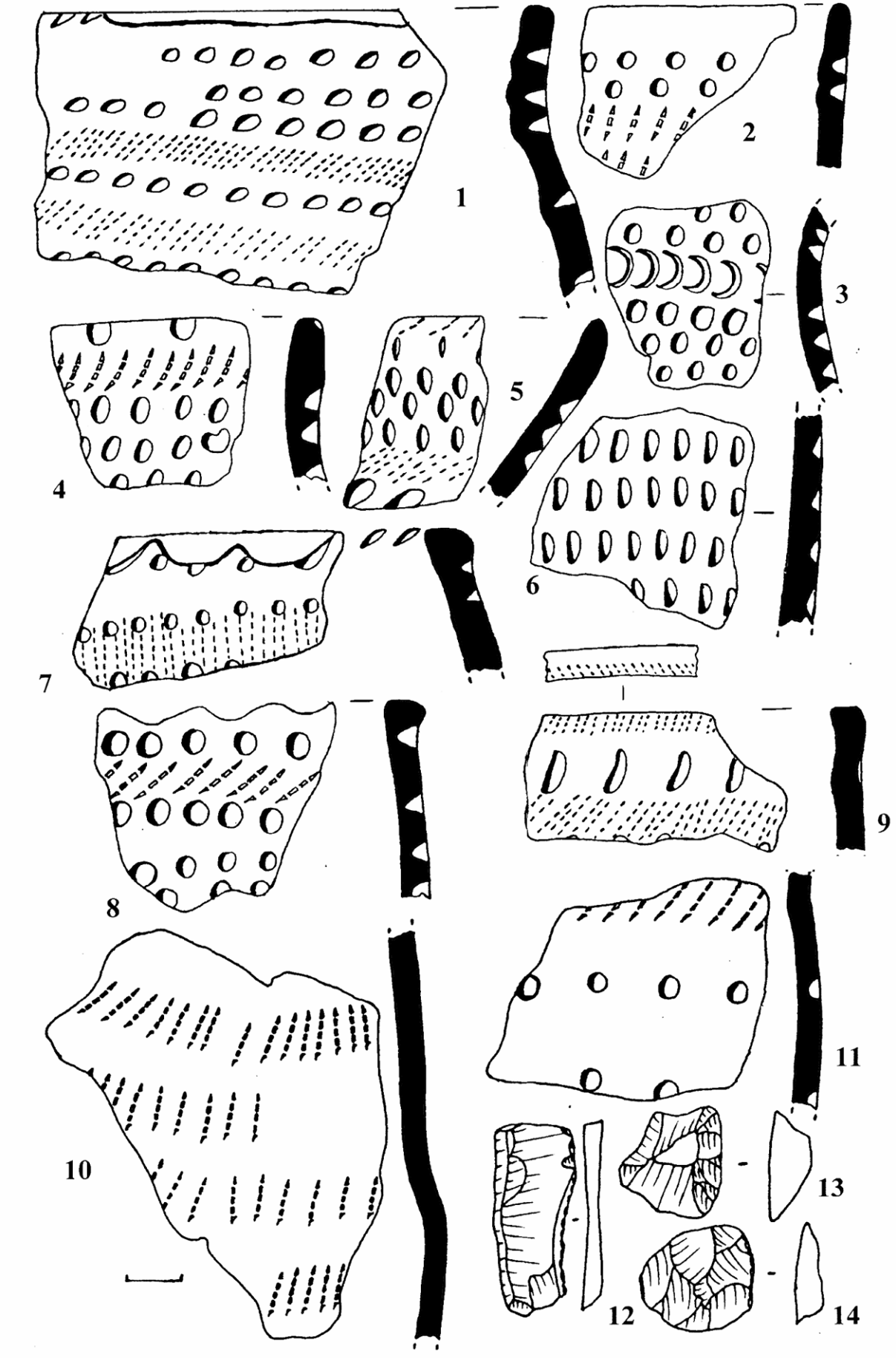


Рис. 2. *Материалы с поселения Карамышево 19*

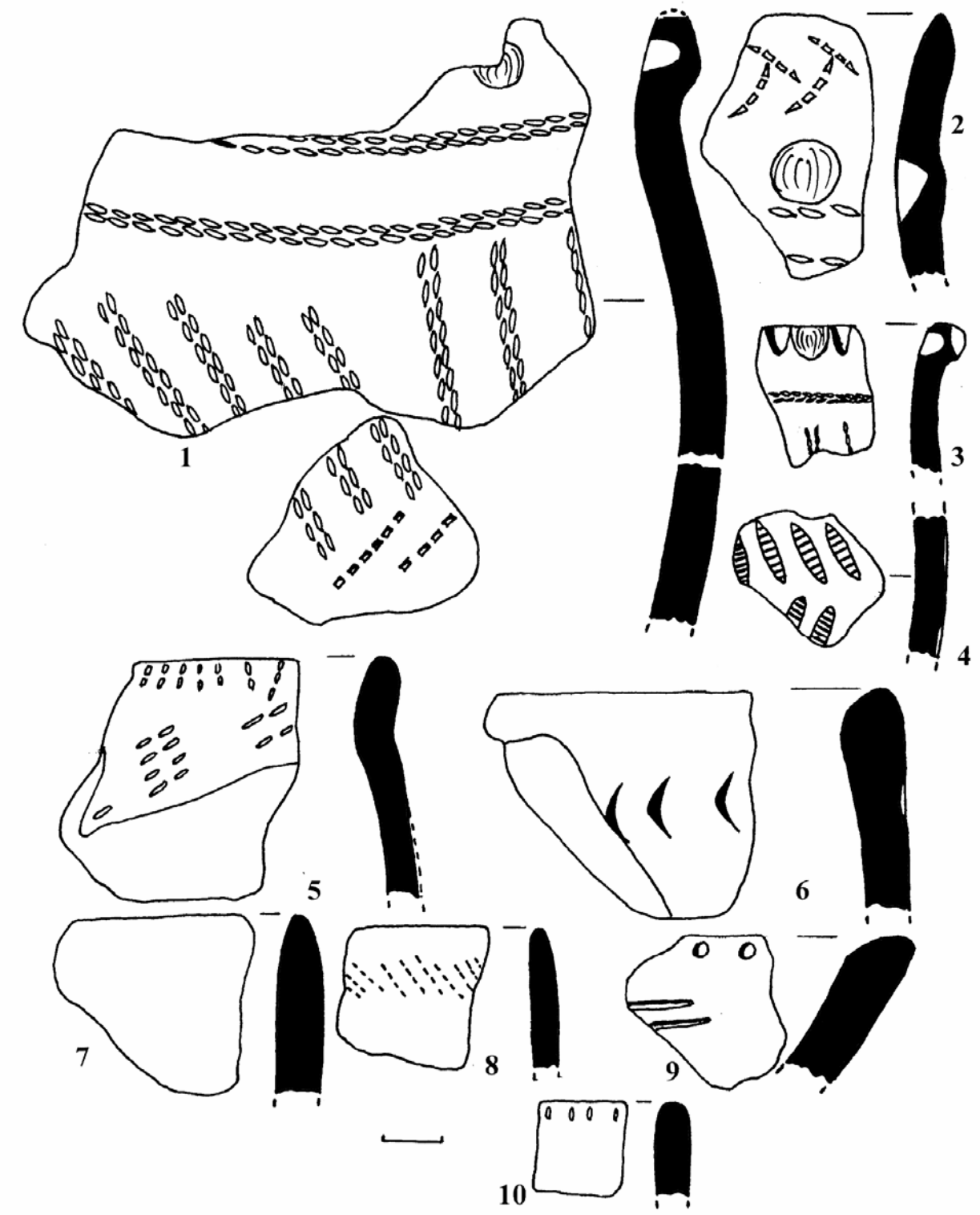


Рис. 3. *Материалы с поселения Карамышево 19*

Синюком (Синюк А.Т., 1986). Нам представляется, что наиболее вероятными переселенцами, проникшими на территорию Верхнего Дона в ранненеолитическое время, могли стать жители Средней Волги, где на протяжении всего раннего неолита в елшанской и средневолжской культурах заметную роль играла орнаментация овальным наколом и профилированные сосуды (Мамонов А.Е., 2000).

Вторая группа – керамика с ямочным орнаментом. Представлена обломками от 7-8 сосудов (рис. 2). Делителем орнаментальных зон ямочного штампа выступали гребенчатые отпечатки, составленные в горизонтальные ряды. В одном случае сосуд украшен отпечатками лунчатого штампа (рис. 2: 3). У пяти из семи горшков венчик

уплощён, у двух – округлый. В трёх случаях венчик гофрирован ямочными вдавлениями, гребенчатыми отпечатками и защипами. У двух горшков по краю имеется небольшой наплыв (рис. 2, 1, 7). По форме сосуды распределяются на профилированные (рис.2, 1, 4, 8), миски (рис. 2, 5), закрытой формы (рис. 2, 7) и с горизонтально поставленным венчиком (рис. 2, 2, 9). Вся керамика кирпичного цвета с примесью мелкого песка в глиняном тесте, изнутри покрыта гребенчатыми расчёсами и негативами от ямочных вдавлений.

Наиболее исследованным донским памятником с ямочно-гребенчатой керамикой остаётся Долговская стоянка. Аналогичные карамышевским материалы на ней занимали самую верхнюю стратиграфическую позицию среди ямочно-гребенчатого комплекса – верхний ярус среднего горизонта (Левенок В.П., 1965, рис. 17, 1, 11-13) и датировалась В.П. Левенком серединой III тыс. до н.э. (Левенок В.П., 1965, с. 246). При этом им отмечалось, что такой керамике синхронна посуда Подзоровской стоянки (Левенок В.П., 1965, с. 243), для которой получена датировка 2820 л. до н. э. (Долуханов П.М., 1972).

Ямочно-гребенчатая керамика поселения Карамышево 19 имеет несомненное сходство с посудой позднего (редкоямочного) этапа льяловской культуры, датируемого посл. четв. IV – нач. III тыс. до н.э. (Энговатова А.В., 1998, с. 245), при изготовлении которой редко использовались примеси дресвы и органики, ямки выполнялись заменителями белемнитов, иногда, возможно, щепкой или жёстким стеблем травы, в связи с чем они имели неправильную форму (Сидоров В.В., 1997, с. 124). Скорее всего, ямочно-гребенчатая керамика на поселении Карамышево 19, как и на соседнем поселении Карамышево 9, была оставлена населением льяловской культуры, продвинувшимся в Подонье и далее на Украину в начале III тыс. до н.э., испытав на себе давление волосовского населения. Не противоречит этому и датировка Подзоровской стоянки.

Появление в керамических комплексах лесостепного Подонья профилированных сосудов с наплывами по их краю стало, видимо, результатом контакта с энеолитическим населением, продвинувшимся вплоть до Рязанского Поочья, где появились воротничковая ямочно-гребенчатая керамика (Гурина Н.Н., 1996, с. 184), а также культовые захоронения собак в могильнике Чёрная Гора (Цветкова И.К., 1985, с. 84).

Третья группа – керамика с ямочно-прочерченно-гребенчатой орнаментацией. Представлена обломками от четырёх сосудов (14 фрагментов). В глиняном тесте имеется обильная органическая примесь. Изнутри, а иногда и снаружи фрагменты покрыты гребенчатыми расчёсами. Три из четырёх горшков прямостенные (рис.3, 7, 8, 10), один открытой формы (рис. 3, 9). Венчики у всех сосудов имеют округлый край. Один сосуд не имеет орнаментации (рис. 3, 7). Данная посуда относится к энеолитическому времени.

Четвёртая группа – керамика, украшенная горизонтальными и косовертикальными рядами верёвочки, гребенчатыми отпечатками, а в одном случае – крупными наколами (рис. 3, 6). Представлена обломками от пяти-шести горшков (рис. 3, 1-6), На трёх сосудах в верхней их части нанесены жемчужные вдавления (рис. 3, 1-3). Четыре венчика профилированы. Керамика коричневого цвета, с примесью мелкого песка в глиняном тесте, хорошо заглажена, иногда снаружи и изнутри видны следы от гребенчатых расчёсов. Данная посуда относится в верхнедонскому типу раннего этапа среднедонской катакомбной культуры.

Кремнёвую индустрию стоянки Карамышево 19 можно охарактеризовать как отщеповую. Всего получено 101 единица находок. Преобладают отходы производства – 87%. Орудия представлены пластиной, ножом, изготовленным на пластине (рис. 2, 12). Выявлено четыре небольших скребка. Три из них с одним рабочим краем, оформленным крутой ретушью (рис.2, 13, 14). Следы работы несут и четыре ретушированных отщепа. Получен с поселения и нуклеус аморфной формы. Все каменные артефакты изготовлены из местного валунного цветного низкокачественного кремня. В силу

малоинформативности этих находок, а также присутствия на поселении материалов четырёх культур, определить принадлежность тех или иных орудий к какой-либо культуре не предоставляется возможным.

Таким образом, раскопки поселения Карамышево 19 показали, что это место в древности заселялось не менее шести раз, привлекая своим удобным расположением как неолитических охотников и рыболовов, так и скотоводов эпохи энеолита и бронзы, земледельцев раннего железного века и позднего средневековья, которые зачастую мирно сосуществовали на одной территории с населением, имеющим иной хозяйственный уклад, сохраняя свои традиции, чему способствовала высокая экологическая ёмкость лесостепи (Синюк А.Т., 1986, с. 157).

Гурина Н.Н., 1996. Стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой в лесостепи // Неолит Северной Евразии. М.

Долуханов П.М., Тимофеев В.И., 1972. Абсолютная хронология неолита Евразии // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.

Левенок В.П., 1965. Долговская стоянка и её значение для периодизации неолита на Верхнем Дону // МИА. № 131.

Мамонов А.Е., 2000. Ранний неолит. Елшанская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. Каменный век. Самара.

Сидоров В.В., 1997. Стоянки Заболотского Озера // Древности Залесского края. Материалы к международной конференции “Каменный век европейских равнин”. Сергиев Посад.

Синюк А.Т., 1986. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж.

Смольянинов Р.В., 2002. Отчёт о разведочных исследованиях на левом берегу р. Воронеж в пределах Грязинского района Липецкой области в 2001 г.// Архив ИА РАН.

Смольянинов Р.В., 2003. Отчёт к открытым листам № 452 и № 891 о исследованиях многослойных поселений Карамышево 9 и Карамышево 5 у с. Карамышево в Грязинском районе Липецкой области в 2002 году // Архив ИА РАН.

Смольянинов Р.В., 2004. Отчёт о исследованиях на левом берегу р. Воронеж в пределах Грязинского района Липецкой области в 2003 г.// Архив ИА РАН.

Цветкова И.К., 1985. Черногорский неолитический могильник // Новые материалы по истории племён Восточной Европы в эпоху камня и бронзы. Труды ГИМ. Вып. 60. М.

Чивилёв В.А., 2002. Отчёт об археологических исследованиях в 2001 г.// Архив ИА РАН.

Энговатова А.В., 1998. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь.

С.Н. Гапочка
(Воронеж, ВГПУ)

Неолитические материалы многослойной стоянки Щучье II в Среднем Побитюжье

Стоянка Щучье II расположена в трех километрах к юго-востоку от села Щучье Эртильского района Воронежской области (рис. 1, 1) на северной оконечности, вытянутой с юга на север, стрелки пойменного вала, образованной современным левым берегом реки Битюг и разрезающей вал с юга - юго-востока низменностью, образовавшейся в результате зарастания и осушения существовавшей здесь некогда протоки. Стоянка выявлена в 1991 году в ходе разведочных работ неолитического отряда археологической экспедиции ВГПУ В.В. Килейниковым (Гапочка С.Н., 1991). В 1991,

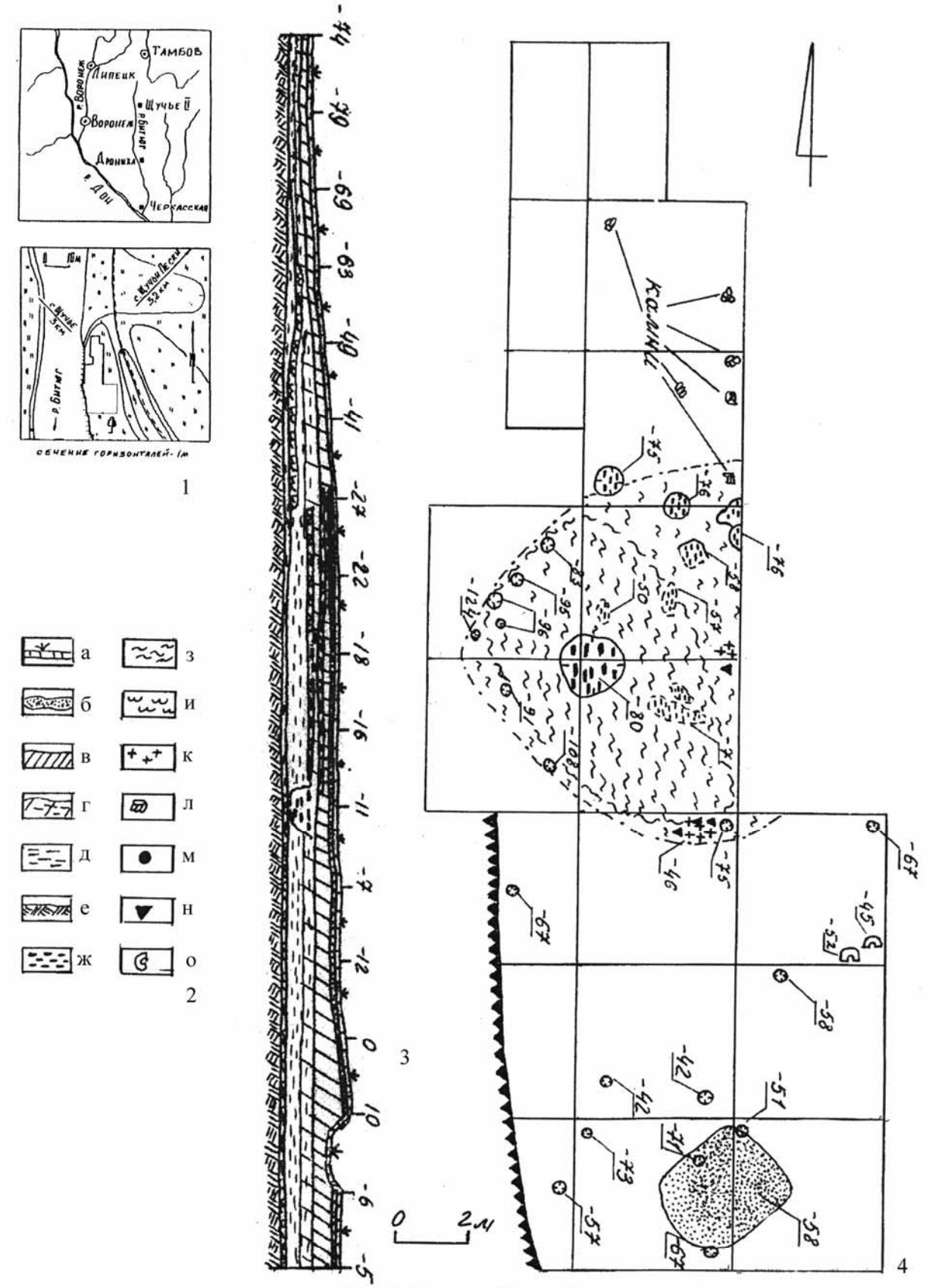


Рис. 1. *Стоянка Щучье II.*

1 – карта Воронежской области и ситуационный план месторасположения стоянки. 2 – условные обозначения (а – дерн; б – аллювиальный слой; в – чернозем; г – суглинок; д – светло-коричневая глина; е – материк, коричневая глина; ж – древесный уголь; з – органический тлен; и – ракушка; к – кость; л – камни; м – керамика эпохи неолита; н – керамика бронзового века; о – крупные фрагменты керамики); 3 – профиль бровки А-А'; 4 – план первого стратиграфического горизонта

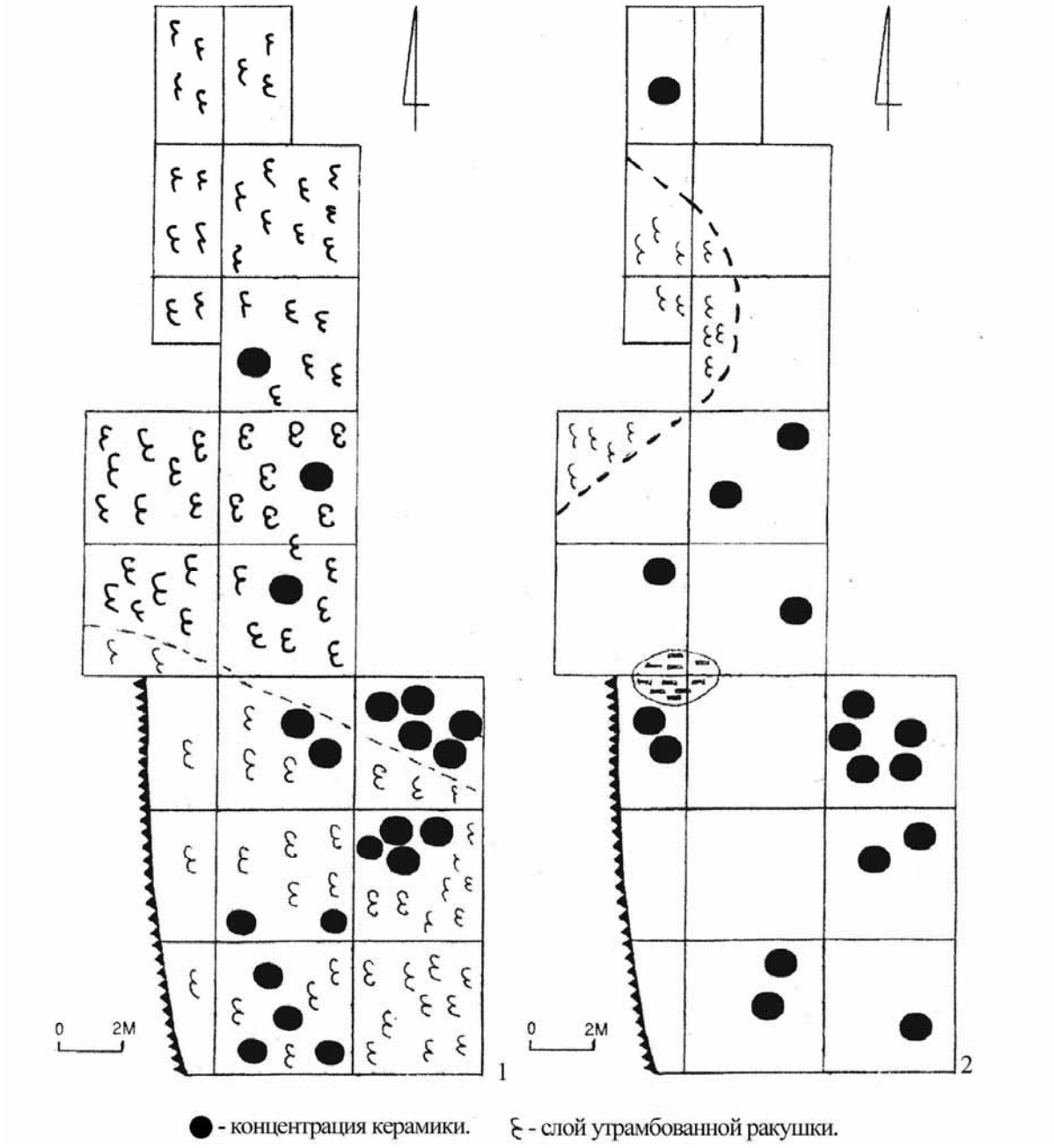


Рис. 2. *Стоянка Щучье II.*
1 – план третьего стратиграфического горизонта;
2 – план четвертого стратиграфического горизонта

1993, и 1997 годах автором настоящей статьи совместно с Ю.А. Чекменевым были проведены раскопки стоянки (Гапочка С.Н., 1991; Гапочка С.Н., 1993; Гапочка С.Н., 1997). Общая площадь раскопов составила 243 кв. м (рис. 1,4). Раскопки велись методом зачистки слоя с фиксацией глубины залегания находок от реперной точки и нанесением их на план.

Стратиграфия наслоений следующая: дерн толщиной 0,05-0,1 м. В юго-восточной части раскопа под дерном находился слой аллювия 0,03-0,15 м. Ниже - лугово-черноземная почва толщиной 0,4 м в южной части и 0,16 м – в северной. Под ней залегал светло-коричневый суглинок толщиной от 0,5 до 0,14 м, подстилаемый слоем светло-коричневой глины мощностью от 0,52 до 0,18 м, в свою очередь лежавший на коричневой материковой глине. В слое материковой глины также прослеживался материал на глубину до 0,2 м, присутствие которого четко совпадало со скоплениями нижнего раковинного слоя (рис. 1, 3).

Под слоем лугово-черноземной почвы, составляющей первый стратифициче-

ский горизонт, прослежена верхняя органическая прослойка, лежащая на светло-коричневом суглинке, составляющим второй стратиграфический горизонт памятника. Третий горизонт соответствует слою светло-коричневой глины, в самом верху которого выявлена нижняя органическая прослойка. Первый и второй стратиграфические горизонты, вместе с двумя органическими прослойками, содержали остатки двух построек и материалы эпохи бронзы.

Третий и четвертый горизонты, последний из которых связан с ракушечными линзами, были насыщены материалами неолитического времени.

На площади раскопа выявлено 24 кострища с глубиной залегания от 0,33 до 1,34 м от нулевой отметки, относящихся к различным эпохам. В кострищах, которые находились в слое материковой глины, отмечено присутствие ракушки. Показателем нижнего уровня культурного слоя является тонкий (от 0,5 до 2 см) слой битой утрамбованной ракушки (рис. 1, 3).

Неолитические материалы насыщали третий и четвертый стратиграфические горизонты памятника. Материалы третьего слоя находились в слое плотной и влажной глины, четвертого – в еще более невыгодных условиях с точки зрения сохранности материалов. Однако именно это обстоятельство, хотя и сопряженное с плохой сохранностью керамики, позволило четко зафиксировать стратиграфию наслоений и глубину залегания материалов. На памятнике четко отделяются неолитические слои от срубных, а материалы энеолита – ранней бронзы (за единичным исключением) отсутствуют. Важно и то, что нижний (четвертый) стратиграфический горизонт отличается от третьего не только цветом, но и крайне разреженным заполнением битой ракушкой, причем плотным этот слой становился только в самом низу. Ниже этого слоя находок не встречалось.

В третьем и четвертом слоях памятника выявлено два скопления утрамбованной ракушки. Верхнее (между вторым и третьим стратиграфическими горизонтами) находилось в центральной части раскопа, имело форму полуовала, длинной стороной направленного к реке и имеющего заглубление к югу (рис. 2). Ниже (в четвертом стратиграфическом горизонте) было выявлено второе скопление утрамбованной ракушки. Оно находилось в материковой глине, фиксировалось по всем бровкам и стенкам раскопа (рис. 2). В этом скоплении, местами четко, выделялись два слоя (рис. 2).

Планиграфически находки в каждом из горизонтов располагались неравномерно. Во втором горизонте они концентрировались в центральной части раскопа в районе срубных построек. Здесь выявлено 112 фрагментов неолитических сосудов. Абсолютное их большинство украшено гребенчатым штампом, и лишь единичные экземпляры – прочерченным, накольчатым и ямочным элементами орнамента. Отсюда же происходят два наконечника стрел. Один – из кварцита, листовидной формы с тщательной двусторонней обработкой (рис. 8, 3); второй – из красного валунного кремня, треугольной формы с выделенным черешком, обработанный с двух сторон (рис. 8,1). Определить культурно-хронологическую принадлежность изделий из камня во втором стратиграфическом горизонте, в силу наличия в нем разновременной керамики, не представляется возможным.

В третьем стратиграфическом горизонте находки концентрировались в центральной и южной части раскопа. Здесь удалось извлечь около 600 фрагментов керамики; 218 из них несли накольчатую орнаментацию, 122 – гребенчатую. Кроме того, значительная часть фрагментов оказалась неорнаментированной, а отдельные фрагменты несли ямочные вдавления – (10 единиц), и один был орнаментирован прочерченными линиями. Около половины скоплений керамики и все развалы находились в рассматриваемом слое в кострищах либо в непосредственной близости от них.

В центре раскопа найдены два организованных скопления керамики, представляющие собой сильно фрагментированные остатки двух сосудов. Оба сосуда выполнены в единой технологии: тонкостенны, с тщательно заглаженной внешней поверхно-

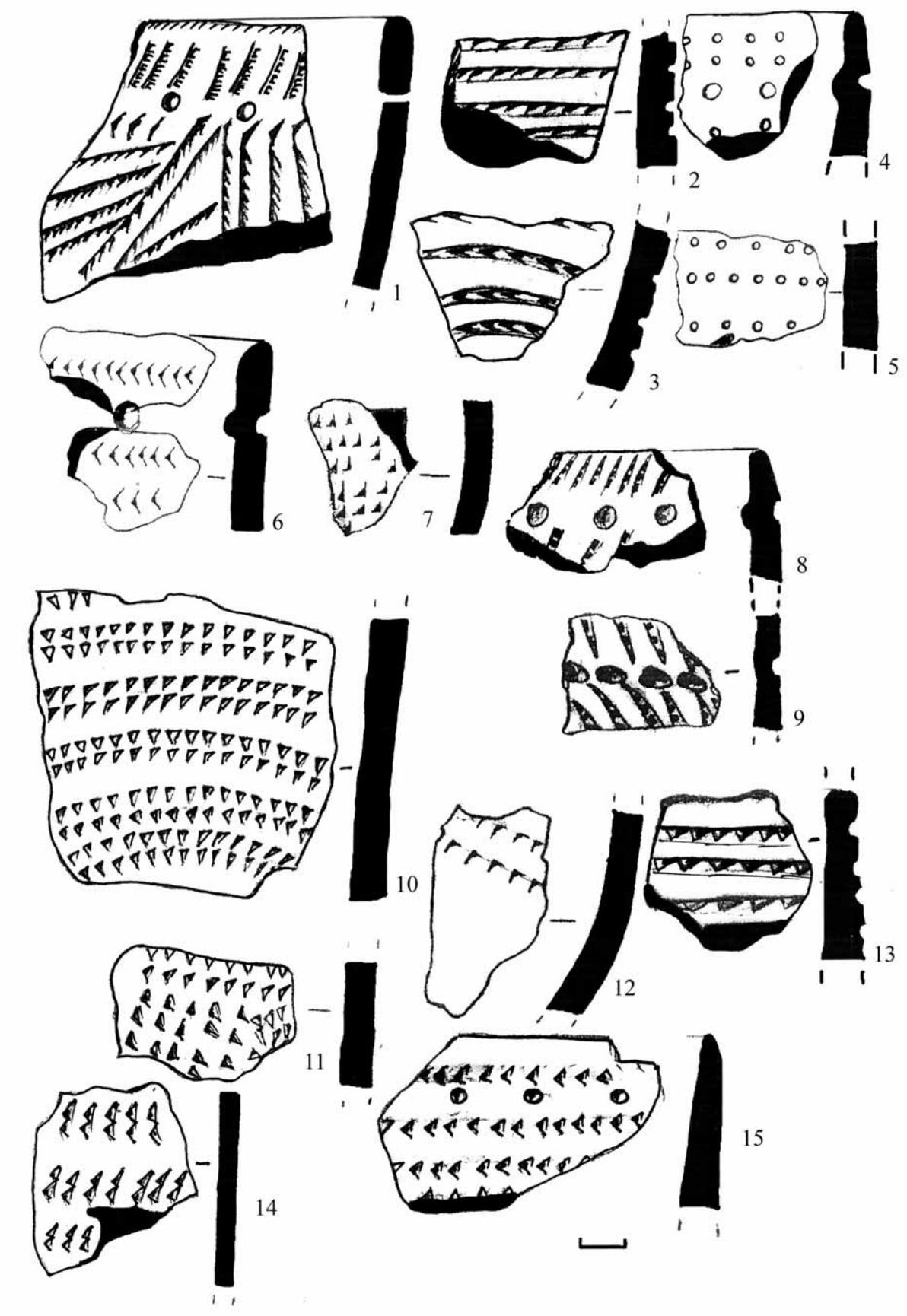


Рис. 3. *Стоянка Щучье II. Накольчатая керамика третьего горизонта*

Рис. 4. *Стоянка Щучье II. Накольчатая керамика*

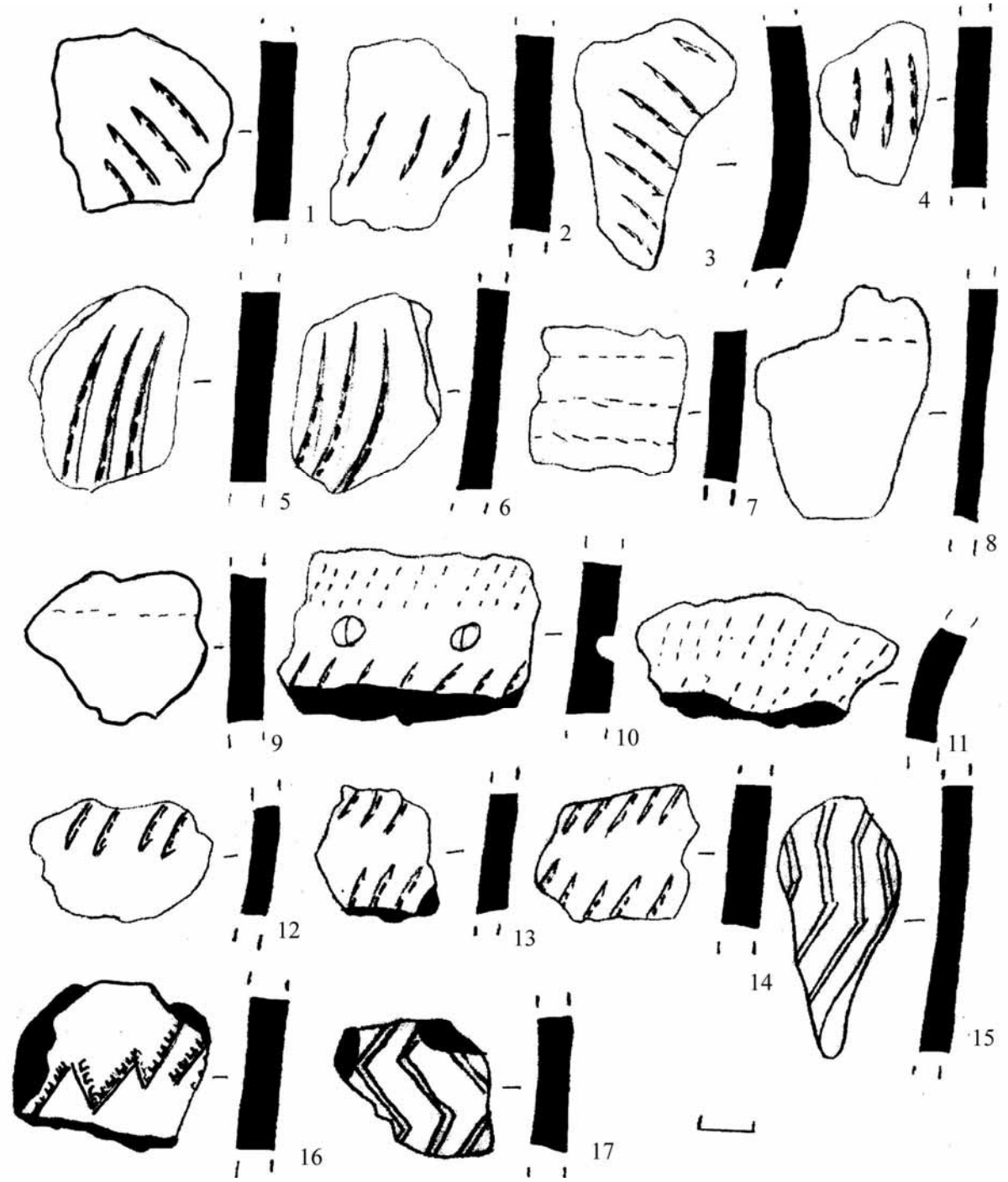


Рис. 5. *Стоянка Щучье II.*
Керамика с гребенчатой и прочерченной орнаментацией

стью, со следами расчесов на внутренней стороне. Венчики прямые, тулова цилиндрические с плавным переходом к острым днищам. Один из сосудов орнаментирован треугольными наколами. Под срезом его венчика имелся поясок из ямок, образующий на внутренней стороне "жемчужины" (рис. 3, 6). Другой сосуд орнаментирован оттисками короткого гребенчатого штампа и тоже имеет поясок из ямочных вдавлений под венчиком (рис. 3,8). Несколько информативнее выглядят находки в южной части раскопа. Здесь они располагались компактными скоплениями от нескольких или одного сосуда. Общее их количество – семнадцать: одиннадцать компактно залегающих фрагментов сосудов и шесть скоплений керамики от разных горшков. Семь компактно залегавших развалов сосудов орнаментированы различными наколами. Один сочетал накольчатую и гребенчатую орнаментацию; три развала орнаментированны оттисками гребенчатого штампа. К сожалению, полная реконструкция сосудов

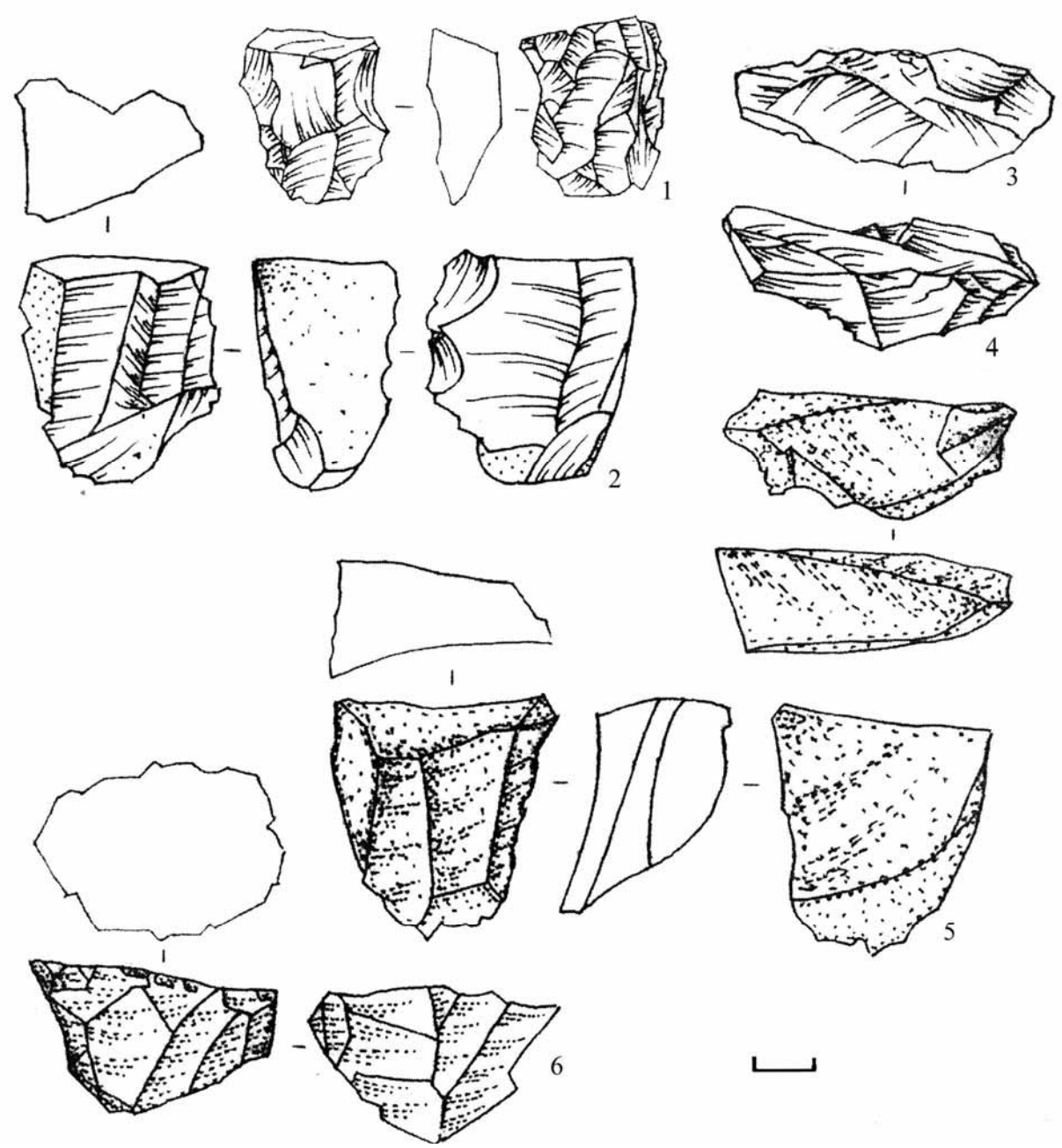


Рис. 6. *Стоянка Щучье II.*
Нуклеусы (1-3 – кремень; 4-6 – кварцит)

невозможна. Судя по венчикам, сосуды были прямостенные или слегка расширялись к верху, толщина стенок колебалась от 0,5 до 0,8 см, переходы стенок к днищам сосудов, вероятнее всего, были плавными, а сами сосуды не имели профилировки. При единстве форм сосудов их технологические характеристики в ряде случаев существенно различались. Вся керамика рассматриваемого слоя в тесте имела мелкозернистый песок и крайне незначительное количество органики, но восемь сосудов имели видимую примесь охристой крошки. Среди них три несли накольчатую и один – гребенчатую орнаментацию (проследить орнамент на остальных сосудах этой группы не удалось).

Изделия из камня немногочисленны. Они представлены двумя кремневыми нуклеусами (рис. 6, 1, 2), десятью пластинами и их сечениями (рис. 7, 3, 5, 6, 7, 12), семью скребками, выполненными на отщепах (рис. 7, 11, 13, 14, 15, 17) и реже – на пластинах (рис. 7, 10, 11), двусторонне обработанным наконечником стрелы со струйчатой ретушью по краям (рис. 8, 3), обломком верхней части наконечника копья из серого кварцита (рис. 8, 4), треугольной в сечении разверткой с сильно заработанными краями из серого кварцита (рис. 7, 18), обломком нижней части полированного

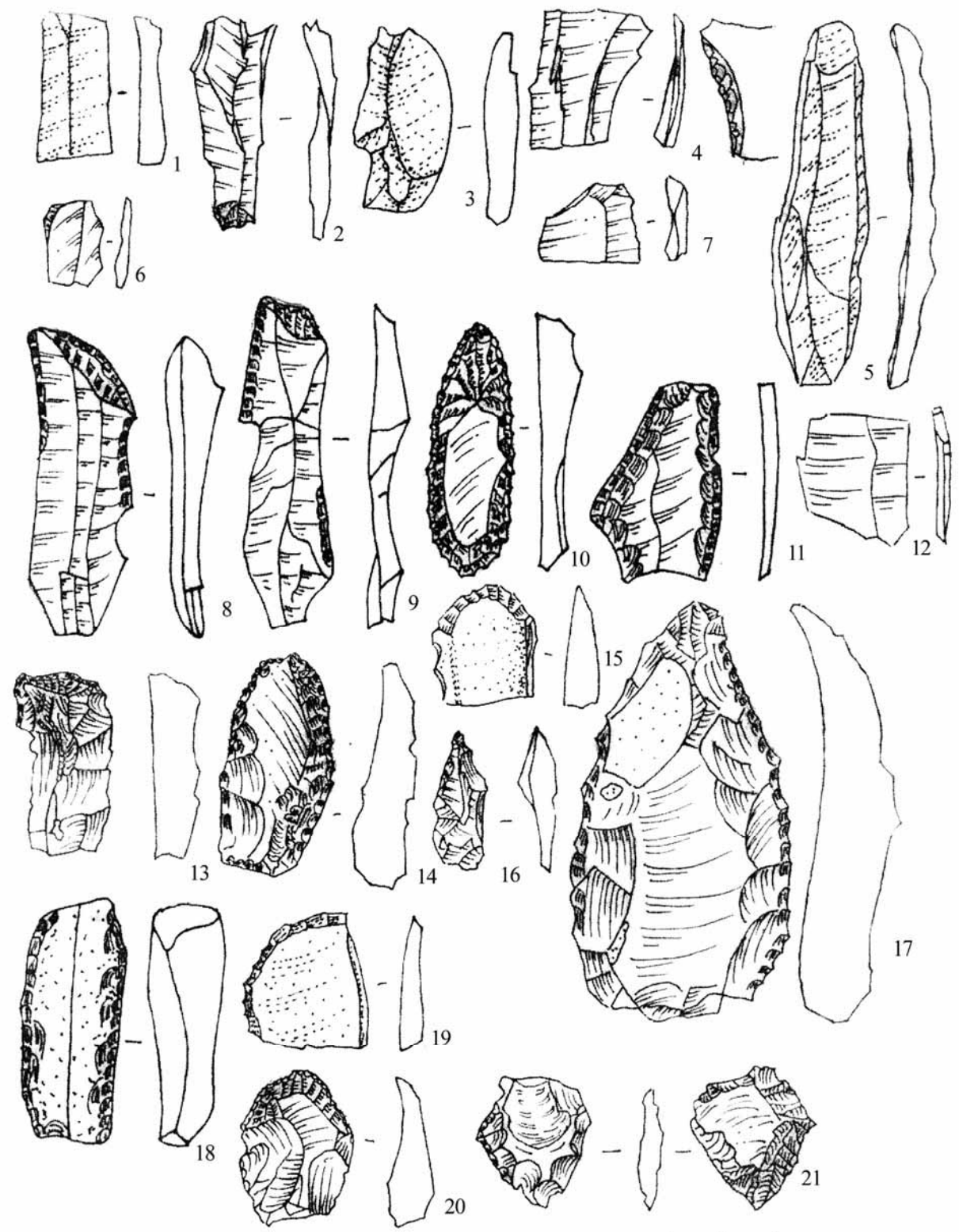


Рис. 7. *Стоянка Щучье II.*
Изделия из камня третьего и четвертого горизонтов
(1, 3, 4, 15, 18, 19 – кварцит; остальное – кремень)

тесла из зеленого мягкого камня (рис. 8, 7) и несколькими десятками отщепов без вторичной обработки.

В четвертом стратиграфическом горизонте находки фиксировались в центральной и южной частях раскопа. Керамика представлена 742 фрагментами, из которых 390 не имели орнамента; 268 были орнаментированы различными наколами, 43 – оттисками гребенчатого штампа, 44 – ямочными вдавлениями, семь – прочерченными линиями. Вся керамика так же, как и в вышележащем слое, концентрировалась ком-

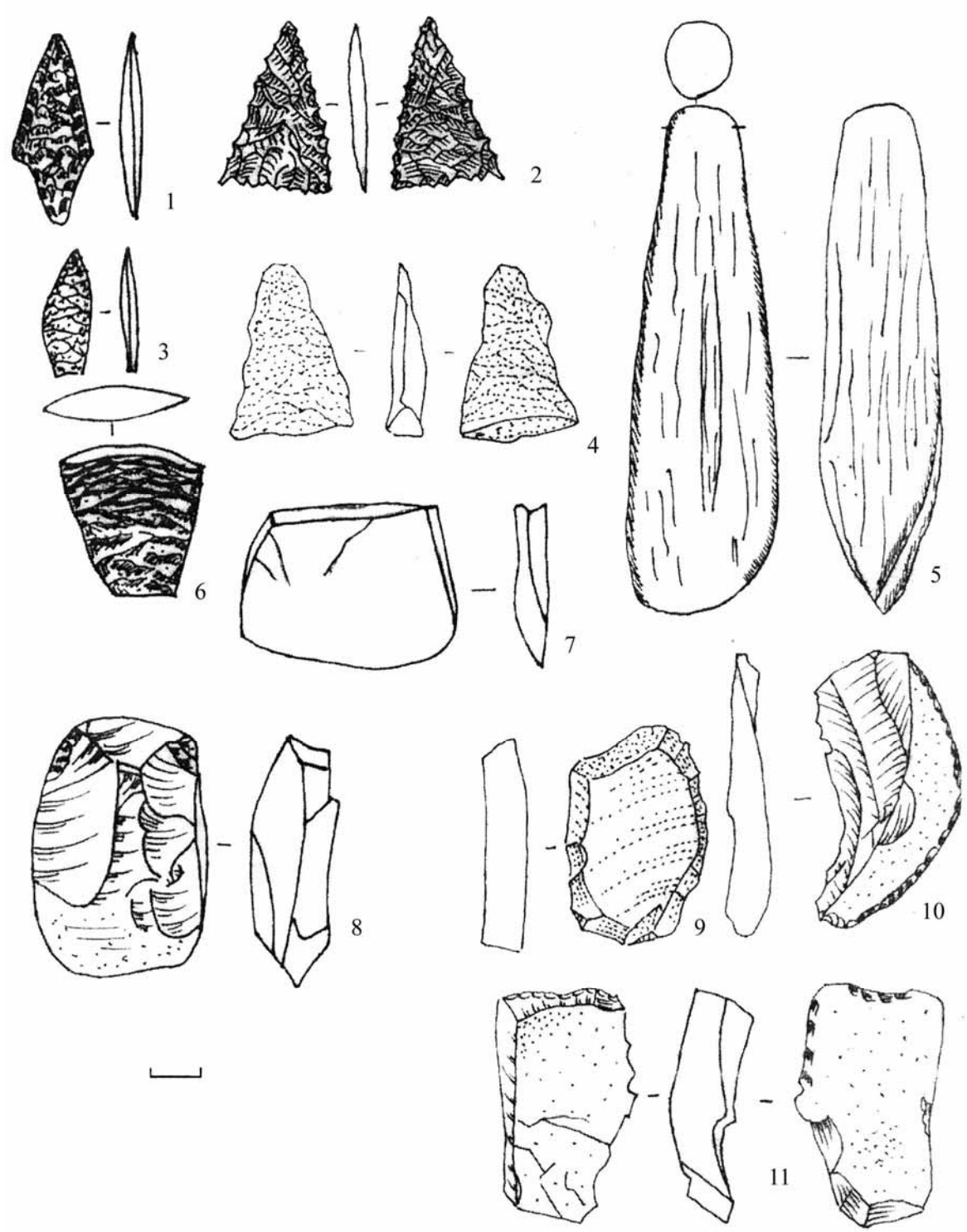


Рис. 8. *Стоянка Щучье II.*
Изделия из камня и кости
(5 – кость; 4, 6, 9, – кварцит; остальное – кремень)

пактными скоплениями фрагментов от одного или нескольких сосудов. Всего выявлено 20 скоплений. На большинстве фрагментов орнамент проследить не удалось. Однако большая часть керамики имела примесь охры и ангобированную внешнюю поверхность. Подавляющая же часть орнаментированной керамики – накольчатая. Наколы разнообразны, как и в вышележащем слое, но основным становится отдельно поставленный в строчку треугольный накол.

Сосуды тонкостенны, вылеплены ленточным способом, орнаментированы в средней и верхней части или по всей поверхности. Все они прямостенные цилиндри-

ческие или слегка расширяющиеся к верху, с плавно переходящим в острое дно туловом (рис. 4, 1-14, 18). Исключение составляет сосуд из центральной части раскопа. Его овальноприостренный венчик слегка отогнут наружу, среди стенок этого сосуда выявлено несколько фрагментов с нехарактерным для сосудов среднедонской неолитической культуры ребром, или, как минимум, резким переходом к острому дну (рис. 4, 19).

Гребенчатая керамика по большинству технологических показателей близка основной массе накольчатой, вся она орнаментирована короткими (в четыре, реже – в пять зубцов) оттисками штампа. Штамп прямой или слегка изогнут (рис. 5, 1-4, 10-14).

Отдельные черепки орнаментированы поставленными под углом друг к другу прочерченными линиями (рис. 5, 15, 17).

Единственный фрагмент стенки сосуда, орнаментированный шагающей гребенкой, имел желтую внешнюю и внутреннюю поверхность, хорошо отмученную однородную формовочную массу, ровный на всю глубину черепка обжиг (рис. 5, 16).

Изделий из камня, как и в предыдущем слое, немного: среди них четыре нуклеуса, два из которых аморфны и использовались для снятия отщепов (рис. 6, 3, 4), два - для снятия пластин (рис. 6, 5, 6), 12 пластин и их сечений (рис. 7, 1, 2, 4). Шесть скребков выполнены на отщепах (рис. 7, 19, 20, 21), два – на высоких пластинах со скошенными концами, образуемыми крутой скребковой ретушью. Одно из орудий выполнено из черного патинизированного кремня (рис. 7, 8), другое – из коричневого кремня низкого качества (рис. 7, 9). Рядом с последним находилось долото из рога с заполированной рабочей поверхностью (рис. 8, 5). В слое было выявлено тесло с заполированной рабочей поверхностью из светло-коричневого кремня (рис. 8, 8) и проколка из черного кремня (рис. 7, 16).

Подведем некоторые итоги анализа рассмотренных выше материалов.

Большая часть неолитической керамики (46,2%) на памятнике не орнаментирована (или орнамент не удалось проследить в силу условий залегания). Среди орнаментированной керамики стоянки можно выделить четыре орнаментальные группы: накольчатую, гребенчатую, ямочную, прочерченную.

Накольчатая керамика составляет примерно 38% от всей керамики стоянки (с учетом неорнаментированной). Наколы выполнены в отступающей манере. Треугольный накол, составляя 65% от всех других видов наколов, является основным. Далее идут спаренные треугольные, скобковидные, овальные и полукруглые наколы, а так же наколы-тычки. Накольчатый орнамент чаще всего наносился отдельно поставленными наколами, реже – наколами, выполненными в скорописной манере. Эти виды орнамента наносились, чаще всего, горизонтальными строчками. Иногда строчки наносились на тулово сосуда под углом по отношению друг к другу, составляя ломаные линии (рис. 4, 13), нередко поставленные под углом строчки наколов образовывали заполненные треугольники и композиции из них (рис. 4, 17). Крайне редко сочетание наколов различных форм. Наколы-тычки наносились разреженно под углом, снизу или сверху по отношению к верху сосуда (рис. 4, 15, 16). Сосуды орнаментировались либо в верхней, либо в верхней и средней частях, или же по всему тулову.

В целом вся накольчатая керамика может быть разделена на три основные группы. Самая многочисленная орнаментирована отдельно поставленными наколами. Венчики, как правило, приостренные или овальные, внешняя сторона поверхности сосудов хорошо заглажена или слегка подлощена, внутренняя заглажена или со следами расчесов. В качестве примеси использован мелкозернистый песок и незначительное количество органики. Обжиг неровный, излом сосуда имеет черный цвет.

Вторая группа представлена фрагментами от пяти сосудов. Их отличие четко фиксируется визуально. Орнамент, преимущественно треугольный, нанесен часто в строчку, причем такие строчки образуют достаточно глубоко вдавленные полосы на внешней стороне сосудов. Внешняя поверхность шероховатая, внутренняя – со следами расчесов, в формовочной массе обильная примесь мелкого песка (рис. 3, 2, 3, 13).

Третья группа самая малочисленная (два сосуда). Орнаментирована скоропис-ным треугольным орнаментом, в виде неглубоких строчек. Тесто сосудов плотное, хорошо промешано, но в нем встречается крупный серый песок или дресва. Внешняя сторона черепков заглажена до лощения, внутренняя имеет следы неглубоких расче-сов (рис. 3, 1).

Наиболее близка первой группе накольчатой керамики практически по всем технологическим параметрам ямочная (около 6% от всей керамики) (рис. 3, 4, 5; 4, 10, 11). Такая керамика уже получила название точечно-ямочной (Гапочка С.Н., 2001; 2002) и достаточно хорошо описана.

Следующую орнаментальную группу (13% от всей керамики) составляет гребен-чатая керамика (рис. 5, 1-4, 7-14). Как отмечалось выше, она технологически сходна с накольчатой (прежде всего с первой ее группой). На сосудах гребенчатый орнамент наносился оттиском короткого прямого или чуть изогнутого штампа. Наносились оттиски в горизонтальную (рис. 5, 2, 4, 10-14) или диагональную (рис. 5, 1, 3) строчку с небольшим наклоном. Оттиски длинного штампа выявлены в третьем стратигра-фическом горизонте. Технологически они близки третьей группе накольчатой керамики (рис. 5, 5, 6).

Керамика с прочерченным орнаментом на рассматриваемом памятнике самая малочисленная – 0,69%. Представлена фрагментами стенок сосудов, что не позволяет судить о форме последних (рис. 5, 15, 17). Большинство этих фрагментов прочерчено относительно широкими линиями, выстраивающимися в горизонтальную елочку. Эта керамика уже была ранее описана (Гапочка С.Н., 1995). Отметим лишь, что она не принадлежит дронихинскому типу.

Анализ неолитической керамики стоянки был бы не полон без характеристики неорнаментированной посуды. Дело в том, что значительная ее часть имела видимую примесь охры и в большинстве случаев была ангобирована.

Поглубинно-количественное соотношение орнаментальных групп неолитиче-ской керамики свидетельствует о хронологическом приоритете накольчатой керамики.

Так, в нижнем (четвертом) слое – 16 из 20 скоплений и развалов были накольча-тыми, и лишь два несли гребенчатую орнаментацию (к накольчатым отнесены и те сосуды, на которых оттисками гребенчатого штампа оформлены венчики).

Такое их соотношение отражает общую тенденцию на неолитических стоянках Побитюжья: Монастырской, Дронихинской, Черкасской (Синюк А.Т., 1986). Еще раз подчеркивая сходство технологических приемов и форм накольчатых и гребенчатых сосудов, отметим, что в четвертом и третьем горизонтах нередко фиксируется сочета-ние этих орнаментальных элементов при сохранении в целом их самостоятельной роли. Первые лишь дополнялись оттисками короткого штампа (ими оформлялся венчик сосуда, делились орнаментальные зоны). Это с одной стороны позволяет говорить о распространении оттисков короткого штампа на раннем этапе бытования памятника вместе с наколами, а с другой стороны – о подчиненном характере гребен-чатого штампа в случае их сочетания с наколами на одном сосуде. Длинный штамп не сочетается с наколами и выявлен преимущественно во втором и в единичных случаях в третьем стратиграфическом горизонте, отсутствуя в четвертом (что маркирует его более позднее появление на данном памятнике).

Корреляция выделенных выше групп керамики с их поглубинным размещением в целом демонстрирует, что керамика четвертого горизонта в подавляющем больши-нстве накольчатая (при господстве треугольного накола), здесь же находилось боль-шинство сосудов первой накольчатой группы. В третьем горизонте накол более разнооб-разен, и широко представлены сосуды со скорописным орнаментом. Увеличивается количество гребенчатой керамики, появляется керамика с оттисками длинного штампа.

Отмечая в целом культурно-хронологическое единство керамических комплек-сов двух нижних горизонтов, их можно отнести к финалу первого – второму этапу среднедонской неолитической культуры и датировать второй половиной V – началом

IV тыс. до н.э.. Верхняя хронологическая граница неолитических слоев стоянки определяется отсутствием на памятнике материалов энеолита (за исключением единственного фрагмента с шагающей гребенкой (рис. 5, 16), который лишь предположительно может быть отнесен к этому времени) и керамики с классической ямочной (ямочно-накольчатой и ямочно-гребенчатой) орнаментацией.

В ходе исследования стоянки выявлен еще один интересный признак, характерный для памятников среднедонского неолита, расположенных у уреза воды, – слой утрамбованной ракушки, представляющий собой, вероятно, пол какого-то сооружения (Синюк А.Т., 1986). В данном случае в южной части раскопа удалось зафиксировать его целенаправленное сооружение. Слой утрамбованной ракушки был углублен в материк. Кроме того, он сооружался в несколько этапов, что фиксировалось стратиграфически по наличию на некоторых его участках, как минимум, двух горизонтов. Выше уже отмечалось, что кроме нижнего ракушечного слоя, находящегося в четвертом стратиграфическом горизонте, выше был выявлен еще один в центральной части раскопа, большей частью уничтоженный рекой. Но и в этом случае его можно связать с материалами среднедонской неолитической культуры.

Остается добавить, что материалы, полученные при раскопках стоянки Щучье II, демонстрируют удивительную близость материалам других неолитических стоянок Побитюжья. Близки они и памятникам других районов бассейна Среднего Дона (Синюк А.Т., 1986, с. 55-153).

Интересно и еще одно не раз отмеченное обстоятельство: на памятнике нет материалов мезолита, энеолита и ранней бронзы (материалы срубного времени хорошо вычленяются визуально), что позволяет оперировать «чистым» неолитическим комплексом при дальнейшем изучении неолита донской территории и сопредельных регионов.

Гапочка С.Н., 1992. Отчет об археологической разведки в Эртильском районе Воронежской области в 1991 г. // Архив ИА РАН.

Гапочка С.Н., 1994. Отчет о раскопках неолитического поселения Щучье II в 1993 г. // Архив ИА РАН.

Гапочка С.Н , 1998 Отчет о раскопках стоянки Щучье II в Эртильском районе Воронежской области в 1997 г. // Архив ИА РАН

Гапочка С.Н. 1996. Неолитическая стоянка Щучье II в Среднем Побитюжье // Археологические исследования высшей педагогической школы. Воронеж.

Синюк А.Т., 1986. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж.

С.Н. Гапочка, М.А. Крючков
(Воронеж, ВГПУ)

Некоторые итоги исследования стоянки Затон I на юге Лесостепного Подонья

Стоянка расположена на северо-западной оконечности первой надпойменной террасы при впадении в реку Дон реки Бабочка, в 2,5 км к северо-востоку от села Бабка Павловского района Воронежской области. Выявлена В.В. Степкиным в 2001 г. (Степкин В.В., 2001). Оконечность террасы высотой до двух метров имеет приподнятость, напоминая дюнное образование (рис. 1).

С 2001 по 2003 гг. стоянка исследовалась неолитическим отрядом ВГПУ. В общей сложности вскрыто 388 кв. м. Выявлены артефакты различных эпох от раннего неолита до нового времени, включая ряд разновременных погребений, остатки жилищ и хозяйственных построек.

В ходе исследования стоянки получена характерная для дюнных памятников

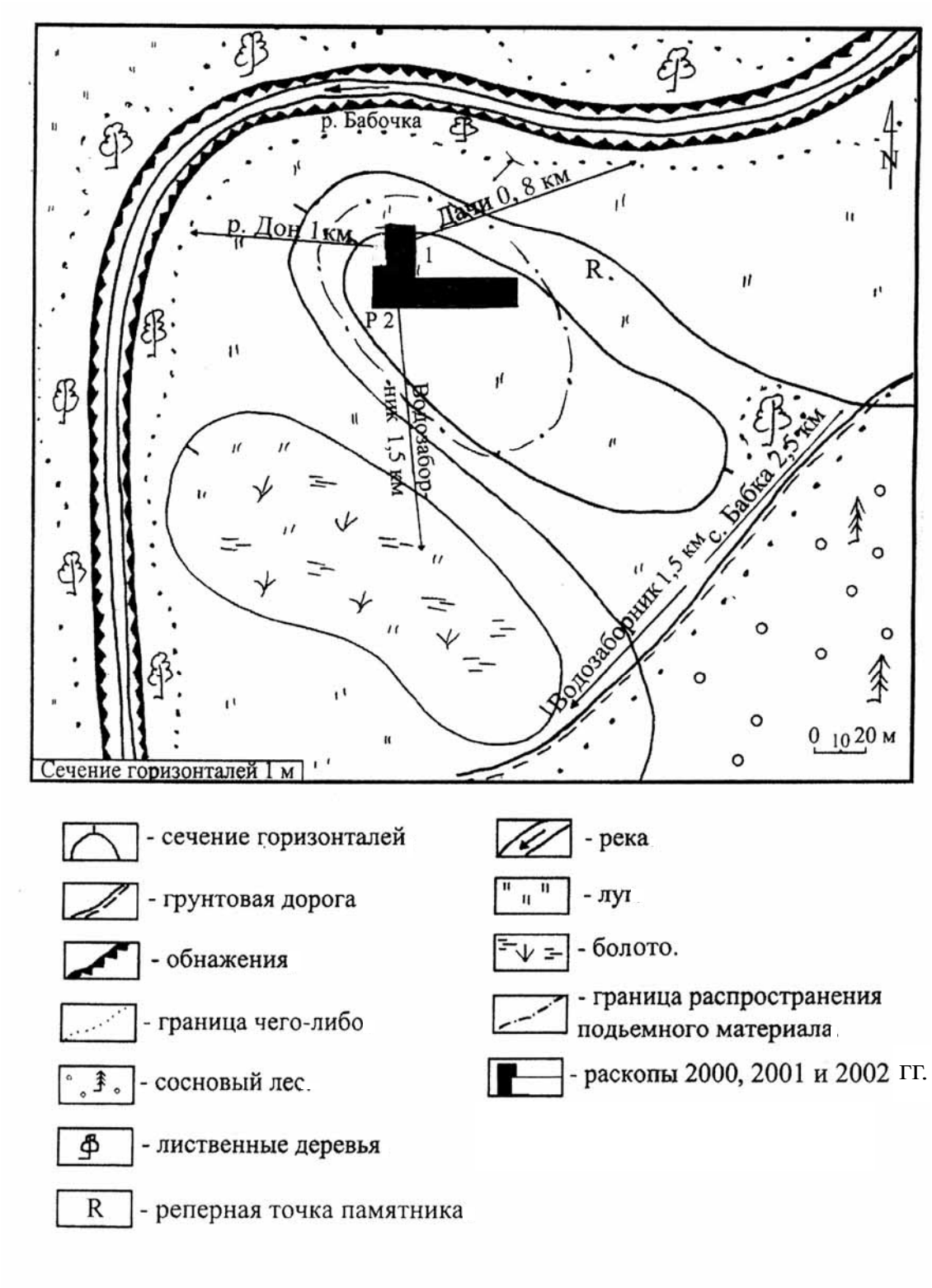


Рис. 1. *Стоянка Затон 1. Топографический план памятника*

стратиграфия. По всей площади под слоем дерна толщиной от 0,05 – до 0,08 м фиксировались два горизонта. Верхний представлен темной гумусированной супесью мощностью от 0,2 до 0,25 м, нижний – светлой супесью, толщина которой варьирует от 0,58 м в восточной части раскопа до 0,08 м в его западной части. Рассматриваемый горизонт, плавно осветляясь, переходил в материковый песок (рис. 1).

В предлагаемой статье рассматриваются материалы, относящиеся к эпохам неолита-энеолита.

В силу различных нарушений памятника интересующие нас материалы встречались в обоих горизонтах слоя. Степень насыщенности культурными остатками как

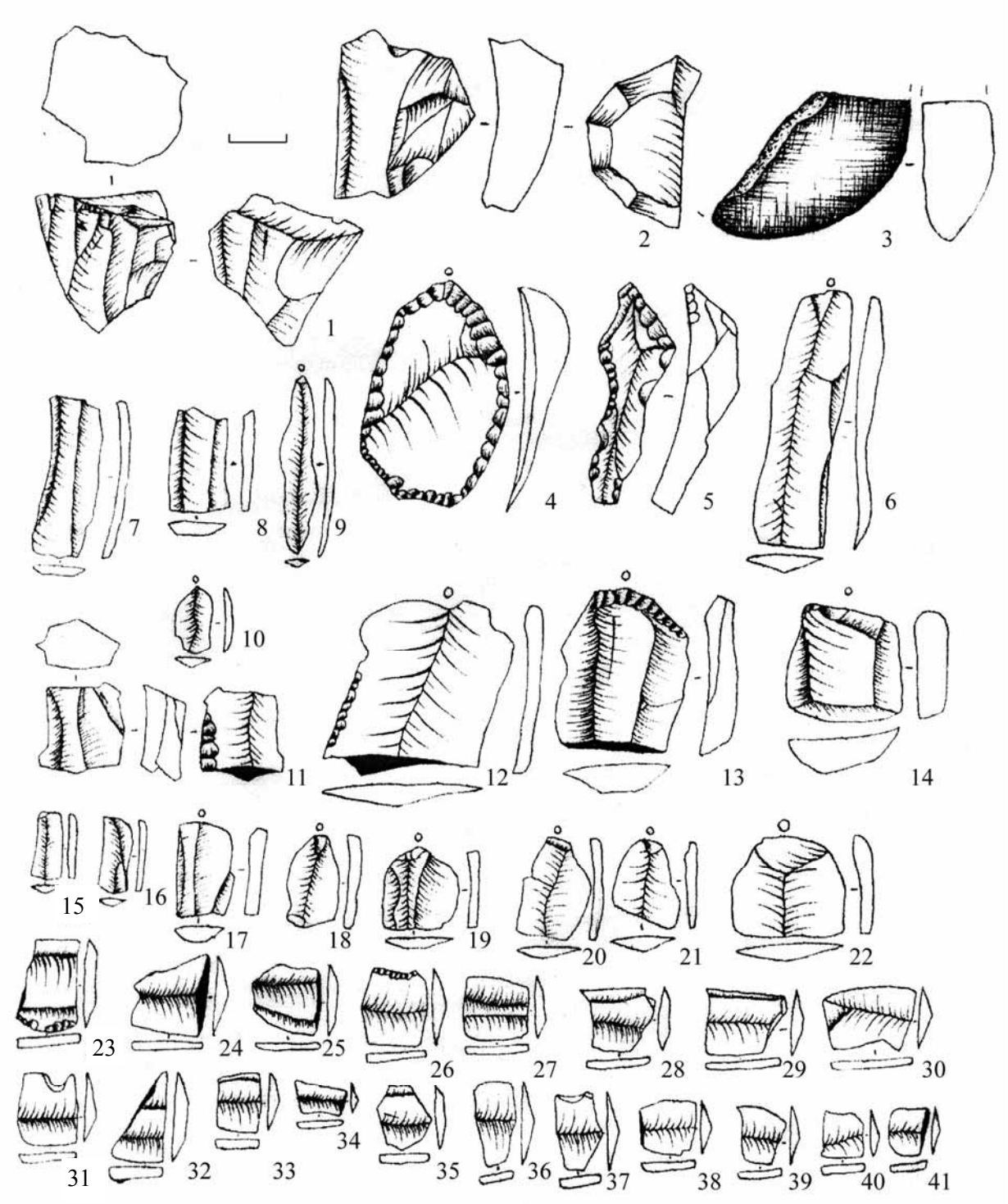


Рис. 2. *Каменный инвентарь стоянки Затон 1 (1, 2, 4-41 – кремень; 3 – сланец)*

первого, так и второго слоев невелика. Даже учитывая основную концентрацию неолито-энеолитических находок в западной части раскопа, ограничивающейся с востока поздней постройкой, на площади, чуть превышающей 100 кв. м, она составила около шести находок на квадратный метр.

Шире всего на памятнике представлены изделия из камня и отходы от их производства. С керамикой неолита – энеолита они соотносятся приблизительно как три к одному.

В слоях выявлено семь нуклеусов и 14 крупных нуклевидных сколов. Три нуклеуса – одноплощадочные пирамидальные (рис. 2, 1; 4, 1, 2) выполнены из качест-

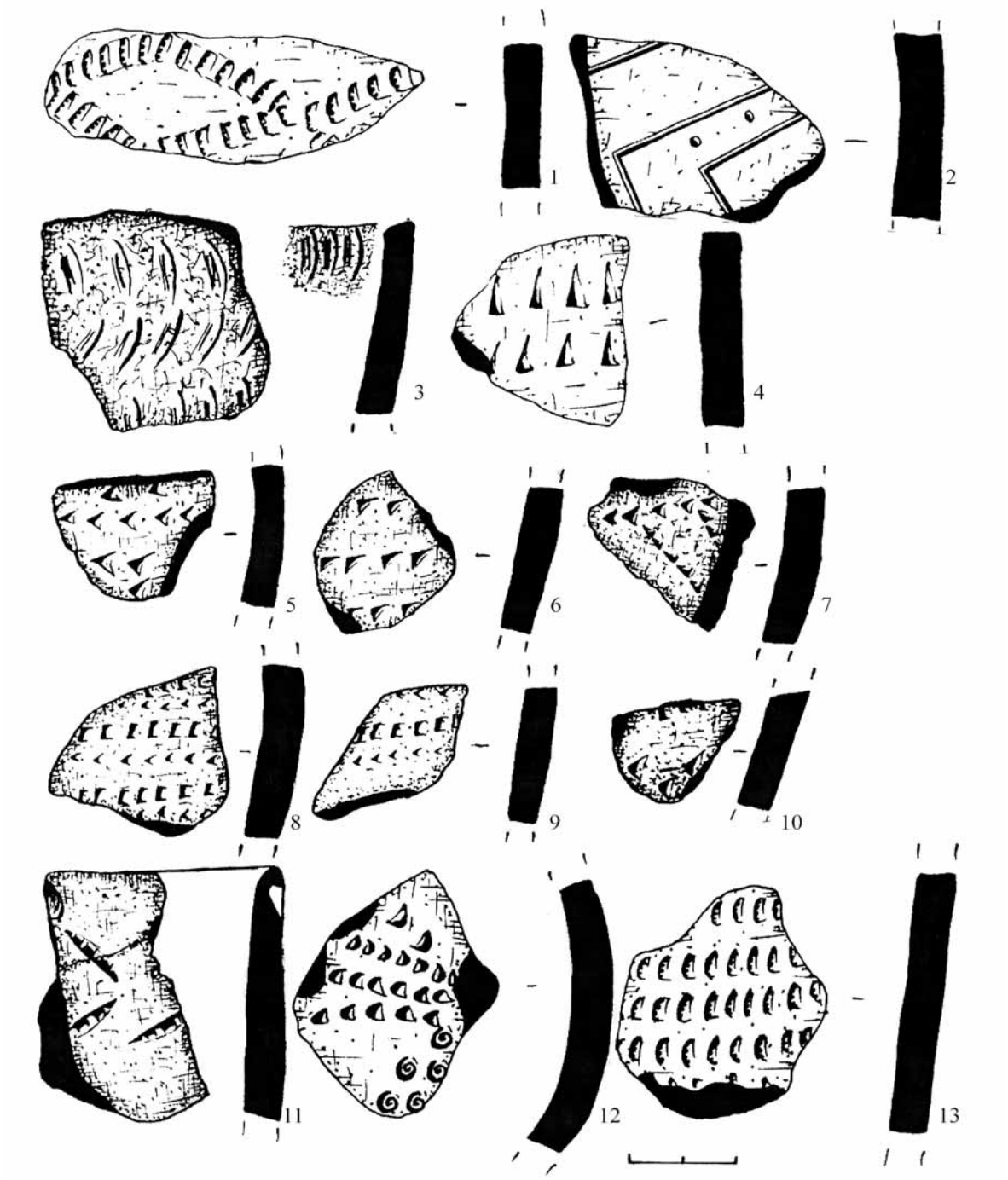


Рис. 3. *Керамика стоянки Затон 1*

венного черного кремня. Четыре нуклеуса – призматические (рис. 4, 1, 3, 4, 6), также выполненные из черного и серого кремня. Среди нуклевидных обломков отметим только один с подработанным полукрутой ретушью концом (рис. 4, 7).

Самую многочисленную группу изделий из камня составляют пластины и их сечения – 127 экземпляров. Пластины в подавляющем большинстве микролитичные, их ширина колеблется от 0,8 до 0,2 см, а длина от 3 до 0,7 см. Как правило, они имеют неровные очертания (рис. 2, 15-21; 4, 11-36), выполнены из кремня, за исключением трех кварцитовых (рис. 4, 18, 23, 25). Сечения пластин изготовлены из более качественного, в основном черного, кремня. Заготовками для них служили не только микролитические, но и средней величины пластины. Сечения пластин преимущественно медиальные – 73%. Пластины и их сечения не имеют признаков дополнительной обработки, однако в ряде случаев они были ретушированы (рис. 4, 16, 17, 35, 36, 37).

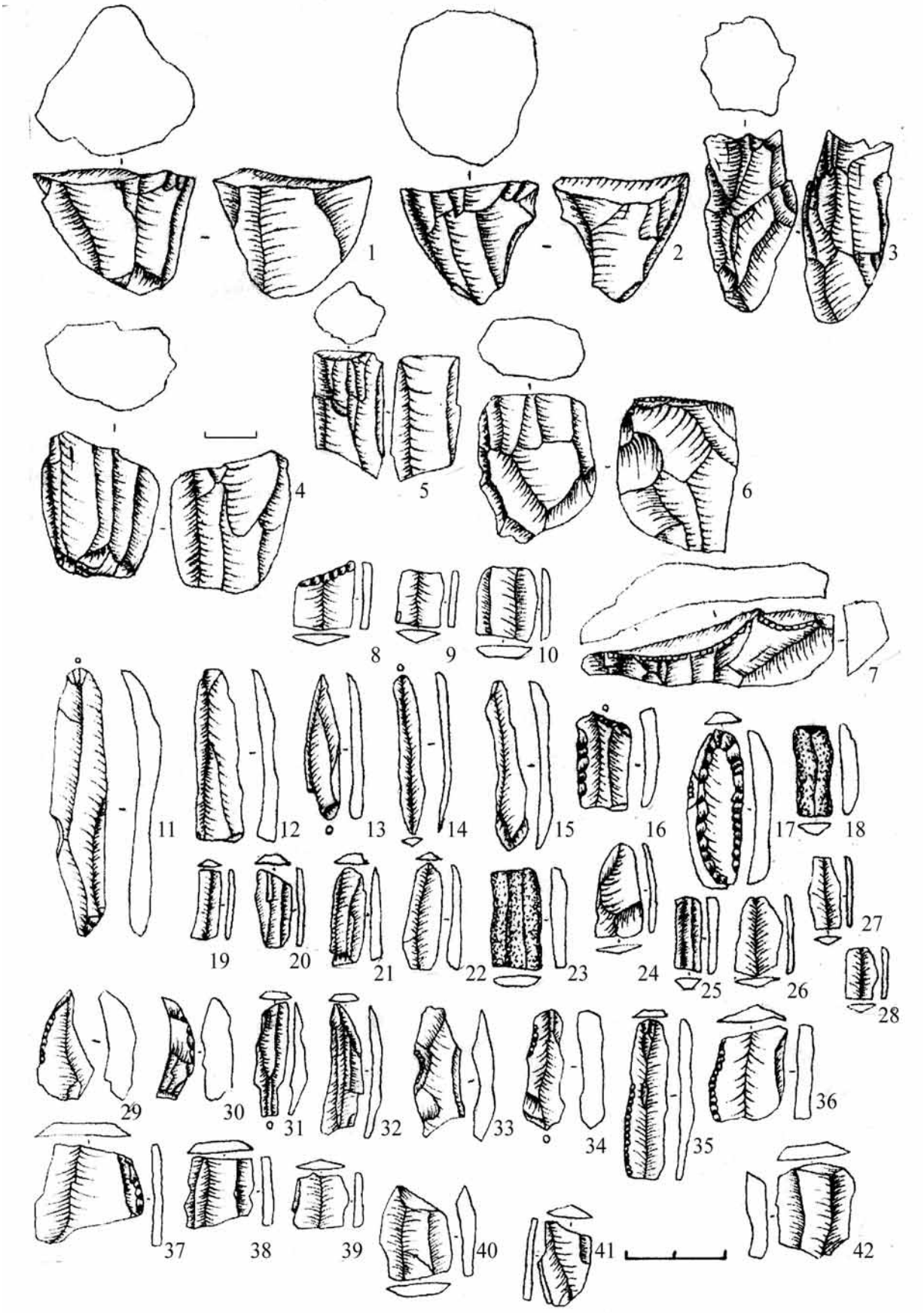


Рис. 4. *Каменный инвентарь стоянки Затон 1*
(1-6 – нуклеусы; 7 – продольный скол; 8-42 – пластины и их сечения)

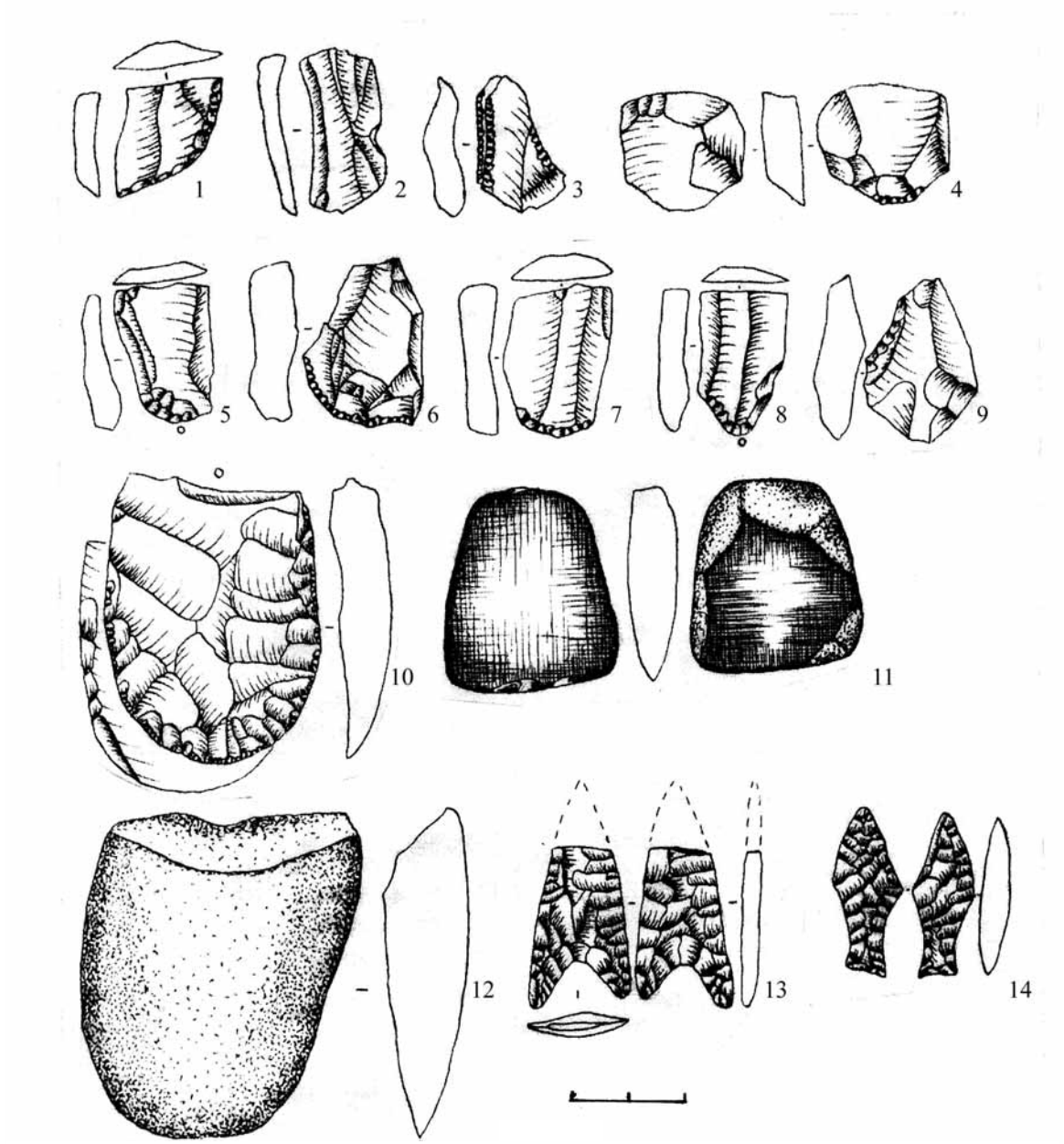


Рис. 5. *Каменный инвентарь стоянки Затон 1 (1-10, 13-14 – кремень; 11 – сланец; 12 – песчаник)*

Вторую по численности группу орудий составляют скребки. 59 из них выполнено на отщепах (рис. 2, 4, 5; 5, 4, 6, 9) и 14 на пластинах (рис. 2, 13; 4, 8, 16, 17; 5, 1, 5, 7, 8).

В особую группу каменных орудий отнесены четыре тесла, два из которых выполнены из кремня (рис. 5, 10), одно - из зеленого сланца (рис. 5, 11) и еще одно – из кварцита (рис. 5, 12).

На памятнике выявлено четыре двустороннеобработанных наконечника стрел, выполненных из черного кремня (рис. 5, 13, 14). Два из них листовидные, один – треугольный с выемкой в основании (рис. 5, 13), и один – в форме «рыбки» (рис. 5, 14). Последний принадлежит к кругу древностей позднего неолита-энеолита лесной зоны Восточной Европы, ориентировочно - волосовской культурно-исторической общности, и датируется в пределах второй половины третьего тысячелетия до н.э. (Черных И.Н., 1996, с. 291).

Керамика представлена несколькими орнаментальными группами. Самую многочисленную группу составляют фрагменты, орнаментированные наколами различной формы и величины. Всего найдено 152 фрагмента, приблизительно от 15-ти сосудов. Однако технологические признаки сосудов значительно разнятся. Основная часть описываемой посуды, судя по венчикам, стенкам и придонным частям, представлена

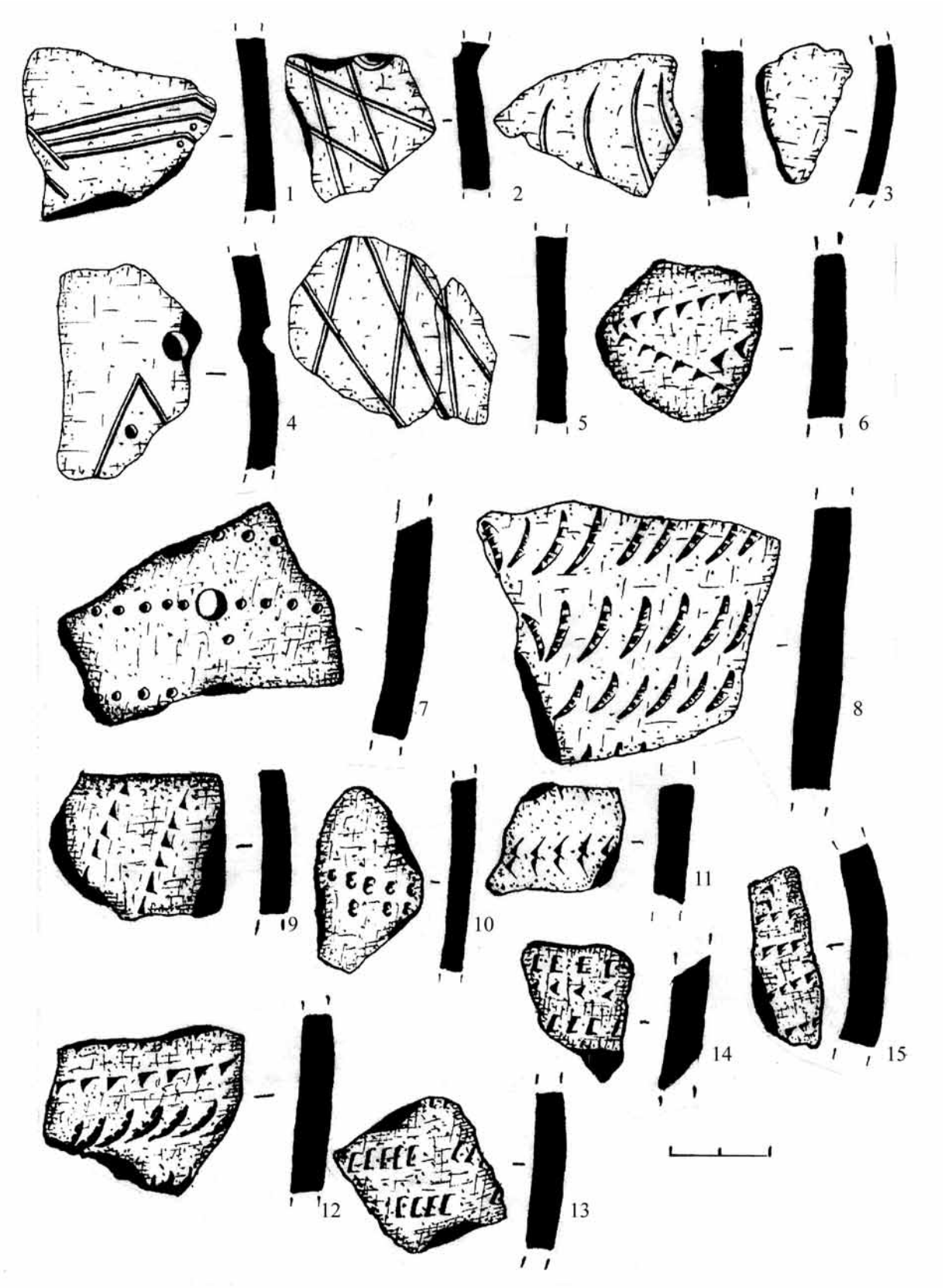


Рис. 6. *Керамика стоянки Затон 1*

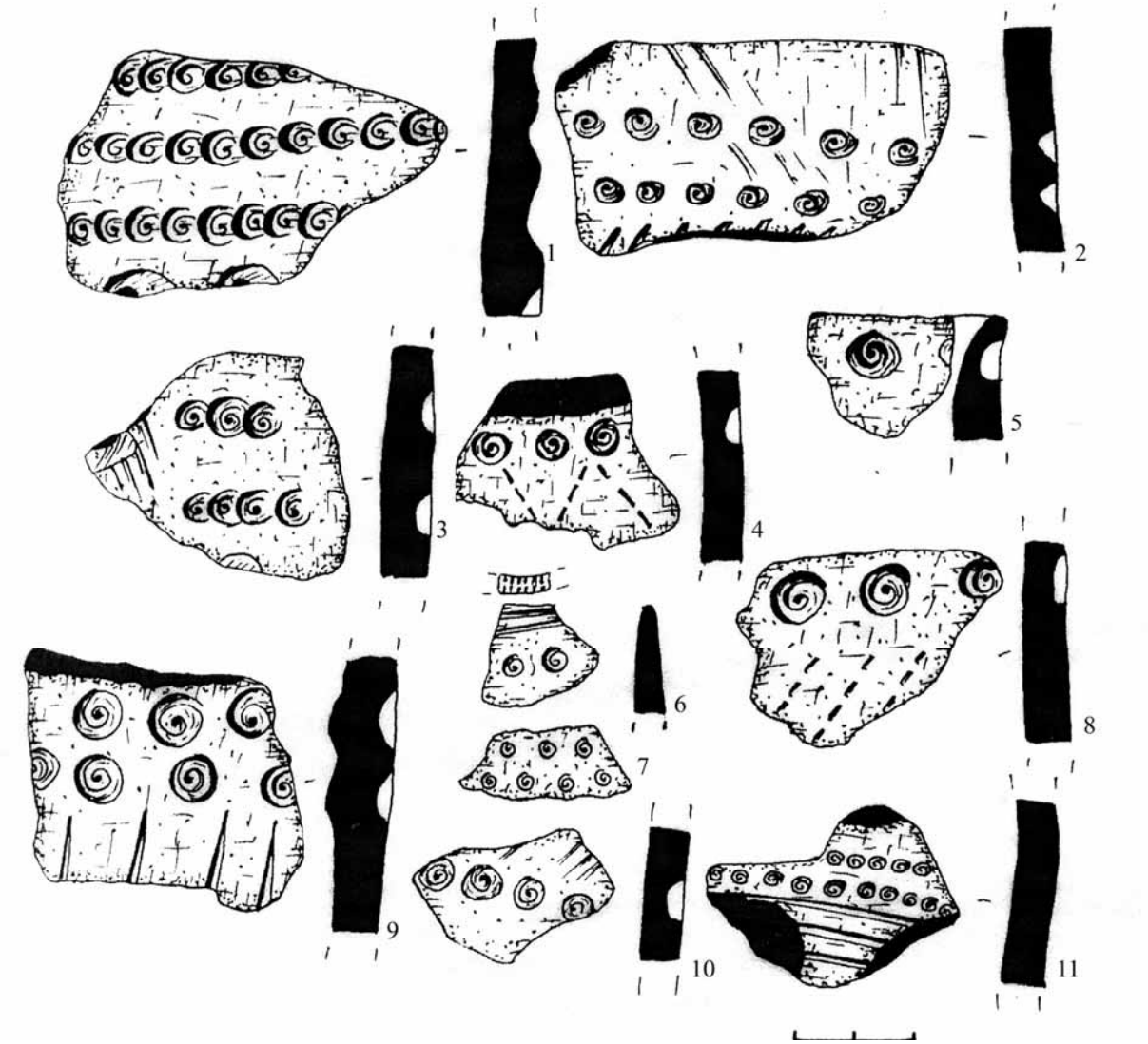


Рис. 7. *Керамика стоянки Затон 1 с орнаментацией панцирем улитки*

прямыми непрофилированными открытыми горшками. Они вылеплены из формовочной массы с незначительной примесью органики и мелкозернистого песка ленточным способом. Толщина стенок от 0,4 до 0,8 см. Внешняя сторона заглажена до лощения, цвет ее варьирует от желтого до темно-коричневого. Внутренняя сторона, как правило, темно-коричневая и несет следы штриховки гребенчатым штампом. Такие горшки орнаментированы различными формами наколов при господстве отдельно поставленного в строчку треугольного накола (рис. 3, 4-7). Часто различные формы наколов сочетаются (рис. 3, 8, 9; 6, 14). Кроме того, встречено сочетание на одном сосуде накольчатой и гребенчатой орнаментации (рис. 6, 12). Описанная группа накольчатой керамики несет в себе основные технологические и орнаментальные особенности среднедонской неолитической культуры.

К этой группе необходимо отнести несколько фрагментов от одного сосуда, выполненного по вышеописанной технологии, но несущего в орнаментации, помимо отдельно поставленного треугольного накола, еще один элемент – оттиск панциря улитки (рис. 3, 12).

В рамках этой же орнаментальной группы выделяется керамика, отличная от среднедонской. Это остатки трех сосудов. Их общей чертой является профилировка верхней части. Один из сосудов представлен слегка профилированным венчиком с чуть выделенным наплывом на его внутренней стороне. Технологически он выполнен из хорошо отмученного теста с обильной примесью мелкого кварцитового песка и хорошо залощен снаружи. Внутренняя поверхность заглажена и не имеет следов

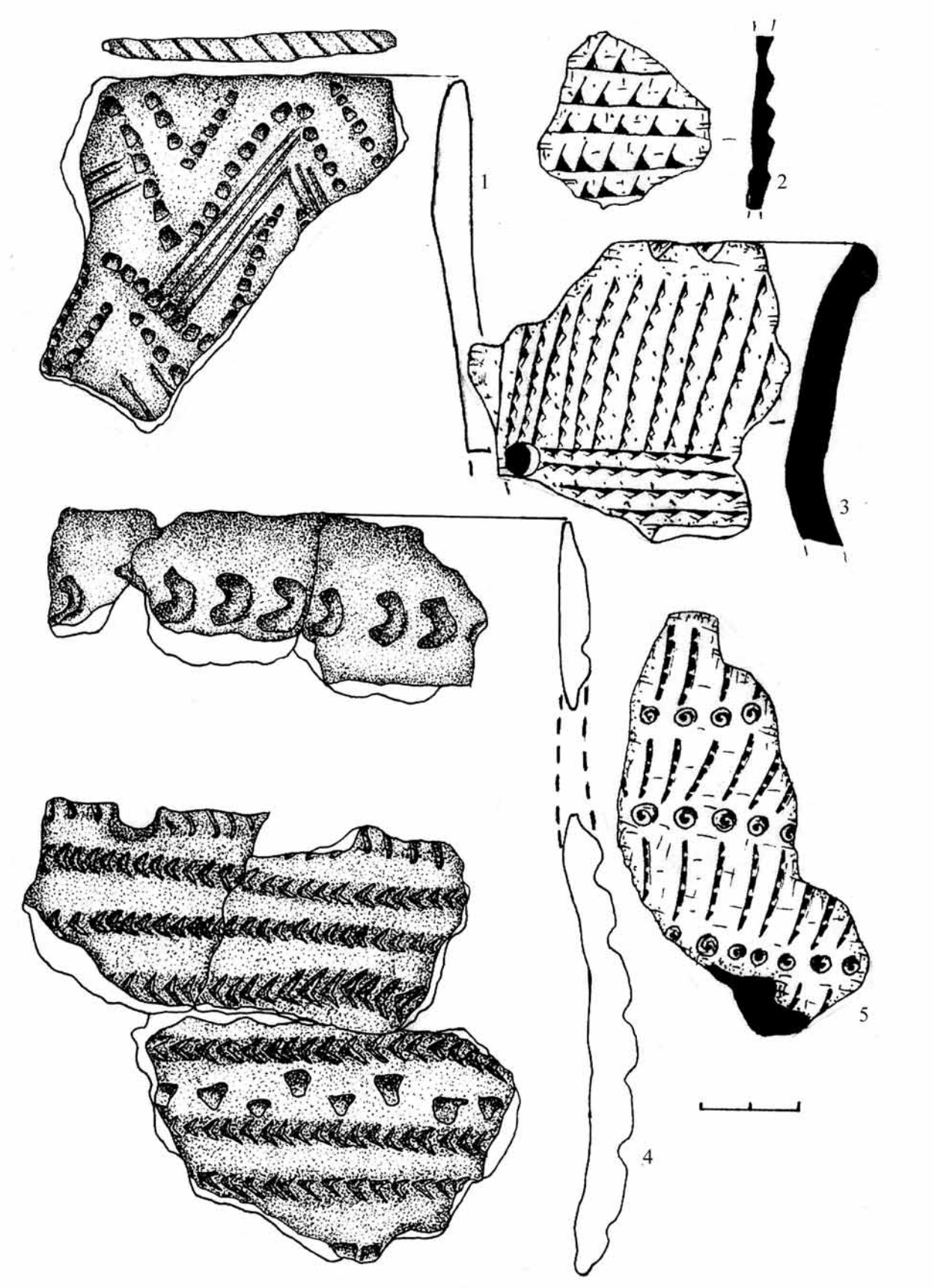


Рис. 8. *Керамика стоянки Затон 1*

штриховки. Фрагмент орнаментирован по срезу венчика насечками, а по поверхности украшен поставленными под углом рядами крупных наколов и прочерченных линий, образующих треугольники. По внутренней стороне венчик орнаментирован рядом оттисков вертикально поставленной четырехзубой гребенки (рис. 8, 1).

Остатки от второго сосуда представлены фрагментом высокого профилированного венчика и небольшим фрагментом стенки. Сосуд пористый, внутри имеет обильную растительную примесь, которая фиксируется по следам ее выгорания, образущим на изломе широкий углистый слой. Внешняя поверхность имеет светло-коричневый цвет, а заглаженная внутренняя – темно-коричневый. Венчик орнаментирован рядами вертикальных и горизонтальных линий, образованных строчечным наколом, срез его оформлен пальцевыми защипами, образующими гофрировку (рис. 8, 3).

Третий сосуд представлен неполным развалом, позволяющим судить о форме его верхней и средней части. Профилированный сосуд с чуть стянутым горлом и слегка выпуклым туловом имеет приостренный венчик и, предположительно, плавный переход к острому или округлому дну. Рассматриваемый сосуд имел необычный коричневый внутренний и внешний цвет и, вероятно, изготовлен не из местных глин. В тесте – примесь органики и песка. Венчик орнаментирован глубокими оттисками крупных спаренных наколов, тулово – горизонтальными рядами треугольных наколов и разделяющих по горизонтали клиновидных ямок (рис. 8, 4).

Вторую по численности орнаментальную группу составляет керамика, украшенная оттисками панциря улитки – 59 фрагментов (приблизительно от восьми сосудов). Керамика изготавливалась, вероятно, из илистых глин с естественным содержанием песка и по всем технологическим параметрам близка среднедонской неолитической. Внешняя поверхность подлощена и имеет коричневый цвет, внутренняя – темнокоричневый, нередко со следами расчесов. Венчики сосудов прямые или слегка отогнуты наружу (рис. 7, 5, 6). Срезы венчиков, как правило, приостренные, встречается орнаментация по срезу (рис. 7, 6) . Судя по венчикам и фрагментам стенок сосуды прямостенны, толщина сосудов варьирует от 5 до 11 мм. В качестве орнаментира использовались различные по величине панцири улитки. Два сосуда несли орнаментацию только из вышеупомянутых оттисков. Встречено сочетание оттисков панциря улитки с накольчатой орнаментацией (рис. 3, 12), с длинным и коротким гребенчатым штампом (рис. 7, 4, 8). Два сочетали оттиски улитки с длинными прямыми прочерченными линиями (рис. 7, 2, 9, 11). Еще один сосуд нес ярко выраженную ямочно-гребенчатую орнаментацию, но вместо ямок использовались оттиски панциря улитки (рис. 8, 5). Последний нес и технологическую специфику: в его формовочной массе песок с органикой заменялся шамотом. Цвет внешней и внутренней поверхности сосуда – темно-коричневый, близкий к черному.

Аналогичная керамика есть в нижних слоях расположенной в нескольких километрах севернее Черкасской стоянки, где выделена А.Т. Синюком в особую группу (Синюк А.Т., 1986, с. 88). Кроме того, она известна и на других стоянках Среднего Дона и Похоперья.

Третья по численности орнаментальная группа представлена гребенчатой керамикой – 37 фрагментов от семи сосудов. На большинстве сосудов короткий (в четыре-пять зубцов) гребенчатый штамп составлял горизонтальные ряды из косопоставленных оттисков (рис. 3, 1, 11, 13; 6, 8). Технологические параметры данной группы весьма однообразны и близки среднедонской неолитической керамике с накольчатой орнаментацией.

В ходе исследования памятника выделено еще несколько единичных находок керамики, не входящих в перечисленные орнаментальные группы. Это неорнаментированная и орнаментированная точечно-ямочными вдавлениями и прочерченными линиями керамика. Среди них пять фрагментов стенок (предположительно от одного сосуда) с точечно-ямочными вдавлениями (рис. 6, 7). Такая керамика с ряда стоянок Среднего Дона уже описывалась нами (Гапочка С.Н, 2001., с. 15-18). Четыре фрагмен-

та стенок (вероятно, от двух сосудов) имели идентичные технологические признаки: хорошо отмученное однородное без видимых примесей тесто, с коричневым цветом внутренней и внешней поверхности. Внешняя поверхность тщательно залощена, внутренняя – заглажена. Три из перечисленных фрагментов тонкостенны (от 0,4 до 0,5 см), не имели орнамента (рис. 6, 3). Один фрагмент при тех же технологических характеристиках украшен тонкими неглубокими прочерченными линиями, образующими, вероятно, композиции из тупых треугольников, в месте изгибов которых нанесены мелкие точечные вдавления (рис. 6, 1). Перечисленная керамика по всем своим показателям близка материалам елшанского типа, широко известным в Лесостепном Поволжье (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988; Мамонов А.Е., 1999), а в последнее время выявленным в Примокшанье (Ставицкий В.В., 1999) и Похоперье (Сурков А.В., статья в настоящем сборнике).

Последнему фрагменту, отнесенному нами к керамике елшанского типа, орнаментально близки еще два (рис. 3, 2; 6, 4). Оба они орнаментированы треугольниками, образованными прочерченными линиями, между которыми находились отдельно поставленные точки. Различия с фрагментом елшанского типа здесь проступают в глубине и ширине прочерченных линий, в более крупных точках и, самое главное, в технологии изготовления. Рассматриваемые фрагменты несколько толще, в их формовочной массе прослеживаются следы органики и песка. В целом они ближе керамике среднедонской неолитической культуры, но не идентичны ей. В силу технологических особенностей они не могут быть отнесены к кругу елшанских древностей, а некоторые технологические и главным образом орнаментальные их особенности не дают возможности отнести их к местным среднедонским, что предполагает расширить поиски аналогий. Заметим, что сходные материалы известны в области распространения сурской и буго-днестровской культур, а следовательно, юго-западное направление в плане существования культурных связей в неолите небезосновательно.

Специфичны и нехарактерны для материалов среднедонской неолитической культуры три фрагмента с кососетчатой орнаментацией (рис. 6, 2, 5). В тесте этих фрагментов присутствует органика и мелкий песок. Мотив орнаментации тоже не местный и поиск ближайших аналогий возможен, скорее всего, в круге памятников донецкой культуры.

Таким образом, неолито-энеолитические материалы стоянки Затон I, несмотря на отсутствие стратиграфических данных, типологически позволяют выделить разновременные материалы от раннего неолита (керамика елшанского типа) до энеолита (профилированные сосуды с выделенными венчиками) при господстве материалов среднедонской неолитической культуры. Весьма важной особенностью стоянки является наличие керамики, орнаментированной оттисками панциря улитки. Интересно и широтное направление связей населения Придонья с населением лесостепных районов от Поднепровья до Поволжья. Заслуживает внимания и факт преобладания изделий из камня на стоянке над керамическими находками, что предполагает возможность типологического выделения на памятнике материалов позднего мезолита.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988. Неолит Поволжья степь и лесостепь. Куйбышев.

Гапочка С.Н., 2002. Неолитическая керамика с точечно-ямочной орнаментацией Лесостепного Дона// Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж.

Мамонов А.Е., 1999. О культурном статусе елшанских комплексов// Вопросы археологии Поволжья. Самара. Вып. 1.

Ставицкий В.В., 1999. Неолит Сурско – Моршанского междуречья: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ижевск.

Степкин В.В., 2001. Отчет об археологической разведке в Павловском районе Воронежской области в 2000 г.// Архив ИА РАН.

Черных И.Н., 1996. Мелкая кремневая пластика со стоянки « Синяя гора I» (Ботово I) на озере Селигер// Тверской археологический сборник. Вып. 2.

Ю.П. Матвеев, Л.И. Маслихова
(Воронеж, ВГУ, ВГПУ)

Курганная группа «Таганка»

Курганная группа располагалась на северной окраине села Лосево Павловского района Воронежской области на оконечности высокого мыса по правому берегу ручья Таганка, впадающего в реку Битюг (рис. 1, 1).

Группа состояла из четырех насыпей (рис. 1, 2). Самый крупный курган 1 находился несколько в стороне от других, на наиболее возвышенной части мыса. Курганы 2-4 вытянуты в цепочку с северо-востока на юго-запад по склону возвышенности. Все курганы длительное время подвергались распашке.

Высота **кургана 1** от подошвы достигла около 1,4 м. В плане он несколько вытянут. Длинная ось (почти восток-запад) – 38 м (рис. 2, 1). Насыпь, сложенная из супесчаной почвы мыса, распахивалась на глубину до 0,25 м. В профиле, почти по центру кургана, фиксировался древний перекоп диаметром до 3,5 м, углубленный на 1,8 м – до уровня погребенной почвы.

Профили кургана позволили установить, что он сооружался в два приема: под внешней (вторичной) насыпью фиксировалась первичная, диаметром около 16 м, вершина которой находилась на отметке около 0,8 м ниже «0». Вторичная насыпь отчленялась от первичной тонкой прослойкой более темного грунта. Первичная насыпь оказалась неоднородной. Ее внешняя часть сложена из обычной почвы, внутренняя же, диаметром около 7,5 м – из прокаленной почвы, перемешанной с древесным углем. Между двумя частями первичной насыпи резкой границы нет. Под первичной насыпью, местами выходя за ее края, фиксировался слой погребенной почвы мощностью 0,25-0,3 м. Ниже залегала материковая супесь.

Реконструируется следующая картина сооружения кургана: вначале на поверхности был разведен костер, который после прогорания сгребли в небольшой холмик, сразу же засыпанный почвенным грунтом. Таким образом была сформирована первичная насыпь. Лишь спустя более-менее длительное время, достаточное для образования гумусированной прослойки на ее поверхности, она была перекрыта вторичной досыпкой. Современные размеры и конфигурация насыпи – результат её оползания и распашки.

В остатках кострища были обнаружены два предмета. Примерно в 2 м южнее центра кургана на глубине 1,37 м найден развал лепного горшка раннего железного века (рис. 2, 3). Примерно в 1,5 северо-западнее центра, на глубине 1,4 м найдено выточенное из мела яйцо (рис. 2, 2). Комплекс кургана 1 связывается с трупосожжением скифского времени.

Курган 2 в плане почти круглый: длинная ось (север-юг) – 22 м, короткая ось (восток – запад) – 20 м. Высота кургана от подошвы – 0,65 м. Насыпь сложена из супесчанистого почвенного слоя, покрывающего мыс. Она распахивалась на глубину 0,2-0,25 м. Лежавшее ниже, не потревоженное распашкой тело насыпи, нарушали древние перекопы над впускными погребениями и отдельные, иногда довольно крупные норы (рис. 3). Обнаруженные в процессе снятия насыпи четыре линзы материкового выброса связываются с конкретными погребениями.

В кургане обнаружено шесть захоронений.

Погребение 1 выявлено в материковой яме, в двух метрах восточнее центра. Северо-восточнее, наклонно (по склону насыпи) залегала линза материкового выброса из него, диаметром около 5 м и мощностью 4-5 см. Верхняя часть выброса фиксировалась сразу же под пахотным слоем (-0,42 м), нижняя залегала на погребенной почве (-0,93 м). Южный угол могилы частично перерезает залегавший на погребенной почве материковый выброс из основного погребения 4.

Могильная яма погребения 1 имела подпрямоугольную форму. Углы сильно закруглены. Размер ямы – 2,0х1,7 м. Длинной осью она ориентирована по линии

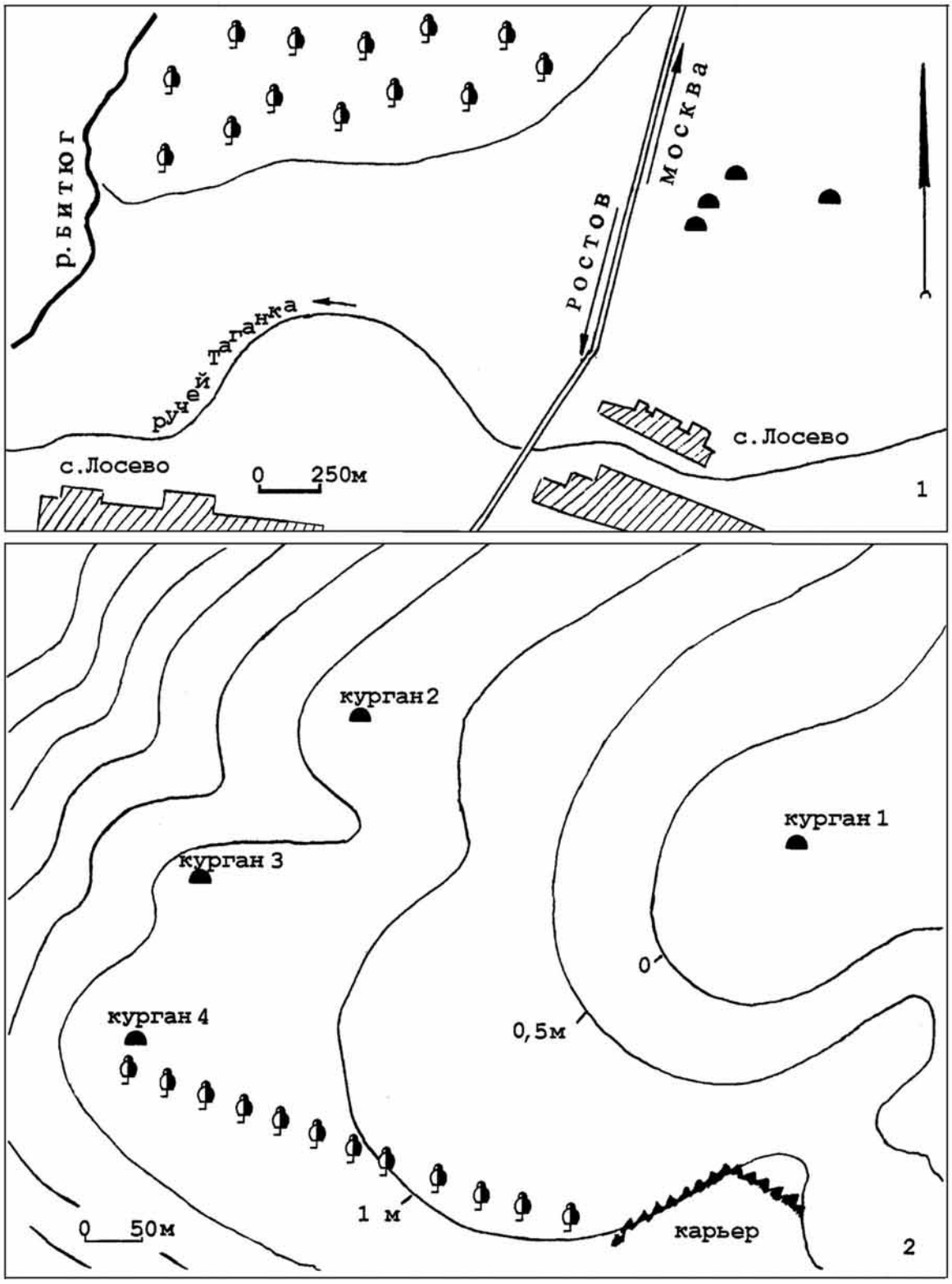


Рис. 1. *Курганная группа Таганка.*
1 – карта расположения курганной группы Таганка;
2 – план курганной группы Таганка

северо-восток – юго-запад. Глубина могилы – 2,2 м от вершины кургана. Пол могилы ровный, без следов подстилки. У северо-западной стены ямы, у самого угла, на дне ямы лежали кости ног и семь позвонков (в естественном сочленении) человека, поверх которых стоял теменем кверху человеческий череп (рис. 4, 1). Рядом находилась жаровня из боковины небольшого сосуда. Компактно лежащие кости человеческого скелета являются вторичным захоронением «в пакете». Примерно в 0,4 м от середины юго-западной стены могилы, на дне выявлено неправильной формы пятно охры диаметром около 0,25 м. Чуть севернее лежала нижняя челюсть человека, окрашенная красной охрой.

Обнаруженный в могиле фрагмент керамики принадлежал тонкостенному, очень тщательно изготовленному сосуду с округлым туловом, орнаментированным прочерченными линиями в верхней части (рис. 4, 2). Орнамент по плечикам выполнен круговыми прочерченными линиями. Пространство между двумя нижними линиями заполнено косыми крестообразными насечками. Ниже, на тулово, свисают косые заштрихованные треугольники.

Погребение 2 располагалось в пяти метрах юго-восточнее центра кургана, в материковой яме. Восточнее могилы, наклонно, залегала линза материкового выброса толщиной около 5 см и диаметром около 0,4 м. Могильная яма, овальной формы, длинной осью ориентирована с ВСВ на ЗЮЗ. На уровне материка она имела размеры 2,52 х1,6м. Западная ее стена уходила вниз небольшим подбоем, ввиду чего дно ямы приобретало длину 2,35 м, при прежней ширине (рис. 4, 3). Глубина могилы 1,95 м. В южной части, на дне, найдены кости ног и туловища взрослого человека. Умерший был захоронен скорченно на правом боку головой на северо-восток с вытянутыми вдоль туловища руками. Примечательно, что умерший лежал у самого угла могилы, причем так, что туловище было направлено по ее диагонали. У правого локтевого сустава на полу фиксировалось пятно красной охры диаметром до 18 см. Округлое пятно охры чуть меньших размеров (до 13 см) фиксировалось и несколько южнее центра могильной ямы. У колен умершего была помещена жаровня из стенки крупного сосуда, покрытого с внешней стороны дополнительной обмазкой (рис. 3, 4).

Погребение 3 – наиболее позднее в кургане. Оно почти полностью перекрывало входную шахту погребения 6 и частично перерезало выброс из него (рис. 3). Оно совершено в прямоугольной по форме могильной яме, ориентированной по длинной оси с северо-востока на юго-запад. Размер ямы около 2,0 х 1,8 м. Глубина в части, захватывающей материк, – 1,9 м; в части, захватывающей входную шахту катакомбы погребения 6, – 1,93 м (уровень залегания костей верхней части туловища и черепа). Костяк располагался почти по длиной оси могильной ямы. Умерший (взрослый человек) был захоронен скорченно на левом боку головой к северо-востоку с вытянутыми вдоль туловища руками (рис. 5, 1). Инвентарь отсутствовал. Погребение относится к позднему периоду среднедонской катакомбной культуры.

Погребение 4 – основное, располагалось несколько юго-восточнее современного центра кургана в материковой яме. Вокруг ямы на погребенной почве (около – 1,0 м от «0») залегал кольцевой материковый выброс внешним диаметром до 4 м и мощностью до 8 см. Поверх выброса фиксировалась тонкая (около 2 мм) прослойка древесного тлена от перекрытия могильной ямы. Судя по ней, перекрытие по площади лишь немногим уступало площади выброса.

Могильная яма подпрямоугольной формы имела сильно закругленные углы. Размеры её – 2,05 х 1,55 м, глубина около 2,4 м. В длину яма ориентирована с ВСВ на ЗЮЗ (рис. 4, 5). На дне, по длинной оси, лежал скелет взрослого человека, захороненного скорченно на спине с завалом туловища на правый бок. Коленями вправо лежали и ноги. Руки умершего были вытянуты вдоль тела (плечевая кость левой руки переотложена). На лобных костях и на дне могильной ямы у правой плечевой кости фиксировалась красная охра. Какой-либо инвентарь отсутствовал. Захоронение относится к ямной культуре.

Погребение 5 выявлено по центру северо-западного сектора кургана. Могильное

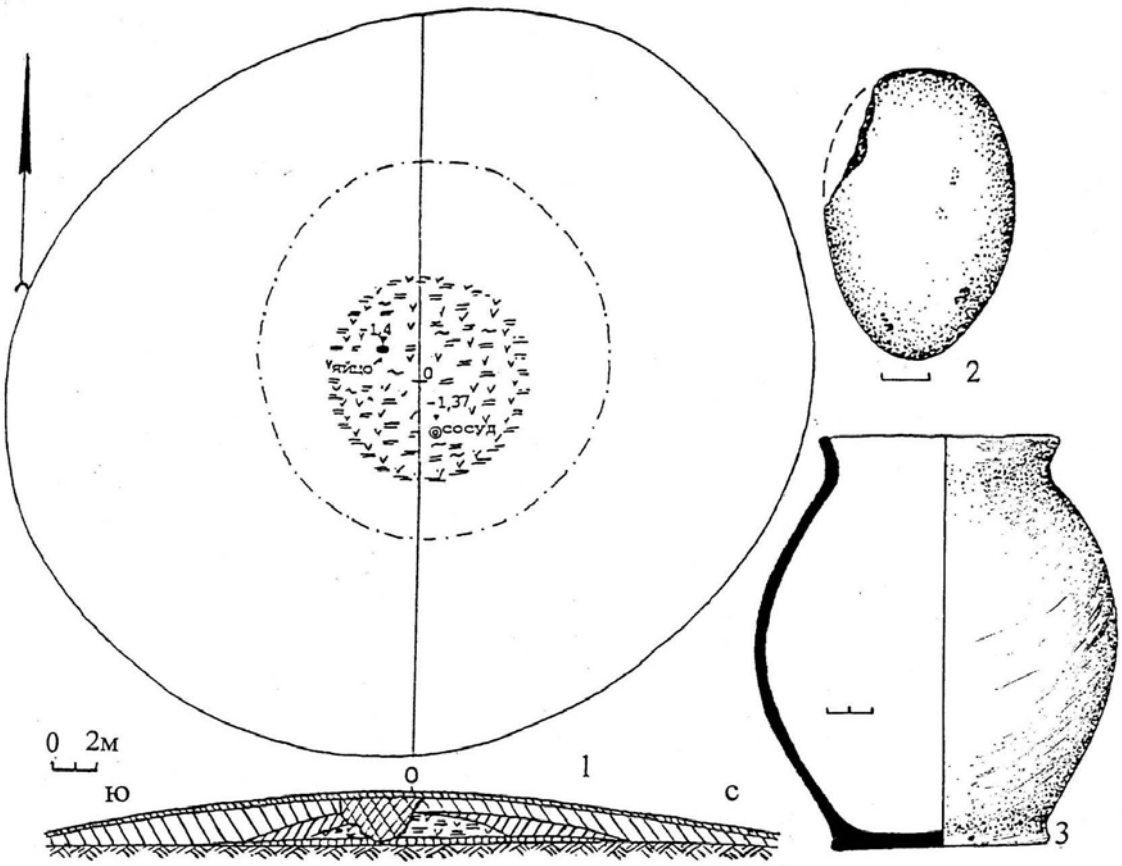


Рис. 2. *1 – план и профиль кургана; 2 – меловое яйцо; 3 - сосуд*

сооружение представляло собой катакомбу. Входная шахта имела, скорее всего, подпрямоугольные в плане очертания. Ширина её 1,3 м. С юго-востока к ней примыкала камера неправильной овальной формы размером 2,3 х 1,9 м. По длинной оси она ориентирована с северо-востока на юго-запад (рис. 5, 3). Пол шахты полого, без ступеней, переходил в пол камеры. Отметки глубины полов соответственно -2,28 и -2,48 м.

Костные останки ребёнка, захороненного в катакомбе, переотложены грызунами. На обломках костей черепа – слабые следы охры. Примерно в 0,5 м от задней стены камеры обнаружено небольшое пятно охры. Восточнее, почти вплотную к стене, был помещён сосуд. Среди обломков черепа найдена медная бусина (или подвеска).

Сосуд представляет собой короткогорлый горшок, орнаментированный оттисками длиннозубчатого штампа (рис. 5, 5). В верхней части тулова расположены четыре ряда глубоких оттисков этого штампа, нанесенных под небольшим углом; ниже – "елочка" из менее глубоких и прямых оттисков. Подвеска более всего напоминает проушный "топорик" с сильно скругленным лезвием (рис. 5, 4).

Погребение 6, расположенное в 4 м к югу от центра, как уже отмечалось, перекрывалось погребением 3. Юго-западнее погребения фиксировалась линза материкового выброса. Ее размер (6,0 х 3,5м) и мощность (до 0,1 м) позволяют однозначно увязать выброс именно с погребением 6, а не с гораздо более мелким погребением 3. Выброс залегал наклонно на более ранней насыпи. Погребение представляет собой катакомбное сооружение. Его входная шахта имела подпрямоугольную форму размером 1,7 х 1,35 м, западная стена сильно скошена. Ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Пол шахты находился на отметке 2,26 м. Вдоль северо-восточной стены вырыта узкая ступенька неправильных в плане очертаний, глубиной 2,43 м. Она вела к камере, пол которой находился на отметке 2,66 м. Камера имела форму неправильного овала размером 1,85 х 1,2 м. Сохранившийся участок потолка – сводчатый.

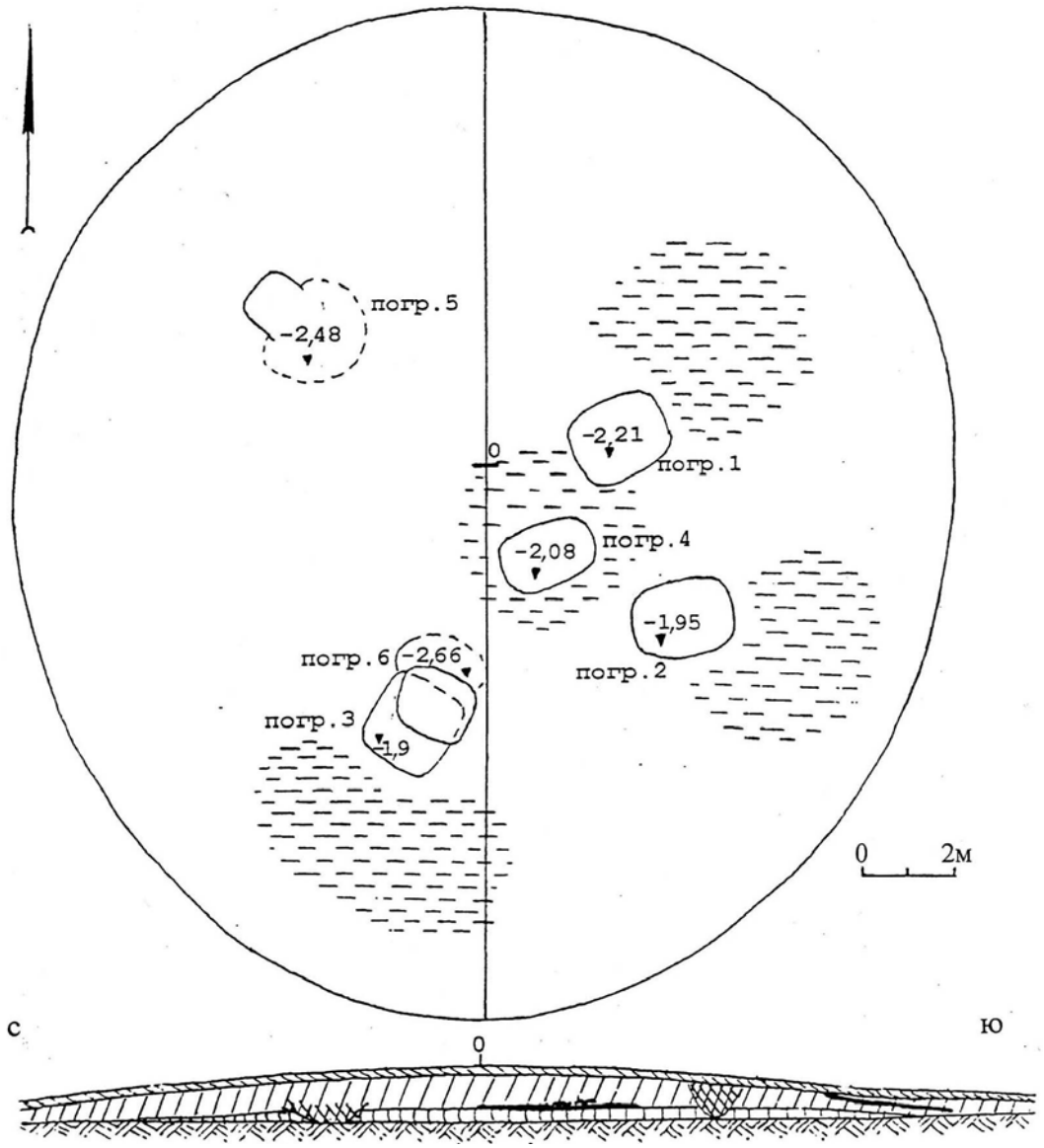


Рис. 3. *План и профиль кургана 2*

Следов совершения захоронения в катакомбе не обнаружено. На полу была найдена лишь жаровня, изготовленная из боковины крупного сосуда, украшенного по плечикам оттисками зубчатого штампа и полукруглой палочки. Тулово сосуда ниже плечиков покрыто тонким слоем ангоба.

Курган 3 – средний в цепочке курганов эпохи бронзы данного могильника. Его отличает необычная для эпохи средней бронзы удлиненная форма. По длинной оси (с северо-востока на юго-запад) курган достигал 24 м, а в ширину – около 13 м. Высота насыпи от подошвы около 0,5 м. (рис. 6, 1). Курган раскапывался траншеями по длинной оси.

Поверхность кургана распахивалась на глубину до 0,25 м. Слой насыпи, не потревоженный распашкой, составлял лишь около 0,35-0,4 м. Ниже, в центральной и западной части, фиксировался слой погребенной почвы мощностью до 0,2 м. Материковая супесь залегала в восточной части кургана на глубине около 0,6 м, а в западной – около 0,9 м. В профилях кургана фиксировались прослойки материковых выбросов из трех погребений. На погребенной почве под западной полой залегал выброс из погребения 5, что позволяет определить это захоронение как основное. Наклонно, частично уже на готовую первичную насыпь лег кольцевой выброс из центрального погребения 2. Под восточной полой, примерно на уровне визуально не фиксировавшейся погребенной почвы, залегал незначительный выброс из более позднего погребения 6. Выбросы из еще более поздних погребений 1, 3 и 4 были, вероятно, совершены на уже сформированную насыпь и не сохранились.

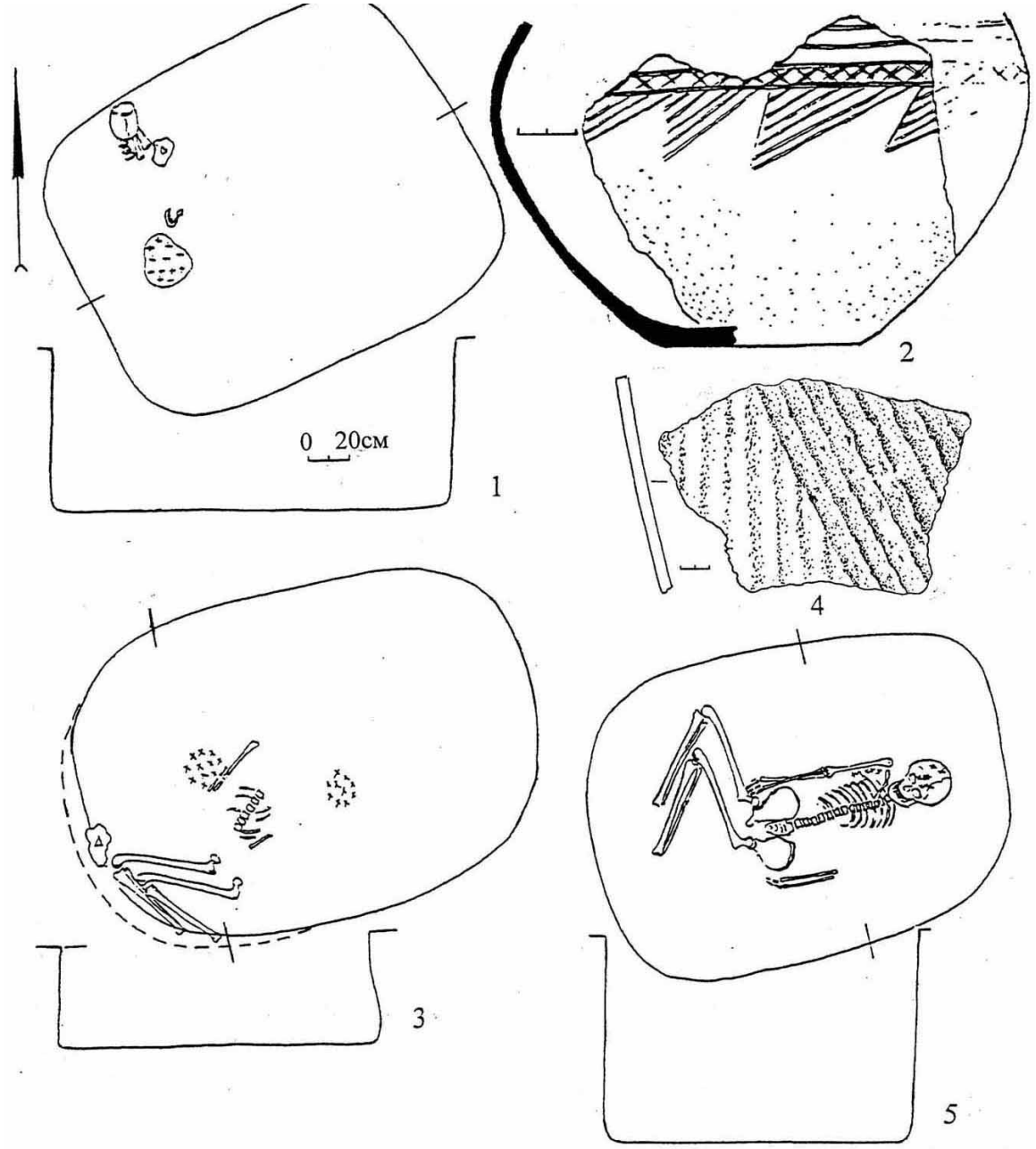


Рис. 4.

1 – план и разрез погребения 1 кургана 2; 2 – сосуд из погребения 1 кургана 2; 3 – план и разрез погребения 2 кургана 2; 4 – жаровня из погребения 2 кургана 2; 5 – план и разрез погребения 4 кургана 2

В площади кургана были найдены два отдельно стоящих сосуда срубной культуры. Баночный сосуд 1 находился в небольшой овальной ямке (диаметром до 0,55 м), вырытой в предматерике на расстоянии 4 м к северо-востоку от центра. По верху и у днища он орнаментирован парными круговыми прочерченными линиями. В верхней части они разделены двумя рядами коротких вертикальных оттисков (рис. 6, 2). Второй сосуд находился в насыпи в трех метрах западнее центра, на отметке 0,54 м. Это небольшая банка без орнамента. Скорее всего, данный сосуд связывается с расположенным по близости захоронением 3 (рис. 5, 3).

В кургане выявлено шесть захоронений.

Погребение 1 – наиболее позднее из катакомбных захоронений в данном кургане. Под западной полой в материке была выявлена входная шахта прямоугольной формы, размером 2,0 х 1,45 м. Глубина её - 2,14 м, ориентирована в длину по линии – ССВ-ЮЮЗ (рис. 7, 1). Под западной стеной шахты была вырыта камера овальной в плане

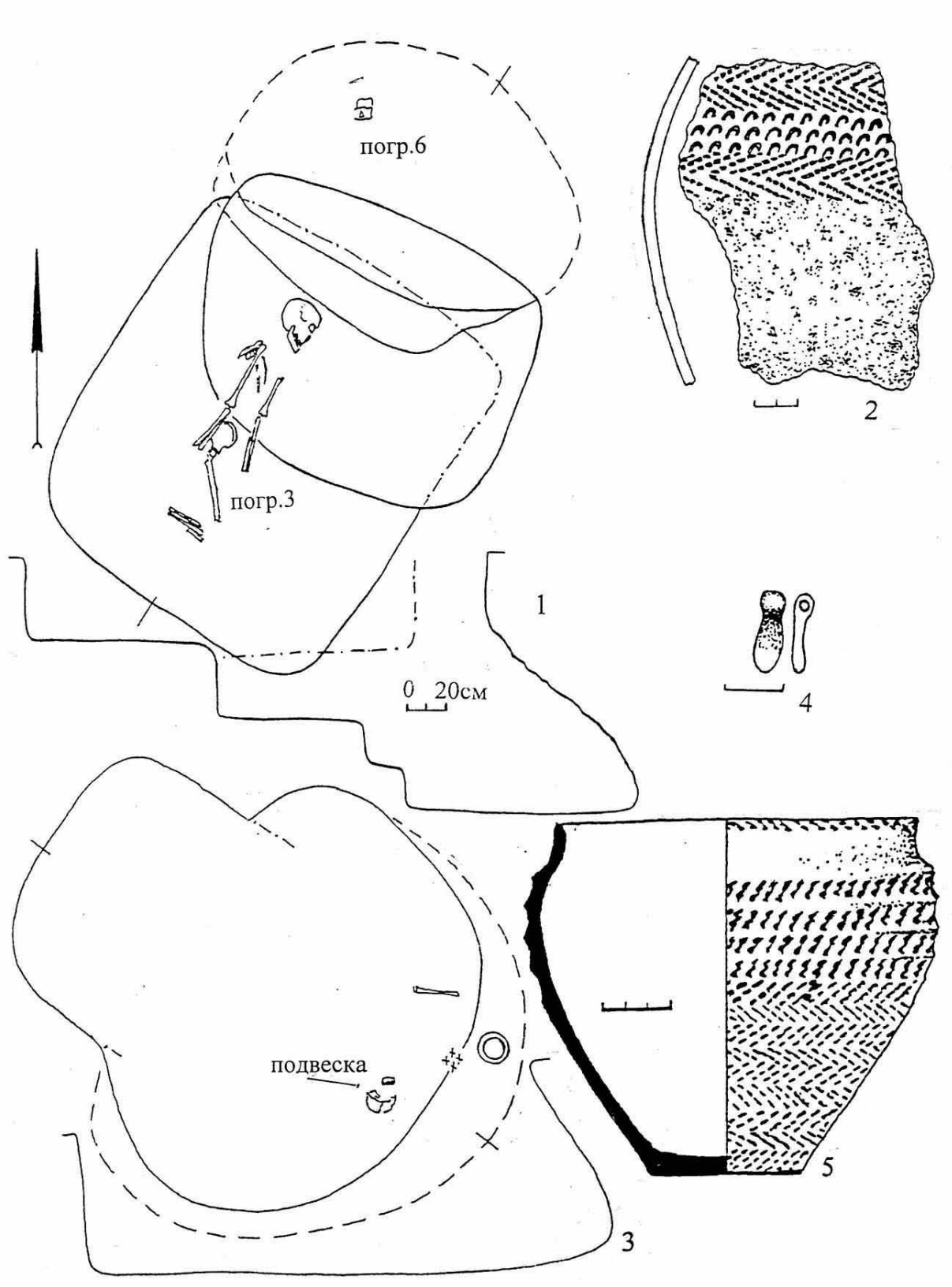


Рис. 5.

1 – план и разрез погребений 3, 6, кургана 2; 2 – жаровня из погребения 6 кургана 2; 3 – план и разрез погребения 5 кургана 2; 4 – медная подвеска из погребения 5 кургана 2; 5 – сосуд из погребения 5 кургана 2

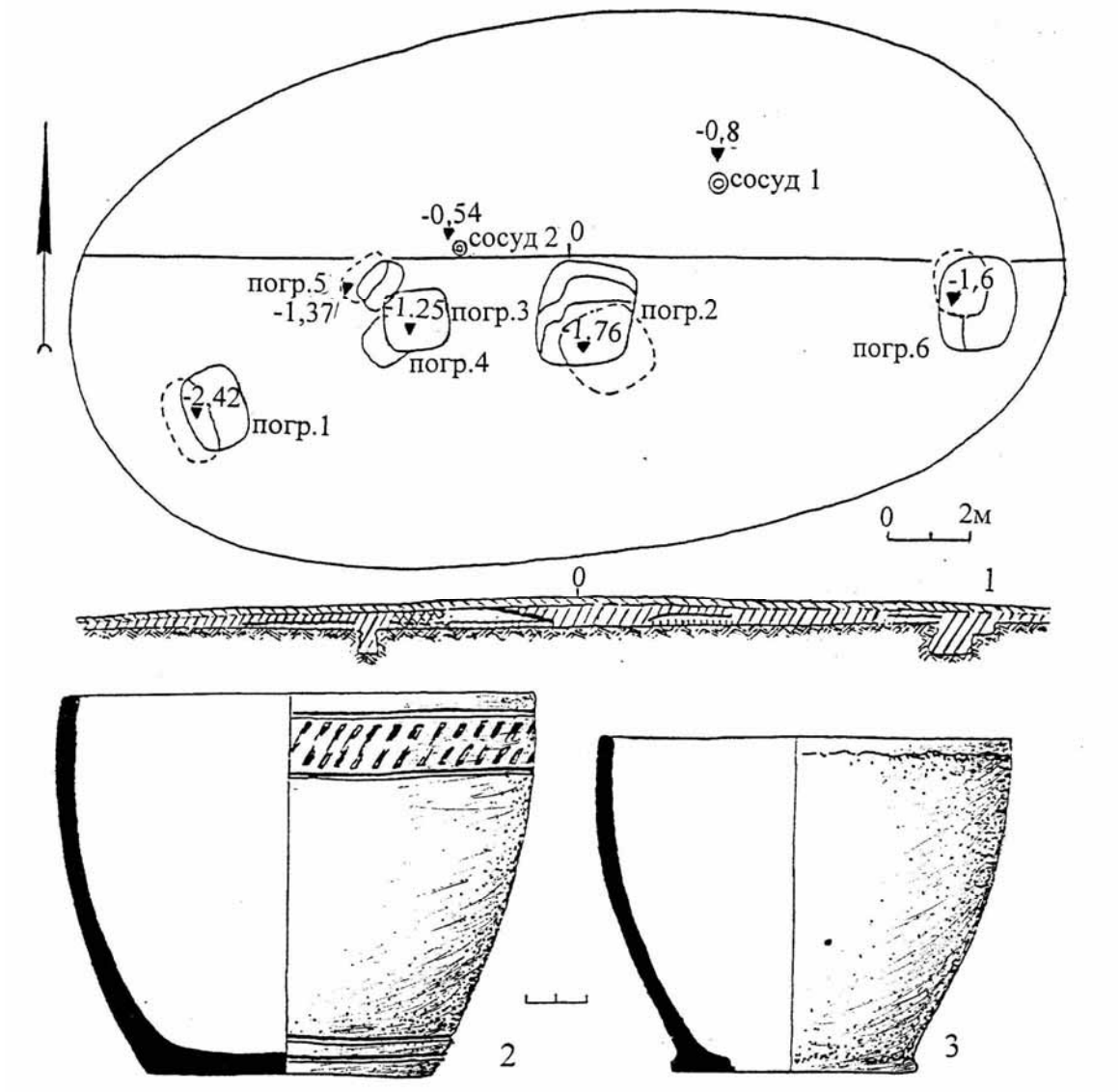


Рис. 6.
1 – план и профиль кургана 3; 2, 3 – сосуды из насыпи

формы размером 2,15 х 1,13 м. В длину она ориентирована так же, как и шахта. Высота не обвалившегося свода (редчайший случай для Среднего Подонья) в устье составляла 0,68 м. Никаких следов дополнительной обработки или окраски свода или пола камеры не фиксировалось. В заполнении шахты и камеры встречались обломки от бревен, перекрывавших устье. На полу камеры (-2,4 м), по длинной ее оси, лежали кости взрослого человека, частично переотложенные грызунами. Он был захоронен в слабо скорченном положении на левом боку головой к северу – северо-западу. Руки были слегка согнуты в локтях. Череп умершего (без нижней челюсти) лежал теменем кверху на нижней части грудной клетки. На полу у южной стены камеры найдены кости конечностей крупного рогатого скота.

Погребение 2 располагалось в центре кургана. Это также катакомбное сооружение, но более крупное. Входная шахта подпрямоугольной формы имела размеры 2,6 х 2,2 м. В длину она ориентирована с севера на юг. С глубины 1,27 м вдоль ее северной и западной стен вырыта ступень (-1,45 м). Ниже (-1,76 м), вдоль первой, располагалась ещё одна ступень. Под юго-восточным углом шахты был сделан небольшой, подпрямоугольный в плане подбой. Его размер – 2,10 х 1,6 м, глубина – 1,76 м (рис. 6). Пол камеры неровный, свод обвалился. Никаких следов захоронения, инвентаря и даже перекрытия камеры не обнаружено. Можно было бы признать это сооружение за неудавшуюся по каким-либо причинам катакомбу, если бы с ним не был связан оче-

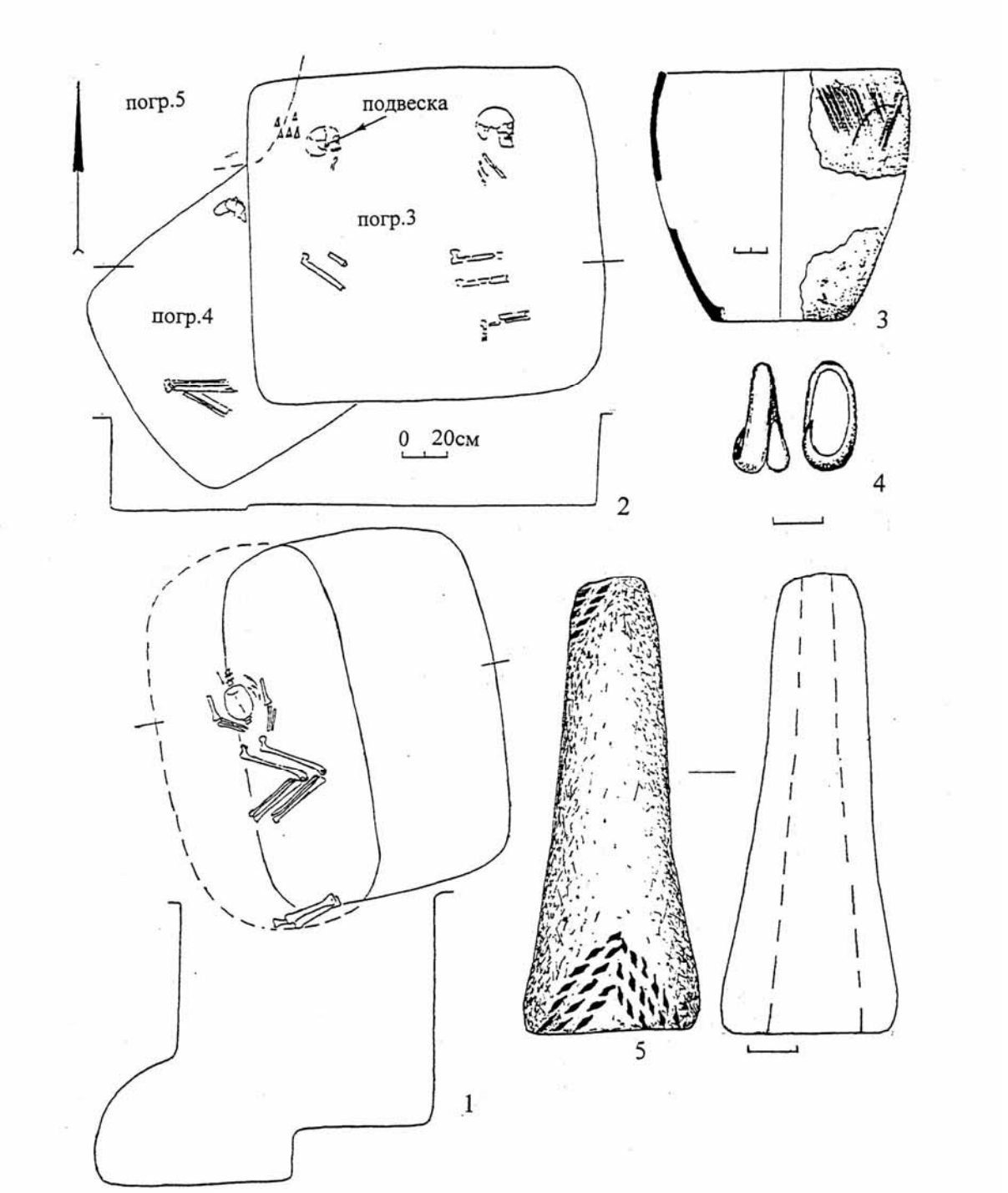


Рис. 7.
1 – план и разрез погребения 1 кургана 3; 2 – план и разрез погребений 3, 4 кургана 3; 3 – сосуд из погребения 3 кургана 3; 4 – подвеска из погребения 3 кургана 3; 5 – сопло из погребения 5 кургана 3

видный факт досыпки кургана. Следовательно, с учетом конструктивных особенностей, это сооружение является кенотафом катакомбной культуры.

Погребение 3 выявлено примерно в 3,5 м юго-западнее центра кургана. Прямоугольная могильная яма имела размер 1,65 х 1,55 м. Глубина ее – 1,25 м. Ориентировка в длину – восток-запад (рис. 7, 2). В могиле обнаружены частично сохранившиеся костные останки двух подростков. Оба были захоронены в одинаковой позе – скорченно на левом боку, головой к северу. В северо-западном углу могильной ямы, в заполнении, найдены фрагменты неорнаментированной банки (рис. 7, 3). На правой височной кости западного костяка обнаружена бронзовая желобчатая подвеска (рис. 7, 4). В центральной бровке кургана, напротив погребения, фиксировалась очень тонкая

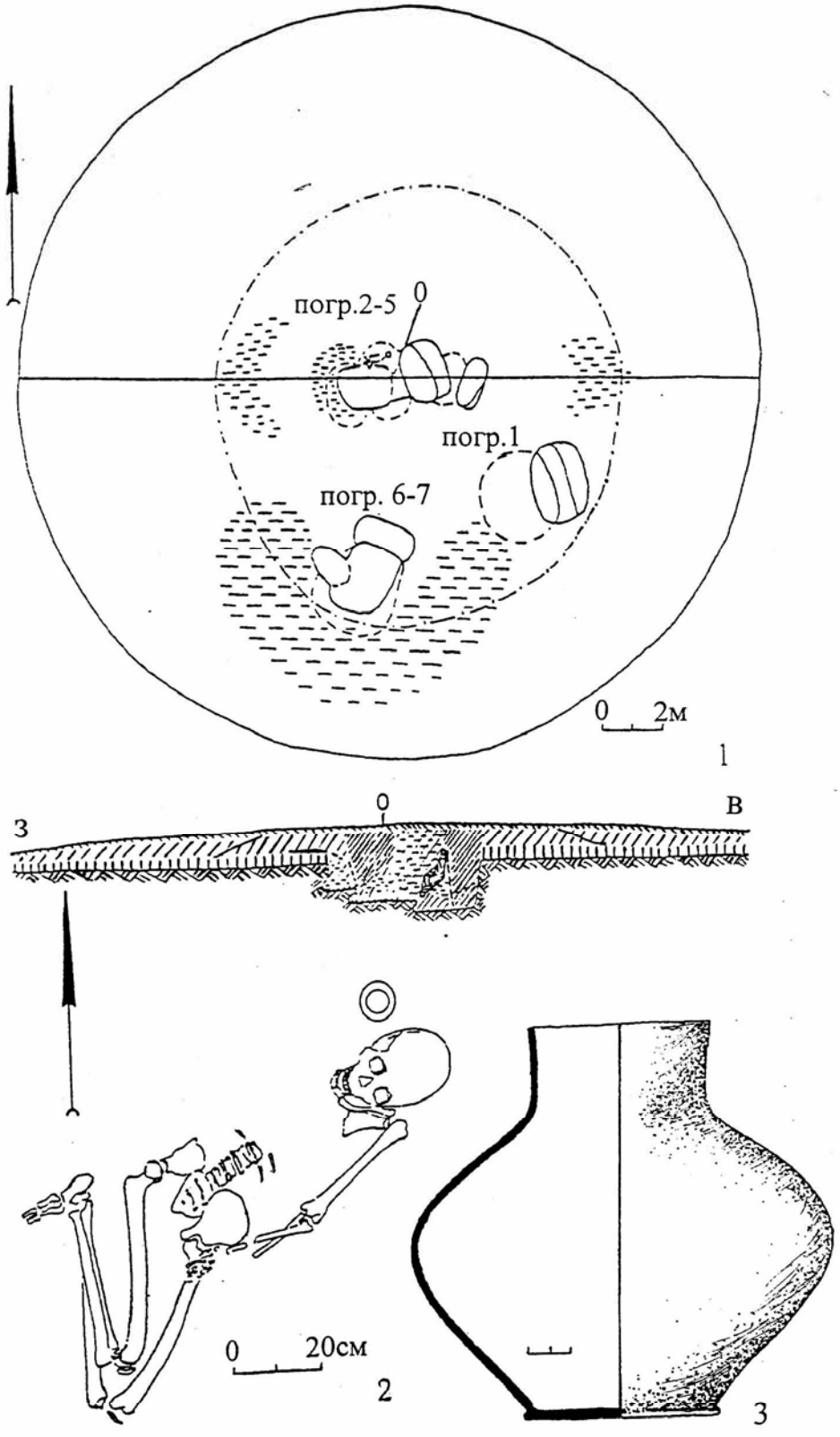


Рис. 8.
1 – план и профиль кургана 4; 2 – план погребения 2 кургана 4;
3 – сосуд из погребения 2 кургана 4

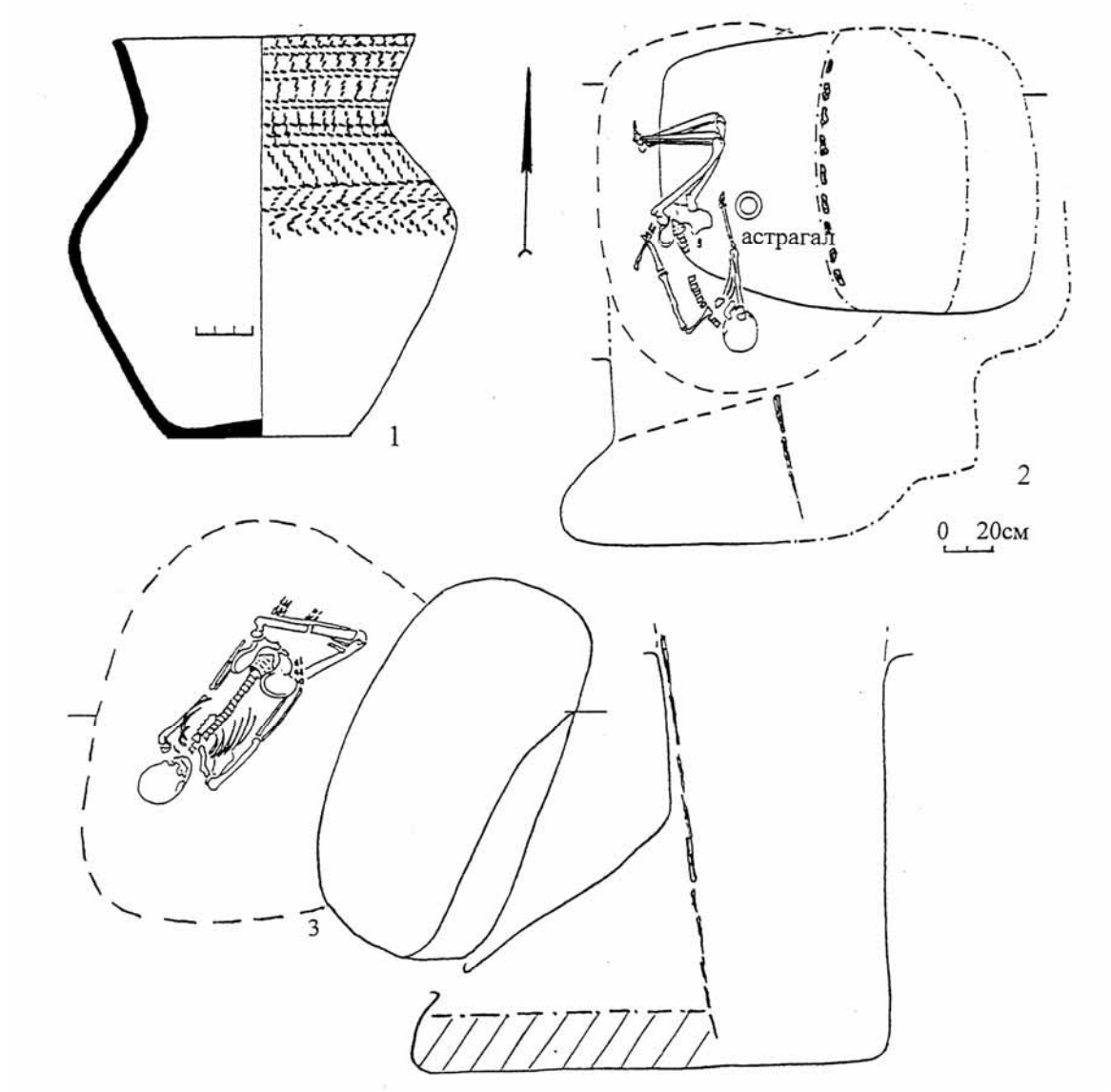


Рис. 9.
1 – сосуд из погребения 3 кургана 4; 2 – план и разрез погребения 3 кургана 4; 3 – план и разрез погребения 4 кургана 4

прослойка древесного тлена от перекрытия. Погребение принадлежит срубной культуре. Оно частично перекрывает погребение 4, почти полностью разрушив последнее.

Погребение 4 совершено в яме подпрямоугольной формы размером 1,85 х 1,2 м. В длину могильная яма ориентирована с северо-востока на юго-запад. Глубина ее – 1,3 м (несколько глубже, чем погребение 3). Захоронение взрослого человека оказалось уничтоженным почти полностью. Так, череп оказался выброшенным к середине северо-западной стены могилы. Лишь кости голени лежали непотревоженными у юго-западной стены. Судя по их положению, умерший был захоронен скорченно на левом боку головой к северо-востоку. Нельзя исключать, что обнаруженные в погребении 3 фрагменты сосуда были выброшены из погребения 4. Захоронение может быть довольно уверенно отнесено к срубной культуре.

Погребение 5 (основное) находилось в 5 м западнее центра кургана. Это остатки катакомбного сооружения. Овальная шахта размером 1,35 х 0,8 м ориентирована в длину с северо-востока на юго-запад. Ее пол находился на отметке 1,1 м. Вдоль северо-западной стены была вырыта узкая ступенька до глубины 1,2 м. Ниже располагалась камера, уходящая под северо-западную стену. Её глубина – около 1,4 м, длина – 1,55 м, ширина (по центру) – 0,7 м. Ориентировка та же, что и у шахты. Потолок камеры обвалился. В заполнении встречены обломки бревен от перекрытия устья.

Само захоронение оказалось полностью уничтожено грызунами: обнаружены

лишь переотложенные кости ребенка. На полу камеры лежал невыразительный обломок стенки сосуда без орнамента, использовавшийся как жаровня. На полу шахты было найдено глиняное сопло, украшенное треугольниками и фестонами из оттисков шнура (рис. 7, 5). Шнуровая орнаментация сопла позволяет отнести захоронение к развитому этапу среднедонской катакомбной культуры.

Погребение 6 располагалось под краем восточной полы кургана. Здесь была выявлена входная шахта подпрямоугольных очертаний размером 2,4 х 2,0 м. Её глубина – 1,25 м, ориентировка в длину – север-юг. В юго-западном углу шахты была оставлена ступенька (на глубине 1,17 м). В северо-западном углу и здесь же под стеной была оформлена камера неправильной формы размером (по осям) 1,7 х 1,4 м. Глубина ее – 1,6 м, ориентировка в длину по линии север-юг (рис. 6). Как и в погребении 2 этого же кургана, здесь не обнаружено следов совершения захоронения, инвентаря или перекрытия. Но опять-таки это сооружение перекрывалось досыпкой, сформировавшей современный облик кургана.

Курган 4 имел диаметр 24 м, высоту от подошвы – около 0,7 м. Курган распахивался на глубину 0,25 м. Ниже залегали не потревоженные распашкой основная насыпь и досыпка. Под ними по всей площади кургана фиксировался слой погребенной почвы мощностью до 0,4 м (рис. 8, 1).

Погребение 1 находилось в юго-восточном секторе кургана в пределах первичной насыпи. Но его входная шахта частично прорезает и вторичную досыпку. Шахта имела подпрямоугольную в плане форму, углы сильно закруглены. Размер её: 2,5 х 1,9м. Ориентировка в длину – северо-запад – юго-восток (рис. 11, 3). Вдоль восточной стены шахты на глубинах 1,2 и 1,7 м оставлены ступени. Их ширина (по центру) соответственно: 0,25 и 0,3 м. Ниже располагалась сама камера подпрямоугольной формы, ориентированная так же, как и шахта. Ее размер – 2,8 х 2,4 м. Пол понижается от ступеньки (2,06 м) к западной стене (2,16 м). Свод камеры обвалился. От перекрытия устья сохранились лишь мелкие обломки дерева в заполнении камеры. У западной стены камеры найден сохранившийся лишь частично скелет подростка, захороненного скорченно на левом боку головой на ССЗ. Почти по центру камеры на полу стояла жаровня – донная неорнаментированная часть сосуда (рис. 11, 4), заполненная золой и углями. Погребение принадлежит среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 2 выявлено несколько севернее центра кургана в насыпи на глубине – 0,7 м. Здесь находился скелет взрослого человека, захороненного скорченно на левом боку головой к северо-востоку (рис. 8, 2). Кости левой руки лежали вдоль туловища, правой – не сохранились. Севернее черепа найдены обломки тонкостенного лощеного сосуда без орнамента (рис. 8, 3). Устройство погребального сооружения не фиксировалось. Погребение – киммерийское.

Погребение 3 (рис. 9, 2) совершено в катакомбе. Основные параметры погребального сооружения устанавливаются довольно точно. Входная шахта на уровне материка имела подпрямоугольную форму размерами 1,4 х 1,1 м. В длину она ориентирована с севера на юг. На отметке 1,6 м вдоль восточной стены была оставлена ступенька шириной около 0,4 м (уже вторая, с учетом ступени, фиксирующейся в насыпи). Ниже пол шахты полого опускался к камере. В устье стояли вертикально девять деревянных плашек. Камера неправильной овальной формы имела размеры 1,8 х 1,2 м. Ее глубина достигала почти 2 м. Ориентировка в длину – север-юг. Свод обвалился. На дне, ближе к западной стене, лежал скелет взрослого человека, захороненного скорченно, на правом боку, головой к югу. Руки покойника уложены вытянуто вдоль туловища. В области таза находился астрагал, а почти по центру камеры стоял лепной горшок с высоким раструбовидным горлом, типичный для среднедонской катакомбной культуры. По горлу и плечикам он украшен оттисками шнура (рис. 9, 1).

Погребение 4 совершено в несколько иной по форме катакомбе. Узкая, почти овальная входная шахта имела на уровне материка размеры 1,6 х 0,9 м. В длину она ориентирована с ССВ на ЮЮЗ (рис. 9, 3). Имела одну ступень на глубине 1,4 м, но не

сплошную, а лишь примерно до двух третей восточной стены. Глубина шахты – 2,76 м. От камеры шахту отделяли вертикально поставленные плашки. Камера находилась под западной стеной входной шахты. Свод обвалился, его конфигурация не устанавливается. В плане камера имела трапециевидную форму. Ее размеры около 1,0 х 1,15 м, в длину ориентирована почти по линии север-юг. На полу камеры сделана подсыпка из чернозёма мощностью до 0,3 м. По центру камеры на подсыпке лежали останки взрослого человека на спине головой на юго-запад. Руки вытянуты вдоль тела. Сильно скорченные ноги завалились коленями вправо. Не исключено, что первоначально умерший был захоронен коленями кверху. Следов охры не обнаружено. Отсутствует и какой-либо инвентарь. Грунтовая подсыпка в камере впервые встречена в захоронении катакомбной культуры данной территории.

Погребение 5 располагалось между погребениями 3 и 4 прямо под центром кургана. Входная шахта подпрямоугольной формы имела в верхней части размер 1,4 х 1,9 м, ориентирована с северо-запада на юго-восток. Вдоль ее северо-восточной стены, на глубине 1,56 м, была оставлена ступень шириной по центру около 0,4 м. Глубина шахты – около 2,4 м. От камеры ее отгораживали вертикально поставленные деревянные плахи, завалившиеся в камеру (рис. 10, 1). Камера (1,45 х 2,4 м) располагалась под длинной юго-западной стеной входной шахты. Свод её обвалился. В плане камера имела овальную форму. На ее полу, ближе к юго-западной стене, лежал плохо сохранившийся скелет взрослого человека скорченно на правом боку головой к юго-востоку. Слегка согнутые в локтях руки лежали вдоль туловища.

У колен умершего, на полу, зафиксировано округлое (диаметром около 12 см) пятно охры с тонкой прослойкой древесного тлена под ним (чаша или миска). На полу, у юго-восточной стены камеры, стояла керамическая чаша, изготовленная из короткогорлого сосуда донецкого типа (венчик аккуратно обломан). По горлу сосуд был орнаментирован горизонтальными оттисками двойного шнура, а по тулову – треугольниками вершинами вниз из оттисков тройной тесьмы, круглой палочки и зубчатого штампа. Этим же штампом был орнаментирован низ сосуда (рис. 10, 2).

Погребение 6 располагалось у края восточной полы первичной насыпи, но впущено было уже через дополнительную досыпку, связанную с погребением 7. Захоронение совершено в могильной яме овальной формы, несколько сужавшейся к северо-западу. Ориентировка ямы в длину – северо-запад – юго-восток. Длина могилы – около 1,4 м, ширина по центру – 0,95 м. На дне ямы лежал скелет взрослого человека скорченно на правом боку, головой к северо-западу. Кисти согнутых в локтях рук находились перед грудью (рис. 10, 3). Перекрытие, подстилка и какой-либо инвентарь отсутствовали. Предположительно захоронение относится к срубной культуре.

Погребение 7 было впущено в самый край первичной насыпи кургана. С ним связывается мощный полукольцевой выброс материка, частично залегавший на первичной насыпи и на погребенной почве за ее пределами (рис. 8, 1, план). С этим захоронением связывается дополнительная досыпка, завершившая формирование насыпи кургана.

Входная шахта погребального сооружения имела в плане неправильную подпрямоугольную форму. Юго-западная ее стена была сильно закруглена. Размеры шахты – 1,3 х 2,15 м, глубина – 2,38 м (рис. 11, 1). Длиной осью она ориентирована с северо-запада на юго-восток. Вдоль юго-западной стены была оставлена ступенька, переходящая в пол камеры (-2,94 м). Устье камеры перегораживало семь вертикально поставленных деревянных плах. Камера имела размеры 2,3 х 2,9 м. Свод ее обвалился. Все дно камеры было выстлано подстилкой, от которой сохранилась тонкая прослойка коричневого тлена.

У центра юго-восточной стены на полу лежала на боку курильница. Она представляет собой чашу без внутреннего отделения, на крестовидной ножке. По внешней поверхности курильница сплошь орнаментирована оттисками шнура (рис. 11, 2).

Система выбросов из обнаруженных в кургане семи погребений и другие страти-

графические наблюдения позволяют реконструировать последовательность его сооружения. Основное погребение в кургане не сохранилось – оно полностью разрушено центральными катакомбными погребениями 3-5, входные шахты которых насквозь прорезают насыпь (рис. 8, 1, профиль). От него осталась лишь небольшая линза материкового выброса, залегавшая на погребенной почве в 2 м западнее центра. Над основным погребением была возведена насыпь диаметром около 13 м, конфигурация которой устанавливалась по выбросам из погребений 3-5, легших наклонно на ее поверхность (фиксировались только по профилям). Входные шахты этих погребений не накладываются друг на друга, а это свидетельствует о том, что местоположение предшествующего захоронения было известно. Наиболее ранним из них является погребение 5, находящееся по центру. Погребения 3 и 4 впущены позже (соответственно к западу и востоку от погребения 5), что хорошо фиксируется подрезкой их входных шахт краев входной шахты погребения 5 на уровне насыпи. Отдельные элементы обрядности (близкая южной ориентировка, отсутствие охры и др.) позволяют говорить об их хронологической близости. Их стратиграфическое положение по отношению друг к другу не устанавливается.

С этими погребениями (или с одним из них), очевидно, связана небольшая досыпка, так как выброс из погребения 7 залегал наклонно на насыпи более крупного размера, чем первичная. Выброс из значительного по размерам катакомбного сооружения погребения 1 вообще не фиксировался, что дает основания говорить о наиболее позднем его возрасте относительно других катакомбных захоронений кургана. Еще более поздними являются срубные и киммерийское погребения.

Исследованный памятник относится к типу могильников длительного накопления. Курганы 2-4, размещавшиеся по кромке пологого и более крутого склона возвышенности, и составляют собственно курганную группу, оформленную как единое целое в катакомбное время. От синхронных (в частности, территориально близких Павловских) могильников эта группа отличается небольшим числом насыпей и наличием «длинного» кургана. Довольно часто встречающийся в срубной культуре такой тип погребального сооружения впервые отмечен для катакомбного времени. Наиболее древним в группе является основное погребение в кургане 2 ямной культуры. Не исключено, что ямное захоронение было основным и в кургане 4. Большая часть обнаруженных погребений принадлежит катакомбной общности, затем следуют срубные. В кургане 4 обнаружено достаточно редкое для данной территории погребение киммерийского времени. Курган 1 раннего железного века целенаправленно «пристроен» на отшибе, как одиночный.

Обращает на себя внимание тот факт, что начало данному могильнику, как и находящемуся поблизости Таганскому грунтовому (рис. 1, 1), положили захоронения ямной культуры.

Катакомбные захоронения могильника разновременны. Наиболее ранним представляется погребение 5 в кургане 4 с сосудом позднедонецкого облика.

Захоронения 1, 2 и 5, 6 кургана 2 явно размещались по продуманной системе: по дуге вокруг основного ямного, что позволяет предположить их хронологическую близость. Лишь детское захоронение 5, возможно, намеренно выдвинуто за внешние пределы окружности, образованной взрослыми захоронениями. Отсутствие выброса свидетельствует о его более позднем возрасте по отношению к другим. В то же время, катакомбные короткогорлые горшки с обычно сплошной елочной орнаментацией относились прежде к раннему периоду среднедонской катакомбной культуры, в частности к так называемому "павловскому" ее этапу (Синюк А.Т., 1983). Однако А.М. Смирнов довольно убедительно аргументировал параллельное сосуществование такого рода памятников и с донецкими, и с манычскими, и со среднедонскими, указывая на их культурную специфику и особое происхождение (Смирнов А.М., 1996, с. 87-99). Обращают на себя внимание фрагменты сосудов из более ранних погребений 2 и 6 этого же кургана с дополнительной обмазкой. Такая керамика характерна, скорее, для развитого этапа культуры. То есть данные захоронения могут быть соотне-

сены по времени с концом раннего – началом развитого периодов среднедонской катакомбной культуры. С развитым этапом этой культуры соотносятся погребения 3 и 4 кургана 4 и, судя по шнуровому орнаменту на сопле и на курильнице, погребение 5 в кургане 3, а также и кенотаф (погребение 7) в кургане 4.

Практически все перечисленные захоронения отличают различные особенности погребального обряда и инвентаря, не соответствующие "стандартам" среднедонской катакомбной культуры. Захоронения "в пакете" (погребение 2/1) известны в степных катакомбных культурах, тогда как в среднедонской катакомбной практически не встречаются. Примечательно, что такое же погребение найдено и в Таганском грунтовом могильнике. Нет в данной культуре и керамики, по форме, орнаменту и по технологии изготовления подобной сосуду из погребения 2/1. Последний, скорее, напоминает керамику культур шнуровой керамики. Необычно расположение умершего по диагонали могилы (погребение 2/2). Погребение 2/5, как уже отмечено выше, отражает, скорее всего, иноэтничную линию развития в среднедонской катакомбной культуре, восходящую, возможно, к одной из групп древнеямного населения. Необычно наличие почвенной подсыпки на полу катакомбы в погребении 4/4 и положение умершего скорченно на спине. Курильница, обнаруженная в могильнике, отличается от типичных среднедонских отсутствием широкого, заходящего вовнутрь бортика и орнаментацией. Лишенные инвентаря кенотафы кургана 3 связываются, однако, с весьма необычной для среднедонской катакомбной культуры формой насыпи.

Перечисленные особенности позволяют предположить, что могильник использовался достаточно своеобразной группой населения.

Более поздние левобочные катакомбные захоронения могильника (1/3, 3/1, 4/1) в целом соответствуют "стандартам" конца позднего-финального этапа среднедонской катакомбной культуры (Матвеев Ю.П., 1999).

Особо следует отметить обнаружение сопла в катакомбном захоронении 5 кургана 3. Это первая такого рода находка для среднедонской катакомбной культуры, хотя другие свидетельства собственной металлообработки известны (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В.И., 1991). Примечательно, что в данном случае, как и в погребении 38/3 Павловского могильника (Синюк А.Т., 1996, с. 151, рис. 24), связанное с металлообработкой изделие входило в инвентарь детского захоронения. Сомнительно, что такие захоронения отражают связь этих детей с семьями металлургов и «наследованием» специальности (последнее захоронение – девочки). Скорее, речь может идти или о значимости такого рода изделий как амулетов, фетишей, или о "посылке с попутчиком" умершему родственнику.

Матвеев Ю.П., 1999. Катакомбно-абашевское взаимодействие и формирование срубной общности//Доно-донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В.И., 1991. Среднедонская катакомбная культура: происхождение, этапы развития. Воронеж.

Смирнов А.М., 1996. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.

Синюк А.Т., 1983. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж.

Синюк А.Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж.

В.Д. Березуцкий, Л.И. Маслихова
(Воронеж, ВГПУ)

Зареченские курганы

Зареченский курганный могильник был обнаружен в 1991 г. в ходе проведения отрядом археологической экспедиции Воронежского государственного педагогического университета разведки по р. Потудань (Березуцкий В.Д., 1991). В 1996 г. А.Т.

Синюк и Т.Ю. Березуцкая исследовали один из курганов (курган № 7) (Синюк А.Т., 1996), а в 1997-1999 гг. было исследовано еще восемь кургана (Березуцкий В.Д., 1997-1999). Всего же в могильнике насчитывается 22 распахиваемых курганов, расположенных сравнительно компактно, но без какой-либо видимой системы (рис. 1). Большая их часть сосредоточена у вершины и по обеим сторонам неглубокой лощины, идущей в ЮЗ направлении. Курганы находятся на мысовом выступе первой надпойменной террасы, образованным левым берегом р. Потудань и одним из ее левых притоков – р. Усть-Муравлянка, в 1 км к северу от хут. Заречье Репьевского района Воронежской области, к югу от шоссе Усть-Муравлянка – Репьевка. Терраса круто возвышается с востока со стороны Усть-Муравлянки (до 10-15 м над уровнем поймы) и плавно спускается к югу в сторону поймы Потудани, где ее высота составляет до 1,0 м. К западу и СЗ не далее чем в 0,5-0,8 км также находятся курганы. В цепочку группами они тянутся по левому берегу Потудани на несколько километров.

Как показали раскопки, некоторые курганы имеют следы ограбления, а курган № 15, бывший, видимо, одним из самых значительных по размерам, имеет глубокую яму в центре насыпи и вал вынесенной из него земли, расположенный у СВ полы насыпи (рис. 1).

По высоте курганы разнятся от еле видимых на современной поверхности (от 0,15 м) до почти двухметровых (№№ 4, 5) при диаметрах от 14,0 до 40,0 м. Большинство насыпей имеет полушарую форму, и только курган № 14 – овальную.

Структура насыпей однородна: под пахотным слоем толщиной 0,35 м залегает слой черно-серой супеси, подстилаемый чистым желтым песком. Под некоторыми курганами фиксировалась погребенная почва мощностью 0,35-0,4 м, имевшая более темный оттенок, нежели насыпь. Курганы исследовались в основном вручную, и только курганы №№ 6 и 7 при помощи техники. Обнаруженные материалы принадлежат, главным образом, среднедонской катакомбной культуре. Кроме того, обнаружено погребение предскифского периода и несколько захоронений сарматской культуры. Отметим, что супесчаная почва способствовала плохой сохранности костных останков. Зачастую от скелетов сохранился лишь костный тлен. Многие курганы и находившиеся в них погребения разрушены многочисленными норами сурков. Основное внимание в ходе раскопок было сосредоточено на исследовании самых незначительных по размерам насыпей, которым грозило уничтожение распашкой.

Материалы могильника еще не получали полного освещения. Частично они были задействованы Т.Ю. Березуцкой при выделении локальных вариантов среднедонской катакомбной культуры и ее общей характеристике (Березуцкая Т.Ю., 2003). Восполнить этот пробел и призвана настоящая публикация.

КУРГАН 2

Располагался в ЮВ части могильника (рис. 1, 1; 2, 1). До начала раскопок имел высоту насыпи до 0,5 м при диаметре до 18,0 м.

Находки в насыпи. В ходе раскопок в насыпи обнаружено несколько фрагментов лепной керамики катакомбной (рис. 2, 4-7) и два фрагмента керамики репинской культур (рис. 2, 2,3). Стенки сосудов катакомбной культуры орнаментированы перевитым шнуром «в елочку» (рис. 2, 6), оттисками «личинки» (рис. 2, 7). Прямой венчик сосуда со срезанным внутрь краем орнаментирован овальными вдавлениями по его внешней стороне (рис. 2, 5). Одна из обнаруженных стенок (рис. 2, 4) орнаментирована по внешней поверхности расчесами гребня.

Оба фрагмента керамики репинской культуры принадлежат верхним частям сосудов. На одном из них – глубокие округлые вдавления под венчиком (рис. 2, 2), на другом такие же вдавления образуют с внутренней стороны округлые выпуклости (рис. 2, 3). На этом же фрагменте нанесен орнамент в виде косых насечек по венчику и глубоких насечек в виде «птичек». Первый фрагмент имеет гладкую внутреннюю и внешнюю поверхности, второй – горизонтальные расчесы с внутренней стороны сосуда.

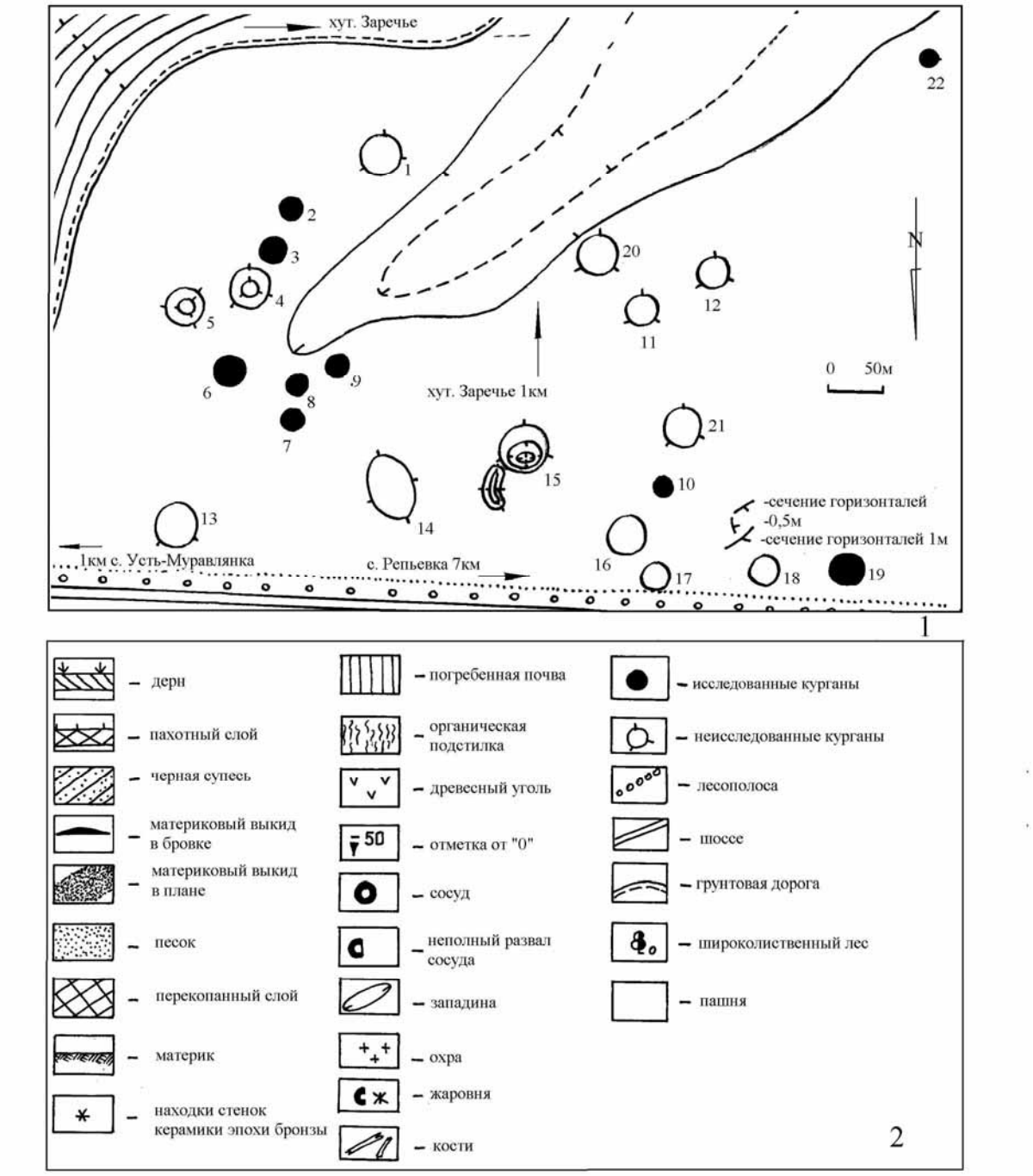


Рис. 1. *Зареченские курганы.*
1 – план курганного могильника у хут. Заречье; 2 – условные обозначения

В кургане обнаружено девять погребений.

Погребение 1 (катакомбная культура, впускное) зафиксировано 4,3 м к ЗСЗ от нулевой отметки (рис. 2, 1, 8). Материкового выкида погребение не содержало, так как он был полностью использован для забутовки шахты и камеры. Уровень фиксации – подпахотный слой.

Погребальное сооружение представляло собой остатки катакомбной конструкции. Шахта имела овальную форму 0,8 х 1,6 м, углублена в материк на 0,9 м и была ориентирована по линии ЮЗ-СВ. На материковом полу у северо-западной стенки найдены две кости ног мелкого рогатого скота.

С ЮВ к длинной стенке шахты примыкала камера овальных очертаний 1,08 х 1,6 м глубиной 0,9 м от уровня материка. При переходе шахты к камере на полу обнаружен лепной глиняный горшок, стоявший на днище (рис. 2, 9). Он имеет биконическое тулово и раструбный верх. По всей поверхности сосуда нанесен орнамент в виде

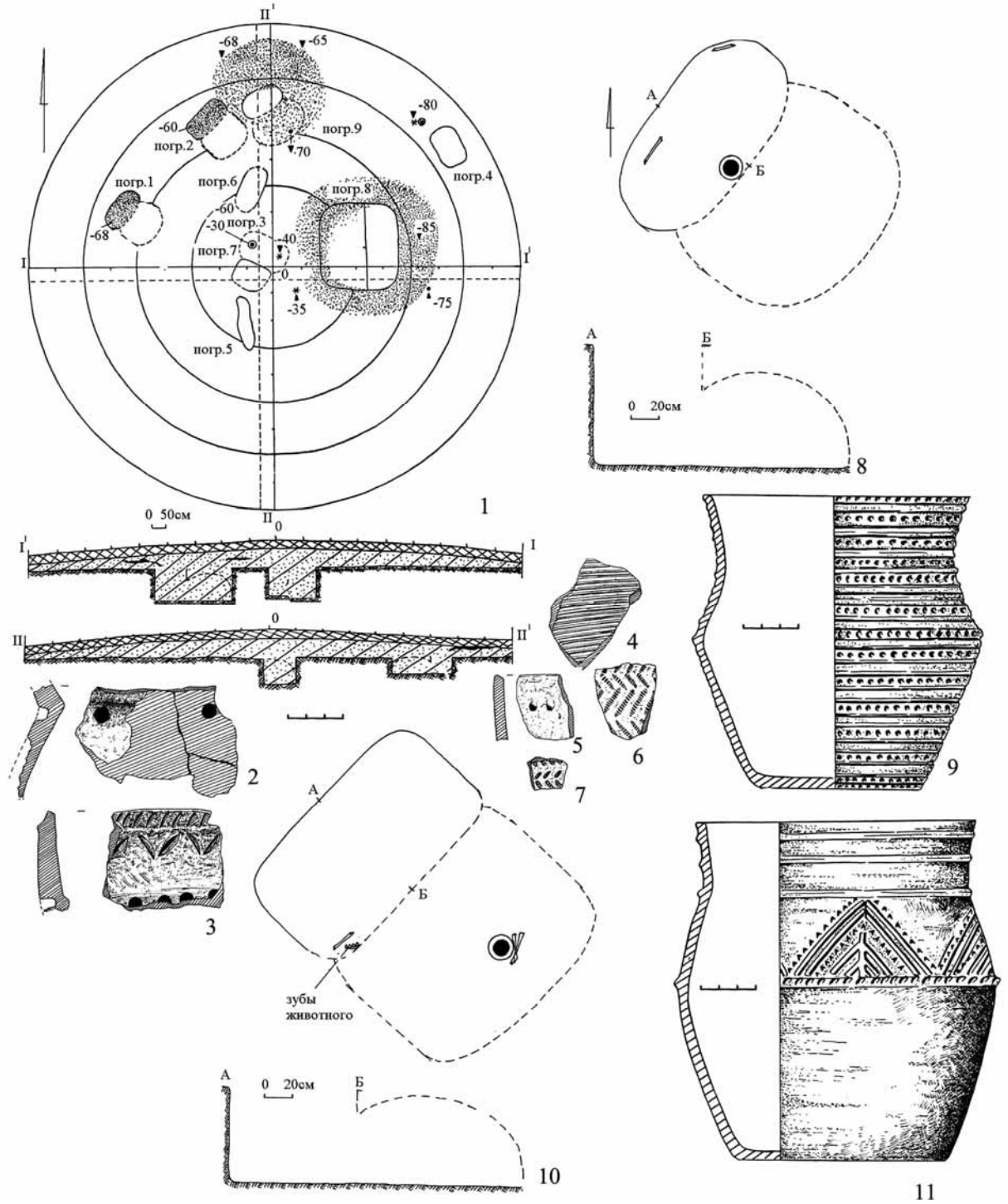


Рис. 2. *Зареченские курганы. Курган 2.*
1 – план и профили бровок; 2-7 – керамика из насыпи; 8, 9 – погребение 1;
10, 11 – погребение 2

глубоких прочерченных горизонтальных линий, между которыми располагаются горизонтальные ряды плохо выделенных валиков, расчлененных округлыми вдавлениями.

Погребение 2 (катакомбная культура, впускное) обнаружено в 4,5 м к ССЗ от нулевой отметки (рис. 2, 1; 2, 10). Материкового выкида погребение не имело, так как им были забутованы шахта и камера.

Погребальное сооружение представляло собой остатки катакомбной конструкции. Шахта прямоугольной формы 0,95 х 1,72 м была углублена в материк на 0,7 м и ориентирована по линии ЮЗ-СВ. В южном углу на полу найдены фрагменты костей мелкого травоядного животного – челюсть и кость ноги.

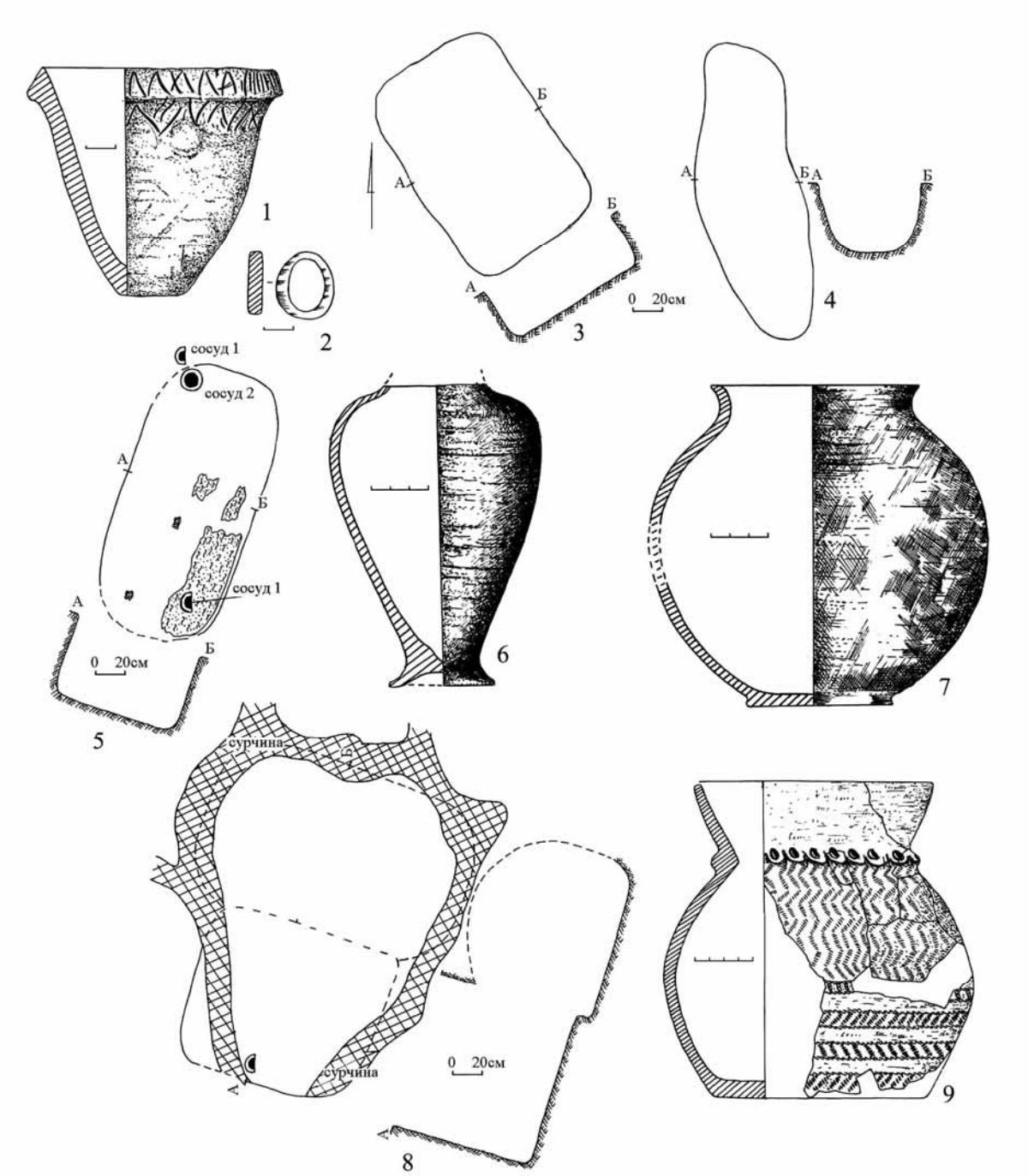


Рис. 3. *Зареченские курганы. Курган 2.*
1, 2 – погребение 3; 3 – погребение 4; 4 – погребение 5; 5-7 – погребение 6; 8, 9 – погребение 7

Прямоугольной формы камера с закругленными углами 1,25 х 1,7 м примыкала с ЮВ к длинной стенке шахты и была углублена в материк на 0,7 м. На ее полу почти в центре стоял на днище лепной глиняный горшок, рядом с которым лежали две мелкие кости плохой сохранности животного или ребенка.

Горшок имеет биконическое тулово и высокий раструбный верх (рис. 2, 11). По венчику и в средней части сосуда нанесены горизонтальные валики (в средней части тулова они расчленены косыми насечками). В средней же части налепами и небольшими треугольными вдавлениями изображены треугольники вершинами вверх.

Погребение 3 (воронежская культура, впускное) находилось в центре кургана в 1,0 м к СЗ от нулевой отметки (рис. 2, 1). Представляло собой лежащий в насыпи на глубине 30 см на боку лепной глиняный сосуд, рядом с которым местами отмечен костный тлен.

Сосуд имеет форму перевернутого усеченного конуса, короткий оттянутый

наружу венчик, небольшое плоское дно без закраины (рис. 3, 1). По венчику и под ним нанесены косые насечки, образующие сложные композиции.

В 1,2 м к СЗ от сосуда на глубине 60 см от нулевой отметки обнаружено роговое кольцо округло-овальной формы 2,0 х 2,2 см и толщиной до 0,5 см (рис. 3, 2). Не исключена связь этой находки с погребением 3.

Погребение 4 (впускное) обнаружено на краю северо-восточной полы насыпи в 7,3 м к СВ от нулевой отметки (рис. 2, 1). Материкового выкида не имело. Погребальное сооружение представляло собой прямоугольную яму с закругленными углами 1,0 х 1,5 м, углубленную в материк на 0,4 м и ориентированную по линии ЮВ-СЗ (рис. 3, 3). Заполнение состояло из перемешанного материкового песка с черной супесью. Следов захоронения не содержало.

Погребение 5 (впускное) обнаружено в центральной части кургана в 1,7 м к ЮЮЗ от нулевой отметки (рис. 2, 1). Материкового выкида не содержало. Погребальное сооружение представляло собой удлиненную яму неровно-овальной формы шириной до 0,7 м и длиной до 2,05 м, углубленную в материк на 0,5 м и ориентированную по линии С-Ю (рис. 3, 4). В профиле яма имела закругленные наклонные стенки. Следов захоронения не содержало.

Погребение 6 (сарматская культура, впускное) зафиксировано в центральной части кургана в 2,2 м к северу от нулевой отметки (рис. 2, 1). Погребальное сооружение представляло собой прямоугольно-удлиненную яму с сильно закругленными углами 0,9 х 1,9 м, углубленную в материк на 0,55 м и ориентированную по линии ЮЮЗ-ССВ (рис. 3, 5). Материкового выкида не имело.

Заполнение ямы состояло из перемешанного грунта – материкового песка и черной супеси, изрытого грызунами. На полу ямы обнаружены несколько мелких фрагментов деревянного перекрытия, а в ЮВ части – остатки органической подстилки коричневого цвета. На ней местами фиксировался костный тлен.

В южном углу ямы на полу найден фрагмент красноглиняного гончарного флакона. Второй фрагмент найден за пределами ямы у северного ее угла. Сосуд (рис. 3, 6) имеет небольшое вогнутое дно и расширяющееся к горлу тулово. Горло обломано в древности, о чем свидетельствуют затертые края излома. Видимо и после этого сосуд продолжал использоваться, но по иному назначению (внутри на стенках отмечены следы нагара).

В северном углу ямы на полу найдена гончарная сероглиняная кружка шаровидной формы с коротким оттянутым наружу венчиком и небольшим плоским дном (рис. 3, 7). Ручка обломана в древности. Она крепилась в средней части тулова.

Погребение 7 (катакомбная культура, впускное) зафиксировано по центру кургана под нулевой отметкой (рис. 2, 1). Материкового выкида не имело.

Погребальное сооружение представляло собой остатки катакомбной конструкции, сильно потревоженной грызунами. Шахта прямоугольной, почти квадратной формы с закругленными углами 1,15 х 1,3 м углублена в материк на 0,95 м и ориентирована по линии ЗСЗ-ВЮВ (рис. 3, 8). Заполнение состояло из перемешанного грунта – материкового песка и черной супеси. С ССВ к длинной стенке шахты через ступеньку высотой 0,1 м примыкала овальная камера 1,1 х 1,85 м глубиной в материке 1,05 м. В заполнении шахты и камеры (ее заполнение аналогично заполнению шахты) найдено более десятка мелких и крупных фрагментов лепного сосуда, а у ЮЮЗ стенки шахты лежал неполный его развал.

Реконструированный сосуд представляет собой горшок с раздутым биконическим туловом, раструбным верхом и относительно широким плоским дном (рис. 3, 9). Под венчиком сосуд орнаментирован налепным валиком, расчлененным овальными вдавлениями с защипами. Тулово орнаментировано оттисками перевитого шнура, образующими горизонтальную «елочку».

Погребение 8 (катакомбная культура, основное) находилось в 1,7 м к востоку от нулевой отметки (рис. 2, 1). Выкид материкового песка шириной 1,0-1,5 м и толщи-

ной до 0,12 м окружал погребение неровным кольцом.

Погребальное сооружение представляло собой остатки катакомбной конструкции. Шахта 1,25 х 3,1 м была углублена в материк на 1,15 м и ориентирована по линии С-Ю (рис. 4, 1). Заполнение ее состояло из черной «жирной» супеси с вкраплениями материкового песка. С запада к длинной стенке шахты через ступеньку высотой 0,1 м примыкала овальная камера 1,8 х 3,15 м, глубиной 1,25 м в материке. По всей вероятности заполнение камеры состояло не только из рухнувшего материкового свода камеры, но и какой-то части материкового выкида. Об этом свидетельствуют незначительная мощность выкида и сравнительно малая просадка свода камеры.

В северной части камеры на полу находились в ряд по линии С-Ю неполные развалы четырех сосудов, а также один целый экземпляр (рис. 4, 5-8). Не исключено, судя по разнохарактерным фрагментам, найденным неподалеку от сосудов, наличие первоначально в могиле еще одного или двух сосудов. Рядом с сосудами найдены зубы ребенка и тлен его черепа, а к югу от них – альчик мелкого рогатого скота и две берцовые кости взрослого человека.

Сосуд 1 (рис. 4, 2) сохранился не полностью (обнаружена только нижняя часть). Несколько фрагментов его были найдены в норах грызунов. Тулово сосуда орнаментировано оттисками перевитого шнура и защипами-«птичками».

Сосуд 2 (рис. 4, 5, 6) разрушен грызунами и форма его не восстанавливается. Судя по профилю стенок, он имел биконическую форму тулова. Орнамент нанесен оттисками перевитого шнура, ногтевыми вдавлениями.

Сосуд 3 (рис. 4, 3) с округлым туловом, относительно широким раструбным венчиком. Орнамент нанесен оттисками простого и перевитого шнура, образующими треугольные композиции.

Сосуд 4 (рис. 4, 4) с биконическим туловом, имеет почти прямой высокий венчик. Орнамент нанесен по всей поверхности округлыми вдавлениями, оттисками шнура, образующими треугольные композиции.

Сосуд 5 (рис. 4, 7, 8) представлен двумя фрагментами. Возможно, они принадлежат одному сосуду. Орнамент нанесен перевитым шнуром, овальными вдавлениями в «елочку».

Погребение 9 (катакомбная культура, впускное) находилось в северной поле насыпи в 4,5 м к северу от нулевой отметки (рис. 2, 1). Материковый выкид овальной формы 3,5 х 4,0 м и толщиной до 0,12 м был смещен к северу от погребения. Он фиксировался сразу же под пахотным слоем и ложился на уже существовавшую насыпь.

Погребальное сооружение представляло собой остатки катакомбной конструкции (рис. 4, 9). Шахта овальной формы 1,0 х 1,6 м была углублена в материк на 0,6 м и ориентирована по линии ЮЗ-СВ. Заполнение состояло из черной супеси, перемешанной с материковым песком.

С ЮВ к длинной стенке шахты примыкала овальная камера 1,25 х 2,05 м, ориентированная по линии ЮЗ-СВ и углубленная в материк на 0,6 м. Заполнение аналогично заполнению шахты.

Сосуд 1 (рис. 4, 10) найден в заполнении шахты на различной глубине в виде фрагментов. В нижней части сосуд орнаментирован горизонтальными вдавлениями «клиновидной» формы, далее к верху – оттисками «личинки» в горизонтальную «елочку».

Сосуд 2 (рис. 4, 11) обнаружен в СВ углу камеры на полу. Венчик его прямой, чуть отогнут наружу. По нему нанесены горизонтальные оттиски «тесьмы». Такими же оттисками орнаментирована и верхняя часть тулова. Здесь ряды «тесьмы» образуют треугольные композиции.

У ЮВ части камеры ближе к стенке отмечены плохо сохранившиеся кости мелкого животного или ребенка.

Стратиграфические данные не позволяют в полной мере восстановить последова-

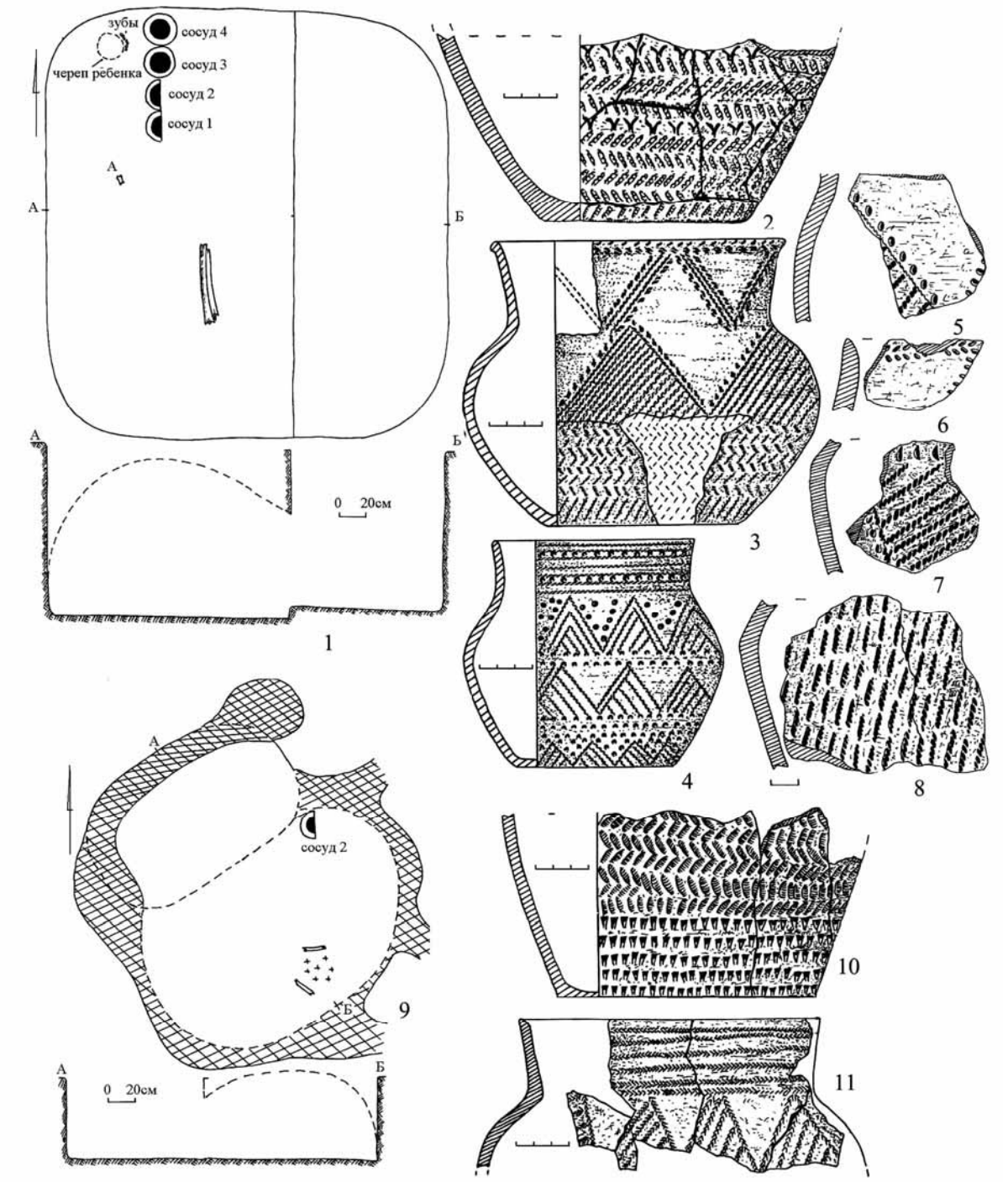


Рис. 4. *Зареченские курганы. Курган 2.*
1-8 – погребение 8; 9-11 – погребение 9

тельность создания погребений в кургане. С уверенностью можно утверждать, что основным в кургане было погребение 8, выкид из которого располагался на одном уровне – уровне погребенной почвы. Погребение 6 являлось наиболее поздним по характеру материала из него (сарматское). Самым поздним погребением эпохи бронзы можно считать погребение 7. Оно находилось в центре насыпи и не имело материкового выкида. По всей вероятности, погребение впустили в уже созданную насыпь без производства досыпки. Сложнее выяснить последовательность устройства погребений 1, 2, 9. Выкид из погребения 9 и верхний уровень залегания материкового песка в шахтах погребений 1 и 2 находились на одном уровне.

КУРГАН 3

Находился в 40 м к ССВ от кургана 2 (рис. 1). Его высота составила в среднем до 0,6 м от уровня современной поверхности, а диаметр – до 26,0 м (рис. 5, 1).

Находки в насыпи. На различной глубине (уровень второго-третьего штыков) в центральной его части обнаружены мелкие фрагменты катакомбного сосуда (сосудов?). По их внешней поверхности нанесен орнамент перевитым шнуром в горизонтальную «елочку» (рис. 5, 3, 5, 6) и грубыми расчесами в (рис. 5, 2, 4). Кроме того, найдена неорнаментированная стенка сосуда энеолитического облика (репинской культуры?) с примесью раковины в тесте.

В кургане обнаружено семь погребений.

Погребение 1 (катакомбная культура, впускное) находилось в 7,2 м к ЮЮВ от нулевой отметки ближе к краю насыпи (рис. 5, 1). Представляло собой яму почти квадратной формы 1,3 х 1,4 м с закругленными углами, углубленную в материк на 0,75 м и ориентированную по линии С-Ю (рис. 5, 12). В 0,6 м к северу от нее располагался материковый выкид серповидной формы длиной 2,6 м, шириной до 1,6 м и толщиной до 0,1 м. Южная часть выкида залегала на глубине 70 см от нулевой отметки, северная – на глубине 65 см, поднимаясь, таким образом, на уже существовавшую насыпь. По всей вероятности выкид намеренно был уложен в некотором отдалении от могилы. Основная его часть находилась в яме, о чем свидетельствует незначительная мощность выкида и характер заполнения ямы – материковый песок, перемешанный с серой супесью.

Пол ямы был посыпан красной охрой, более интенсивно в центре и менее интенсивно к краям могилы. В центре ямы стоял лепной горшок без днища. Он имеет чуть раздутое в верхней части тулово, раструбный венчик, отогнутый наружу (рис. 5, 13). Под венчиком, в средней и нижней частях тулова расположены три ряда валиков, разделенных ногтевыми вдавлениями. Между ними – оттиски крупноячеистого шнура, образующих треугольные композиции. Рядом с горшком лежали в ряд зубы ребенка, а с ЮЗ – две кости его ног.

Погребение 2 (впускное) Находилось в 4,8 м к ЮЮЗ от нулевой отметки (рис. 5, 1). Представляло собой яму прямоугольной формы 0,8 х 1,2 м с закругленными углами, ориентированную по линии З-В с незначительным отклонением и углубленную в материк на 0,5 м (рис. 5, 14). Материкового выкида погребение не имело. Заполнение состояло из материкового песка, перемешанного с черной супесью. Каких-либо признаков захоронения не обнаружено.

Погребение 3 (основное) располагалось в центральной части кургана вблизи нулевой отметки (рис 5, 1). Материковый выкид имел неровноовальные очертания и окружал погребение со всех сторон. Ширина его от 0,9 до 4,2 м, толщина до 0,15 м. Выкид залегал на одном уровне – уровне погребенной почвы.

Погребальное сооружение представляло собой яму неровноовальной формы 1,95 х 2,25 м, углубленную в материк на 0,6 м и ориентированную по линии ЮЮВ-ССЗ и (рис. 5, 15). Заполнение состояло из «жирной» черной супеси. На полу местами сохранились остатки черной органической подстилки. В северной части ямы найдены фрагменты черепа человека, в южной – несколько истлевших костей. Отсюда можно предположить северную ориентировку погребенного.

Погребение 4 (катакомбная культура, впускное) находилось в центральной части кургана в 2,0 м к ЮВ от нулевой отметки (рис. 5, 1). Выкид материковой глины кольцом располагался вокруг погребения. Его диаметр составлял до 9,0 м, толщина 0,12-0,15 м. Выкид плавно поднимается на уже существовавшую насыпь, что фиксируется по профилю бровки I-I.

Погребальное сооружение представляло собой двойную катакомбу (рис. 6, 1). Шахта прямоугольной формы с прямыми углами 0,45 х 1,8 м была углублена в материк на 0,6 м и ориентирована по линии ЮЗ-СВ Заполнение состояло из материкового песка с незначительной примесью черной супеси. В СВ углу шахты на материковом полу лежали плохо сохранившиеся кости ног животного.

К длинной СЗ стенке шахты примыкала через ступеньку высотой 0,4 м, овальная камера №1 0,5 х 1,08 м, углубленная в материк на 0,9 м и ориентированная по линии

ЮЗ-СВ. Ее заполнение состояло из материкового песка (обрушившийся свод камеры). В центральной части камеры на материковом полу обнаружена кость ноги животного, а у ЮЗ стенки – развал лепного горшка (рис. 6, 2).

Сосуд имеет плавно расширяющееся к верху тулово, короткий, резко отогнутый наружу венчик, по которому нанесен орнамент ногтевыми вдавлениями. Тулово орнаментировано оттисками в виде «птичек» и треугольников, выполненными перевитым шнуром.

К длинной ЮВ стенке шахты через ступеньку высотой 0,6 м примыкала овальной формы камера №2 размерами 1,0 х 1,8 м глубиной 1,05 м в материке, ориентированная по линии ЮЗ-СВ. Заполнение ее состояло из материкового песка (обрушившийся или просевший свод камеры). На материковом полу в центральной части камеры №2 обнаружен костный тлен, а в СВ углу – глиняный горшок и зубы ребенка в двух кучках.

Сосуд имеет плавно расширяющееся к верху тулово, короткий отогнутый наружу венчик (рис. 6, 4). Вся поверхность сосуда орнаментирована оттисками «личинок», образующих горизонтальную «елочку».

У ЮЗ стенки камеры №2 стояла жаровня из придонной части сосуда с углями (рис. 6, 3). Поверхность орнаментирована овальными вдавлениями с оттисками в них зубчатого штампа.

Погребение 5 (катакомбная культура, впускное) находилось в восточной поле кургана в 5,0 м к востоку от нулевой отметки (рис. 5, 1). Из погребения происходит могильный выкид серповидной формы, разомкнутый с запада. Его ширина 0,8-2,0 м и толщина до 0,2 м. Выкид плавно поднимается на более древнюю насыпь в сторону ее центра.

Погребальное сооружение представляло собой остатки катакомбной конструкции. Шахта прямоугольной формы 1,1 х 1,8 м с закругленными углами углублена в материк на 0,75 м, ориентирована по линии С-Ю (рис. 6, 5). Заполнение состояло из черной супеси с незначительной примесью материкового песка.

С запада к длинной стенке шахты через ступеньку высотой 0,35 м примыкает овальная камера 1,25 х 1,8 м, углубленная в материк на 1,1 м и ориентированная по линии С-Ю. Заполнение состояло из материкового песка с включением серой и черной супеси. На материковом полу камеры обнаружены останки скелета взрослого человека, лежавшего скорченно на правом боку головой на юг. В СВ углу камеры лежали кости ног и зубы мелкого рогатого скота.

У лицевой части черепа обнаружен развал лепного горшка с плавно расширяющимся к верху туловом и коротким прямым закругленным венчиком (рис. 6, 6). По нему нанесен орнамент в виде горизонтальных полос шнура с фестонами. Верхняя часть тулова орнаментирована такими же оттисками штампов, составленными в треугольные композиции вершинами вверх. Нижняя часть орнаментирована тремя горизонтальными рядами пальцевых защипов.

Погребение 6 (катакомбная культура, впускное) обнаружено в 5,0 м к СВ от нулевой отметки (рис. 5, 1). Выкид материкового песка имел овальную форму 11,0 х 13,0 м (вытянут по линии ЮВ-СЗ) и окружал погребение со всех сторон. Максимальная его толщина 0,4 м. Под всей площадью выкида отмечен слой древесного угля до 1,0 см толщиной. Судя по стратиграфическим наблюдениям, выкид из погребения плавно поднимался на уже существовавшую насыпь.

Погребальное сооружение представляло собой яму прямоугольной формы с закругленными углами 0,75 х 1,2 м, углубленную в материк на 0,6 м и ориентированную по линии ЗЮЗ-ВСВ (рис. 7, 1). Заполнение состояло из перемешанной черной супеси и материкового песка.

На материковом полу ямы обнаружены фрагменты скелета взрослого человека, по которым можно установить только ориентировку погребенного на ЗЮЗ.

Погребение 7 (катакомбная культура, впускное) обнаружено в северной поле

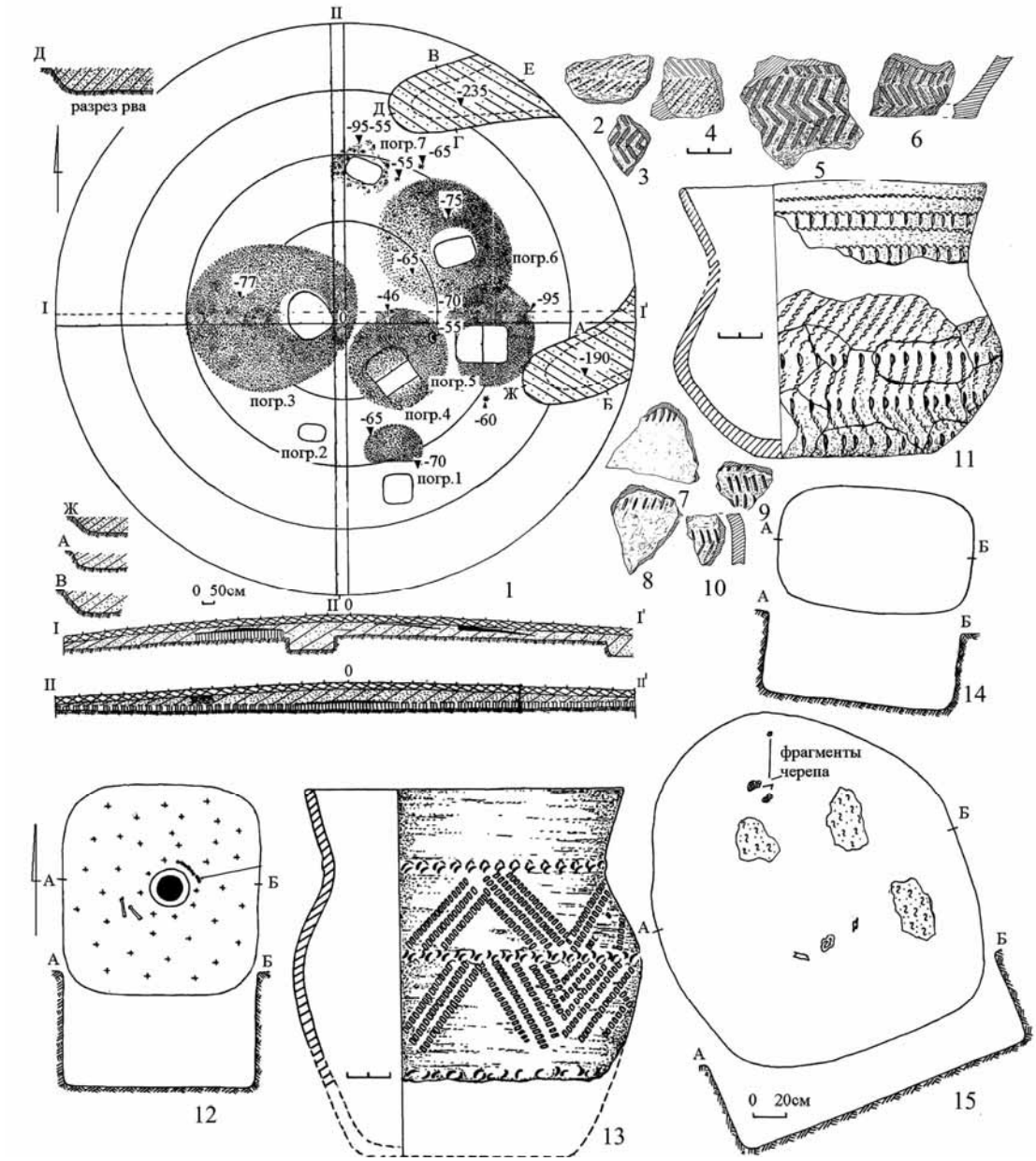


Рис. 5. *Зареченские курганы. Курган 3.*
1 – план и профили бровок; 2-6 – керамика из насыпи; 7-10 – керамика из заполнения рва; 12-13 – погребение 1; 14 – погребение 2; 15 – погребение 3

насыпи в 7,0 м к северу от нулевой отметки (рис. 5, 1). Материковый выкид из погребения почти полностью растащен грызунами. В бровке II-II он поднимается до уровня подпахотного слоя.

Погребальное сооружение представляло собой остатки сильно разрушенной грызунами ямы прямоугольной формы с закругленными углами 1,0 х 1,65 м, углубленную в материк на 0,8 м и ориентированную по линии ЗСЗ-ВЮВ (рис. 7, 2). Заполнение состояло из перемешанной черной супеси с включением материкового песка.

У ВЮВ стенки найдена черепная крышка, а рядом с ней – развал лепного сосуда (рис. 7, 3). Он имеет плавно расширяющееся к верху тулово, прямой венчик, чуть отогнутый наружу. Вся поверхность сосуда орнаментирована оттисками шнура, образующими сложные геометрические композиции.

Ров зафиксирован в СВ части кургана (рис. 5, 1), где были обнаружены два его конца-«уса». Основная часть конструкции уходит за пределы насыпи, возможно, под расположенный рядом курган 4.

Оба «уса» выявлены по черному заполнению супеси в материке. Каких-либо признаков прорезания насыпи кургана рвом не отмечено. Следов выкида из него тоже

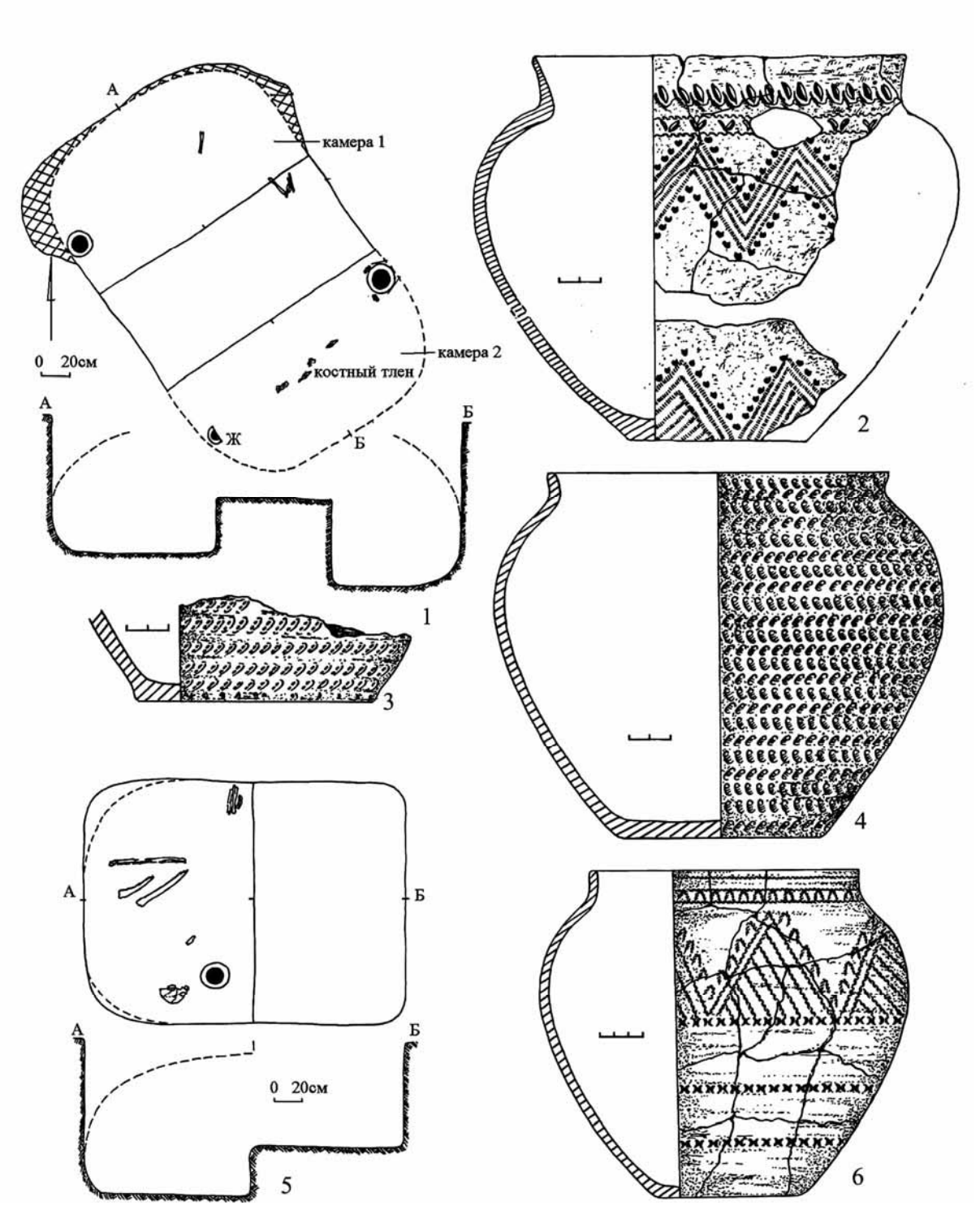


Рис. 6. *Зареченские курганы. Курган 3.*
1-4 – погребение 4; 5, 6 – погребение 5

нет, что свидетельствует о более раннем сооружении рва по отношению к кургану 3. Расстояние между краями «усов» составляет 11,0 м. Ширина рва – до 3,3 м при глубине в материке до 1,0 м. Стенки его пологие, пол ровный.

В заполнении рва на различной глубине найдено более десятка фрагментов орнаментированных и неорнаментированных стенок лепных сосудов катакомбной культуры. Орнамент на некоторых из них нанесен ногтевыми вдавлениями (рис. 5, 7-10). Большая же часть фрагментов принадлежала лепному горшку (рис. 5, 11). Он представляет собой плоскодонный сосуд с биконическим приземистым туловом и относительно высоким раструбным верхом. Сосуд орнаментирован ногтевыми защипами, горизонтальными и косыми оттисками перевитого шнура.

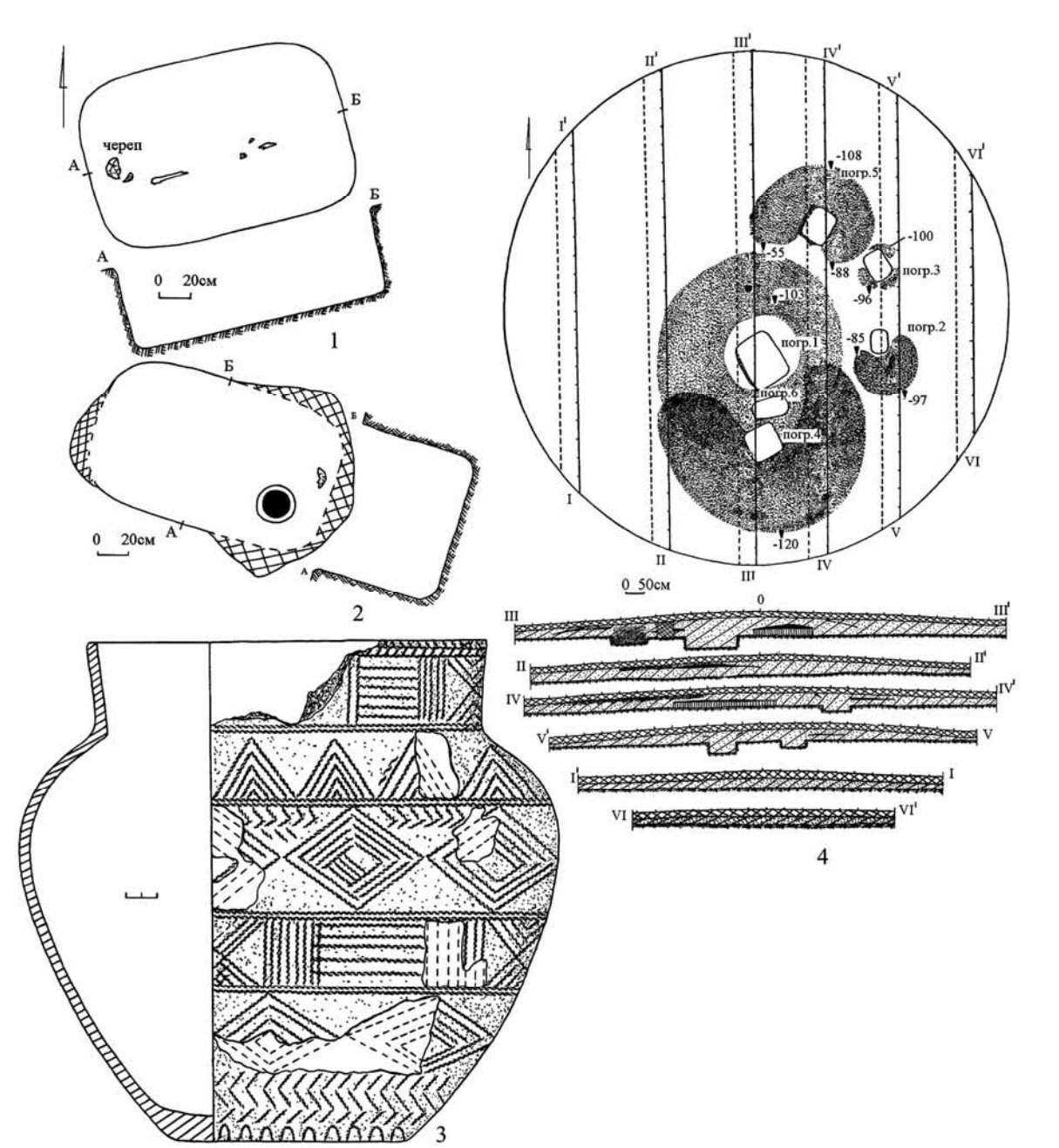


Рис. 7. *Зареченские курганы. Курганы 3 и 6.*
1 – погребение 6 кургана 3; 2, 3 – погребение 7 кургана 3; 4 – план и профили кургана 6

Рассмотрим стратиграфию захоронений в кургане и место в нем рва. Как уже говорилось, наиболее ранней конструкцией в кургане является ров, а судя по его расположению, он не связан непосредственно с курганом 3. Основным в кургане являлось погребение 3, выкид из которого располагался на уровне погребенной почвы. Наиболее поздним является, видимо, погребение 7, так как остатки выкида из него выходили высоко под пахотный слой. Промежуточное положение между этими погребениями занимают погребения 1, 4, 5, 6. Причем погребение 4 в этом ряду наиболее раннее: выкид из него размещался ниже выкида из погребений 1 и 5. Погребение 1 в этом ряду наиболее позднее, так как выкид из него поднимается на позднюю досыпку, а планиграфически погребение располагается ближе к центру насыпи.

КУРГАН 6

Располагался в 180 м к СВ от кургана 3 (рис. 1, 1). Его высота составила в среднем 0,65 м от уровня современной поверхности при диаметре 28,0 м (рис. 7, 4).

В кургане обнаружено шесть погребений.

Погребение 1 (катакомбная культура, основное) находилось почти в центре

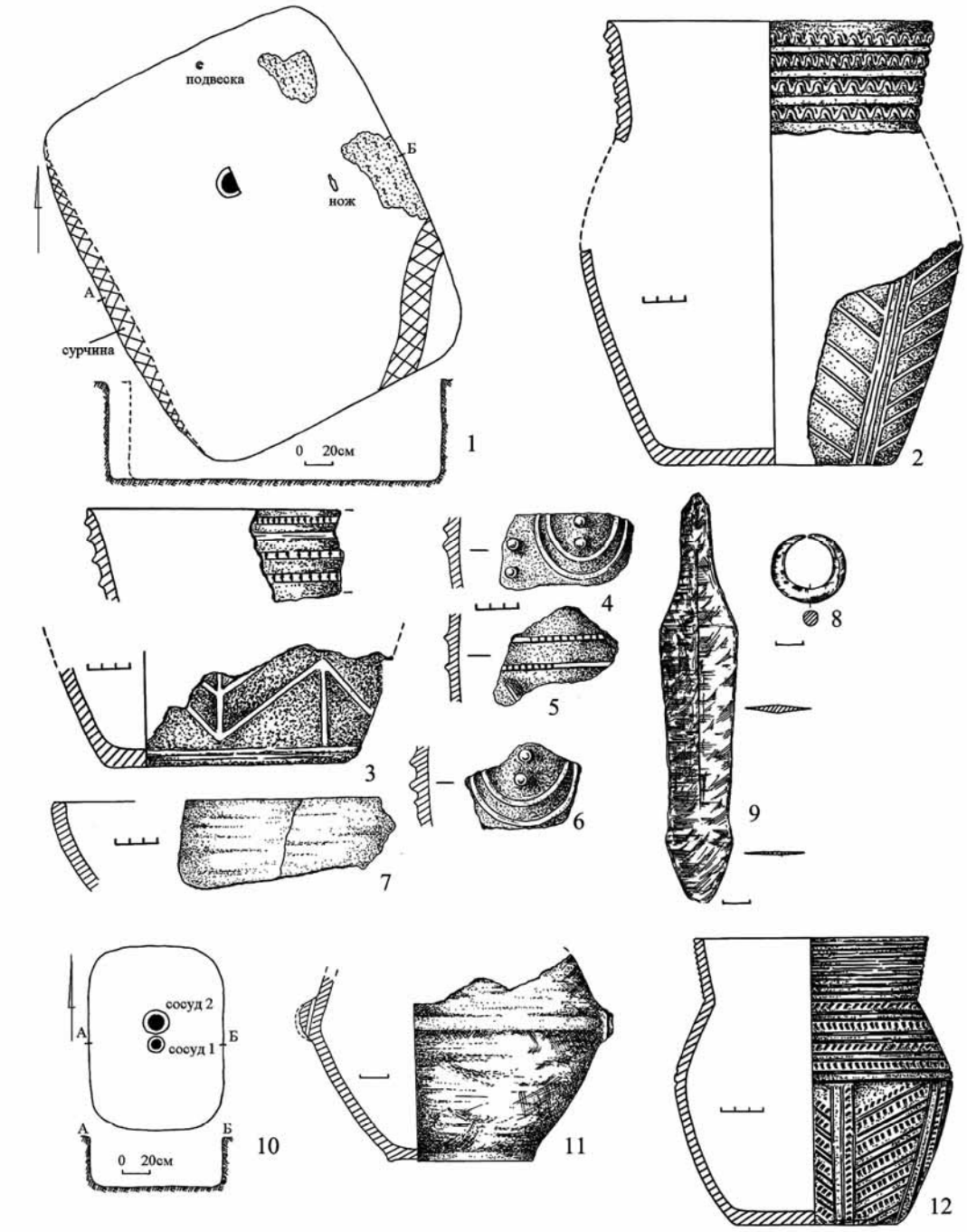


Рис. 8. *Зареченские курганы. Курган 6.*
1-9 – погребение 1; 10-12 – погребение 2

кургана, в 1,5 м южнее нулевой отметки (рис. 7, 4). Погребальное сооружение представляло собой яму прямоугольной формы с закругленными углами 2,2 х 2,8 м, глубиной 0,75 м в материке, ориентированную по линии ЮВ-СЗ (рис. 8, 1). Заполнение состояло из черной «жирной» супеси с вкраплениями небольших фрагментов сгнившего деревянного перекрытия. У СВ стенки ямы сохранились на полу остатки органической подстилки черного и черно-коричневого цветов.

Выкид в виде кольца окружал погребение со всех сторон. Его внешний диаметр до 11,0 м, ширина от 2,2 до 4,0 м. При этом вокруг ямы образовалось свободное пространство шириной до 1,2 м, и только в южной части выкид соприкасался с южным углом ямы. Мощность выкида до 0,25 м. Располагался он на уровне погребенной почвы. В заполнении ямы, а также на ее полу обнаружены фрагменты трех сосудов.

Сосуд 1 (рис. 8, 2) сохранился не полностью (венчик и нижняя часть с днищем). Представляет собой плоскодонный горшок с плавно расширяющимся к верху туловом

и раструбным венчиком. По венчику нанесены горизонтальные ряды валиков, которые перемежаются выделенными волнистыми линиями. Тулово орнаментировано прямо и косо расположенными валиками,

Сосуд 2 (рис. 8, 3) сохранился фрагментарно. Судя по найденным фрагментам, имел такую же форму, как и сосуд 1. По его нижней сохранившейся части нанесен орнамент в виде вертикально и косо расположенных валиков.

По-видимому, орнаментированные и неорнаментированные стенки, найденные в заполнении могилы, принадлежат сосудам 1 и 2 (рис. 8, 4-6). Орнамент на них нанесен горизонтальными валиками, расчлененными насечками (рис. 8, 5), шишечками-утолщениями и округлыми линиями валиков (рис. 8, 4, 6).

Сосуд 3 (рис. 8, 7) принадлежит миске с горизонтально срезанным венчиком.

У СВ стенки могилы обнаружен бронзовый нож со следами деревянной рукояти и чехла (кожаного или деревянного), лежавшего рукоятью на СЗ (рис. 8, 1, 9). Длина ножа 14,6 см, ширина ромбовидного в разрезе лезвия 2,2-2,7 см. Окончание ножа имеет расковку.

У СЗ стенки на полу найдена бронзовая подвеска в виде кольца с заостренными несомкнутыми концами диаметром 2,6 см. Диаметр округлой проволоки 5 мм (рис. 8, 8).

Погребение 2 (катакомбная культура, впускное) располагалось в восточной поле кургана в 6,7 м к ВЮВ от нулевой отметки (рис. 7, 4). Выкид из погребения имел серповидную форму и располагался с южной стороны могилы. Западная его часть поднимается на первичную насыпь.

Погребальное сооружение представляло собой яму прямоугольной формы с закругленными углами 0,95 х 1,3 м глубиной 0,35 м в материке, ориентированную по линии С-Ю (рис. 8, 10). Заполнение состояло из черной супеси с незначительной примесью материкового песка. В центре ямы на полу стояли два сосуда.

Сосуд 1 (рис. 8, 11) лежал вверх дном. Верхняя его часть отбита, видимо, в древности, о чем свидетельствуют затертые старые сколы. Представляет собой небольшой плоскодонный горшок (днище чуть вогнуто внутрь) с биконическим туловом и «ушками» – небольшими налепами с проделанными в них вертикальными отверстиями. Посредине горшка проходит горизонтальный валик.

Сосуд 2 (рис. 8, 12) стоял на днище севернее сосуда 1. Представляет собой плоскодонный горшок с биконическим туловом и раструбным верхом. По венчику нанесены глубокие горизонтальные расчесы гребенкой, ниже – расчлененные насечками валики.

Погребение 3 (катакомбная культура, впускное) находилось в СВ поле насыпи в 6,6 м к ВСВ от нулевой отметки (рис. 7, 4). Вокруг погребения с юга и севера размещались бесформенные остатки материкового выкида. С СВ он залегает на уровне погребенной почвы, ЮЗ часть плавно поднимается на первичную насыпь. Толщина выкида составляет до 0,08 м. Его ширина 0,5-0,6 м, длина до 1,3 м.

Погребальное сооружение представляет собой яму прямоугольной формы с закругленными углами 1,2 х 1,6 м глубиной 0,6 м в материке, ориентированную по линии ЮЮВ-ССЗ (рис. 9, 1). Заполнение состояло из черной супеси с незначительной примесью материкового песка. Рядом с СЗ углом ямы на глубине 130 см от нулевой отметки (почти на уровне материка) обнаружены истлевшие кости животного: челюсть и две кости ног мелкого рогатого скота.

На материковом полу ямы обнаружены остатки плохо сохранившегося скелета ребенка, лежавшего скорченно на левом боку головой на север с незначительным отклонением на ССЗ. Левая рука вытянута вдоль скелета и в сторону, правая, судя по сохранности нескольких костей, согнута в локте.

У СВ стенки ямы стоял лепной глиняный сосуд (рис. 9, 2, 2а). Он представляет собой горшок с плоским без закраины дном, плавно расширяющимся к верху туловом и раструбным венчиком, чуть отогнутым наружу. По нему валиками нанесен орнамент горизонтально и вертикально. Ниже венчика – зигзагообразная линия из валика, под которым

расположены округлые углубления. Остальная часть сосуда разделена на вертикальные зоны, заполненными орнаментами в виде вдавлений, насечек, прочерчиваний.

Погребение 4 (катакомбная культура, впускное) находилось в южной поле насыпи в 6,6 м южнее нулевой отметки (рис. 7, 4). Из погребения происходит материковый выкид серповидной формы, окружавший могилу с запада, юга и востока. Мощность выкида до 0,3 м. С юга он наползает на первичную насыпь и состоит из чистого материкового песка. С запада, востока, а также с юга ближе к погребению выкид создан из перемешанного грунта – материкового песка и черной супеси. Судя по небольшим размерам могилы, выкид серповидной формы и сравнительно обширный по площади создавался намеренно.

Погребальное сооружение представляло собой яму подквадратной формы с закругленными углами 1,75 х 1,75 м, углубленную в материк на 0,45 м и ориентированную по линии ЮЮВ-ССЗ – ВСВ-ЮЮЗ (рис. 9, 3). Заполнение состояло из черной супеси с незначительной примесью материкового песка, а также мелких фрагментов дерева перекрытия.

На органической подстилке черно-коричневого цвета ближе к ЮЗ стенке лежал скелет ребенка скорченно на спине с небольшим завалом на правый бок головой на ССЗ. На органической подстилке отмечена посыпка красной охры у черепа, правой руки, тазовых костей.

У черепа погребенного находились три бронзовые плоские подвески серповидной формы с несомкнутыми и сомкнутыми окончаниями (рис. 9, 5-7). Их диаметр от 17 до 22 мм, толщина 1-1,5 мм.

За тазом погребенного лежал каменный пест усеченно-конической формы (наиболее широкой частью на север) (рис. 9, 8). Его длина – 10,8 см, наибольшая толщина 5,0 см, наименьшая 2,5 см. В профиле пест округло-подквадратной формы. Сбоку имеется небольшой выступ-шишечка. На боковой поверхности алой охрой нанесена волнистая линия-змейка шириной до 5 мм.

К СВ от песта стоял плоскодонный лепной глиняный горшок с биконическим туловом и относительно высоким раструбным венчиком (рис. 9, 4). По нему нанесены валики «змейками», «елочками», волнистыми линиями по вертикали, начиная с днища – черные смолистые потеки.

Погребение 5 (катакомбная культура, впускное) находилось в СВ поле насыпи в 5,0 м к СВ от нулевой отметки (рис. 7, 4). Материковый выкид серповидной формы из погребения окружал могилу с запада, севера и востока, а с ЮЮЗ имелся разрыв. Ширина выкида до 2,6 м, толщина до 0,15 м. Северная и СВ его части располагались на уровне погребенной почвы, с запада выкид «наползает» на уже существовавшую насыпь.

Погребальное сооружение представляло собой яму прямоугольной формы с закругленными углами 1,4 х 1,8 м, ориентированную по линии ЮЮЗ-ССВ и углубленную в материк на 0,65 м, сильно разрушенную грызунами (рис. 9, 9). В заполнении ямы (чернозем с примесью материкового песка) найдены несколько стенок валикового сосуда (рис. 9, 10, 11).

Погребение 6 (предскифский период, впускное) располагалось в 5,3 м к югу от нулевой отметки (рис. 7, 4). Погребение прорезало всю насыпь с уровня подпахотного слоя. Заполнение состояло из перемешанного серо-желтого песка и черной супеси насыпи.

Погребальное сооружение представляло собой яму прямоугольно-удлиненной формы с закругленными углами 1,0 х 2,0 м, ориентированную по линии ЗЮЗ-ВСВ и едва углубленную в материк (рис. 9, 12). У северной стенки найдены перекрещенные в голенях кости ног взрослого человека и разбросанные остальные части скелета – ребра, позвонки, ключица. Таза и черепа не обнаружено.

У западной стенки ямы стоял лепной глиняный сосуд в виде вазы (рис. 9, 13). Он имеет плоское без закраины дно, округло-яйцевидное тулово и плавно профилирован-

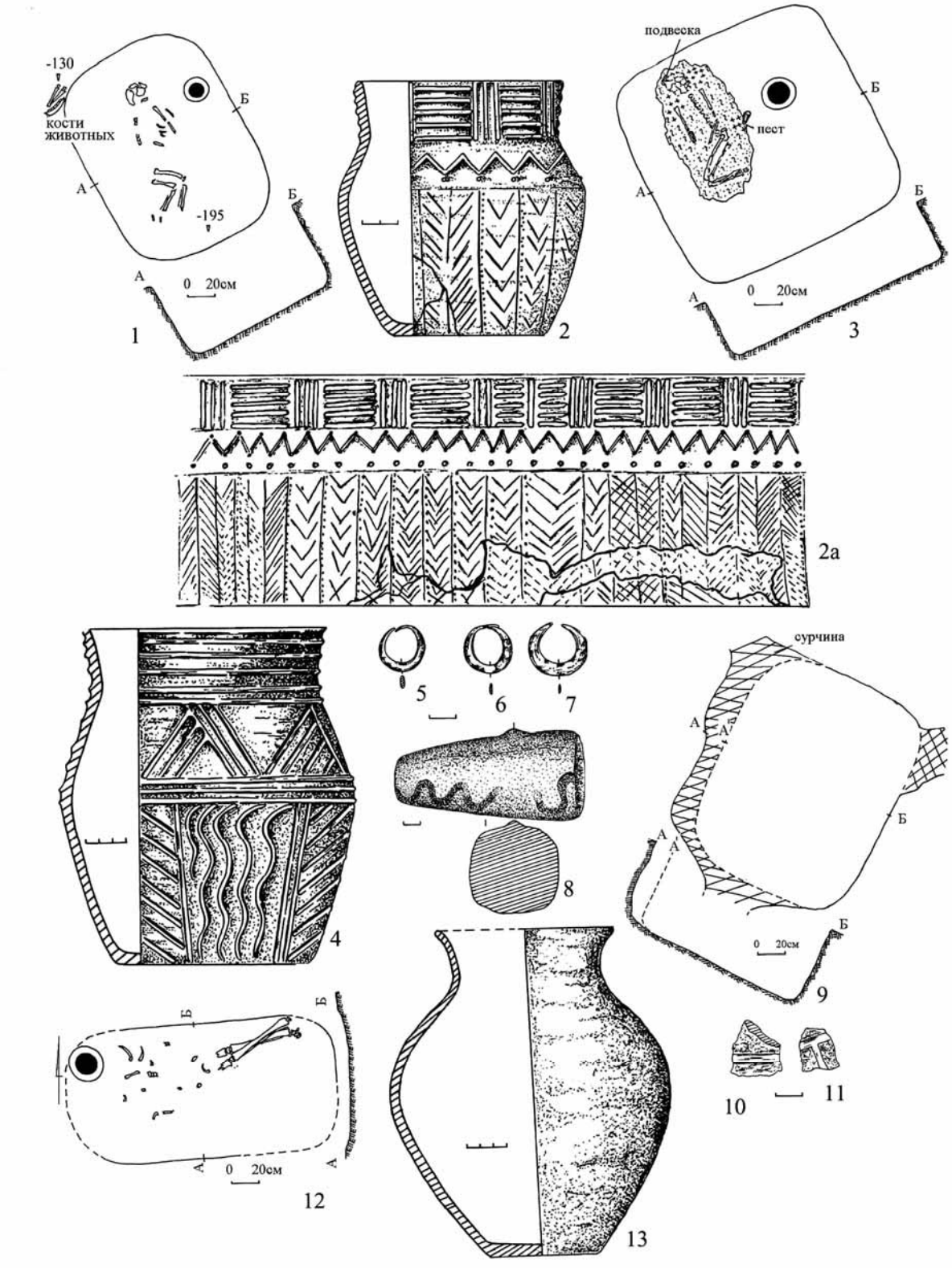


Рис. 9. *Зареченские курганы. Курган 6.*
1, 2, 2а – погребение 3; 3-8 – погребение 4; 9-11 – погребение 5; 12, 13 – погребение 6

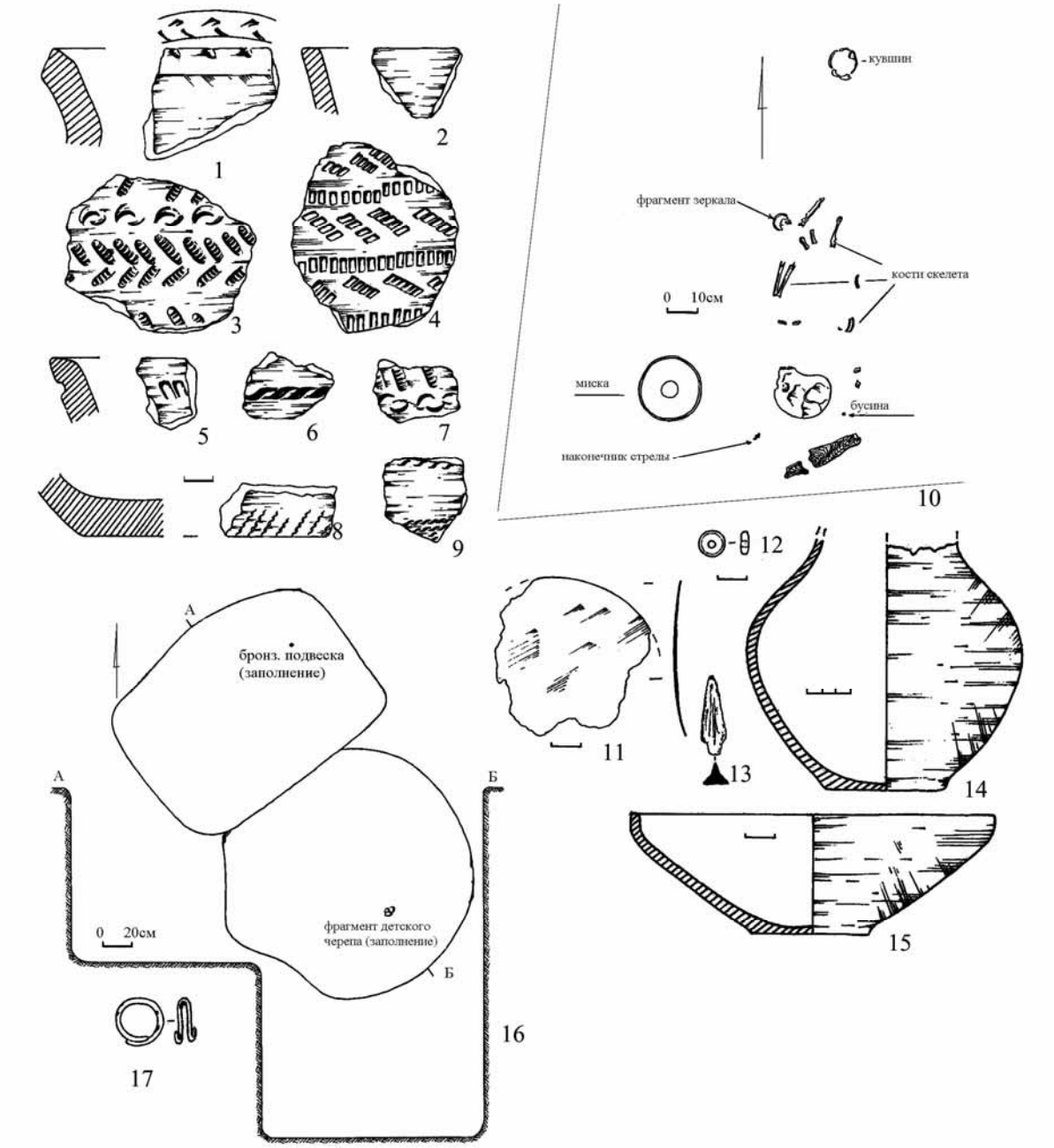


Рис. 10. *Зареченские курганы. Курган 7.*
1-9 – фрагменты сосудов из насыпи; 10-15 – погребение 1; 16, 17 – погребение 2

ный наружу венчик. В тесте примесь шамота.

Стратиграфические данные позволяют установить, что погребение 1 было основным в кургане, что засвидетельствовано уровнем выкида из могилы (уровень погребенной почвы). Погребение 6 наиболее позднее по материалу и данным стратиграфии. Что касается погребений 2-5, то не исключена возможность их одновременного устройства. Все они имеют выкиды, располагавшиеся с внешней стороны курганной насыпи на уровне погребенной почвы, за пределами первичной насыпи. Все эти выкиды частично «заползают» на первичную насыпь, маркируя таким образом размеры первичной насыпи, созданной над погребением 1. Расположены они к тому же по одной линии окружности (хорде). Таким образом, диаметр первичной насыпи составлял 15,0 – 18,0 м.

КУРГАН 7

Находился в группе насыпей, расположенных у вершины лощины (рис. 1, 1). Диаметр 16,0-18,0 м, высота до 0,3 м от современной поверхности. В кургане обнаружено два погребения и тризна в виде фрагментов лепной керамики от нескольких

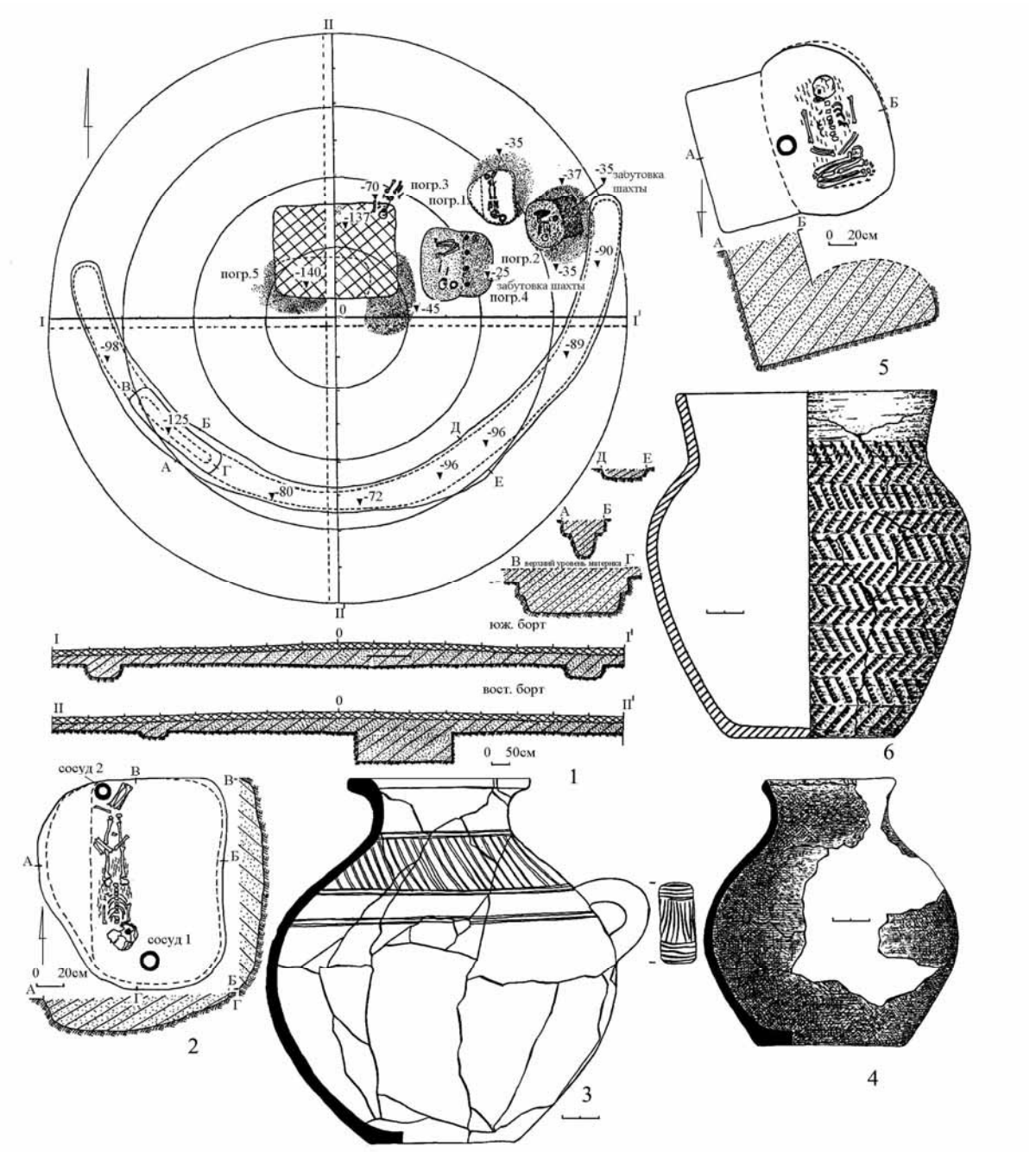


Рис. 11. *Зареченские курганы. Курган 8.*
1 – план и профили бровок; 2-4 – погребение 1; 5-6 – погребение 2

сосудов на краю восточной полы насыпи на уровне погребенной почвы.

Тризна представлена фрагментами не менее чем трех сосудов катакомбной культуры (рис. 10, 1-9). По всей вероятности, они были намеренно разбиты. Сосуды орнаментированы оттисками «личинки» и перевитого шнура, ногтевыми вдавлениями.

Погребение 1 (сарматская культура, впускное) обнаружено в центре кургана в насыпи на глубине 30 см от нулевой отметки и представляло собой плохо сохранившийся и вероятно разрушенный частично грызунами скелет подростка, лежавшего на грунте вытянуто на спине головой на юг (рис. 10, 10). Форма погребального сооружения не установлена. У черепа находилась деревянная плашка перекрытия, красноглиняная миска с плоским дном с прямым бортиком, сверху косо срезанным внутрь (рис. 10, 15). В ногах обнаружен неполный развал сероглиняного кувшина с округлым туловом и отколотым горлом (рис. 10, 14).

У левой руки лежал фрагмент бронзового плоского зеркала без бортика (рис. 10, 11), а у черепа – железный черешковый трехлопастной наконечник стрелы (рис. 10,

13), круглая плоская пастовая бусина черного цвета (рис. 10, 12).

Погребение 2 (катакомбная культура, основное) находилось в центре насыпи. Выкид из погребения зафиксирован фрагментарно на уровне погребенной почвы. Основная же его часть ушла на забутовку шахты.

Погребальное сооружение представляло собой остатки катакомбной конструкции (рис. 10, 16). К неровно-прямоугольной шахте 1,2-1,3 х 1,75 м, ориентированной по линии ЮЗ-СВ и углубленной в материк на 1,2 м, к ее длинной ЮВ стенке примыкала камера неровно-округлых очертаний 1,6 х 1,8 м глубиной 2,4 м в материке. Таким образом, высота ступеньки составила 1,2 м.

В заполнении шахты в северо-восточном углу обнаружена бронзовая височная подвеска круглого сечения с заходящими друг за друга концами (рис. 10, 17). В заполнении камеры найден фрагмент черепа ребенка.

КУРГАН 8

Находился у вершины лощины в группе, состоящей из курганов 6, 7, 9 (рис. 1, 1). Имел диаметр 16,0 м и высоту в среднем до 0,15-0,2 м (рис. 11, 1). В кургане обнаружено пять погребений и ровик, углубленный в материк и полукольцом окружавший центр насыпи.

Погребение 1 (сарматская культура, впускное) обнаружено в СВ поле насыпи в 5,0 м к СВ от нулевой отметки (рис. 11, 1). С СВ погребение полукольцом окружал выкид шириной до 0,5 м и толщиной до 0,1 м.

Погребальное сооружение представляло собой яму неровно-прямоугольных очертаний 1,25 х 1,55 м, ориентированную по линии С-Ю и углубленную в материк на 0,25 м (рис. 11, 2).

На полу ямы на органической подстилке черно-коричневого цвета лежал скелет ребенка вытянуто на спине, ориентированный головой на юг. Руки вытянуты вдоль скелета. У колен и у пяток погребенного лежали кости ног мелкого рогатого скота, а у головы и в ногах стояли два сосуда.

Сосуд 1 (рис. 11, 3) представляет собой сероглиняный гончарный кувшин с плоским дном, округлым туловом и относительно коротким горлом. Посредине тулова кувшин имеет небольшую ручку. По верху тулова проходят горизонтальные лощеные полосы, между которыми располагаются такие же наклонные полосы. В такой же технике орнаментирована внешняя сторона ручки.

Сосуд 2 (рис. 11, 4) представляет собой приземистый сероглиняный кувшин без ручки, относительно коротким плавно расширяющимся горлом. Край венчика оболоман, а толщина стенки здесь уменьшается. Не исключено, что кувшин имел в этом месте слив.

Погребение 2 (катакомбная культура, впускное) находилось на краю СВ полы кургана в 5,75 м к ВСВ от нулевой отметки (рис. 11, 1). С внешней стороны погребения его окружал материковый выкид овальных очертаний 1,8 х 2,2 м, ориентированный по линии С-Ю. Материковым выкидом была забутована шахта катакомбы и камера. Верхний уровень забутовки – подпахотный слой. Толщина выкида составляла до 0,12 м. Судя по уровню его залегания, он располагался на одном уровне – погребенной почвы.

Погребальное сооружение представляло собой остатки катакомбной конструкции (рис. 11, 5). Прямоугольная шахта 0,55 х 1,1 м была углублена в материк на 0,9 м и ориентирована по линии ЮЮВ-ССЗ. К ее длинной стенке с ВСВ примыкала овальная камера 0,9 х 1,3 м, углубленная в материк на 0,9 м.

На полу камеры на органической подстилке черного цвета лежал скелет женщины скорченно на спине, головой на ЮЮВ. Руки погребенной вытянуты вдоль скелета и согнуты в локтях, кисти располагались в районе таза. У ног погребенной обнаружена посыпка охры красного цвета.

Перед умершей стоял лепной глиняный сосуд с плавно расширяющимся к верху туловом и раструбным верхом (рис. 11, 6). Кроме венчика сосуд орнаментирован

оттисками перевитого шнура, образующими горизонтальную «елочку».

Погребение 3 (впускное) располагалось в 3,1 м к ССВ от нулевой отметки в насыпи на глубине 70 см от нулевой отметки (рис. 11, 1). Тип погребального сооружения не определяется.

Неполный скелет взрослого человека (отсутствует правая рука, кости голеней) лежал вытянуто на спине головой на ЮЮЗ (рис. 12, 1).

Погребение 4 (впускное) располагалось в 2,5 м к ВСВ от нулевой отметки (рис. 11, 1). Материкового выкида не содержало, им были полностью забиты шахта и камера катакомбной конструкции (рис. 12, 2). Верхний уровень забутовки шахты – подпахотный слой.

Прямоугольная шахта 0,8 х 1,76 м была углублена в материк на 1,9 м и ориентирована по линии С-Ю. В материковом заполнении шахты встречались древесные угли, а перед входом в камеру находились остатки четырех вертикально поставленных круглых в профиле деревянных столбиков диаметром 0,1-0,12 м. Причем столбы имели, судя по сохранившимся частям, заостренные окончания, углубленные в материк на 0,1 м. Столбы сохранились на высоту до 0,4-0,45 м от уровня материка.

У северной стенки шахты находились на полу костные останки мелкого рогатого скота (череп и кости ног).

С запада к шахте через ступеньку высотой 0,1 м примыкала овальной формы камера 1,2 х 2,0 м глубиной 2,0 м в материке. На полу камеры на органической подстилке черного цвета лежал скелет взрослого мужчины скорченно на правом боку, головой на юг. Положение рук погребенного не восстанавливается. Череп имеет явные признаки деформации.

У головы умершего лежали позвонки животного (мелкий рогатый скот), а перед лицом стоял лепной глиняный сосуд в виде горшка с плавно расширяющимся к верху туловом и коротким, почти прямо поставленным венчиком (рис. 12, 3). Нижняя часть венчика орнаментирована короткими вертикальными оттисками перевитого шнура, а тулово – горизонтальными оттисками этого же шнура в сочетании с оттисками «личинок».

Погребение 5 (основное) располагалось в центре насыпи в 0,5 м к северу от нулевой отметки (рис. 11, 1). Выкид из погребения находился на уровне погребенной почвы. Его первоначальная форма, по всей вероятности, была серповидной, и выкид располагался с севера могилы. Само погребение и большая часть выкида разрушена грабительским лазом – прямоугольной ямой 2,6 х 3,6 м, ориентированной по линии З-В и устроенной в центре кургана с незначительным смещение к северу.

Форма погребального сооружения не восстанавливается. В заполнении грабительского лаза обнаружено несколько костей рук взрослого человека.

Ровик серповидной формы находился с юга по отношению к центру кургана и, судя по его планиграфическому размещению, был связан с основным погребением 5 (рис. 11, 1). Он имел ширину от 0,7 до 1,25 м, глубину в основной своей части от 0,25 до 0,3 м, пологие стенки и плоское дно. В ЮЗ части ровика имеется прямоугольная яма 0,6 х 3,1 м, углубленная в дно на 0,6 м. В профиле она имеет наклонные стенки и закругленное дно. Заполнение ровика состояло из черной супеси. Находок в ровике не оказалось.

Данные стратиграфии свидетельствуют о том, что погребение 5, разрушенное грабительским лазом, являлось основным в кургане: выкид из погребения, частично сохранившийся рядом с лазом, располагался на уровне погребенной почвы. Погребения 2 и 4 являлись впускными, но их взаимное стратиграфическое соотношение не ясно, так как забутовка шахт фиксировалась с одинакового уровня – уровня подпахотного слоя. Судя по материалу, погребение 1 – наиболее позднее в кургане. Безинвентарное погребение 3 впущено в насыпь после ограбления кургана (часть скелета попала в площадь лаза, но не была им нарушена), но установить его стратиграфические позиции в кургане затруднительно.

КУРГАН 9

Находился в группе курганов, расположенных у вершины лощины (рис. 1, 1). Имел высоту в среднем 0,2-0,25 м и диаметр до 20,0 м (рис. 12, 4).

Находки в насыпи. В 3,0 м к СВ от нулевой отметки обнаружены две неорнаментированные стенки сосуда эпохи бронзы, а в центре – стенка катакомбного сосуда, орнаментированная расчесами по внешней поверхности и полуовальными вдавлениями (рис. 12, 5).

Погребение 1 (катакомбная культура, впускное) обнаружено в 2,8 м к СЗ от нулевой отметки в насыпи: на глубине 60 см от нее обнаружен плохо сохранившийся череп человека и глиняная «амфорка» – сосуд нетипичной формы с высоким прямым горлом, хорошо профилированными плечиками, на которых расположены четыре выступа-ушка со сквозными отверстиями. Плечики переходят в «тулово-ножку» (рис. 13, 1). Венчик сосуда орнаментирован четырьмя горизонтальными прочерченными линиями. Такие же линии в сочетании с округлыми вдавлениями расположены на центральной части сосуда. В нижней части орнамент выполнен прочерченными пересекающимися вертикальными и косыми линиями.

Погребение 2 (катакомбная культура, впускное) зафиксировано в восточной поле насыпи в 6,0 м к востоку от нулевой отметки (рис. 12, 4). Выкид материкового песка шириной от 1,0 до 2,0 м и толщиной до 0,15 м располагался полукольцом с запада погребения. Судя по данным стратиграфии, он наползает на первичную насыпь кургана.

Погребальное сооружение представляло собой остатки катакомбной конструкции (рис. 13, 2). Прямоугольной формы шахта с закругленными углами 0,7 х 1,4 м была ориентирована по лини З-В и углублена в материк на 0,7 м. Ее заполнение состояло из черной супеси.

С юга к длинной стенке шахты через ступеньку высотой 0,6 м примыкала овальная камера 0,9 х 1,7 м, углубленная в материк на 1,3 м. На материковом полу камеры, ближе к восточной стенке, лежали кости животного (челюсть и передние ноги), рядом с которыми стоял лепной глиняный сосуд (рис. 13, 3). Он представляет собой плоскодонный горшок с биконическим туловом и раструбным верхом. По всему сосуду горизонтальными, вертикальными и косыми линиями шнуром нанесен орнамент. В верхней части тулова орнамент выполнен округлыми вдавлениями, образующими треугольники вершинами вверх. Признаков человеческого захоронения не обнаружено.

Погребение 3 (основное) находилось в 3,0 м к ЗСЗ от нулевой отметки (рис. 12, 4). Выкид из погребения овальной формы 2,4 х 4,5 м и толщиной до 0,07 м располагался восточнее него. Судя по уровню его залегания, он находился на погребенной почве.

Погребальное сооружение представляло собой остатки неглубокой катакомбной конструкции (рис. 13, 4). К шахте округлой формы 1,0 х 1,0 м, углубленной в материк на 0,3 м с СЗ примыкала овальная камера 1,5 х 2,3 м, ориентированная по линии ЮЗ-СВ, имевшая такую же глубину. И шахта и камера имели одинаковое заполнение – черную супесь.

В южном углу камеры на полу найдена кость руки человека.

Погребение 4 (впускное) находилось в центре кургана неподалеку от нулевой отметки (рис. 12, 4). Выкид из погребения серповидной формы располагался с востока от могилы. Он имел ширину до 2,4 м и толщину до 0,12 м. С востока выкид располагался на уровне погребенной почвы, а ближе к центру и с юга поднимался на насыпь. Несмотря на данные планиграфии, нет уверенности в том, что выкид принадлежит погребению 4, которое имеет небольшие размеры. Возможно, что он относится к погребению 5, располагавшемуся в центре насыпи под нулевой отметкой и разрушенному грабительским лазом.

Погребальное сооружение представляло собой яму овальной формы 1,3 х 2,0 м, углубленную в материк на 0,4 м и ориентированную по линии ЮЗ-СВ (рис. 13, 5). Заполнение состояло из черной супеси.

Погребение 5 (катакомбная культура, впускное) находилось в центре насыпи

и было разрушено грабительской ямой (рис. 12, 4). Форма погребального сооружения из-за этого не восстанавливается.

В заполнении грабительского лаза найдены фрагменты костей взрослого человека (рис. 13, 6) и жаровня из придонной части сосуда (рис. 13, 7). Сосуд орнаментирован глубокими овальными вдавлениями.

Таким образом, основным в кургане являлось погребение 3, выкид из которого залегал на уровне погребенной почвы. Следом за ним устраиваются погребения 4 и 5: выкид из погребения 4 или 5 выше погребенной почвы, а его западная часть провалилась в грабительский лаз. Следом за этим в курган впускается погребение 2, выкид из которого плавно «наползает» на созданную насыпь – вторичную досыпку. Остается неясным место в обозначенной последовательности погребения 1, располагавшегося в насыпи.

КУРГАН 10

В отличие от рассмотренных выше курганов, располагался в западной части могильника (рис. 1, 1). Имел высоту до 0,2 м от уровня современной поверхности и диаметр до 14,0-15,0 м.

Находки в насыпи. В 5,0 м к ЗЮЗ в насыпи на глубине 25 см обнаружена небольшая стенка античного сосуда красно-оранжевого цвета.

В 1,5 м к СЗ от нулевой отметки на глубине 40 см от нее найден развал черепа взрослого человека.

Последние две находки связаны, по-видимому, с ограблением кургана: почти в самом его центре, ближе к северу, располагался перекоп примерно 3,0 х 3,5 м, уничтоживший одно из погребений кургана.

В кургане обнаружено три погребения и ровик.

Погребение 1 (сарматская культура, впускное) находилось на краю северной полы кургана в 5,0 м к северу от нулевой отметки (рис. 14, 1). Материкового выкида не имело, но с подпахотного слоя над погребением фиксировался перекоп насыпи, устроенный при его сооружении.

Погребальное сооружение представляло собой яму с подбоем (рис. 14, 2). Входная яма 0,55 х 1,3 м была углублена в материк на 0,7 м и ориентирована по линии З-В. С севера к ней примыкал подбой 0,45 х 1,25 м такой же глубины. Заполнение могилы состояло из черной супеси.

На материковом полу подбоя лежал скелет ребенка вытянуто на спине головой на восток. Руки умершего вытянуты вдоль скелета. У головы погребенного находился развал лепного глиняного сосуда в виде плоскодонного горшка с чуть вогнутой нижней частью тулова, плавно расширяющегося к верху (рис. 14, 3). Венчик плавно профилирован наружу, под ним расположены четыре сосцевидных налепа.

Погребение 2 (катакомбная культура, основное) находилось в центральной части кургана (рис. 14, 1). Выкид окружал погребение ровным полукольцом с запада, юга и севера. С восточной стороны он постепенно сходил на нет, образуя небольшой разрыв шириной до 1,0–1,3 м. Ширина выкида составила 0,8-1,0 м, толщина – до 0,1 м.

Погребальное сооружение представляло собой остатки катакомбной конструкции (рис. 14, 4). Шахта прямоугольной формы с закругленными углами 0,7 х 1,25 м была углублена в материк на 0,7 м и ориентирована по линии С-Ю. С запада к длинной стенке шахты через ступеньку высотой 0,3 м примыкала овальная камера 1,3 х 1,7 м глубиной 1,0 м в материке. Заполнение шахты и камеры состояло из черной супеси.

На полу камеры на органической подстилке черного цвета лежали кости взрослого человека не в анатомическом порядке (вероятно перезахоронение). С юга скелета отмечена посыпка костей и пола охрой красного цвета.

У западной стенки камеры стоял приземистый лепной глиняный сосуд-кубок (рис. 14, 5). По всему сосуду нанесен орнамент перевитым шнуром. В центральной части им оформлены концентрические круги. Вокруг сосуда и под ним отмечены древесные угли.

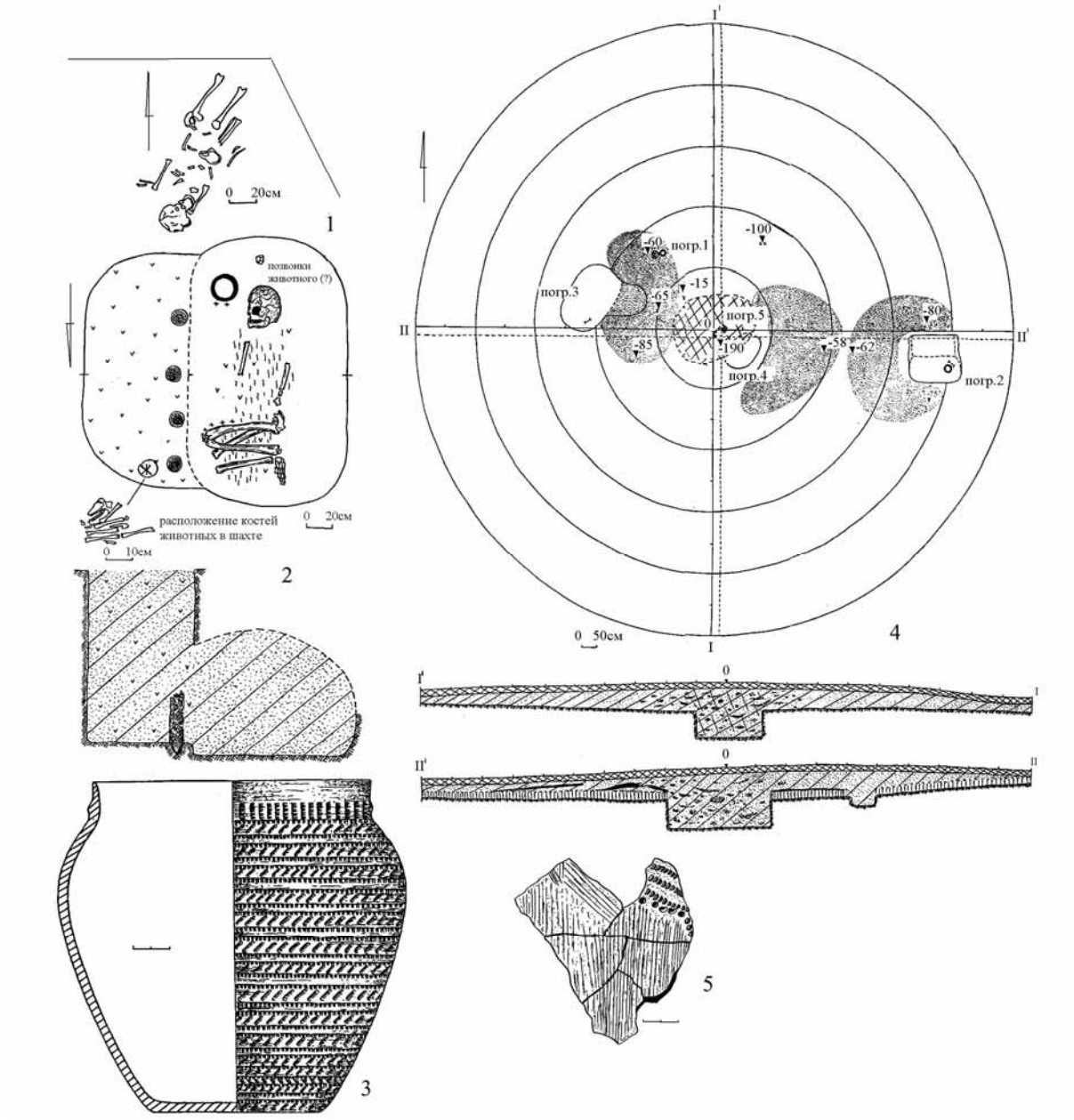


Рис. 12. *Зареченские курганы.*
Курган 8. 1 – погребение 3; 2, 3 – погребение 4.
Курган 9. 4 – план и профили бровок; 5 – фрагменты керамики из насыпи

Погребение 3 (сарматская культура, впускное) находилось неподалеку от центра кургана, примерно на 1,5 м смещаясь к СВ (рис. 14, 1). Полностью разрушено грабительским лазом прямоугольной формы с закругленными углами примерно 2,8 х 2,6 м, углубленным в материк до 0,9 м и ориентированным по линии ЮЗ-СВ. С СВ грабительского лаза расположены остатки серповидного выкида из разрушенного погребения. Верхний уровень его начинается с подпахотного слоя.

В перемешанном заполнении лаза найдена железная пряжка прямоугольной формы с чуть вогнутыми внутрь длинными сторонами (рис. 14, 6).

Ровик серповидной формы располагался с юга от центра кургана и, судя по планиграфическому его расположению, был связан с основным погребением 2 (рис. 14, 1). Ширина ровика составляла от 0,8 до 1,1 м при глубине 0,5-0,6 м. Стенки пологие, дно ровное. Заполнение состояло из черной супеси. В восточной части ровика на глубине 65 см от нулевой отметки обнаружены зубы крупного травоядного животного.

Стратиграфические наблюдения позволяют однозначно определить последова-

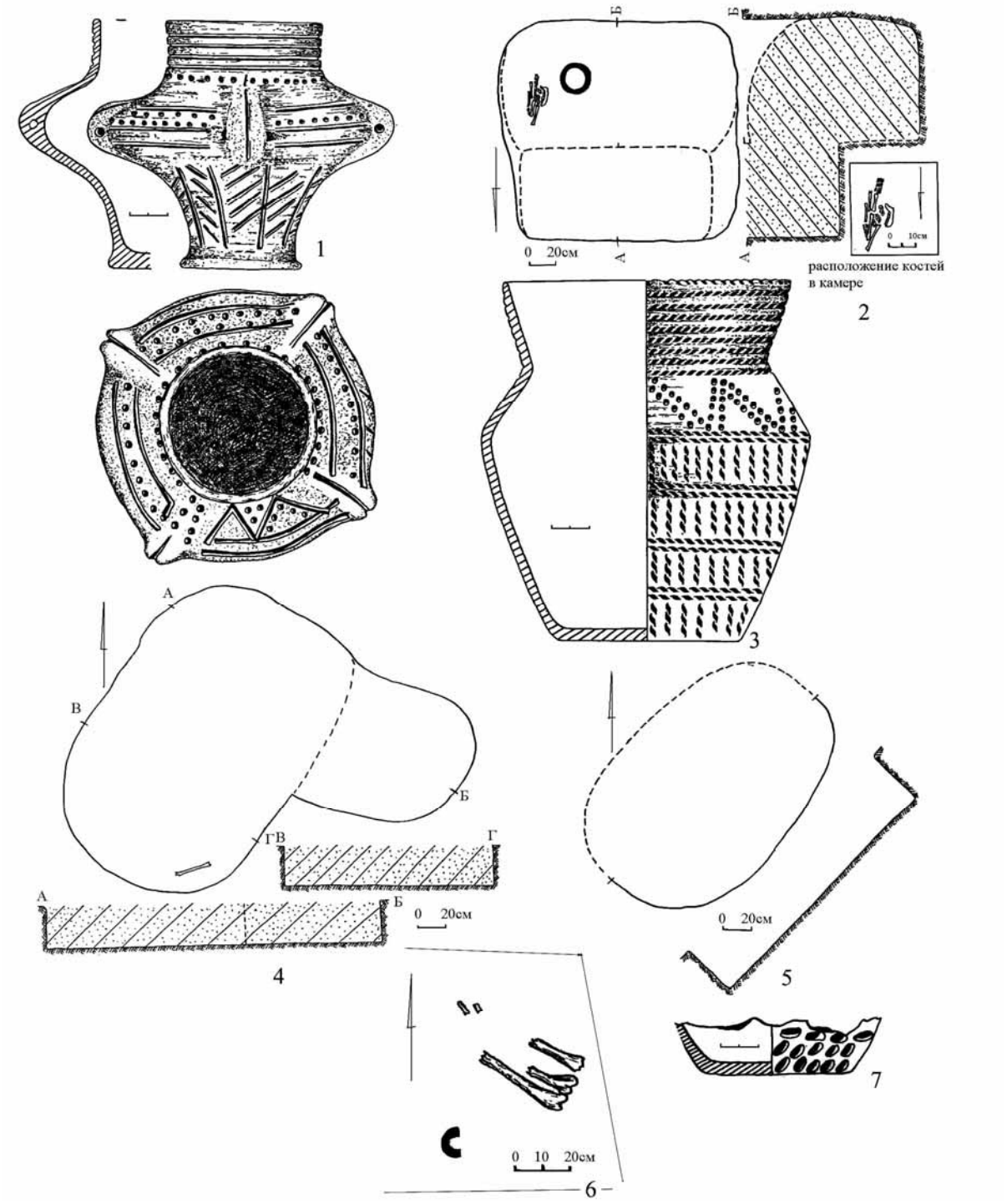


Рис. 13. *Зареченские курганы. Курган 9.*
1 – погребение 1; 2, 3 – погребение 2; 4 – погребение 3; 5 – погребение 4;
6 – погребение 5; 7 – погребение 6

тельность создания погребений в кургане: погребение 2, погребение 3, погребение 1.

КУРГАН 19

Находился в СЗ части могильника и был самым крайним в нем (рис. 15, 1). Курган имел высоту до 0,7 м и диаметр до 24,0 м (рис. 15, 1).

Находки в насыпи. В насыпи обнаружено четыре фрагмента лепной керамики эпохи бронзы – два венчика и две стенки (рис. 15, 2-5). Один из венчиков прямой, со скошенным внутрь краем (рис. 15, 2). По внешней поверхности оттисками «тесьмы» нанесен орнамент полуфестонами. Принадлежит сосуду катакомбной культуры.

Другой венчик (рис. 15, 4) с выраженным валиком по верху орнаментирован зубчатым штампом и овальными вдавлениями. Фрагмент принадлежит сосуду ката-

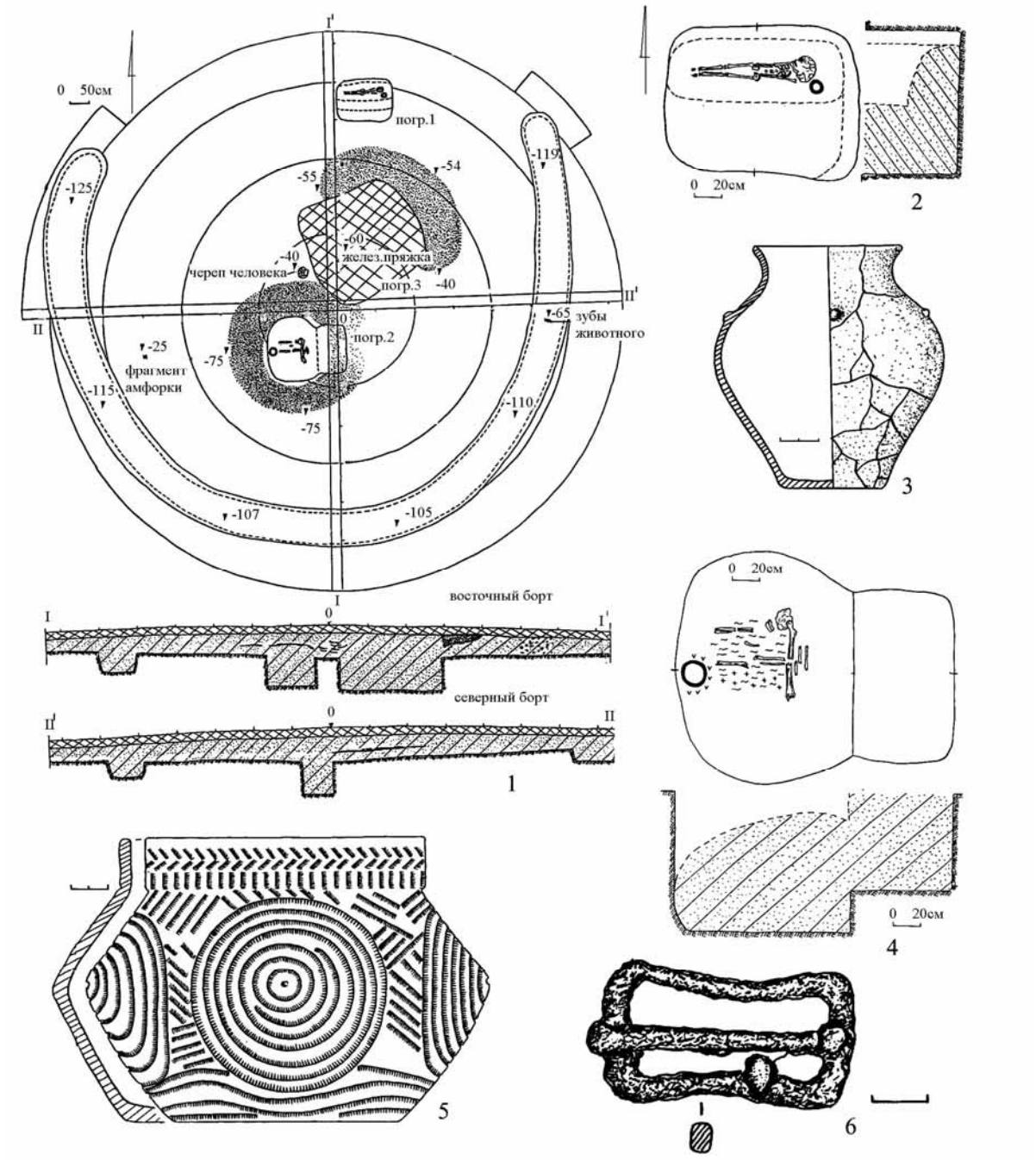


Рис. 14. *Зареченские курганы. Курган 10.*
1-3 – погребение 1; 4, 5 – погребение 2; 6 – погребение 3

комбной культуры.

Обе стенки (рис. 15, 3, 5) принадлежат разным сосудам катакомбной культуры и орнаментированы зубчатым штампом, перевитым шнуром и небольшими круглыми вдавлениями (рис. 15, 3).

В кургане обнаружен грабительский лаз, разрушивший центральную и северную части насыпи и пять погребений.

Погребение 1 (средневековье, впускное) находилось в западной поле кургана в 8,0 м к западу от нулевой отметки (рис. 15, 1). Представляло собой захоронение коня в насыпи кургана (рис. 15, 7). Конь лежал на спине, конечности задних ног отсутствовали. Передние конечности согнуты в суставах. Голова животного отчленена и находилась в 0,3 м к ВСВ от скелета. Шейные позвонки отсутствовали. Общая ориентировка коня – головой на восток с отклонением к ВСВ.

Под задними конечностями животного находилась жертвенная яма цилиндриче-

ской формы диаметром 0,9 м и глубиной 0,4 м в материке. Заполнение ее состояло из черной «жирной» супеси. Подобная яма, но меньших размеров, располагалась под головой коня. Ее диаметр 0,6 м, глубина 0,3 м в материке.

У передних ног коня лежали две железные подковы (рис. 15, 8). У черепа – принадлежности конской сбруи: железные кольца (рис. 15, 9-12), остатки кожаного ремня (рис. 15, 13), железные прямоугольной формы пряжки (рис. 15, 14-16), железные двусоставные удила с кольцами (рис. 15, 17). Установить культурно-хронологическую позицию погребения сложно. Вполне вероятно его отношение к эпохе Золотой Орды. Так или иначе, отсутствие человеческого погребения наводит на мысль о том, что оно было уничтожено в центре кургана грабительским лазом.

Погребение 2 (катакомбная культура, впускное) располагалось в СЗ части насыпи в 4,0 м к СЗ от нулевой отметки (рис. 15, 1). Материкового выкида погребение не содержало.

Погребальное сооружение представляло собой остатки катакомбной конструкции (рис. 16, 1). Шахта овальных очертаний 1,4 х 1,7 м была углублена в материк на 0,95 м и ориентирована по линии ЮЗ-СВ. Заполнение состояло из черной супеси.

С СЗ к длинной стенке шахты через ступеньку высотой 0,1 м примыкала овальной формы камера 1,05 х 1,7 м, углубленная в материк на 1,05 м. Заполнение ее аналогично заполнению шахты.

На полу камеры на органической подстилке черно-коричневого цвета ближе к выходу из камеры лежал скелет человека скорченно на правом боку, головой на ЮЗ. Левая рука вытянута вдоль скелета в сторону, правая отсутствовала. Череп погребенного имел явные признаки деформации. В ногах погребенного отмечена посыпка охрой бурого цвета. Перед скелетом лежал астрагал животного. Другой астрагал найден ближе к СВ стенке камеры рядом с мелкими истлевшими костями животного.

Перед лицевой частью черепа стоял лепной глиняный сосуд с округлым туловом и раструбным верхом (рис. 16, 2). Венчик орнаментирован пятью рядами «тесьмы». В верхней части тулова орнамент выполнен «тесьмой», образующей «полуфестоны», нижняя часть – личинками, образующими горизонтальную «елочку».

Погребение 3 (катакомбная культура, впускное) находилось в 4,0 м к ВСВ от нулевой отметки (рис. 15, 1). С СВ от погребения располагался материковый выкид серповидной формы шириной от 2,0 до 3,0 м и толщиной до 0,1 м. Выкид «наползает» на первичную насыпь, что фиксировалось в бровке II-II.

Погребальное сооружение представляло собой остатки катакомбной конструкции (рис. 16, 3). Шахта имела прямоугольную форму с закругленными углами 1,15 х 1,5 м глубиной 0,9 м в материке и была ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. Заполнение состояло из черной супеси.

С ЗЮЗ к длинной стенке шахты примыкала камера неровноовальных очертаний 1,7 х 2,3 м, углубленная в материк, как и шахта на 0,9 м. Заполнение состояло из черной супеси, перемешанной с материковым песком (обвал свода).

На материковом полу камеры в ее ССЗ части лежали голени взрослого человека. С СВ от них – посыпка красной охрой.

У ЮЮВ стенки камеры обнаружен лепной глиняный сосуд и каменное изделие из плотного песчаника фиолетово-серого цвета. Сосуд (рис. 16, 4) представляет собой горшок с биконическим туловом и раструбным верхом. Верх венчика косо срезан наружу. По венчику орнамент выполнен прочерченными линиями в виде треугольников вершинами вверх. Верхняя часть тулова орнаментирована насечками, образующими горизонтальные линии, нижняя часть тулова – прочерченными линиями в виде горизонтальной и вертикальной «елочки».

Каменное изделие (рис.6, 5) представляет собой многофункциональное орудие, на котором зафиксированы следы, происхождение которых связано с растиранием твердых пород (верхняя часть). Отмечены и следы, вызванные использованием изделия в качестве абразива (боковые поверхности).

Погребение 4 (катакомбная культура, впускное) обнаружено в 4,5 м к ЮВ от нулевой отметки (рис. 15, 1). Материкового выкида погребение не содержало, так как им была полностью и плотно забутована шахта катакомбы. Верхний уровень забутовки – уровень подпахотного слоя.

Шахта прямоугольной формы с сильно закругленными углами 1,1 х 1,4 м была углублена в материк на 0,6 м и ориентирована по линии ЮЗ-СВ (рис. 16, 6). В центре шахты на полу лежали челюсть и кости ног мелкого рогатого скота.

С СЗ к длинной стенке шахты через ступеньку высотой до 0,1 м примыкала овальная камера 1,5 х 1,6 м, углубленная в материк на 0,7 м. Заполнение состояло из черной супеси. В центральной части камеры обнаружены остатки органической подстилки черного цвета, а у ступеньки – посыпка красной охры.

В южном углу камеры находился неполный развал лепного глиняного сосуда (половина горшка), вероятно жаровня (рис. 16, 7). Половинка лежала на боку, а с внутренней стороны она имела черный закопченный цвет. Горшок имеет высокое биконическое тулово и раструбный венчик. По венчику проходят два горизонтальных ряда валиков и четыре ряда горизонтально расположенных пальцевых защипов. Тулово орнаментировано рядами перевитого шнура в виде треугольников, рядами вертикальных и косых валиков.

Погребение 5 (впускное) находилось в 2,7 м южнее нулевой отметки (рис. 15, 1). Небольшой серповидной формы выкид материкового песка располагался с юга погребения. Его ширина до 0,1 м, длина до 2,0 м, толщина 0,05-0,07 м. Уровень залегания выкида соответствует уровню погребенной почвы.

Погребальное сооружение представляло собой яму овальной формы 1,0 х 1,6 м, углубленную в материк на 0,3 м и ориентированную по линии ЮЗ-СВ. Заполнение состояло из черной супеси. Признаков захоронения не отмечено (кенотаф?).

Грабительский лаз в виде шурфа 4,8 х 5,4 м глубиной 0,6 м в материке прорезал центр кургана и видимо уничтожил основное погребение под первичной насыпью. Остатки выкида из него отмечены в виде овального пятна с ЮЗ от лаза. Уровень его залегания соответствует уровню погребенной почвы. С севера к шурфу проходит грабительская траншея шириной 3,0 м и длиной до 7,0 м, которая, не углубляясь в материк, соединялась с шурфом. В заполнении грабительского лаза найдены фрагменты дерева перекрытия, несколько костей животных и человека, а также каменное изделие (рис. 15, 6). Оно представляет собой орудие в виде топора без отверстия со следами сработанности на его поверхностях.

Стратиграфия наслоений в кургане 19 дает возможность следующим образом восстановить последовательность устройства погребений в кургане. Основное погребение располагалось по центру насыпи и было уничтожено грабительским лазом. По-видимому, одновременно с ним был устроен кенотаф (погребение 5) или жертвенная яма. Следом за этими погребениями следует погребение 3, выкид из которого плавно «наползает» на первичную насыпь. Скорее всего, синхронным погребению 3 является погребение 2, выкид из которого большей частью уничтожен перекопом. Затем следует погребение 4, верхний уровень забутовки которого был выше уровня залегания выкида из погребения 3.

КУРГАН 22

Находился в ЮЗ части могильника и был крайним в этом направлении (рис. 1, 1). Высота насыпи составила до 0,1 м над уровнем современной поверхности, а диаметр до 14,0 м, хотя истинные размеры насыпи установить невозможно из-за незначительной высоты кургана.

В кургане обнаружено три погребения.

Погребение 1 (срубная культура, впускное) обнаружено в 3,5 м к ССВ от нулевой отметки. Материковый выкид серповидной формы шириной до 2,0 м, длиной до 4,0 м и толщиной до 0,1 м располагался с СВ от погребения (рис. 17, 1). Начиная от края полы насыпи выкид плавно поднимается на первичную насыпь.

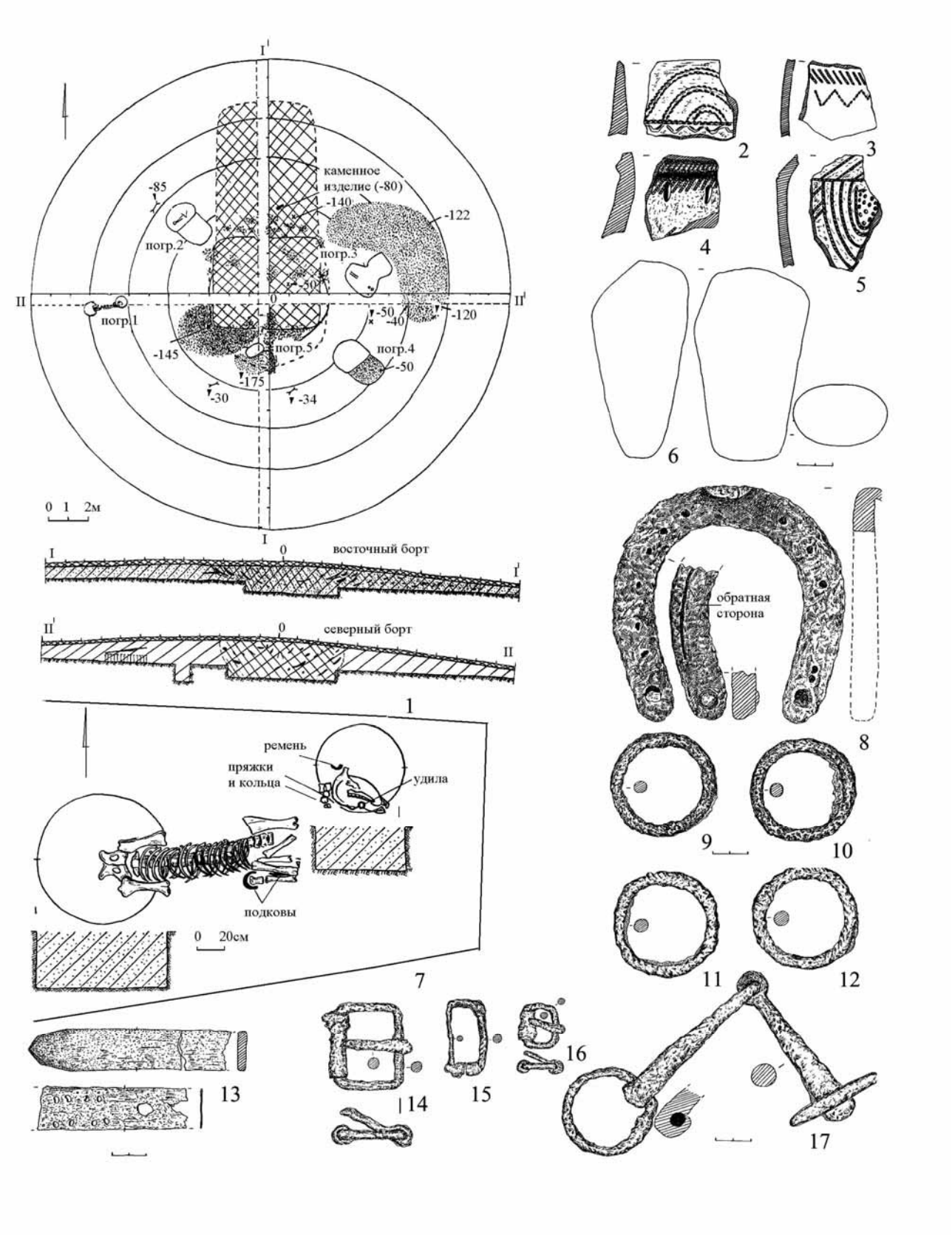


Рис. 15. *Зареченские курганы. Курган 19.*
1 – план и профили бровок; 2-5 – керамика из насыпи; 6 – каменное изделие из насыпи; 7-17 – погребение 1

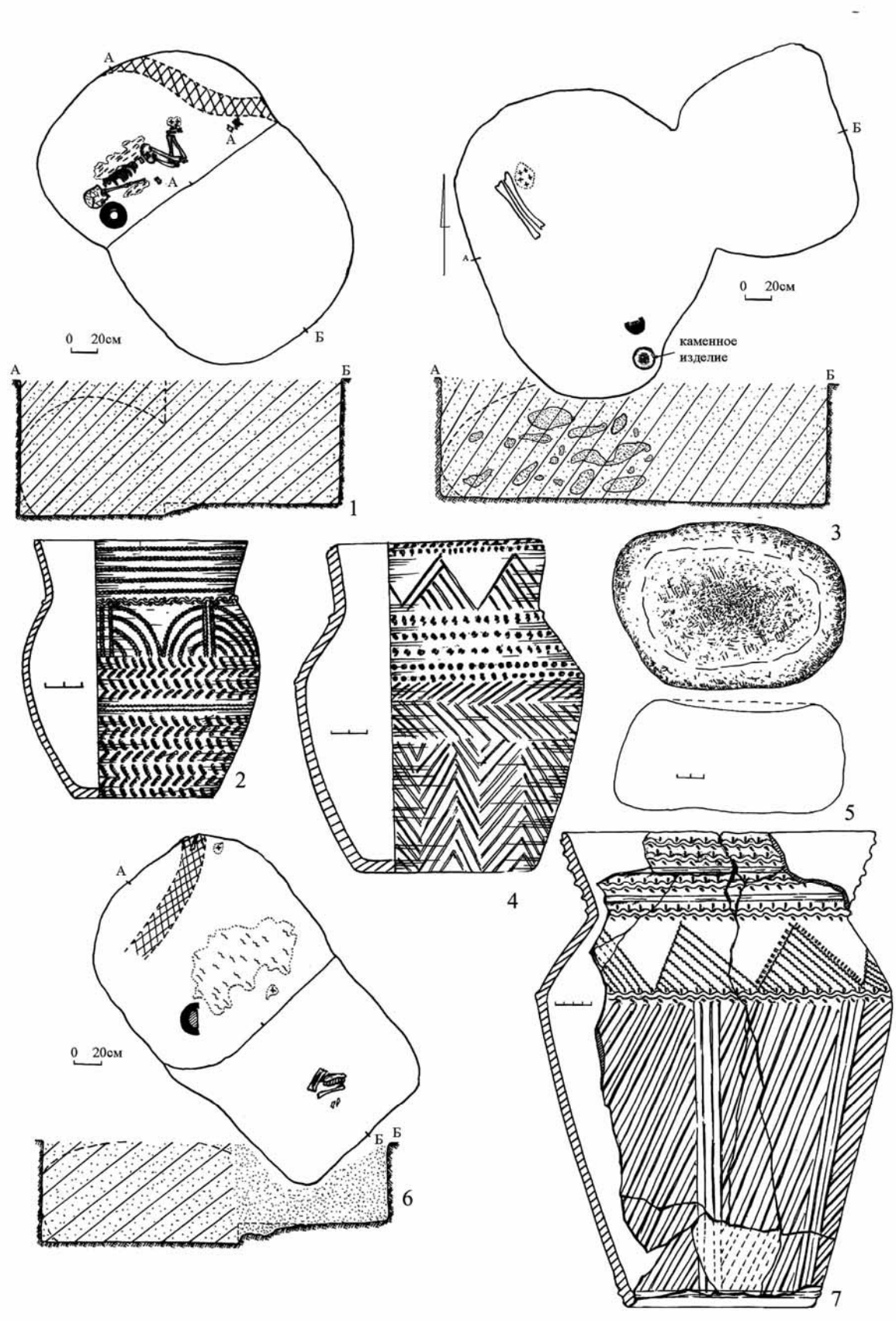


Рис. 16. *Зареченские курганы. Курган 19.*
1, 2 – погребение 2; 3-5 – погребение 3; 6, 7 – погребение 4

Погребальное сооружение представляло собой яму прямоугольной формы с сильно закругленными углами 1,2 х 1,8 м, углубленную в материк на 0,4 м и ориентированную по линии ЮЗ-СВ (рис. 17, 2). Заполнение состояло из однородной черной супеси.

На материковом полу насыпи обнаружены останки человеческого скелета – кости руки, ноги и зубы, по которым можно предполагать положение погребенного скорченно на левом боку головой на СВ.

Сосуд 1 (рис. 17, 5) найден у ЮВ стенки на полу. Он представляет собой неорнаментированный горшок с плавно расширяющимся к верху туловом и коротким резко отогнутым наружу венчиком. У СВ угла могилы выше уровня материка (-50 см от нулевой отметки) в насыпи найден сосуд 2.

Сосуд 2 (рис. 17, 6), судя по уровню его нахождения, вероятно, стоял на краю перекрытия могилы. Он представляет собой банку с плавно расширяющимся к верху туловом и чуть загнутым внутрь верхом. Орнамент нанесен по верхней части сосуда тремя прочерченными линиями, под которыми расположены овальные вдавления-насечки. С внутренней стороны – следы грубых расчесов.

У СЗ стенки обнаружено бронзовое четырехгранное в сечении шило (рис. 17, 4). Рядом с зубами человека найдена бронзовая височная подвеска овальной формы с несомкнутыми окончаниями (рис. 17, 3).

Погребение 2 (срубная культура, основное) находилось ближе к центру кургана, смещаясь на СВ (рис. 17, 1). Погребение сооружено в насыпи и представляло собой неполный скелет жеребенка, около которого находились два сосуда (рис. 17, 7).

Сосуд 1 (рис. 17, 8) представлял собой неорнаментированный горшок с плавно расширяющимся к верху туловом и коротким плавно профилированным наружу венчиком.

Сосуд 2 (рис. 17, 9) также горшковидной формы и не орнаментирован. Тулово плавно расширяется к относительно широкому верху. Венчик плавно профилирован наружу.

Погребение 3 (срубная культура, впускное) располагалось в 5,5 м к СЗ от нулевой отметки на краю СЗ полы насыпи (рис. 17, 1). Из погребения происходит материковый выкид серповидной формы, окружавший могилу с ЮЮЗ. ЮВ часть выкида плавно поднимается на первичную насыпь, а СЗ находилась на уровне погребенной почвы. Ширина выкида до 2,0 м, толщина составляет 0,05 м.

Погребальное сооружение представляет собой яму почти подквадратной формы 1,6 х 1.7 м с сильно закругленными углами, углубленную в материк на 0,4 м и ориентированную по линии ЮЮЗ-ССВ (рис. 17, 10). У ССВ стенки на органической подстилке бурого цвета (возможно, кора дерева) лежали бедренные кости человека.

Стратиграфические данные кургана не позволяют установить, какое погребение следует за основным погребением 2.

Таким образом, в девяти курганах было исследовано 43 погребения, абсолютное большинство которых (25 погребений) принадлежит среднедонской катакомбной культуре (культурная принадлежность девяти погребений не определена).

Авторам раскопок осталось неясным происхождение энеолитической керамики в двух курганах могильника. Высказывалось предположение о возможности нахождения на месте могильника энеолитического поселения, но дальнейшие раскопки и поиски поселения этого предположения не подтвердили. Т.Ю. Березуцкая не исключила возможности сочетания в одном кургане энеолитического и катакомбного погребальных обрядов, ссылаясь на подобное сочетание, отмеченное А.Т. Синюком в кургане 7 Сасовского могильника (Березуцкая Т..Ю., 2003, с. 71).

Катакомбные погребения разновременны. Судя по керамическому материалу, наиболее древними являются погребения 4 и 5 в кургане 3. Именно для раннего этапа существования среднедонской катакомбной культуры характер-

ны короткогорлые горшки, орнаментированные шнуром, перевитым шнуром и «личинками» (Синюк А.Т., 1983, рис. 43; Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В.И., 1991, с. 6). Форма и орнаментация сосуда из погребения 2 в кургане 10 также позволяют соотнести последнее с этим же периодом.

Погребения 8 и 9 в кургане 2, скорее всего, могут быть соотнесены с концом раннего началом развитого этапов среденедонской катакомбной культуры. Из этих погребений происходят сосуды с высоким горлом, но с архаическим орнаментом (орнамент выполнен тесьмой, шнуром или «личинками», образующими горизонтальную «елочку»).

К развитому этапу относятся погребения: 2/1, 2/2, 2/7; 3/1, 3/7; 7/2; 8/2, 8/4; 9/2; 19/2; 19/3. Ведущим типом керамики данных погребений является среденедонской горшок с высоким раструбовидным горлом. На многих сосудах переход от венчика к тулову отмечен небольшим оттянутым валиком. Для большинства сосудов, происходящих из рассматриваемых погребений, характерна трехзонность размещения орнамента: как правило, это горизонтальные линии на венчике; треугольники вершиной вверх или фестоны – на верхней части тулова; вертикальная или горизонтальная «елочка», косые и вертикальные линии на нижней.

С поздним этапом существования среденедонской катакомбной культуры можно соотнести погребения 1-6 в кургане 6. Основным в этом кургане является погребение 1, сопровождавшееся высокогорлым горшком, орнаментированным налепными валиками, и бронзовым ножом с сужающимися к окончанию гранями, что является поздним признаком (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В.И., 1991). Исходя из стратиграфических наблюдений, одновременными являются погребения 2-5, содержащие сосуды, орнаментированные и валиками, и прочерченными линиями. К этому же этапу относится погребение 1 в кургане 9 с «амфоркой», орнаментированной прочерченными линиями (доминирование прочерченной орнаментации маркирует финал среднедонской культуры (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В.И., 1991, с. 9), и погребение 4 из кургана 19.

Нельзя не отметить черты инокультурного влияния, проявляющиеся в некоторых сосудах из рассматриваемых погребений. Сосуд из погребения 10/2 – это кубок донецкого типа, орнаментированный оттисками перевитого шнура в форме концентрических кругов. Аналогичная керамика широко известна на Донетчине (Смирнов А.М., 1996, рис. 10, 1-13; рис. 11, 1-3), а на Среднем Дону близкие по форме сосуды характерны, в основном, для раннего этапа существования среденедонской катакомбной культуры (Частые Курганы 43/2 (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В.И., 1991, рис. 2, 6); I Власовский могильник 1/4 (Синюк А.Т., 1996, рис. 26, 4).

Обращает на себя внимание сосуд из погребения 7 в курагане 3. Это высокогорлый сосуд, орнаментированный оттисками шнура. Нетипичной является орнаментация ромбами, характерная в большей степени для сосудов абашевской культуры.

Нехарактерным для среденедонской культуры является и горшок из погребения 4 в кургане 8. Близкие по форме сосуды известны, в основном, в материалах позднедонецких памятников (Братченко С.Н., 1976, рис. 29, 5-6; Смирнов А.М., 1996, рис. 45, 8-10).

Говоря об инокультурных традициях, нельзя не отметить амфорку из кургана 9 погр. 1 (рис. 13, 1) (типологически этот сосуд близок к отделу V, гр. Б, по классификации С.Н. Братченко). Самые близкие аналогии зареченскому сосуду – это амфорки из погребений катакомбной общности Ингула (Пустовалов С.Ж., 1998, рис. 7-9; Чмыхов Н.А., 1977) (именно с этой культурой и связывают их происхождение (Шапошникова О.Г., Бочкарёв В.С., Шарафутдинова И.Н., 1977, с. 30-33), Донетчины (Смирнов А.М., 1996, рис. 34, 40, 46: Братченко С.Н., Санжаров С.М., 2001, рис. 3) и Северного Приазовья (Санжаров С.М., 1991, рис. 5), но здесь это небольшие сосуды с высоким прямым горлом, низким, часто шаровидным туловом и обычно четырьмя (реже –

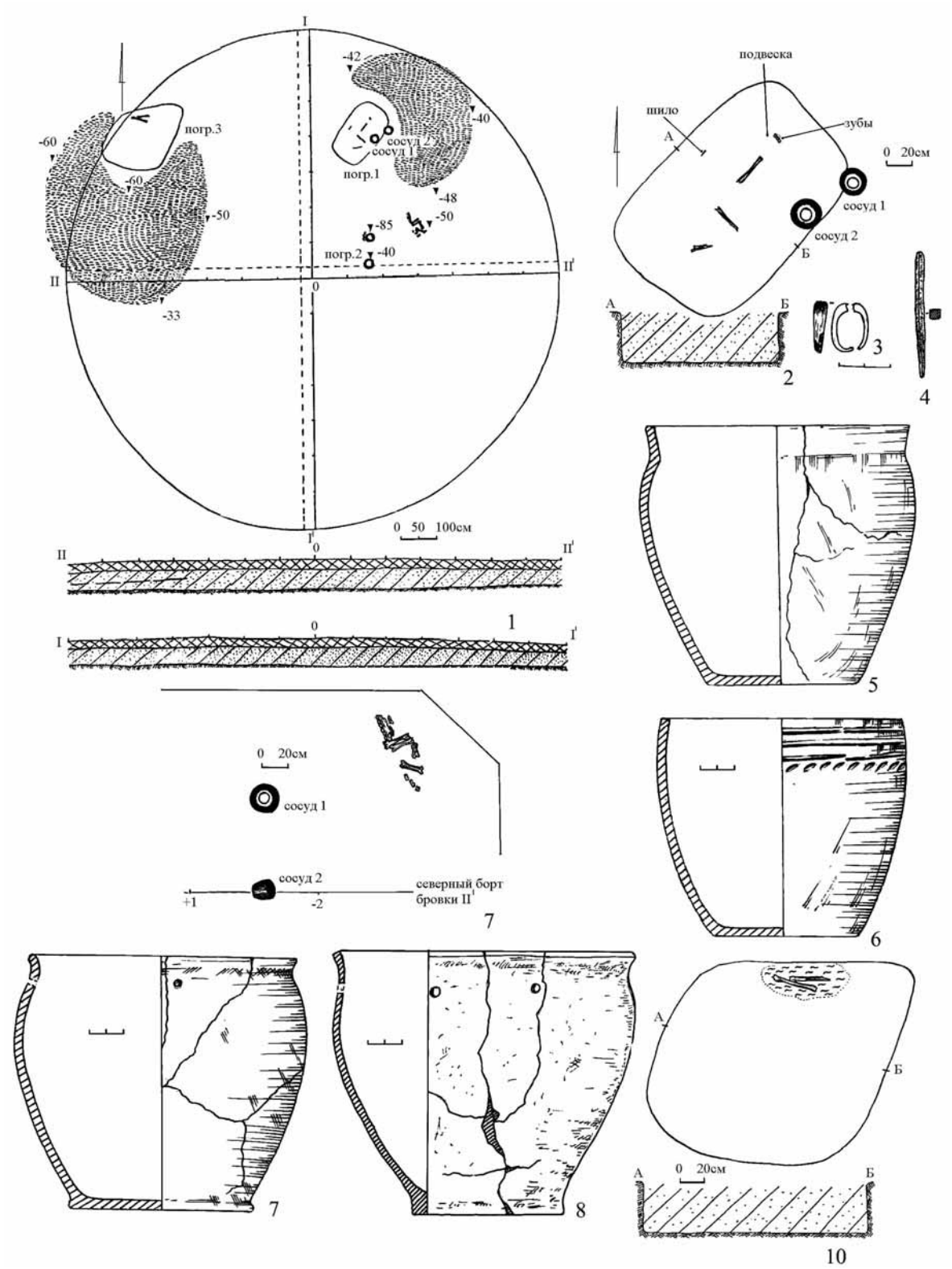


Рис. 17. *Зареченсике курганы. Курган 22.*
1 – план и профили бровок; 2-6 – погребение 1; 7-9 – погребение 2; 10 – погребение 3

двумя) ушками с отверстиями, расположенными в верхней части тулова, орнаментированные прочерченными линиями и наколами в виде горизонтальных рядов в сочетании с треугольниками вершинами вверх или вниз. Именно к этому типу относится сосуд из зареченского могильника погребения 2/6.

Интересен материал погребения 4 в кургане 19. По форме и орнаментации сосуд из него напоминает сосуды культуры многоваликовой керамики, но при этом захоронение было совершено согласно катакомбной традиции.

В зареченских курганах обнаружено четыре погребения сарматской культуры (одно ограбленное). Судя по данным погребального обряда и вещественному материалу из погребений, они относятся к I-II вв. н.э. Этому не противоречит южная ориентировка погребенных (курган 7, погр. 1; курган 8, погр. 1) и погребальный инвентарь, в особенности сероглиняная посуда (рис. 11, 3,4). По всей вероятности, южную ориентировку имел погребенный в кургане 2 (погр. 6). Происходящая из погребения сероглиняная кружка с округлым туловом и коротким горлом, расширяющимся к верху (тип 3, по М.П. Абрамовой) типична для I-начала II вв. Центрального Предкавказья, хотя подобные сосуды появляются в более ранний период – III-I вв. до н.э. (Абрамова М.П., 1993, с. 48, рис. 13, 32,36). То же можно сказать и о другой сероглиняной посуде из погребений.

Глиняные сосуды с сосцевидными налепами на плечиках обычны для позднесарматских могильников (Скрипкин А.С., 1984, с. 49-51). Погребение 1 из кургана 10 может быть датировано I-II вв., не исключено - началом III в.

Железные прямоугольные пряжки нередко встречаются в сарматских погребениях I-II вв. (Абрамова М.П., 1993, рис. 58, 8, 9; Ильюков Л.С., Власкин М.В., 1992, рис. 29, 11).

Абрамова М.П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в до н.э. – IV в. н.э.). М.

Березуцкая Т.Ю., 2003. Среднедонская катакомбная культура и ее локальные варианты. Воронеж.

Березуцкий В.Д., 1991. Отчет об археологических исследованиях в Воронежской и Тамбовской областях в 1991 г. // Архив ИА РАН.

Березуцкий В.Д., 1997. Отчет об археологических исследованиях в Воронежской области в 1997 г. // Архив ИА РАН.

Березуцкий В.Д., 1998. Отчет об археологических исследованиях в Воронежской области в 1998 г. // Архив ИА РАН.

Березуцкий В.Д., 1999. Отчет об археологических исследованиях в Воронежской области в 1999 г. // Архив ИА РАН.

Братченко С.Н., 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев.

Братченко С.Н, Санжаров С.М., 2001. Рідкісні бронзові знаряддя катакомб сіверськодонеччини та донщини III тис. до н.е. Луганськ.

Ильюков Л.С., Власкин М.В., 1992. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В.И., 1991. Среднедонская катакомбная культура: происхождение, этапы развития. Воронеж.

Пустовалов С.Ж., 1998. О росписях на дне катакомб ингульской культуры и о проблемах этносоциальной реконструкции катакомбного общества Северного Причерноморья //Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж. С.22-52.

Санжаров С.Н., 1991. Позднекатакомбные погребения из Северо-Восточного Приазовья. Киев. 1991. С.235-253.

Синюк А.Т., 1983. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж.

Синюк А.Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж.

Синюк А.Т., 1996. Отчет об археологических исследованиях в Воронежской области в 1996 г. // Архив ИА РАН.

Скрипкин А.С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов.

Смирнов А.М., 1996. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.

Чмыхов Н.А., 1977. К семантике орнаментальных схем катакомбной культуры// Некоторые вопросы археологии Украины. Киев. С.22-52.

Шапошникова О.Г., Бочкарёв В.С., Шарафутдинова И.Н., 1977. О памятниках эпохи меди - ранней бронзы в бассейне р. Ингула//Древности Поингулья. Киев. С.7-36.

Килейников В.В.
(Воронеж, ВГПУ)

Каменные навершия булав бронзового века лесостепного Подонья

В материальных комплексах памятников бронзового века лесостепного Подонья и среди случайных находок выделяется оригинальный тип каменных изделий – навершия булав. По определению М.В. Горелика, булава является оружием ударного действия, используемым в ближнем бою для нанесения противнику внутренних переломов и тяжелых контузий (Горелик М.В., 1993, с. 57). Булава относится к составному оружию, включающему каменное или металлическое навершие, закрепленное на деревянной рукояти.

На территории лесостепного Подонья мне известно двадцать экземпляров каменных наверший булав (рис. 1). Четырнадцать предметов уже получили общую типологическую оценку в публикациях, посвященных характеристике тех или иных погребальных комплексов и материалов поселений. Кроме того, в двух тезисных заметках была сделана попытка обобщения сведений о навершиях булав с рассматриваемой территории (Клоков А.Б., 1995, с. 17; Мельников Е.Н., 1999, с. 77-80). Шесть находок впервые вводятся в научный оборот в данной статье [1].

Каменные навершия булав происходят из погребений и курганных насыпей (соответственно 12 и 3 экземпляра), культурного слоя поселений (1 экземпляр) или являются случайными находками (4 экземпляра). При типологической классификации наверший булав учитывались известные в литературе подходы (Братченко С.Н., 1976, с. 55, 99, 144-147, 151-152, рис. 75; Малов Н.М., 1991, с. 33-36, рис. 6-7; Клоков А.Б., 1995, с. 17), предусматривающие как определение формы навершия, так и измерительные параметры, выраженные индексом соотношения высоты навершия (L) к его диаметру (B). Однако, в предлагаемых вариантах классификации отсутствует корректность в выборе основных критериев. Так, шаровидный и грушевидный типы наверший определяются по форме продольного (вдоль линии отверстия) профиля изделия, а крестовидный тип – по форме поперечного профиля (или плана навершия булавы).

В целях устранения этого противоречия предлагается следующий вариант типологической классификации, уровни которого основаны на едином признаке. Все навершия булав относятся к одному типу оружия как по формальным показателям, так и по функциональному назначению. В этом типе выделяются по форме поперечного сечения профиля три подтипа наверший: круглый (I), крестовидный (II) и аморфный (III). Каждый подтип включает варианты, определяемые по форме продольного профиля навершия, с учетом индекса соотношения его высоты и диаметра (L/B).

В подтип круглых наверший (I) входят следующие варианты:

I-а – шаровидный;

I-б – шаровидный с бортиком в основании;

I-в – эллиптический;

I-г – эллиптический с бортиком в основании и продольным рельефом;

I-д – грушевидный;

---

[1] Выражаю благодарность А.Д. Пряхину и К. Ю. Ефимову за разрешение на использование в статье неопубликованного материала.

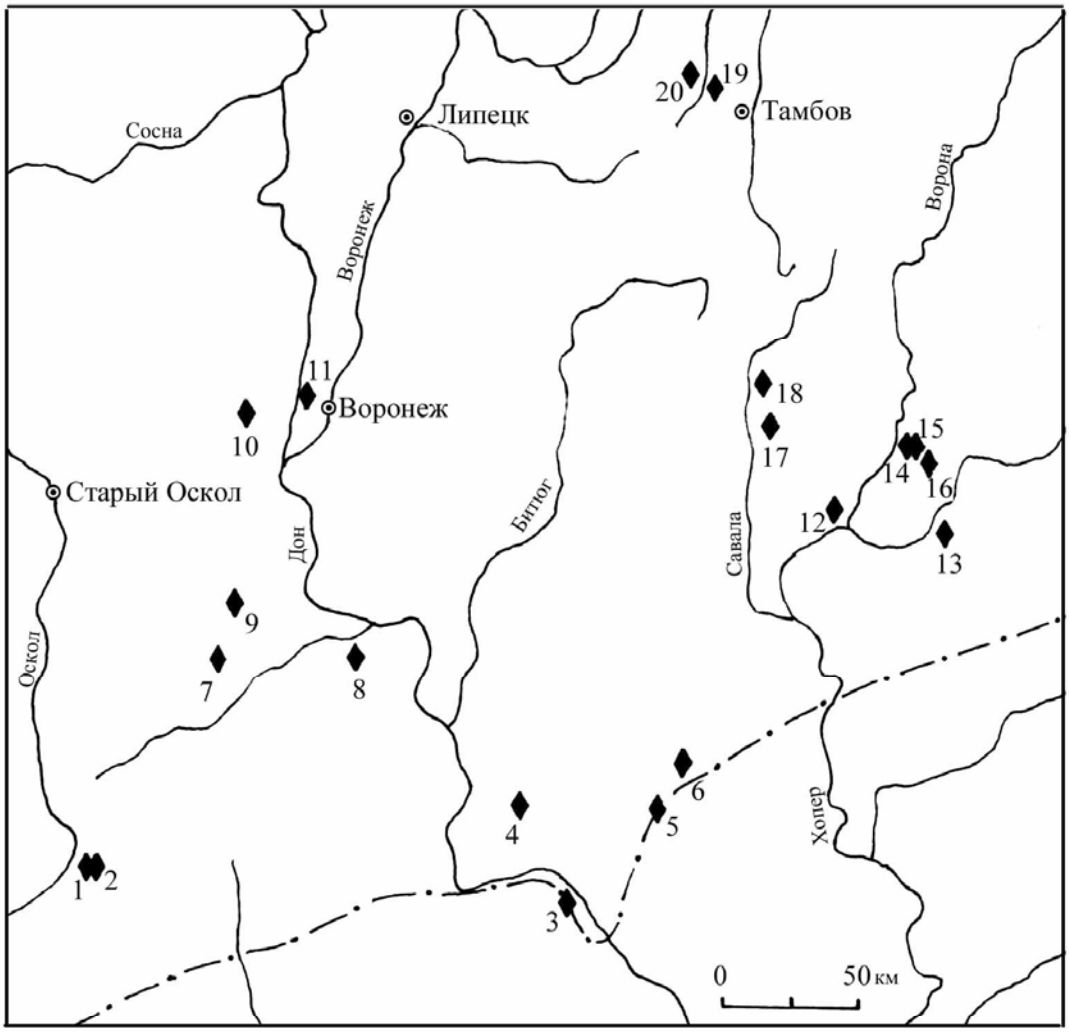


Рис. 1. *Карта находок каменных наверший булав в лесостепном Подонье.*
1-2 – Кубаева могила; 3 – Богучар 1; 4 – Павловск; 5 – Ширяево; 6 – Калач;
7 – Грушевая Поляна; 8 – Дармодехинское; 9 – Терновое;
10 – Дальние (Красные) Солонцы; 11 – Подклетное; 12 – Теллермановский лес;
13 – Мазурки; 14-15 – Власовка 1; 16 – Миролюбие 2; 17 – Терновка;
18 – Графская; 19 – Селезни 1; 20 – Селезни 2

I-е – грушевидный с бортиком в основании.

Для шаровидных вариантов наверший характерен индекс выше 0,75, преимущественно в пределах 0,85-0,9. Эллиптические навершия имеют индекс ниже 0,75 (0,68-0,74). Индекс грушевидных наверший находится в пределах 0,67-0,78.

В подтип крестовидных наверший (II) входят следующие варианты:

II-а – плоский прямоугольный;

II-б – низкий усеченно-ромбический;

II-в – высокий усеченно-ромбический с бортиком в основании.

В подтип аморфных наверший (III) входят следующие варианты:

III-а – высокий;

III-б – средний.

Перейдем к характеристике морфологических особенностей и технико-технологических признаков наверший булав. Подтип круглых наверший включает 14 экземпляров.

Вариант I-а – шаровидные навершия, которые представлены двумя экземплярами. Первое навершие булавы происходит из позднебалановского погребения 3 кургана

1, раскопанного в 1965 г. А.Д.Пряхиным у хут. Дальние (Красные) Солонцы в Семилукском районе Воронежской области (Пряхин А.Д., 1965, л. 11; Пряхин А.Д., 1977, с. 22). Булава вместе с сосудом позднебалановского облика располагалась у изголовья умершего.

Навершие изготовлено из светло-коричневой магматической породы (рис. 2, 1). Его диаметр – 6,7 см, высота – 6 см, вес – 0,4 кг, индекс L/B = 0,9. Отверстие выполнено путем встречного сверления и имеет биконическую форму. С одной стороны отверстие входным диаметром 2 см совершено на глубину 3,5 см. Встречное отверстие отклонено от центра навершия. Его входной диаметр – 1,8 см, глубина – 2,5 см. Внутренний диаметр отверстия составляет 1 см. На внутренней поверхности отверстия сохранились четкие линейные следы, свидетельствующие об использовании сверлильного станка. Наружная сферическая поверхность навершия булавы идеально пришлифована. Наиболее интенсивная заполировка покрывает участок, примыкающий к длинному отверстию булавы. Навершие хранится в фондах археологического музея ВГУ.

Второе навершие булавы происходит из погребения 9 кургана 2 Первого Богучарского могильника, исследованного А.Т.Синюком в 1993 г. (Синюк А.Т., 1993, л. 11-12; Синюк А.Т., 1996, с. 238-240, рис. 62,7). По наблюдениям А.Т.Синюка, погребение 9 являлось основным в кургане, было разрушено грабительской ямой, в заполнении которой и обнаружились навершие булавы и придонная часть сосуда (Синюк А.Т., 1993, л. 11-12, рис. 33,1). А.Т.Синюк отмечает присутствие подобного типа булав в позднекатакомбных и покровско-абашевских захоронениях XVII-XVI вв. до н.э., а также не исключает возможности отнесения большинства погребений этого могильника к начальному этапу срубной культуры в лесостепном Подонье (Синюк А.Т., 1993, л. 12; Синюк А.Т., 1996, с. 240).

Навершие булавы сделано из черного с белыми вкраплениями уральского порфирита (рис. 2, 2)[1]. Его диаметр – 6,2 см, высота – 5,4 см, индекс L/B = 0,87. Торцевые участки навершия уплощены. Отверстие одностороннее диаметром 1,8-2 см. Внутри отверстия и по его входному краю отмечены линейные следы устойчивого направления как признак станкового сверления. Навершие хранится в фондах кабинета археологии Воронежского госпедуниверситета.

Вариант I-б – шаровидные навершия с бортиком в основании. Выделено четыре экземпляра подобных изделий. Два навершия обнаружены М.И.Карагодиным в разрушенном катакомбном погребении кургана Кубаева могила у с.Шелаево в Среднем Поосколье (Валуйский район Белгородской области) на западных рубежах лесостепного Подонья. Графическая реконструкция наверший булав произведена по описанию их размеров и рисунку одного изделия, содержащихся в статье М.И. Карагодина (Карагодин М.И., 1977, с. 230, рис. 3, 5). Оба навершия изготовлены из мрамора черного и белого цвета. Первая булава имеет диаметр – 7,4 см, высоту – 6,3 см, индекс L/B = 0,85 (рис. 2, 3). Диаметр второго навершия – 6,5 см, высота – 5 см, индекс L/B = 0,77 (рис. 2, 4). В навершиях просверлены конические отверстия диаметром 1,8-2 см. Поверхность наверший булав отполирована (Карагодин М.И., 1977, с. 230). Информация о месте хранения наверший отсутствует.

Третье навершие булавы найдено в 1991 г. К.Ю.Ефимовым в насыпи кургана 2 курганной группы у г.Калач (Ефимов К.Ю., 1991, л. 7, рис. 8). В кургане обнаружено два погребения, относящиеся к катакомбной и срубной культурам (Ефимов К.Ю., 1991, л. 8). Катакомбное погребение 1 интерпретировано лишь по форме погребального сооружения – катакомбе, и, вероятно, является кенотафом. В нем найдены лишь кости лошади. Срубное погребение 2 тоже неординарно, так как фиксирует обряд

[1] Здесь и далее минералогические определения сделаны доцентом кафедры физической географии ВГПУ Н.П.Кузнецовым. Искренне благодарю Николая Петровича за неоднократные и подробные консультации.

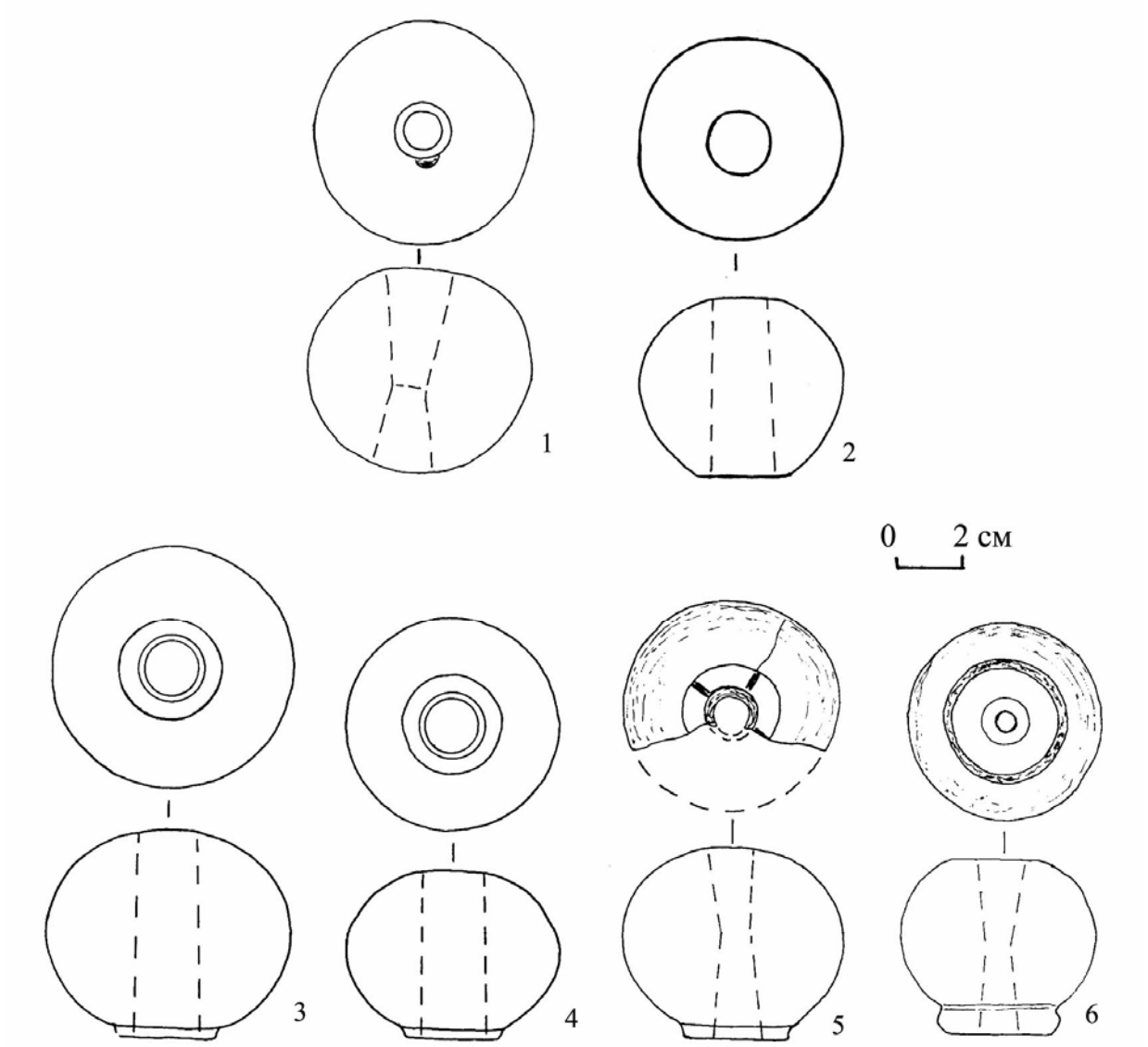


Рис. 2. *Круглые шаровидные каменные навершия булав.*
1 – Дальние (Красные) Солонцы, к. 1, п. 3; 2 – Богучар 1, к. 2, п. 9;
3-4 – Кубаева могила, разрушенное погребение (руконструкция по
М.И. Карагодину, 1977); 5 – Калач, к. 2, в насыпи; 6 – Теллермановский лес

трупосожжения умершего. Привлекая в качестве аналогий навершия булав из кургана Кубаева могила, можно связать помещение типологически близкого навершия в насыпь (на глубину 0,25 м) кургана 2 Калачеевской группы с процедурой совершения катакомбного погребения-кенотафа.

Навершие сделано из белого мрамора (рис. 2, 5). Его диаметр – 6,6 см, высота – 5,8 см, индекс L/B = 0,88. В древности навершие было продольно расколото на три части, из которых две сохранились, а одна часть оказалась утраченной. Биконическое отверстие выполнено путем встречного сверления. Его входные диаметры – 1,4 и 1,5 см. Встречные отверстия соприкасаются примерно по центру навершия и образуют там диаметр – 1 см. В основании булавы (с ее нижнего торца) располагается уплощенный участок диаметром 3 см, образующий в продольном профиле навершия своеобразный бортик высотой 0,4 см, являющийся одним из критериев выделения данного типологического варианта. По плоскости бортика были проточены четыре неглубоких желобка шириной 0,2 см и длиной 0,6 см (сохранились три желобка), образующих крестообразную фигуру. Поверхность навершия булавы пришлифована. Изделие хранится в археологической экспозиции Калачеевского районного краеведческого

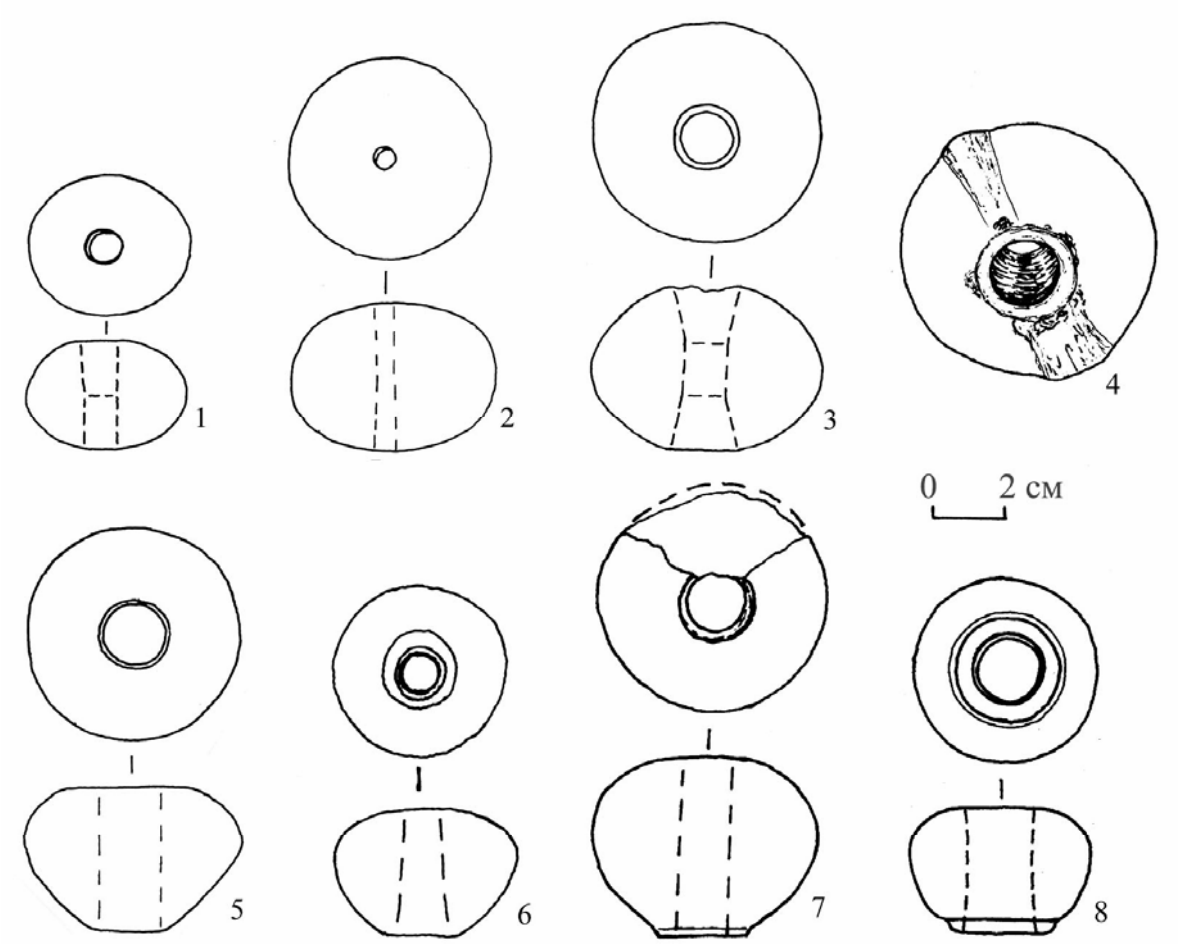


Рис. 3. *Круглые и эллиптические (1-4) и грушевидные (5-8) каменные навершия булав. 1 – Терновка; 2 – Дармодехинское; 3 – Власовка 1, к. 16, п. 4; 4 – Мазурки, к.1, разрешенное погребение 1 (по А.Ф. Шокову, 1954); 5 – Ширяево, к. 1, п. 3 (по В.И. Погорелову,1985); 6 – Графская, к. 15, в насыпи (по Н.Б. Моисееву, 1998); 7 – Селезни 2, к. 1, п. 1 (по А.Д. Пряхину, Н.Б. Моисееву, В.И. Беседину, 1998); 8 – Подклетное, к. 13, п. 2*

музея.

Четвертое навершие булавы данного варианта находится на хранении в фондах Борисоглебского районного краеведческого музея (рис. 2, 6). Это случайная находка, обнаруженная в Теллермановском лесу к западу от г.Борисоглебска. Навершие изготовлено из серо-зеленой магматической породы. Его диаметр – 6 см, высота 5,4 см, индекс L/B = 0,9. Биконическое отверстие образовано встречным сверлением с диаметром входных отверстий – 1,4 и 1,5 см, внутренним диаметром на участке соединения отверстий – 0,9 см. Бортик высотой 0,9 см отделен от шаровидного тела навершия булавы узким желобком и имеет профильную ограненность.

Вариант I-в – эллиптические навершия, представленные тремя экземплярами. Два из них находятся на хранении в Воронежском областном краеведческом музее. Первое миниатюрное навершие (рис. 3, 1) является случайной находкой, обнаруженной у с. Терновка (Пряхин А.Д., Синюк А.Т., 1976, рис. IV, 13). Навершие сделано из серого с белыми прожилками мрамора. Его диаметр – от 4 до 4,4 см, высота – 3 см, вес – 0,07 кг, индекс L/B = 0,68. Двусторонне высверленное отверстие имеет входные диаметры 0,9 и 1 см, внутренний диаметр – 0,8 см. Вся поверхность навершия булавы пришлифована и заполирована.

Второе эллиптическое навершие (рис. 3, 2) происходит из культурного слоя Дармодехинского поселения в Острогожском районе Воронежской области и отнесено

А.Д.Пряхиным к находкам катакомбного времени (Пряхин А.Д., 1982, с. 65, рис. 21, 1). А.Д.Пряхин определяет навершие как шаровидное (Пряхин А.Д., 1982, с. 65). Изделие изготовлено из серого порфирита. Его диаметр – от 5,5 до 5,7 см, высота – 4,2 см, вес – 0,19 кг, индекс L/B = 0,74. Поверхность навершия обработана шлифованием. Особенностью данного изделия является незначительный диаметр отверстия (0,6 см), выполненного техникой встречного сверления и несколько смещенного от центра навершия. Это обстоятельство позволяет предположить отсутствие у навершия непосредственно боевой функции. Нет оснований и в интерпретации изделия как грузила, учитывая редкую встречаемость породы камня, использованного для его изготовления.

Третье навершие (рис. 3, 3), относящееся к эллиптическому варианту, найдено в погребении 4 кургана 16 Первого Власовского могильника в Грибановском районе Воронежской области (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1993, с. 14-19, рис. 4,6). А.Т. Синюк отмечает в этом погребении, при явном доминировании абашевских признаков, катакомбные, срубные и алакульские черты (Синюк А.Т., 1996, с. 196-199). Навершие булавы изготовлено из серого известняка и имеет грубо обработанную, неровную поверхность, покрытую выщербинами. Диаметр изделия – 6,4 см, высота – 4,5 см, индекс L/B = 0,7. Отверстие биконическое, полученное путем встречного сверления, со сложным профилем, имеющим два внутренних уступа. Входные диаметры отверстия – 1,8 см, внутренний диаметр – 1,2 см. Навершие булавы хранится в фондах кабинета археологии ВГПУ.

Вариант I-г эллиптические навершия с бортиком в основании и продольным рельефом выделены на основании единственного экземпляра, найденного С.Е.Зверевым в конце XIX в. в разрушенном погребении кургана у с.Мазурки на территории современного Поворинского района Воронежской области (Шоков А.Ф., 1954, с. 138-139). Это погребение было отнесено А.Д.Пряхиным и Ю.П.Матвеевым к первому этапу развития донской лесостепной срубной культуры (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988, рис. 55, 64-65, 67, 89, 108). Однако нетрудно заметить очевидные типологические и технологические параллели между отдельными предметами из этого комплекса и древностями абашевского круга. Так, металлический наконечник копья из разрушенного погребения кургана у с.Мазурки близок наконечнику, найденному в погребении 1 Кондрашкинского кургана. Как отмечают авторы публикации о раскопках Кондрашкинского кургана, данное захоронение, в целом относимое к позднему этапу доно-волжской абашевской культуры, содержало ряд инокультурных признаков, сопоставимых с катакомбными и раннесрубными древностями (Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Г.А., Матвеев Ю.П., 1989, с. 4-9). Не исключено, что оба названных захоронения входят в круг поликультурных погребений рубежа среднего и позднего периодов бронзового века лесостепного Подонья, сочетающих признаки различных археологических культур при несомненной доминанте одной из них. Подобное материализованное в погребальных комплексах явление маркирует сложные в этно-политическом плане события «героической эпохи» середины II тыс. до н.э., протекавшие в степной и лесостепной зонах Евразии.

Судить об облике навершия булавы из Мазуркинского кургана можно по публикации А.Ф.Шокова и моим визуальным наблюдениям этого изделия в экспозиции Государственного исторического музея. Навершие изготовлено из серо-белого мрамора, имеет грубую, слабо пришлифованную поверхность (рис. 3, 4). Диаметр навершия – 7 см, высота – 5 см, индекс L/B = 0,71. Биконическое отверстие имеет входные диаметры около 1,5 см. У одного края отверстия располагается слаборельефный бортик, от которого по телу навершия вдоль направления отверстия диаметрально следуют два ребра-утолщения разной ширины и профиля. Одно ребро шириной до 2 см имеет плоский профиль, другое – шириной до 1,4 см обладает округлым профилем. Не исключено, что рельефное оформление поверхности навершия преследовало парадно-престижные цели, подчеркивая статус его обладателя.

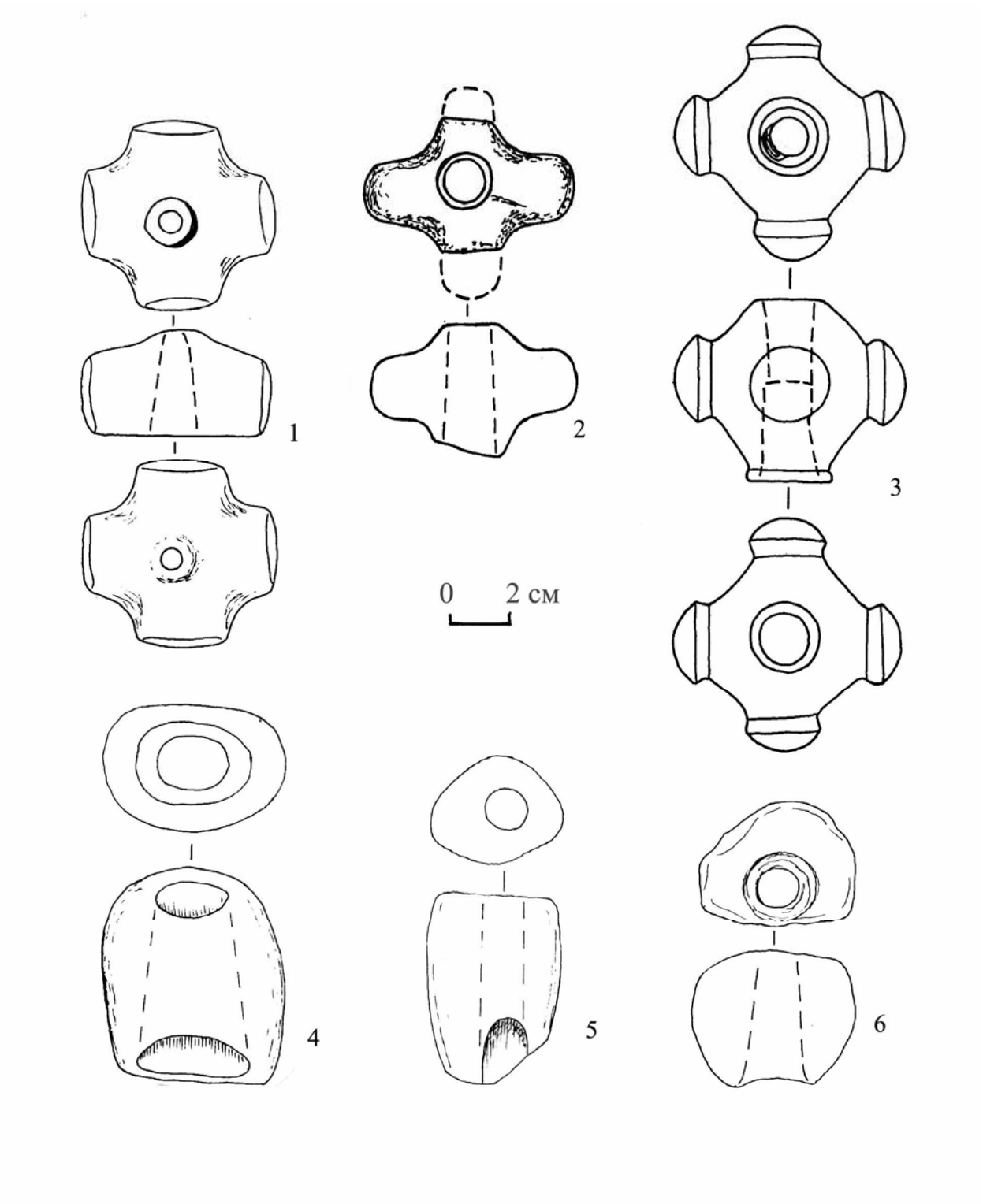


Рис. 4. *Крестовидные (1-3) и аморфные (4-6) каменные навершия булав.*
1 – Терновое; 2 – Миролюбие 2, к. 2, подъемный материал (по К.Ю. Ефимову, 1984);
3 - Власовка 1, к. 16, п. 3; 4 – Павловск, к. 27, п. 2; 5 – Грушевая Поляна;
6 – Селезни 1, к. 1, п. 2 (по Н.Б. Моисееву, 1998)

Вариант I-д – грушевидные навершия, представленные двумя экземплярами. Первое навершие булавы (рис. 3, 5) происходит из древнеямного погребения 3 кургана 1 Ширяевского могильника в Калачеевском районе Воронежской области (Погорелов В.И., 1985, с. 153, рис. 1, 3). Навершие изготовлено из порфирита, имеет диаметр 6 см, высоту 4 см, индекс L/B = 0,67. Отверстие одностороннего сверления диаметром – 1,8 см. Поверхность булавы отполирована. Место хранения находки неизвестно.

Второе навершие (рис. 3, 6) было найдено Н.Б. Моисеевым в насыпи кургана 15 Графского могильника в Жердевском районе Тамбовской области (Моисеев Н.Б., 1998, с. 49, рис. 26, 9). Исследователь связывает данную находку с основным в этом кургане погребением 8 позднего этапа доно-волжской абашевской культуры (Моисеев Н.Б., 1998, с. 49). Отметим, что погребение 8 заметно отличается от прочих захоронений кургана 15 ярким инвентарем – два бронзовых ножа, две бронзовые скобки, орнаментированная кольцевыми нарезками костяная втулка (Моисеев Н.Б., 1998, с. 46). Навершие булавы из этого кургана по иллюстрации Н.Б.Моисеева (Моисеев Н.Б., 1998, рис. 26, 9) имеет диаметр 4,8 см, высоту 3,6 см, индекс L/B = 0,75. Отверстие коническое, одностороннего сверления, диаметрами 1 и 1,4 см.

Вариант I-е – грушевидные навершия с бортиком в основании встречены в двух экземплярах. Первое навершие (рис. 3, 7) происходит из погребения 1 кургана 1 могильника Селезни 2 в Тамбовском районе Тамбовской области (Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И., 1998, с. 9, рис. 4, 4). Этот курган содержал четыре неординарных, социально-престижных погребальных комплекса-кенотафа доно-волжской абашевской культуры с ярким и разнообразным инвентарем воинской функциональной направленности (Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И., 1998, с. 28-30). Навершие булавы изготовлено из мраморовидного известняка. Его диаметр – 6,4 см, высота – 5 см, индекс L/B = 0,78.

Второе навершие (рис. 3, 8) было найдено в погребении 2 кургана 13 Подклетненского могильника на западной окраине г. Воронежа и находится на хранении в археологическом музее Воронежского госуниверситета. В литературе высказывались различные мнения о культурной принадлежности данного погребения, видимо, в связи со спецификой погребального комплекса, представленного, наряду с булавой, невыразительными керамическими фрагментами. Первоначально навершие булавы из этого погребения было включено А.Д. Пряхиным и Ю.П. Матвеевым в круг материалов второго этапа донской лесостепной срубной культуры (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988, рис. 55, 120). С подобной оценкой находки согласился Н.М. Малов, включивший данное изделие в вариант Б типа 2 – “грушевидные навершия с бортиком в основании” (Малов Н.М., 1991, с.35-36, рис. 7, 8) по классификационным признакам, предложенным С.Н. Братченко (Братченко С.Н., 1976, с. 144). Навершия булав, отнесенные к варианту Б, по мнению исследователя, отличались приземистостью корпуса, что выражалось индексом соотношения высоты и диаметра изделия равном 0,7 (Малов Н.М. , 1991, с. 33, 36). В последующей публикации А.Д.Пряхина и В.И. Беседина эта находка рассматривалась среди инвентаря абашевских погребений III группы (Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1996; Пряхин А.Д., Беседин В.И., Захарова Е.Ю., Саврасов А.С., Сафонов И.Е., Свистова Е.Б., 2001, с. 27, рис. 5, 16). Возможно, в этом разночтении как раз и проявляется синкретизм признаков погребального комплекса, позволяющий относить его к категории поликультурных захоронений.

Навершие булавы сделано из белого гипса со слоистыми черными вкраплениями дендритов. Оно имеет диаметр 5,2 см, высоту 3,5 см, вес 0,123 кг, индекс L/B = 0,67. По центру навершия булавы путем двустороннего станкового сверления полым сверлом изготовлено отверстие, имеющее неровный сужающийся профиль. Диаметр верхнего входа в отверстие – 1,9 см, нижнего – 2 см, диаметр посередине отверстия – 1,8 см. Сверху отверстие сверлилось на протяжении 1 см, снизу – на протяжении 2,5 см. Поверхность отверстия имеет четко просматриваемые следы от станкового сверления. На отдельных участках поверхности навершия булавы отмечены следы шлифова-

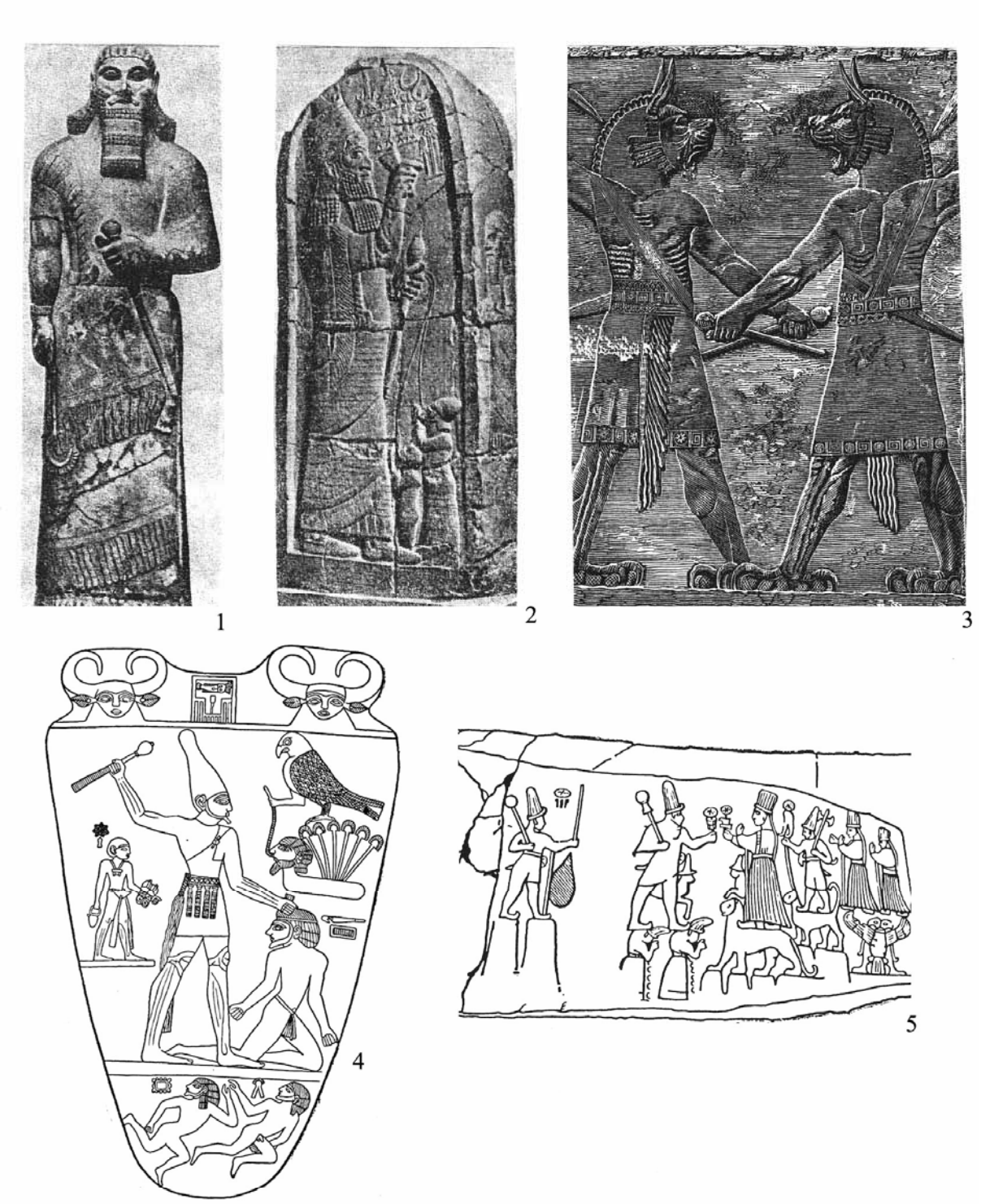


Рис. 5. *Скульптурные и рельефные изображения булавы.*
1 - статуя ассирийского царя Ашшурнасирапала II (Лондон, Британский музей, IX в до н.э.); 2 - победная стела ассирийского царя Асархаддона (Берлин, Государственный музей, VII в. До н.э. 3 - сражающиеся чудовища (ассирийский рельеф по З.А. Рагозиной, 1902); 4 - шиферная палетка египетского царя Нармера (Каир, Национальный музей, конец IV тыс. до н.э.); 5 - процессия хеттских богов и жрецов (наскальные рельефы Язылы-Кая, XIV-XIII вв. до н.э.)

ния, идущие по окружности орудия. Плавный, закругленный переход к втулке выполнен при помощи мелкозернистого абразива.

Следующий подтип (II) крестовидных наверший булав представлен тремя изделиями, каждое из которых отражает по форме продольного профиля соответствующий классификационный вариант.

Вариант II-а – плоские прямоугольные навершия. Их образцом является навершие булавы, найденное у с.Терновое Коротоякского района Воронежской области и находящееся на хранении в фондах археологического музея Воронежского госуниверситета (рис. 4, 1). Навершие изготовлено из серо-зеленой магматической породы. Его диаметр – 6,5 см, высота – 3,5 см, вес – 0,24 кг, индекс L/B = 0,54. Крестовидную форму плана навершия образуют четыре прямоугольных выступа, имеющих круглое сечение диаметром 3 см. Профиль навершия прямоугольный с втулкообразным утолщением в верхней части. Отверстие выполнено станковым односторонним сверлением, свидетельством которого являются четкие взаимопараллельные линейные следы. Диаметры отверстия – 1,6 и 0,7 см. Интересной особенностью изготовления отверстия являются начальные следы сверления, осуществленные не по оси изделия на расстоянии 0,2 см от входного края отверстия. Поверхность навершия булавы обработана пикетажем и слабо пришлифована. Но торцы четырех выступов идеально пришлифованы на мелкозернистом абразиве. Линейные следы от шлифования имеют продольное в профиле направление. Широкие аналогии подобному типу наверший представлены в полтавкинском погребении 6 кургана 3 Первого Новоникольского могильника в Нижнем Поволжье, погребении 6 кургана 4 могильника Степано-Разино, из Дечиа-Маришулуй в Румынии и фондов Волгоградского музея (Шилов В.П., 1975, с. 8, 93-94, рис. 5, 7; 45, 5, 7-8).

Вариант II-б – низкие усеченно-ромбические навершия, примером которых является изделие, найденное в 1984 г. К.Ю. Ефимовым в процессе разведочных работ по р.Хопер у с. Миролюбие Борисоглебского района Воронежской области (Ефимов К.Ю., 1984, л. 3-4). В окрестностях этого села К.Ю. Ефимовым зафиксирована вторая курганная группа (пункт 2 по нумерации памятников, выявленных разведкой). На поверхности кургана 2, наряду с антропологическими останками разрушенного распашкой погребения, было найдено кварцитовое навершие булавы (рис. 4, 2). Оно имеет крестовидную в плане форму. Однако сохранились лишь два противоположных выступа, два других были отбиты в древности (причем, на одном отбитом участке наблюдаются следы пришлифовки поверхности скола). Навершие имеет диаметр 7 см, высоту 4,5 см, индекс L/B = 0,64. Отверстие диаметрами 1,7 и 1,4 см изготовлено односторонним сверлением.

Вариант II-в – высокие усеченно-ромбические навершия с бортиком в основании, представленные изящной находкой в погребении 3 кургана 16 Первого Власовского могильника в Грибановском районе Воронежской области (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1993, с. 14, рис. 3, 7). Данное погребение, где помимо булавы найдены еще четыре сосуда, является поликультурным, так как, по мнению А.Т.Синюка, включает абашевские, срубные и катакомбные признаки, но анализируется автором в составе памятников покровско-абашевской культуры (Синюк А.Т., 1996, с. 196-198, рис. 50, 6). Хочу обратить внимание на территориальную близость наверший булав, найденных на второй курганной группе у с.Миролюбие и в погребении 3 кургана 16 Первого Власовского могильника. Эти памятники разделяет расстояние около 10 км.

Навершие булавы изготовлено из уральского порфирита черного цвета с белыми вкраплениями (рис. 4, 3). Его диаметр – 7,8 см, высота – 6 см, вес – 0,32 кг, индекс L/B = 0,77. Крестовидная в плане форма навершия образована за счет четырех округло-грибовидных выступов, венчающих углы квадратного в плане корпуса изделия. Высота грибовидных выступов – 1-1,3 см, диаметр – 2,5-2,7 см. Продольный профиль корпуса булавы имеет усеченно-ромбическую форму. В основании навершия диаметром 2,9 см выделен бортик высотой 0,3 см. Отверстие выполнено встречным станковым сверлением. При его производстве мастер на несколько миллиметров отклонился от продольной оси

изделия, что привело к образованию двух выступов внутри отверстия. Глубина высверленной части с обеих сторон составляет 3,8 см. Входные диаметры отверстия – 1,7 и 2 см, внутренний диаметр – 1,5 см. Вся поверхность навершия булавы пришлифована, но вместе с тем она сохраняет раковины, выбоины, не снятые шлифовкой. Навершие булавы хранится в фондах кабинета археологии Воронежского госпедуниверситета.

Прямые аналогии данному навершию булавы мне неизвестны. Но типологически близкие находки достаточно широко распространены на территории Северного Причерноморья, Нижнего Поднепровья и Приазовья, Кавказа, Нижнего Подонья, Нижнего Поволжья: Бородинский (Бессарабский) клад (Кривцова-Гракова О.А., 1949, с. 18, табл. XII, 3); Ворошиловград, Подгородное (Братченко С.Н., Шапошникова О.Г., 1985, с. 413, 415, рис. 110, 23-24); с. Нижний Чегем, с. Тубенель (Иессен А.А., 1941, с. 17, табл. I, 3-4); с. Галиат – могильник «Фаскау» (Крупнов Е.И., 1951, с. 44, рис. 9, 10); Луганск, 1929 г. - 1/20, Старица – 30/5, Усьман – 3/2 (Братченко С.Н., 1976, с. 99, рис. 55, 14; 72, II-5, IV-1); Натальино II – курган 7, Никольское III – 1/5 (Малов Н.М., 1991, с. 33-35, рис. 6, 1-2) и другие. Оригинальная аналогия навершию булавы из Власовского могильника была отмечена А.Д. Пряхиным и А.С. Саврасовым в оформлении деталей рукояти металлического кинжала, найденного в Новоусманском районе Воронежской области (Пряхин А.Д., Саврасов А.С., 1999, с. 74, рис. 1). Причем исследователи, анализируя морфологию клинка кинжала, отметили присутствие в нем как абашевских, так и срубных традиций, что подтверждает поликультурное происхождение этих изделий (Пряхин А.Д., Саврасов А.С., 1999, с. 72).

Подтип аморфных наверший (III), выполненных из каменных конкреций, включает три экземпляра.

Вариант III-а – высокие аморфные навершия, представленные двумя изделиями. Первое навершие (рис. 4, 4) было обнаружено в катакомбном детском погребении 2 кургана 27 Павловского могильника (Синюк А.Т., 1983, с. 61, рис. 24, 6). Оно изготовлено из серого песчаника, имеет диаметр - от 4,2 до 6 см, высоту – 7,2 см, индекс L/B = 1,2. Отверстие эллиптической формы с наибольшими диаметрами – 3,8 и 2,4 см.

Второе навершие было найдено у с.Грушевая Поляна Острогожского района Воронежской области и хранится в фондах краеведческого музея г.Острогожска (рис. 4, 5). Изделие из темно-серого песчаника. Его диаметр от 3,6 до 4,4 см, высота 6,4 см, индекс L/B = 1,45. Диаметр цилиндрического отверстия – 1,4 см.

Вариант III-б – средние аморфные навершия, образцом которых является изделие, обнаруженное Н.Б.Моисеевым в погребении 2 кургана 1 могильника Селезни 1 Тамбовского района Тамбовской области (Моисеев Н.Б., 1998, с. 18, рис. 8, 2). Исследователь полагает, что погребение, судя по находкам костяных псалиев, бронзового ножа, кремневых наконечников стрел, каменной булавы, принадлежит воину-колесничему доно-волжской абашевской культуры (Моисеев Н.Б., 1998, с. 20). Отмечу, что здесь мы также наблюдаем захоронение-кенотаф. Фрагментированное навершие изготовлено из мела (рис. 4, 6). Наибольший диаметр изделия – 5,2 см, высота – 4,4 см, индекс L/B = 0,85. Отверстие выполнено техникой одностороннего сверления, его диаметры – 2,2 и 1,2 см.

Таким образом, типологический и трасологический анализ каменных наверший булав дал основание для некоторых выводов. Во-первых, культурно-хронологическое определение касается 14 изделий. Для шести изделий, обнаруженных в насыпи курга-

№	Археологическая культура	Количество наверший
1	Древнеямная	1
2	Среднедонская катакомбная	5
3	Доно-волжская абашевская (по А.Д.Пряхину) или покровско-абашевская (по А.Т.Синюку)	2
4	Балановская	1
5	Поликультурные погребения	5

нов или являющихся случайными находками, культурная идентификация может осуществляться лишь на основе соответствующих типологических аналогий. Статистика принадлежности наверший булав к археологическим культурам выглядит следующим образом:

Таблица 1

Во-вторых, обращает на себя внимание факт помещения наверший булав в могилы-кенотафы, что отмечено в двух абашевских и в одном катакомбном захоронении. Доминирующие количественно поликультурные погребальные комплексы (5) и остальные катакомбные погребения (4) не содержат подобных примеров.

Вариант / Культура	Ia	Iб	Iв	Iг	Iд	Iе	IIа	IIб	IIв	IIIа	IIIб
Древнеямная					1						
Катакомбная		3	1							1	
Абашевская						1					1
Балановская	1										
Поликультурные погребения	1		1	1		1			1		
Не определена		1	1		1		1	1		1	

В-третьих, корреляция типологических вариантов наверший булав с их культурно-хронологической оценкой, представленная в таблице 2, дает предварительную информацию о преобладании того или иного варианта изделий у носителей различных археологических культур.

Таблица 2

В заключение хотелось бы подчеркнуть полифункциональное предназначение и восприятие булавы как особого типа оружия. Помимо непосредственной боевой функции, булава символизировала исключительный социальный статус ее обладателя. Разумеется, прежде всего оружие служит показателем воинских различий. Учитывая редкие, в сравнении с другими типами оружия, находки наверший булав, можно предположить их принадлежность к вооружению военной аристократии и, в частности, военных вождей. Булава воспринимается как один из ярких внешних атрибутов воинской власти, что наблюдается в протогосударственных обществах и в цивилизациях Древнего Востока.

С развитием процесса сакрализации власти военного вождя, концентрацией в его руках светских и жреческих императивных функций изменялось и восприятие сущности принадлежащих вождю материальных предметов. Прежде всего, это касалось инсигний власти в ее комплексном военно-гражданском и сакрально-магическом виде. Именно в таком синкретическом плане и воспринимают исследователи функциональное предназначение булав, ссылаясь при этом на яркий образ лидера ведического пантеона – бога Индру-громовержца, мужественного, победоносного воителя, «царя богов» (Горелик М.В., 1993, с. 57; Малов Н.М., 1991, с. 30-31; Мельников Е.Н., 1999, с. 77-80; Невелева С.Л., 1975, с. 64, 109; Синюк А.Т., 1996, с. 301). Основное оружие бога Индры – дубина, палица (ваджра) – хотя и не вполне соответствует облику булавы (что может свидетельствовать о ее технологическом прототипе), но описывается как оружие, имеющее четыре или сто углов, тысячу зубцов, обладающее дисковидной или крестообразной формой (Мифы народов мира, т.1, 1980, с. 207-208). Но абсолютное большинство упоминаний ваджры (vajra) в гимнах Ригведы, обращенных к Индре, характеризуют это оружие как дубину грома, изготовленную из камня или металла.

Ригведа, I, 32, 2 …Тваштар ему выточил шумную дубину…

Ригведа, I, 52, 7 …Это Тваштар увеличил свойственную тебе мощь:
Он выточил (тебе) дубину победной силы.

Ригведа, I, 61, 6 Это ему Тваштар выточил ваджру,

Самую искусную, со свистом (рвущуюся) в бой…

Ригведа, I, 51, 10 Когда Ушанас тебе выточил (дубину), силу – силой,
Могущество твое мощно раздвинуло два мира.

Ригведа, I, 8, 3 О Индра, при твоей поддержке
Пусть возьмем мы дубины, как (ты -) ваджру,
(И) победим в борьбе всех соперников!

Ригведа, I, 33, 13 Успешно нападал он на врагов.
Острым быком рассекал он крепости.
Индра дал отведать Вритре дубины грома,
Он исполнил свой замысел, торжествуя.

Ригведа, I, 52, 8 …Ты держал в руках железную дубину…

Ригведа, I, 55, 1 …Он точит ваджру, как бык (рога), – для остроты.

Ригведа, I, 57, 2 …Когда словно (нож) о камень, была отточена желанная
Ваджра Индры, пронзающая, золотая.

(Ригведа. Мандалы I-IV, 1989)

Разнообразие форм наверший булав по их конкретным находкам и изображениям отмечается у древних цивилизованных народов Египта, Передней и Средней Азии, Кавказа (Горелик М.В., 1993, табл. XXX-XXXII). В скульптурных и рельефных изображениях булава сопутствует в качестве оружия или властного символа, как правило, царским персонам, богам и мифическим существам (рис. 5). В парадном положении булава удерживается рукой за участок рукояти, примыкающий в навершию, что не соответствует способу ее боевого использования (рис. 5, 1-2). Тем самым булава, маркируя высокий социальный статус ее обладателя, скорее воспринимается как жезл или скипетр правителя, нежели как обычный тип оружия. Данное обстоятельство позволяет обнаруживать более широкие историко-культурные аналогии этому предмету не только среди цивилизаций Старого Света, но и в доколумбовой Америке (Гуляев В.И., 1979, с. 221; Гуляев В.И., 1993, с. 45-60). Причем в майяской цивилизации скипетры правителей были теократическими атрибутами, подтверждающими царское обладание силами небесных грома и молнии, направляемых на его врагов; а также посредством огненного культа обеспечивающими покровительство со стороны божественных предков (Гуляев В.И., 1993, с. 59-60).

Отмеченная специфика социально-культового восприятия булавы как особого типа оружия подчеркивает уникальный характер погребальных комплексов, где встречается подобная находка. По мнению Н.М. Малова, для взрослых мужских захоронений срубной культуры степного Поволжья применима иерархическая классификация, включающая пять групп, среди которых погребения с булавами занимают второе престижное место, уступая лишь «царским» захоронениям с наконечниками копий и прочим инвентарем (Малов Н.М., 1991, с. 36-38). Исследователь интерпретирует погребения с булавами, псалиями, топорами и стрелами как могилы родо-племенной знати или верхушки касты «кшатриев» (Малов Н.М., 1991, с. 38). С подобным взглядом Н.М. Малова на иерархическое место погребений с булавами согласился и Е.Н.Мельников, уточнивший, что лидирующее по социальной престижности положение займут погребения колесничих с наконечниками копий (Мельников Е.Н., 1999, с. 77). Но атрибутикой погребений колесничих традиционно считаются псалии, которые в классификации Н.М. Малова представлены вместе с навершиями булав среди захоронений второго социального ранга. К тому же Е.Н. Мельников справедливо отмечает факт взаимовстречаемости наконечника копья и навершия булавы в погребении 7 малого грунтового могильника Синташтинского культурного комплекса (Мельников Е.Н., 1999, с. 77; Генинг В.Ф., Зданович Г.Б.,Генинг В.В., 1992, с. 318, рис. 184, 9-10). Заметим, что это не единственный пример нахождения подобных престижных предметов в одном закрытом археологическом комплексе. При доследовании С.Е.Зверевым в 1899 г.

кургана у с. Мазурки бывшего Новохоперского уезда Воронежской губернии, подвергавшегося разрушению местными крестьянами, была обнаружена погребальная яма с деревянной конструкцией, на дне которой располагались семь металлических (медных?) изделий (наконечник копья, три целых и три фрагментированных ножа), каменное навершие булавы (рис. 3, 4) и фрагмент подобного навершия, а также двенадцать глиняных сосудов (Шоков А.Ф., 1954, с. 138-139).

Наконец нельзя игнорировать и совместное нахождение наконечников копий и наверший булав в составе уникального по типологии, качеству и изяществу предметов Бородинского (Бессарабского) клада (Кривцова-Гракова О.А., 1949, с. 6-11, 17-18). Семнадцать предметов из этого клада показывают сочетание западных (микенских) и восточных (в том числе кавказских) художественно-культурных и технологических традиций. И даже если допустить, вслед за В.С. Бочкаревым, что Бородинский клад накапливался длительное время, то несомненным является общий парадный характер входящего в него оружия и украшений, косвенно свидетельствующий о единоличном собственнике клада (Бочкарев, В.С., 1968, с. 129-130).

Таким образом, булава, наряду с копьем, элементами колесницы (боевой повозки), деталями конской упряжи, а также другими типами оружия и военного снаряжения, присутствует в погребальных комплексах, принадлежащих представителям воинской знати. Из их среды (из варны кшатриев, по более поздней брахманской традиции) происходят цари, главная задача которых состоит в охране подданных и неприверженности к мирским утехам (Законы Ману, I-89). Но нельзя полностью исключить возможность исполнения ими, вместе с военно-гражданскими, и высших символичных жреческих обязанностей. Тем более, что «Законы Ману» канонизируют ряд общих занятий для брахманов (наследственных профессиональных жрецов) и кшатриев – изучение Веды, жертвоприношение, раздачу милостыни (Законы Ману, I- 88,89). Думается, что жреческая функция власти царей неизбежно отличалась условностью и ограничениями, предусматривая лишь участие правителя в сакральных церемониях как посланника высшего божества, и не имела закономерных стереотипов. Сохранение и передача традиционно-культовых знаний, совершение религиозных обрядов требовали кастовой функциональной обособленности жреческого сословия. Тем не менее, брахманская традиция подчеркивала необходимость союза брахмана и кшатрия в целях их совместного процветания, в том числе и в загробном мире (Законы Ману, IX-322).

Бочкарев В.С., 1968. Проблема Бородинского клада // Проблемы археологии. Абсолютная хронология энеолита и бронзового века Восточной Европы (Юго-Запад СССР). Л.

Братченко С.Н., 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев.

Братченко С.Н., Шапошникова О.Г., 1985. Катакомбная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск.

Горелик М.В., 1993. Оружие Древнего Востока. IV тысячелетие – IV в. до н.э. М.

Гуляев В.И., 1979. Города-государства майя (структура и функции города в раннеклассовом обществе). М.

Гуляев В.И., 1993. Скипетр и держава: к вопросу о царской власти у древних майя // Вестник древней истории. № 4.

Ефимов К.Ю., 1984. Отчет об исследованиях в Воронежском Прихоперье // Архив ИА РАН. Р-1, № 10319.

Ефимов К.Ю., 1991. Отчет об охранных исследованиях курганов на территории Воронежской области // Архив ИА РАН. Р-1, № 16551.

Законы Ману, 1960. М.

Иессен А.А., 1941. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. № 3.

Карагодин М.И., 1977. Новые находки бронзового века в Шелаево // СА. № 2.

Клоков А.Б., 1995. Каменные навершия булав эпохи бронзы доно-донецкого региона // Эпоха бронзы доно-донецкого региона. Луганск.

Кривцова-Гракова О.А., 1949. Бессарабский клад. Труды ГИМ. Вып. 1. М.

Крупнов Е.И., 1951. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода (Опыт периодизации памятников эпохи энеолита и бронзы) // МИА. № 23.

Малов Н.М., 1991. Погребения с булавами и втоками из Натальинского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов.

Мельников Е.Н., 1999. Погребения с навершиями булав эпохи бронзы // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк.

Мильков Ф.Н., 1961. Средняя полоса Европейской части СССР. М.

Мифы народов мира, 1980. Т.1. М.

Моисеев Н.Б., 1998. Курганы Окско-Донской равнины. Тамбов.

Невелева С.Л., 1975. Мифология древнеиндийского эпоса. М.

Погорелов В.И., 1985. Ширяевский могильник бронзового века на Среднем Дону // СА. № 1.

Пряхин А.Д., 1965. Отчет раннего отряда археологической экспедиции Воронежского университета // Архив ИА РАН. Р-1, № 3051.

Пряхин А.Д., 1977. Погребальные абашевские памятники. Воронеж.

Пряхин А.Д., 1982. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1996. К оценке абашевских погребений Подклетненского могильника // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 5. Рязань.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Захарова Е.Ю., Саврасов А.С., Сафонов И.Е., Свистова Е.Б., 2001. Доно-волжская абашевская культура. Воронеж.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Г.А., Матвеев Ю.П., 1989. Кондрашкинский курган. Воронеж.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж.

Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И., 1998. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. Воронеж.

Пряхин А.Д., Саврасов А.С., 1999. Новая находка кинжала с металлической рукоятью // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж.

Пряхин А.Д., Синюк А.Т., 1976. Коллекция каменных шлифованных орудий Воронежского краеведческого музея // Известия ВГПИ. Т. 157. Воронеж.

Рагозина З.А., 1902. История Халдеи с отдаленнейших времен до возвышения Ассирии. СПб.

Ригведа. Мандалы I-IV, 1989. М.

Синюк А.Т., 1983. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж.

Синюк А.Т., 1993. Отчет о раскопках курганов в Богучарском районе Воронежской области // Архив ИА РАН. Р-1, № 17939, 17940.

Синюк А.Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж.

Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1993. Курган № 16 Власовского могильника // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии. Уфа.

Шилов В.П., 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.

Шоков А.Ф., 1954. Первые раскопки скифских курганов в бассейне Среднего Дона (раскопки С.Е.Зверева и В.Н.Тевяшова) // Известия ВГПИ. Т. XV. Воронеж.

М.В. Ивашов, Е.Н. Мельников
(Липецк, ЛГПУ)

Материалы эпохи средней-поздней бронзы Балахнинского поселения на Верхнем Дону

Поселение Балахнинское было выявлено в 1964 г. разведочным отрядом Воронежского госуниверситета (ВГУ) под руководством А.Д. Пряхина (Пряхин А.Д., 1964). В 1976 г. повторно обследовано разведочным отрядом ВГУ под руководством Ю.Г. Екимова: была проведена зачистка обнажения берега длиной около 110 м. В результате была выявлена полуземляночная постройка, углубленная в материк на 30 см, длинной около 12 м, относящаяся к среднедонской катакомбной культуре (Екимов Ю.Г., 1976). В 1998 г. под руководством одного из авторов данной публикации были проведены небольшие охранные исследования вдоль берега реки – зачистка обнажения берега длиной 20 м и шириной 1 м (Ивашов М.В., 1998). В 2002 г. экспедицией ЛГПУ исследования были продолжены (Ивашов М.В., 2002).

Памятник расположен в 2,3 км к северо-северо-западу от молочно-товарной фермы (МТФ) с. Дегтевое и в 1,7 км к юго-востоку от школы в с. Балахна (Липецкая область) (рис. 1). Поселение вытянуто вдоль крутого берега р. Сновы (правого притока р. Дон) и располагается на ровной поверхности первой надпойменной террасы, образующей плоское расширение левого берега перед одной из излучин реки. К моменту начала раскопок поселение было задерновано травами и представляло собой сенокосное угодье. Терраса прислонена к покатому склону долины, который в нижней части сложен флювиогляциальными породами донского оледенения. Эти гравийно-песчаные породы, содержащие у дневной поверхности значительную примесь более позднего лёссовидного материала, выше по склону целиком перекрыты чехлом лёссовидных суглинков. Западнее участка исследования (выше по течению реки) долина Сновы сужается и терраса распадается на ряд останцовых форм, причленённых к крутому склону долины. В месте исследования (внешний край террасы) высота поверхности над урезом воды составляет 5 м, а у подошвы склона на контакте со склоном речной долины – 8 м. В нижнем течении гидрологический режим Сновы испытывает периодическое воздействие паводков, возникающих на главной реке. Уровень высокой поймы Дона над урезом воды в реке в месте впадения Сновы – 7 м. В периоды паводков Снова оказывается подпруженной разливающимися водами Дона. При этом вода поднимается выше пойменного уровня и первая надпойменная терраса притока Дона подвергается затоплению. Эта особенность приводит к медленному аллювиальному росту поверхности нижней надпойменной террасы Сновы. Таким образом, данный геоморфологический уровень речной долины продолжает формироваться в настоящее время.

С запада поселение ограничено оврагом, по поселению с запада на восток проходит грунтовая дорога. В 400 м к северо-востоку от поселения находится устье большого оврага. Южная часть поселения, как уже отмечалось, разрушается рекой. Примерные его размеры вдоль берега (около 200 м), определены в результате работ предыдущих исследователей и проведенных нами зачисток. Подъемный материал в обнажении берега не обнаружен.

В 2002 г. на поселении вдоль разрушающегося берега реки был заложен раскоп площадью 384 кв. м, прирезанный к раскопу 1998 г.

Выявлена следующая стратиграфия (рис. 1): 0-0,05 м – дерн; 0,05-0,15/0,2 м – светло-серая супесь; 0,15/0,2-0,25/0,35 м – желтый намывной песок; 0,25/0,35-0,35/0,5 м – темно-серая супесь; 0,35/0,5-0,4/0,55 м – наносная светло-серая супесь; 0,4/0,55-0,9/1,0 м – темно-серая супесь; 0,9/1,0-1,6/1,8 м – погребенная почва (чернозем); 1,6/1,8-1,9/2,1 – темный гумусированный суглинок; 1,9/2,1-2,05/2,2 м – темно-коричневый суглинок; материк – желтая глина.

В культурном слое обнаружено большое количество различных находок (всего около 35 тысяч): керамика, кости животных (более 23 тысяч фрагментов), изделия из камня, глины, металла разных эпох и культур (среднедонской катакомбной, донской лесостепной срубной и доно-волжской абашевской культур эпохи бронзы, а также раннего железного века). Поскольку культурный слой представлен достаточно однородным гумусом, выявить в нем контуры каких-либо сооружений оказалось невозможным, и только по обожженой глине были зафиксированы три очага. Ниже дается анализ материалов эпохи бронзы.

Среднедонской катакомбной культуре принадлежит 4112 фрагментов сосудов (313 венчиков, 3542 стенок и 257 днищ).

Наблюдается сосредоточение этой керамики в средней части черноземного слоя, в слое 1,4-1,6 м. Чуть менее керамики выявлено в слоях 1,2-1,4 м и 1,6-1,8 м. Керамика среднедонской катакомбной культуры распространена практически равномерно по центральной и западной частям площади раскопа, а в восточной его части встречается лишь единично. Каких-либо комплексов, относящихся к данной культуре, не обнаружено.

Посуда разделяется на две большие группы:

К **первой группе** относятся горшки большого диаметра с высоким раструбовидным горлом (рис. 2, 1, 4 ,7; 3, 1-4, 6; 4, 1, 3-7, 9-11), причем венчик некоторых сосудов достигает высоты до 9 см (рис. 3, 4).

Вторая группа представлена горшками с невысоким (до 5 см), плавно профилированным венчиком (рис. 2, 3, 5-6, 8; 3, 5; 4, 2, 8, 14-15).

Кроме этого, встречаются отдельные венчики, не вошедшие ни в одну из групп, например, венчик от горшковидного сосуда с невысоким, плавноотогнутым горлом, имеющим треугольное в сечении воротничковое утолщение (рис. 4, 16). Он украшен пояском наколов размочаленной палочкой по шейке и слабо проглаженными линиями по тулову. На наш взгляд, данный венчик следует относить к воронежской культуре.

Для венчиков характерна орнаментация налепными валиками (132 экз.). Валики чаще расчленялись ногтевыми защипами и насечками (рис. 3, 1-2, 5; 4, 3, 9), оформлялись ногтевыми защипами в виде волны. Далее по численности следуют венчики с сочетанием различных элементов (112 экз.): гребенчатого штампа и ногтевых вдавлений (рис. 2, 9), веревочного, гребенчатого штампа и ногтевых защипов (рис. 2, 5), спаренной веревочки и наколов (рис. 4, 1), прочерченных линий и наколов (рис. 3, 6; 4, 7), веревочки и ногтевых защипов (рис. 4, 4), валикового и прочерченного элементов (рис. 3, 3; 4, 6). С прочерченной орнаментацией выявлено 23 венчика (рис. 4, 10-11, 14). Веревочной орнаментацией, сформированной в различные композиции, украшено 42 венчика (рис. 2, 1-2, 4, 6-8; 4, 2, 5, 8). Единичными фрагментами представлены венчики, украшенные ногтевыми защипами (рис. 2, 3; 3, 4), гладким штампом (рис. 4, 15). 46 фрагментов венчиков не орнаментированы.

В площади раскопа были также выявлены несколько достаточно крупных фрагментов от одного сосуда, который удалось реконструировать на весь профиль (рис. 2, 10). Это сосуд горшковидной формы, с высоким плавноотведенным от биконического тулова венчиком. Украшен в верхней части прочерченными линиями, сформированными в треугольники. Верхняя часть тулова также украшена прочерченными линиями, сформированными в заполненные треугольники.

Подавляющее большинство стенок сосудов катакомбной культуры без орнамента. 538 фрагментов стенок украшены валиковой орнаментацией. Характерные элемен-

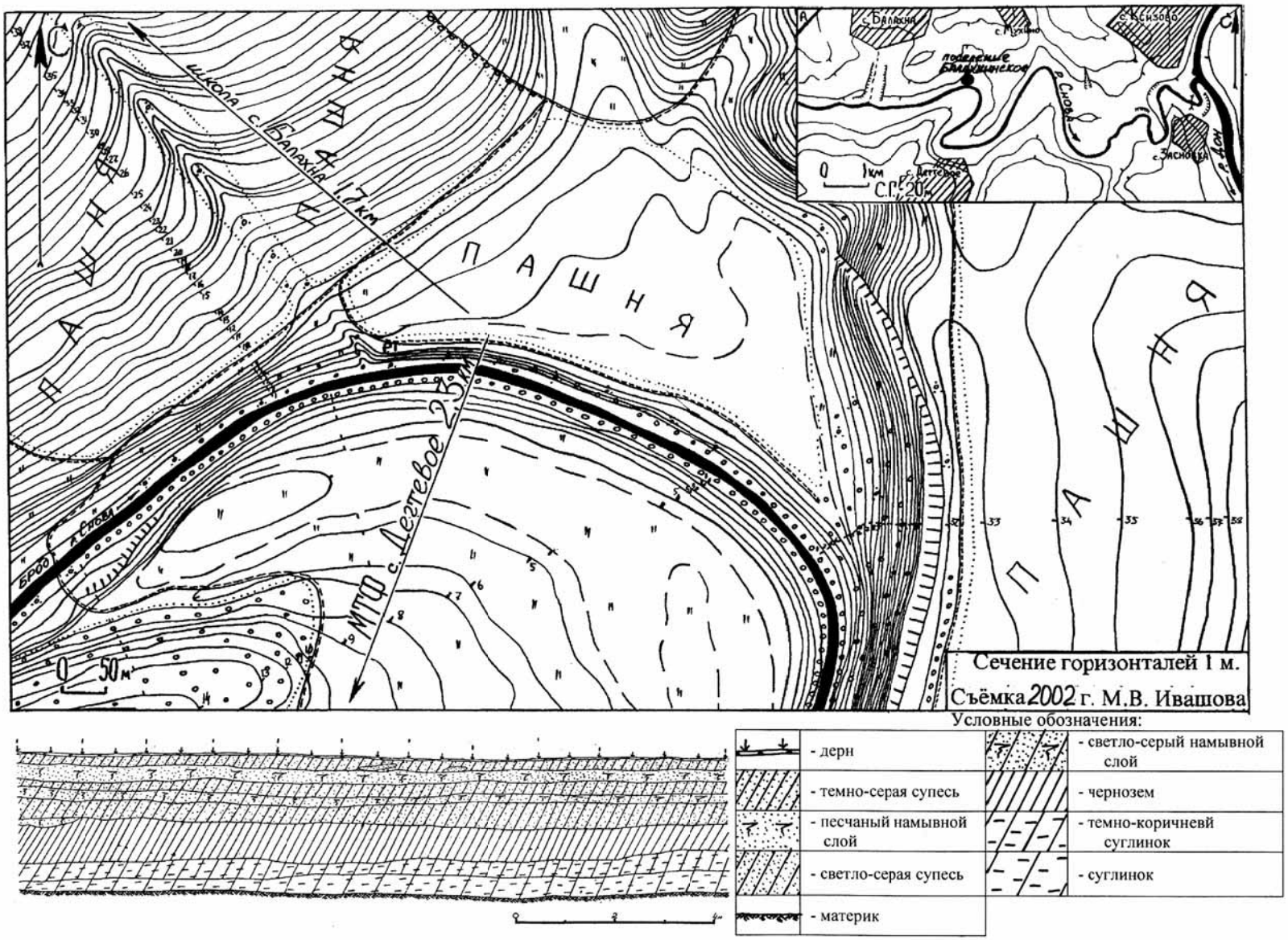


Рис. 1. *Поселение Балахнинское. Ситуационный план. Наиболее типичная стратиграфия*

ты орнаментации стенок сосудов: налепные и оттянутые валики (рис. 5, 2, 7-9), прочерченные линии (рис. 4, 12-13, 17-18, 20-21), отпечатки веревочного (рис. 5, 11-13, 18-20, 23) и гребенчатого штампов, ногтевые защипы (рис. 4, 22-23). Встречены и сочетания различных элементов: веревочка и защип (67 ед.) (рис. 5, 15, 17, 22, 24), гребенка и защип (37 ед.) (рис. 5, 14, 16), прочерченные линии и валики (41 ед.) (рис. 4, 13; 5, 1, 3-6), прочерченные линии в сочетании с наколами и вдавлениями (18 ед.) (рис. 4, 19), оттянутый валик и веревочный штамп (4 ед.) (рис. 5, 25), веревочка и прочерчивание (4 ед.), гребенка в сочетании с веревочкой и защипами (4 ед.), веревочка и различного рода вдавления (9 ед.), отпечатки раковины (4 ед.).

Днища характеризуются небольшим диаметром, в основном без закраины. Большинство днищ не орнаментировано, но на 113 фрагментах днищ по поверхности имеется дополнительная обмазка глиной, которая разглаживалась в горизонтальном или вертикальном направлениях. Еще 77 днищ – с тщательно заглаженными поверхностями. Небольшой процент днищ несет орнамент: 27 – веревочкой в различных композициях, 19 – гребенчатым штампом, 10 – горизонтальными валиками, четыре днища украшены ногтевыми защипами, ещё два днища орнаментированы гладким штампом.

Поверхность большинства сосудов заглажена, некоторые сосуды ангобированы. В тесте в качестве примесей содержатся песок и шамот. Характерные цвета поверхностей: светло-коричневый, коричневый и красно-оранжевый (снаружи); темно-коричневый и черный (изнутри). Некоторые фрагменты несут следы вторичного обжига.

	1-1,2 м	1,2-1,4 м	1,4-1,6 м	1,6-1,8 м	1,8-2 м	2-2,2 м	Всего
Колоколовидные	5	7	17	12	3	4	48
Горшковидные	2	4	17	5	3	1	32
Баночные	2	3	8	2	-	1	16
Остроребрные	2	1	3	2	-	-	8
Неопределимые	8	25	50	14	4	3	104
Стенки	31	68	168	83	18	14	382
Днища	2	10	15	3	-	2	32
Всего	52	118	278	121	28	25	622

Донская абашевская культура представлена фрагментами лепных сосудов в количестве 1079 единиц (229 венчиков, 812 стенок и 38 днищ). Основная масса этой керамики тяготеет к слою 1,4 – 1,6 м, доминируя на глубине 1,6 м. Её стратиграфическое распределение отражено в таблице 1.

Таблица 1

Стратиграфическое распределение абашевской керамики

Вся керамика имеет однородный в технологическом плане облик. Это обломки слабо обожжённых сосудов жёлтого, розового и коричневого цветов снаружи, иногда черных от нагара внутри. В изломе черепки того же цвета, что и снаружи. В качестве искусственных примесей к глине зафиксированы: шамот (всегда), толчёная ракушка (часто), крупные окатанные камни известняка (часто), органика (иногда), охра (иногда), мелко толчёная слюда или песок (редко).

Внешняя и внутренняя поверхности керамики в 90% случаев заглажены. Лишь 10 % фрагментов имеют следы крупных расчёсов (рис. 6, 5). Несколько раз отмечены обломки сосудов, на которых аккуратные вертикальные расчёсы зубчатым орудием несут функцию своеобразного декора (рис. 6, 1). Практически все выявленные в ходе работ фрагменты керамики принадлежат крупным сосудам с диаметром верха от 30 до 40 см. Толщина стенок колеблется от 1 до 1,5 см. Чуть ли не единственное исключе-

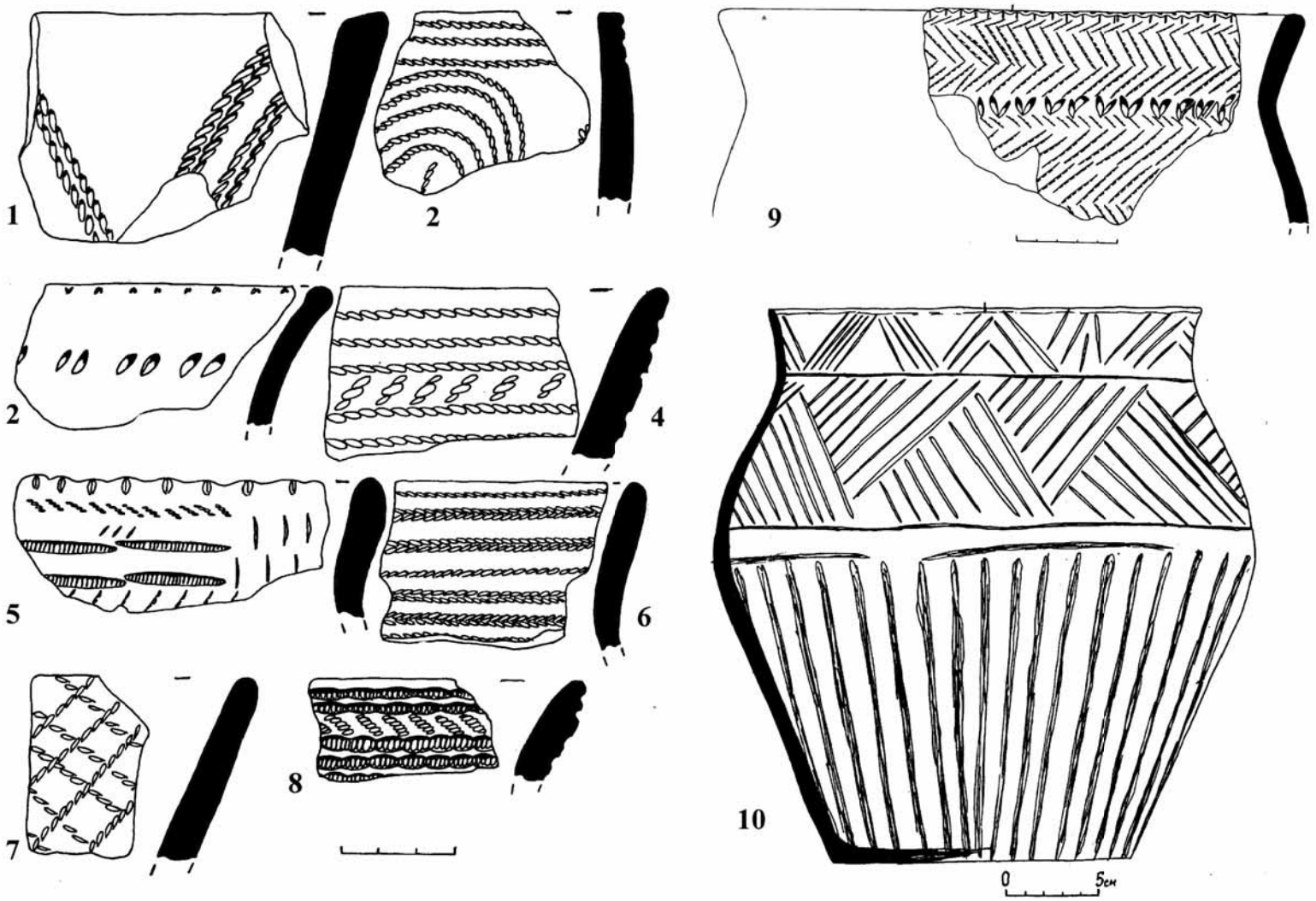


Рис. 2. *Поселение Балахнинское. Фрагменты сосудов среднедонской катакомбной культуры*

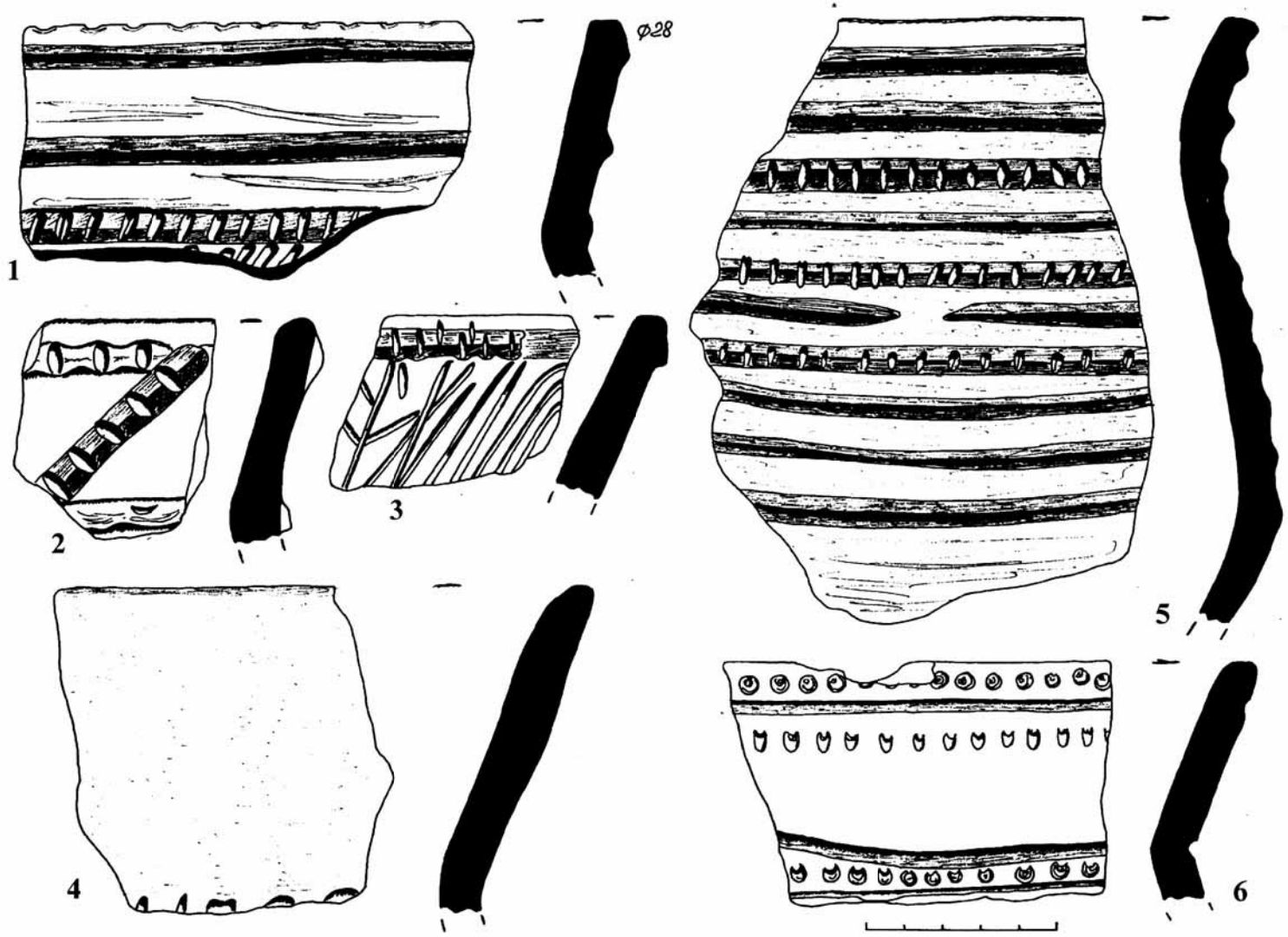


Рис. 3. *Поселение Балахнинское. Фрагменты сосудов среднедонской катакомбной культуры*

ние в этом отношении составляют миниатюрные сосудики (рис. 6, 7-12), заметно отличающиеся от основной массы абашевской керамики.

Несмотря на то, что в коллекции имеется около двух сотен венчиков, достоверно выделить по ним удалось только 104 сосуда. Типологически их можно разбить на четыре группы:

1. Колоколовидные горшки – сосуды с чётко выделенной прямой отогнутой шейкой, образующей характерный изгиб и внутреннее ребро (рис. 6, 1-3). Этот тип представлен самой многочисленной группой - 48 экземпляров.

2. Горшковидные сосуды – с плавно и не сильно отогнутой шейкой, как правило, без внутреннего ребра, всего 32 экземпляра (рис. 6, 4, 6).

3. Баночные сосуды – без выделенной шейки, 16 штук (рис. 6, *5*).

4. Острорёберные сосуды с чётко выраженным ребром. Обнаружены обломки от восьми экземпляров, из которых информативны лишь шесть (рис. 6, 7-12). Примечательно, что такое количество острорёберных сосудиков нехарактерно для бытового памятника. Как отмечали исследователи, данная посуда имела ритуальные функции и чаще встречается в погребениях (Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1998).

Большая часть керамики орнаментирована. Основные элементы орнамента

Таблица 2

Соотношение орнамента и форм керамики абашевской культуры

	Колоколовидные		Горшковидные		Баночные		Острорёберные		Всего
	П.	Ш.	П.	Ш.	П.	Ш.	П.	Ш.	
Гор.линии	25	1	7	-	4	-	5	-	42
Гор.ряды Вдавлений	2	-	5	3	1	1	2	1	15
Зигзаг	2	-	1	-	-	-	1	1	5
Треугольник	3	-	-	-	-	-	2	-	5
Волна	3	-	-	-	-	-	2	-	5
Бахрома	1	-	-	-	-	-	1	-	2
Ёлка	-	-	1	-	-	-	-	-	1
Всего орнаментированных	36	1	14	3	5	1	13	2	75
Без орнамента	10		14		11		-		35

П. – палочка (всего – 68); Ш. – штамп (всего – 7)

представлены горизонтальными линиями, горизонтальными рядами вдавлений, зигзагом, треугольниками, волной и бахромой. Встречен и такой узор, как «ёлка». Орнамент наносился на сосуды по сырой глине с помощью палочки и крупного зубчатого штампа. Узор почти всегда крупный, широкий и глубокий. Чаще всего встречаются горизонтальные прочерченные линии, нанесённые по шейке или верхней части тулова. Показатели орнаментации абашевской керамики с поселения отражены в таблице 2.

Несомненно, интересную группу керамики представляют острорёберные миниатюрные сосудики (рис. 6, 7-12). Все они изготовлены и орнаментированы очень тщательно, отличаясь богатством узора по сравнению с другими группами керамики. Внешняя поверхность у них хорошо заглажена, а в одном случае даже подлощена (рис. 6, 11). Интересно, что именно этот фрагмент сосуда несёт орнаментацию в виде треугольных лопастей, что характерно для абашевской посуды Южного Приуралья.

К донской абашевской культуре удалось отнести и 32 фрагмента от донных частей сосудов. Все они характеризуются отсутствием закраины и плавным переходом

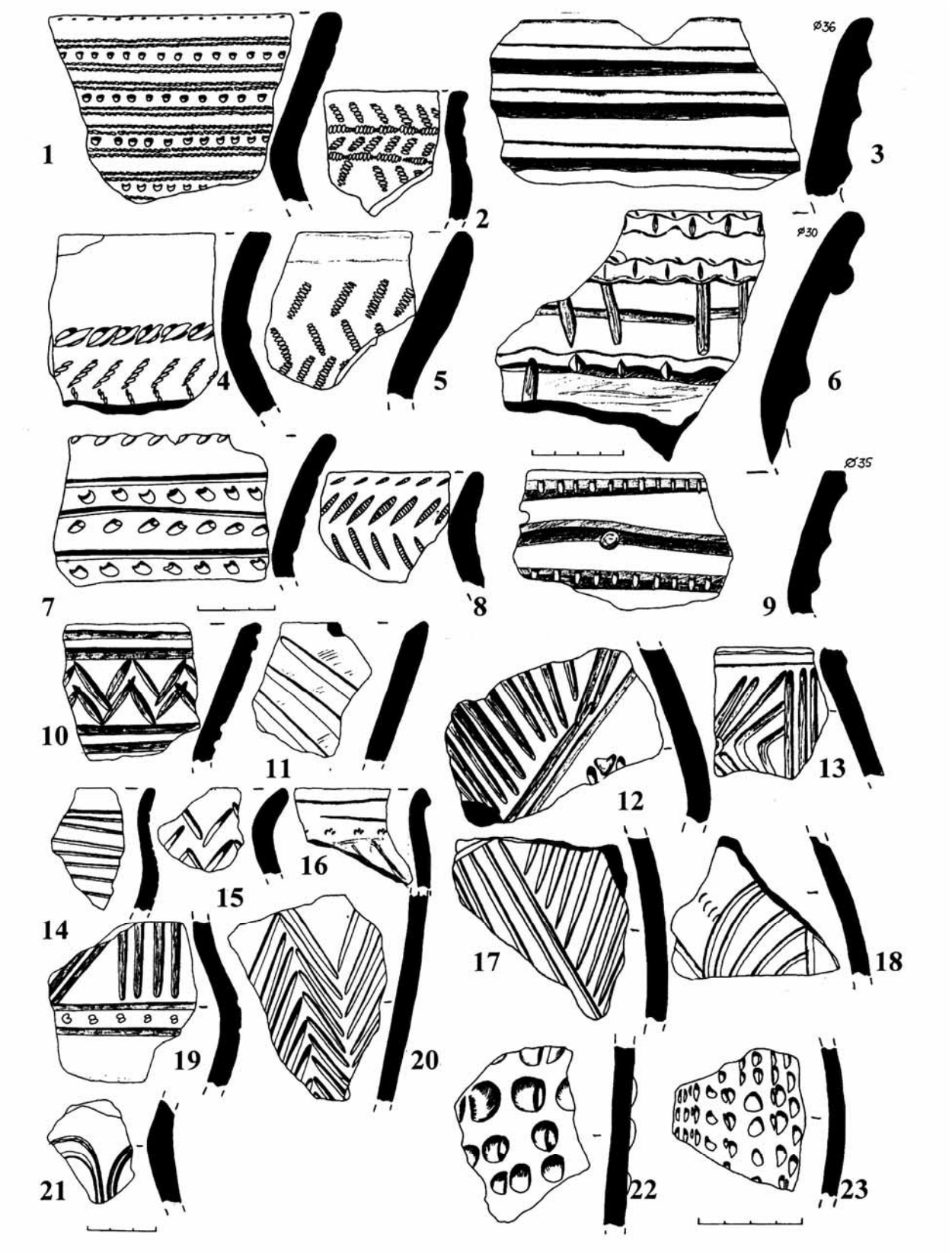


Рис. 4. *Поселение Балахнинское. Керамика среднедонской катакомбной культуры*

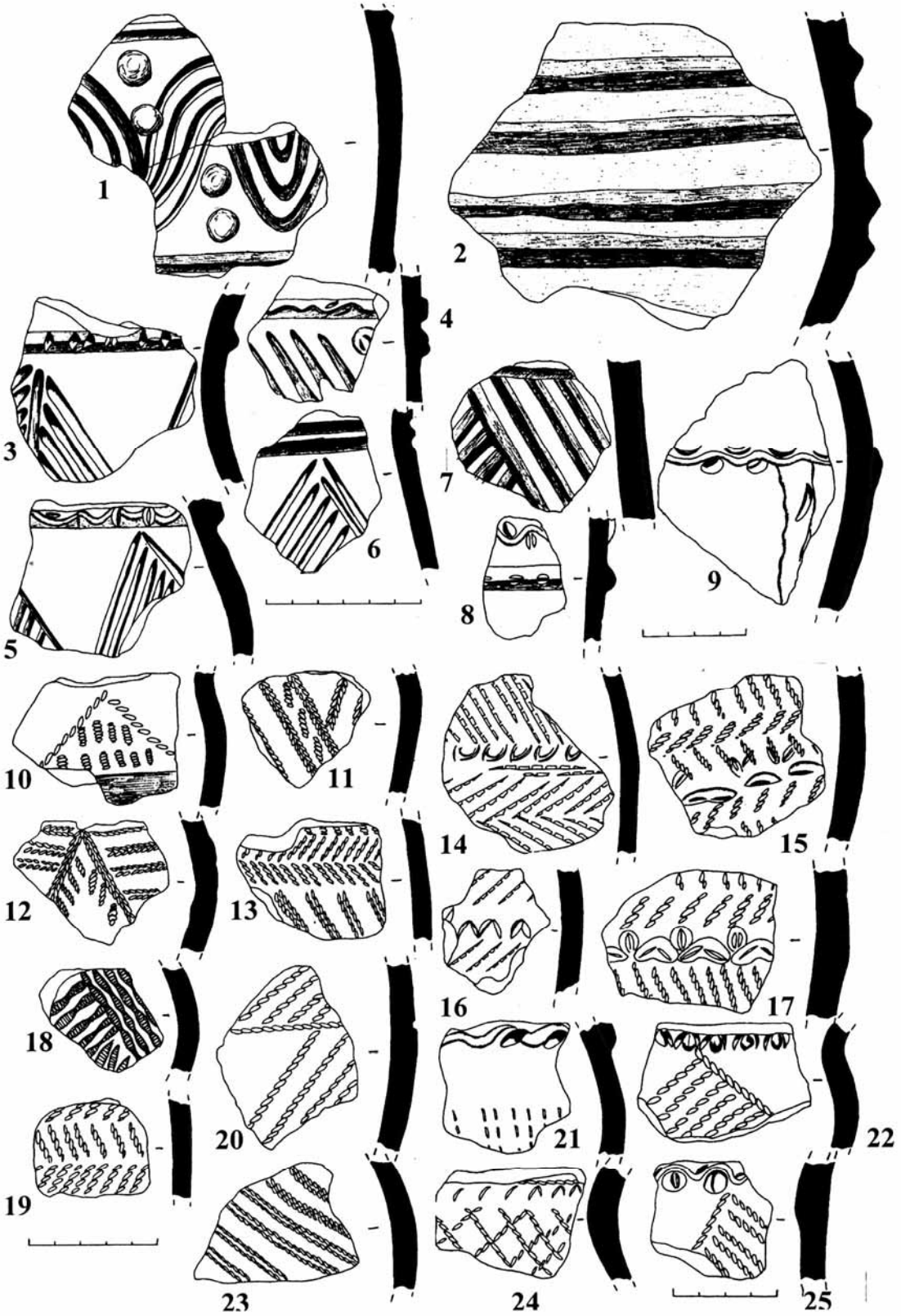


Рис. 5. *Поселение Балахнинское. Керамика среднедонской катакомбной культуры*

от тулова к дну.

Срубная культура эпохи поздней бронзы представлена как посудой, так и индивидуальными находками. Фрагментов керамики выявлено 1930 единиц (309 венчиков, 1513 стенок и 108 днищ). По венчикам удалось выделить 137 лепных сосудов. Обломки посуды фиксировались на разной глубине – от 1 м до 2,2 м, хотя основная масса керамики происходит из слоя 1,4-1,6 м. Распределение форм сосудов по слоям отражено в таблице 3.

Сосуды изготовлены из глины с примесью шамота и реже - песка. Цвет снаружи варьирует от светлого жёлтого до чёрного, изнутри почти все фрагменты коричневые или черные. Примерно у 70% фрагментов внешняя поверхность заглажена, а у остальных покрыта следами расчёсов, которые почти всегда есть и на внутренней поверхности.

Сосуды можно подразделить на четыре типа:

1. Горшковидные сосуды. Имеют плавно выделенную шейку, выгибающуюся наружу,). Почти все венчики имеют наплывы (73 экз.) (рис. 7, 5, 6, 7).

2. Баночные сосуды. Без выделенной шейки (50 экз.) (рис. 7, 1-4). Исходя из

Таблица 3

Стратиграфическое распределение типов керамики донской лесостепной срубной культуры

	1-1,2 м	1,2-1,4 м	1,4-1,6 м	1,6-1,8 м	1,8-2 м	2-2,2 м	Всего
Горшковидные	5	12	32	17	5	2	73
Закр. банки	2	9	10	4	1	1	27
Верт. банки	2	1	3	6	1	1	14
Откр. банки	1	-	2	4	1	1	9
Остроребер н.	-	2	5	2	1	-	10
Колоколовидн ые	-	-	2	2	-	-	4
Всего	10	24	54	35	9	5	137

особенностей профилировки, внутри этого типа можно выделить три подтипа: закрытые банки – 27 ед.; вертикальные банки – 14 ед.; открытые банки – 9 ед.

3. Остроребе рные сосуды. С заметным, хотя иногда и сглаженным ребром на тулове сосуда (10 экз.) (рис. 7, 9-14).

4. Колоколовидные сосуды. Имеют прямую отогнутую вперёд шейку, в результате чего диаметр верха больше максимального диаметра тулова (4 экз.) (рис. 7, 8).

Как видно, из всех типов преобладают горшковидные сосуды, составляя основную часть керамических форм срубной культуры с данного памятника.

Примерно 50% срубной посуды орнаментировано. Соотношение форм и орнаментов представлено в таблице 4. На фрагментах выявлено несколько элементов орнамента: зигзаг, горизонтальные линии, горизонтальные ряды вдавлений, кресты. Единичными экземплярами представлены такие узоры, как горизонтальная «ёлка» и «решётка». На керамике доминируют горизонтальные ряды овальных вдавлений штампом. Орнамент наносился по сырой глине зубчатым штампом, гладкой палочкой и верёвочкой. В одном случае зафиксирован такой приём, как проглаживание плоским концом палочки по подсохшей глине, в результате чего получается пролощенный узор (рис. 7, 10). Этот приём больше распространён в Волго-Уральском междуречье, нежели на Дону. Такой способ нанесения орнамента, сам узор и, конечно же, форма сосуда (рис. 7, 10) наиболее характерны для алакульской культуры и могут рассматриваться как проявление восточных связей донских срубных племён. Определённый интерес вызывает необычный остроребе рный сосуд с прочерченным по шейке прямоугольным

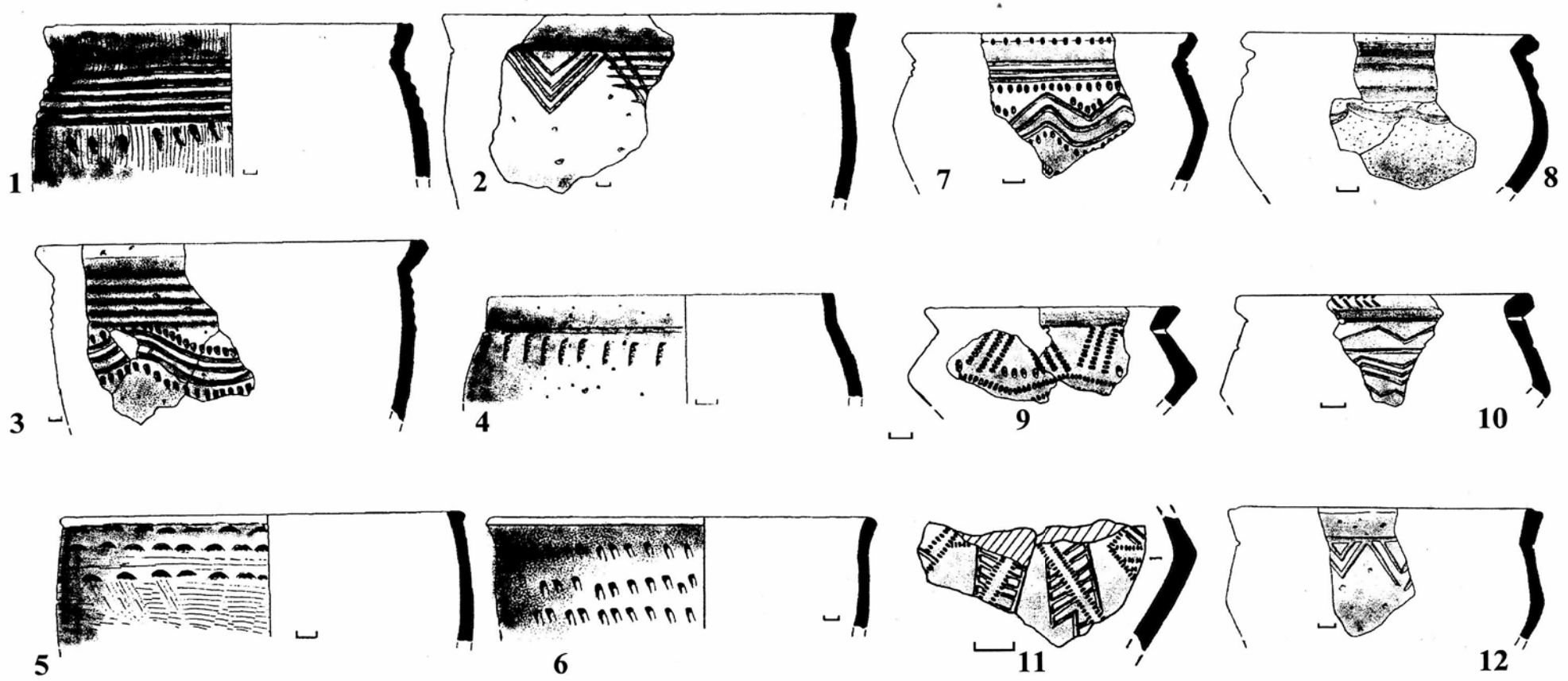


Рис. 6. *Поселение Балахнинское. Сосуды абашевской культуры*

Таблица 4

Соотношение способов орнаментации и форм керамики срубной культуры

	Горшковидные.			Закрыт. банки			Вертик. Банки			Открыт. банки			Острорёб. сосуды			Колоколовидные			Всего
	Ш	П	В	Ш	П	В	Ш	П	В	Ш	П	В	Ш	П	В	Ш	П	В	
Горизонт. Вдавлен.	25	10	-	3	4	-	2	3	-	1	1	-	2	2	-	2	-	-	55
Горизонт. Линии	6	6	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	4	-	1	2	1	-	22
Зигзаг	3	2	-	3	3	-	3	-	-	1	-	-	3	3	1	-	-	-	22
Крест	-	1	-	-	2	-	-	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	5
Ромб	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	2
Решётка	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Всего С орнам.	34	20	1	7	9	-	5	4	-	2	1	-	10	7	2	4	1	-	107
Без орнамента	19			16			6			7			1			1			50

Ш – штамп (всего 62), П – палочка (всего 42), В – верёвочка (всего 3)

зигзагом и каплевидными отпечатками зубчатого штампа под ним (рис. 8, 1). Видимо, перед нами пример знаковой орнаментации, встречающейся на ранних этапах срубной культуры.

К срубной культуре были отнесены некоторые днища от сосудов. Эти экземпляры можно разделить на три группы: днища без закраины, днища со слабо выделенной закраиной и днища с сильно выделенной закраиной.

Бондарихинская культура представлена исключительно обломками лепной посуды. Всего по фрагментам (венчики и орнаментированные стенки) с достоверностью можно выделить 18 сосудов. Обломки бондарихинской керамики залегают на разной глубине от 0,8 до 2 м, но большая часть обнаружена в слоях 1,2-1,4 м и 1,4-1,6 м.

Практически вся керамика имеет однородный облик. Это фрагменты слабопрофилированных горшковидных сосудов с довольно большим диаметром верха (рис. 9). Цвет снаружи и изнутри – серый и коричневый. Толщина стенок колеблется от 0,5 до 1 см. Внешняя и внутренняя поверхности заглажены, исключение составляет лишь один фрагмент, на котором сохранились слабые следы вертикальных расчёсов. В качестве примесей к глине зафиксированы дроблёный кварцит, мелкий известняк и иногда – песок.

Орнамент на бондарихинской керамике представлен следующими композициями: ряды глубоких вдавлений гладкой или раздвоенной палочкой, вдавления полой круглой палочкой либо косточкой, овальные вдавления зубчатого штампа, прочерченные линии, отрезки штампа, отпечатки верёвочки, намотанной на стержень (рис. 9). Часто встречается орнамент по срезу венчика (рис. 9, 1, 3).

Днища с закраиной и без неё. Диаметр практически всех днищ укладывается в размеры от 13 до 17 см.

Если рассматривать керамику эпохи бронзы в целом, то необходимо отметить довольно сильную перемешанность культурного слоя и отсутствие четких горизонтов залегания керамики определенной культуры. Опираясь на данные планиграфии, можно отметить, что венчики доно-волжской абашевской культуры в основном тяготеют к слою 1,4-1,6 м; керамика срубной культуры также вычленяется в слое 1,4-1,6 м, где абсолютно преобладает по количеству над остальными; венчики катакомбной культуры практически равномерно распределяются по трем слоям: 1,2-1,4 – 1,6-1,8 м.

Кроме посуды, с памятника происходит ряд интересных индивидуальных нахо-

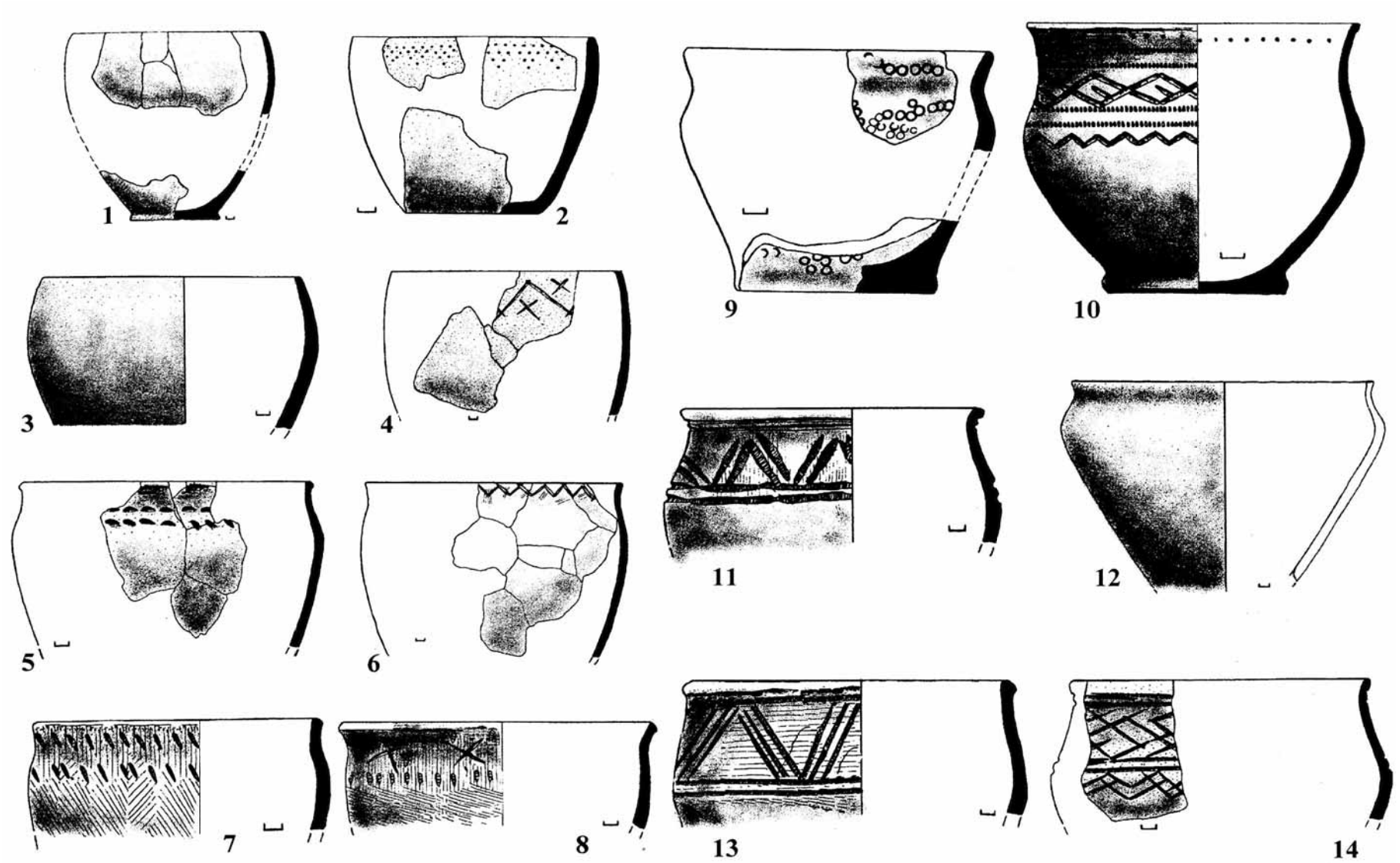


Рис. 7. *Поселение Балахнинское. Сосуды срубной культуры*

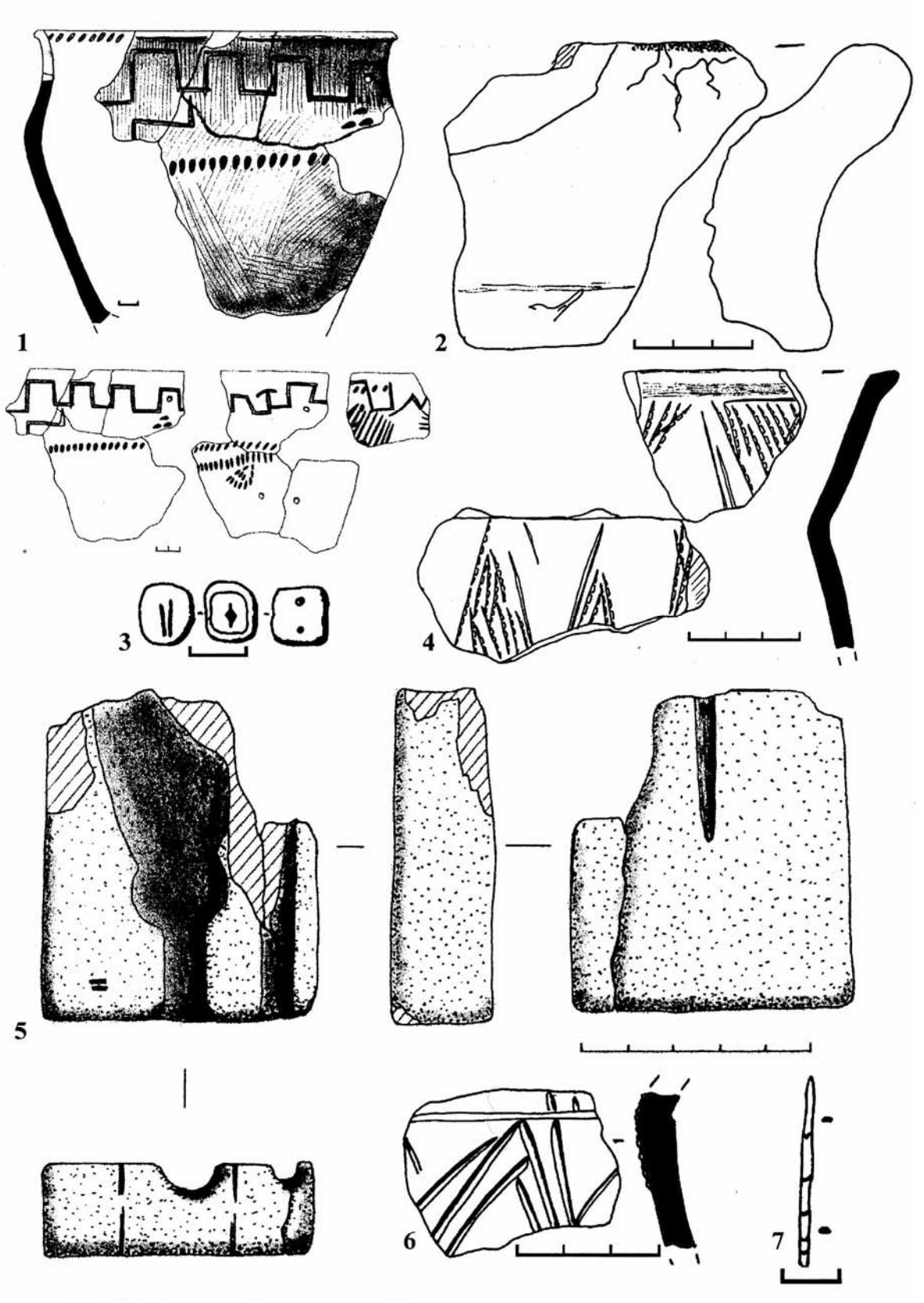


Рис. 8. *Поселение Балахнинское. Индивидуальные находки из культурного слоя. 1 – сосуд срубной культуры; 2 – литейная чаша со следами ошлаковки; 3 - игральная (гадальная ?) кость; 4 – фрагмент сосуда фатьяновской культуры; 5 - створка литейной формы; 6 – стенка сосуда катакомбной культуры со следами ошлаковки; 7 – бронзовый сплеск*

док. Например, обломок литейной двустворчатой формы для двух изделий (рис. 8, 5). Сохранившаяся часть имеет прямоугольное сечение при толщине 2,1 см и ширине 5,9 см. Форма была сделана из хорошо подготовленной глины, с примесью песка. Цвет её красный с черными и пепельно-серыми пятнами, свидетельствующими о том, что форма была в использовании. В данной форме отливались два изделия – нож и прут-заготовка. На нижней части формы есть проточенный желобок, что, возможно, свидетельствует об использовании формы и в качестве абразива. На узкой боковой стороне остались параллельные следы от крепежа с другой половиной. Еще одним свидетельством металлургии является бронзовый сплеск (рис. 8, 7). К свидетельствам металлургии на поселении относятся также фрагмент плавильной чаши с массивным венчиком, на поддоне (рис. 8, 2). По краю венчика имеются следы ошлаковки, т.е. чаша использовалась для литья металла. Тесто, из которого изготовлено данное изделие, очень рыхлое и плохо обожженное. Датировка данной чаши затруднительна, но судя по тому, что она находилась в верхнем слое, она может относиться к эпохе поздней бронзы или даже к раннему железному веку.

Интересной находкой является фрагмент стенки сосуда катакомбной культуры (рис. 8, 6), украшенный прочерченными линиями и несущий на внутренней стороне следы ошлаковки. Характерно, что данный фрагмент находился в том же квадрате и слое, что и литейная форма.

В площади раскопа найдены два фрагмента кремневых наконечников стрел. Оба они черешковые, более крупный сделан из черного мелового кремня высокого качества, выполнен в технике отжимной ретуши (после того, как сломался, он мог использоваться как режущее орудие); меньший изготовлен из серого валунного кремня.

К отходам каменного производства относятся восемь обломков и семь отщепов из валунного кремня местного происхождения. Кроме этого, в слое выявлены крупные камни (7 ед.) и 22 обломка камней со следами шлифовки и использования.

К индивидуальным находкам мы также отнесли и несколько фрагментов керамики от сосуда, который не удалось связать ни с одной из культур на поселении. Это тонкостенный сосуд с высоким раструбовидным венчиком, изнутри которого имеется желобок.Венчик украшен треугольниками вершинами вниз, заполненными гребенчатой орнаментацией. Край его с небольшим валиковым утолщением, верхняя часть тулова сосуда украшена такими же треугольниками, но вершинами вверх (рис. 8, 4). Тесто очень плотное, встречаются небольшие вкрапления охры. Данный сосуд, на наш взгляд, следует относить к фатьяновской культуре.

Благодаря тому, что кость на поселении сохранилась весьма неплохо, удалось получить достаточно представительную серию костяных орудий: острие проколки, кольцо, игральная (гадальная?) кость в виде кубика, на трех гранях которого последовательно нанесены: две точки, точка перечеркнутая чертой и две параллельные черточки. Остальные три поверхности «пустые» (рис. 8, 3). Найдена также пяточная часть какого-то изделия из кости, кость с круглым отверстием внутри (ручка?) и целая группа (пять единиц) других костей со следами использования. К изделиям из кости мы также отнесли и два зуба, которые вполне могли использоваться как амулеты, так как на их поверхностях имеются следы от пропилов для подвешивания.

Кроме этого, в культурном слое поселения выявлена известняковая прямоугольная плита размерами 0,4 х 0,27 м и толщиной до 10 см. Внешняя сторона плиты заглажена, что может свидетельствовать о её использовании в качестве зернотерки.

К сожалению, из-за перемешанности слоя соотнесение индивидуальных находок с какой-либо культурой проблематично.

Подводя итоги, отметим, что рассматриваемые материалы среднедонской катакомбной культуры характерны для начала ее развитого этапа, когда в орнаментации посуды ещё сохраняется веревочный и гребенчатый штамп и появляются украшения в виде валиков и прочерченных линий. По существующим хронологическим разработкам данная посуда может быть отнесена к рубежу первой – второй четверти II тыс. до н.э.

Материалы доно-волжской абашевской культуры отражают, видимо, поздний ее этап и могут быть датированы в пределах середины II тыс. до н.э.

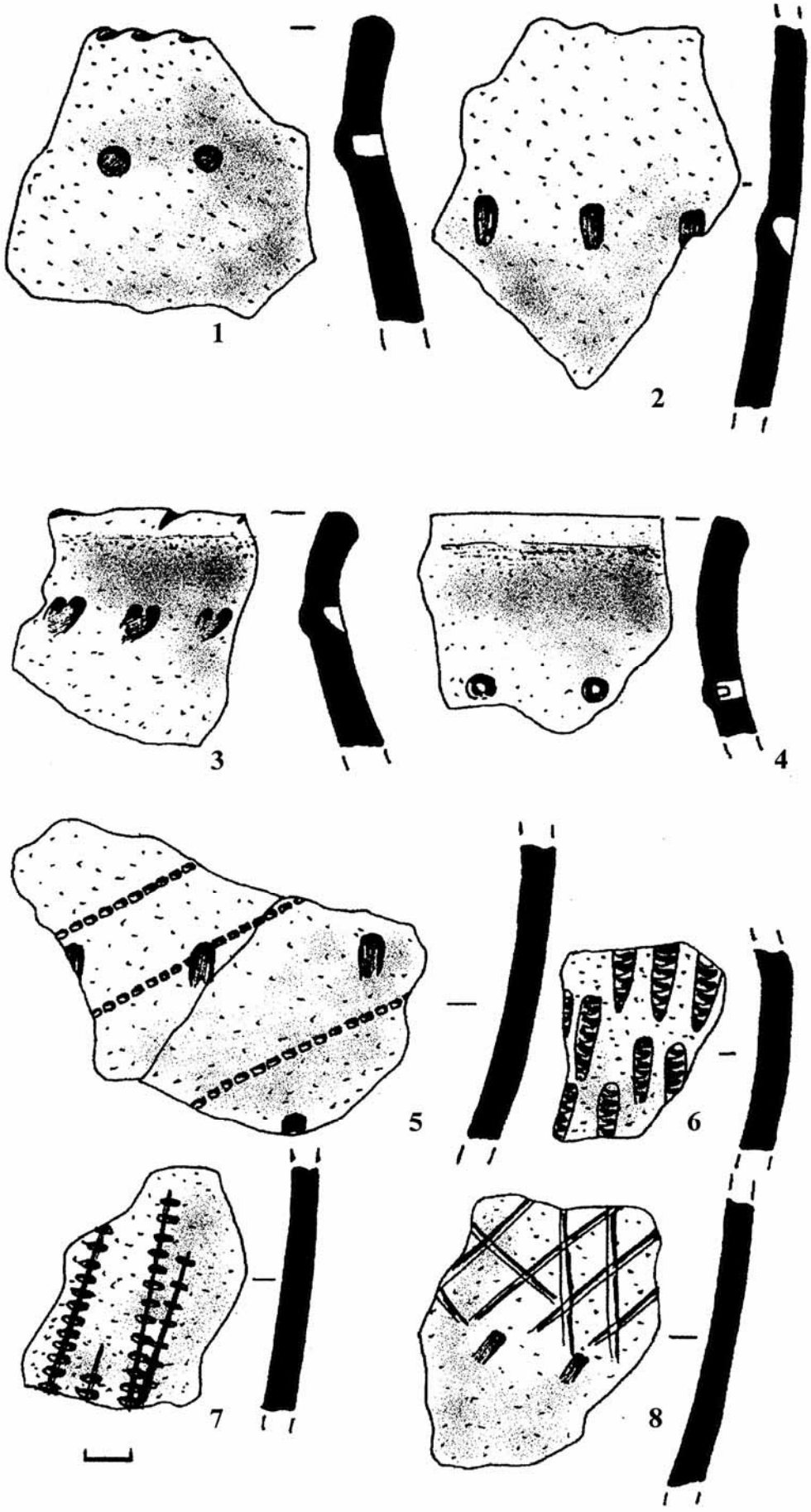


Рис. 9. *Поселение Баахнинское. Керамика бондарихинской культуры*

Характеризуя керамический комплекс срубной культуры в целом, следует отметить ряд черт, которые отличают его от других срубных комплексов. Это, прежде всего, преобладание горшковидных форм над баночными; значительное количество экземпляров с заглаженной внешней поверхностью; сравнительно небольшая толщина стенок посуды (часто менее 1 см); наличие ребра у некоторых сосудов в верхней трети тулова; доминирование в орнаментации горизонтальных рядов овальных вдавлений, выполненных штампом; наличие днищ без закраин; присутствие среди находок образцов посуды, распространённых в восточном ареале срубного мира. Всё это позволяет отнести время бытования срубного населения на данном памятнике к раннему этапу развитого периода донской лесостепной срубной культуры.

Бондарихинская керамика с памятника заметно отличается от классических комплексов, открытых на Украине. Ближе всего по своим технологическим показателям, орнаментации и типологии данная группа керамики соответствует ранним бондарихинским материалам марьяновского типа. Соответственно, её можно отнести к финальному периоду позднего бронзового века и датировать по аналогии с подобными комплексами временем 1200 – 1000 лет до н. э.

Определить функциональный характер памятника на сегодняшний момент достаточно сложно, так как изучена небольшая, скорее всего, окраинная часть поселка, слои сильно перемешаны, отсутствуют строительные сооружения, за исключением котлована, изученного в результате зачистки (Екимов Ю.Г., 1976). С другой стороны, культурный слой поселения достаточно сильно насыщен керамикой и особенно костями животных, что может свидетельствовать о многократном сезонном освоении данного места. Перемешанность слоя не исключает синхронности проживания на определенных отрезках времени населения разной культурной принадлежности.

Екимов Ю.Г., 1976. Отчет о разведке по р. Снова и р. Кобылья Снова в Задонском районе Липецкой области в 1976 г.// Архив ИА РАН.

Ивашов М.В., 2002. Отчет к открытому листу № 594 об исследованиях многослойного поселения Балахнинское у с. Балахна в Задонском районе Липецкой области в 2002 г.// Архив ИА РАН.

Ивашов М.В., 1998. Отчет о работах археологической экспедиции Липецкого госпединститута в Задонском районе Липецкой области в 1998 году// Архив ИА РАН.

Пряхин А.Д., 1964. Отчет археологической экспедиции Воронежского университета за 1964 г. // Архив ИА РАН.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1998. Остроребериые абашевские сосуды Доно-Волжского региона // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 11. Воронеж. С. 60-71.

А.Т. Синюк, В.Д. Березуцкий , А.А. Зацепин
(Воронеж, ВГПУ)

Плясоватские курганы

Два кургана, отстоящие друг от друга в километре по линии С-Ю, находились на ровном участке низкой террасы (до одного метра над уровнем поймы) левого берега р. Хава напротив села Плясоватка Верхнехавского района Воронежской области (Левобережье Среднего Дона) (рис. 1, 1).

Курганы обнаружены отрядом археологической экспедиции Воронежского педуниверситета (Березуцкий В.Д., 1991). Первый (южный) курган был исследован в 1998 г. в связи с разрушением насыпи глубокой распашкой и появлением на поверхности фрагментов лепных сосудов, а также кусков дерева от могильного перекрытия (Березуцкий В.Д., 1999). В 2001 г. по той же причине были произведены раскопки

второго кургана (Березуцкий В.Д., 2001). Курганы исследовались с помощью бульдозера прямыми траншеями по линии С-Ю послойно на снос, с фиксированием особенностей структуры насыпей по стратификационным стенкам между траншеями. Все замеры для каждого кургана велись от нулевой отметки, взятой в центре поверхности насыпи.

Первый (южный) курган

Диаметр округлой в плане насыпи до начала раскопок составлял 56 м при высоте 1,6-1,8 м от современной поверхности. С севера, юга и запада курган более высокий, нежели с востока. По сообщениям местных жителей памятник подвергался разрушению сначала местным помещиком, затем - в послевоенное время.

В процессе раскопок выявлена следующая стратиграфия наслоений. Под пахотным слоем толщиной 0,25-0,3 м залегал однородный чернозем мощностью до 2,4 м (под нулевой отметкой) (рис. 1, 3). В центре насыпи этот слой оказался перемешанным из-за грабительского лаза (8,5х10 м), устроенного в 3,5 м к юго-востоку от нулевой отметки. Лаз ориентирован длинной осью по линии С-Ю. Он опускался до материка, представлющего собой вязкую желтую глину, углубляясь в него на 0,1-0,25 м. Тем самым была разрушена часть выкида из погребения с юго-восточной стороны. Выкид размещался на уровне погребенной почвы, отличавшейся от состава насыпи более темным цветом, и достигавшей толщины 0,6 м.

В перемешанном заполнении лаза в ходе раскопок были обнаружены куски дерева от могильного перекрытия, зубы и мелкие фрагменты костей травоядных животных, несколько мелких фрагментов керамики с примесью толченой раковины, стенка чернолощеного сосуда. Судя по находке последней, лазом, возможно, было уничтожено впускное погребение раннего железного века. Лаз, однако, не затронул основное погребение, не дойдя до него всего 0,5-0,7 м.

С запада выкид имел перемычку шириной до 3-х м (рис. 1, 3). Ширина выкида – 2,4 м (с Ю-В) и 5 м - с севера. Наибольшая мощность приходится на северную часть, где толщина его достигает 0,3-0,35 м (с юга - 0,2 м). При этом выкид отстоял от могилы на расстоянии 2-3 м. Отметим, что в бровке I - I' было видно, как материковый выкид лег на черноземную насыпку, расположенную на поверхности погребенной почвы (рис. 1, 4). Происхождение прослойки чернозема под глиной из основного погребения вызвано, скорее всего, особенностями сооружения могилы. В ходе ее создания строители выбросили сначала на древнюю поверхность значительный слой чернозема, а лишь затем на него легла материковая глина. С юга материковый слой лег сразу на древнюю поверхность. Таким образом, можно предположить, что устройство могилы начиналось с севера, запада и востока и лишь затем – с юга.

Особый интерес вызывает тонкая полоска материковой глины, зафиксированная в бровке I – I' (рис. 1, 1, 4). Ее толщина составляла 3-5 см, а длина по линии бровки – 8 м. При этом полоса располагалась дугой, перекрывая черноземную насыпку, а не погребенную почву.

В центральной части кургана обнаружено погребение. Оно представляло собой обширную (2,1х3,05 м) яму прямоугольной формы с закругленными углами, глубиной 0,4 м от уровня материка. Яма ориентирована длинной осью по линии ССЗ-ЮЮВ (рис. 2, 1). ЗЮЗ и ЮЮВ части могилы нарушены норами сурков, которыми была сильно потревожена и насыпь. Вместе с тем, норы не затронули основную часть могилы из-за плотного грунта, который имел сложный состав. Основная его часть - чернозем с примесью небольших комков глины, мело-известняковых включений и древесных углей (рис. 2, 1). При этом масса такого грунта была не просто засыпана в могилу, а специально утрамбована, поскольку спекшиеся его куски приходилось с трудом скалывать при выборке заполнения. Кроме того, в нем на разных уровнях наблюдались остатки тонких органических настилок коричневого цвета, которых было, вероятно, три. Создается впечатление о последовательном создании этих настилок, засыпавшихся затем грунтом. Такое предположение подтверждается и находками

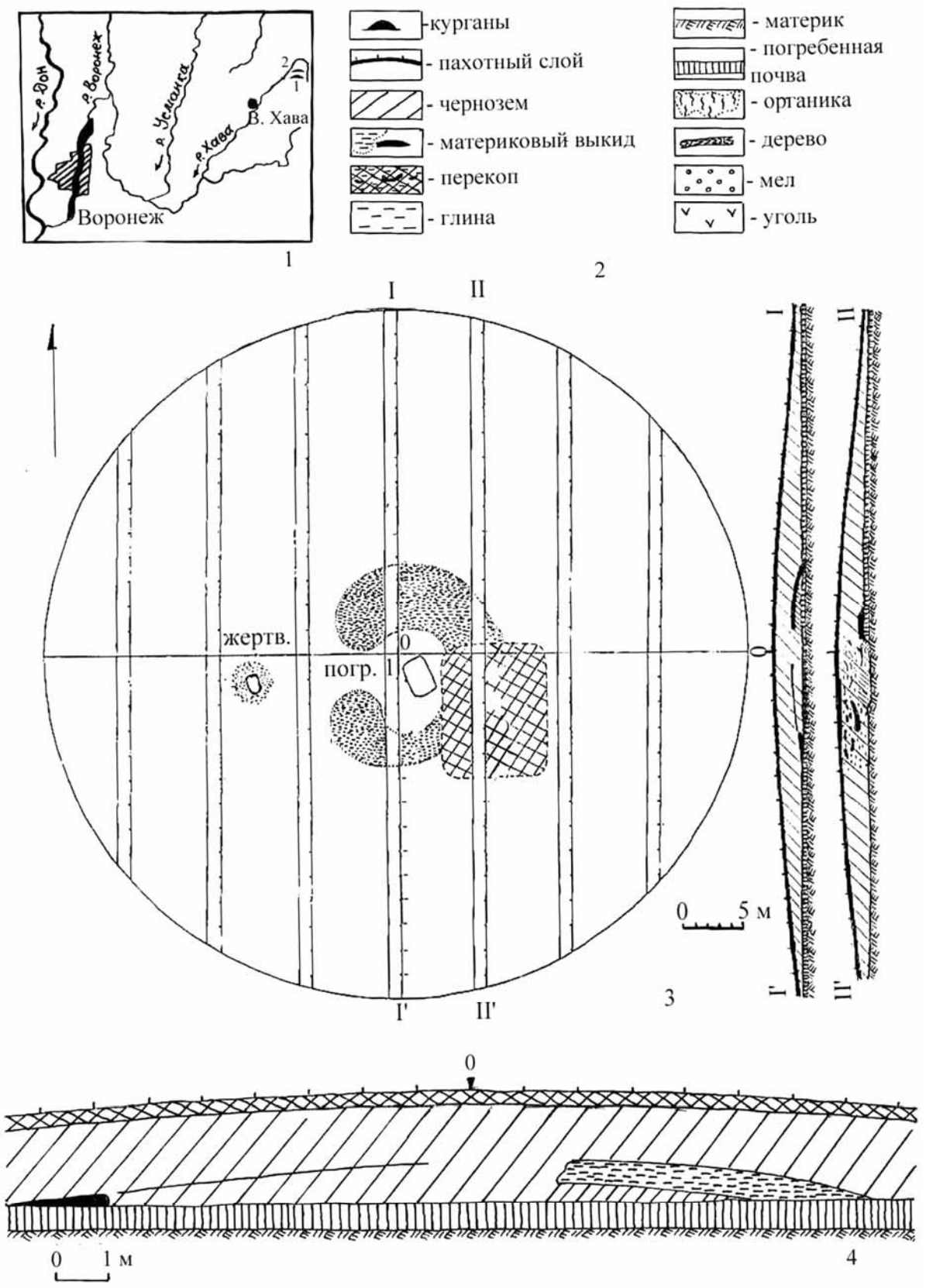


Рис. 1. *Плясоватские курганы.*
1 – карта местонахождения; 2 – условные обозначения;
3 – план и профили Первого (южного) кургана;
4 – центральная часть бровки по линии I'-I

битых сосудов, более 20-ти фрагментов которых найдено на самих настилках. Фрагменты представлены плоским днищем без закраины (рис. 3, 4), неорнаментированными стенками и стенками, украшенными прочерчиванием (рис. 3, 6). Среди находок – фрагменты верха остроребериого сосуда с чуть отогнутым наружу небольшим венчиком с намеченной желобчатостью с внутренней стороны. Орнамент состоит из горизонтальных прочерченных линий и оттисков зубчатого штампа, образующих ромбовидные композиции (рис. 3, 3). Найден также фрагмент крышки сосуда, орнаментированной оттисками зубчатого штампа (рис. 3, 5). Цвет поверхности фрагментов серого и серо-коричневого цвета; обильная примесь толченой раковины придает им рыхлую структуру.

Кроме находок керамики в заполнении ямы была обнаружена деревянная плашка от перекрытия, а также фрагменты скелета человека: тазовая кость, кость руки и зуб. Зуб (рис. 2, 23) носит явные следы обработки. На грани его коронки и шейки с одной стороны фиксируется пропил мелкозернистым абразивом. Шейка интенсивно заполирована и имеет взаимопараллельные линейные следы поперечной направленности от соприкосновения с мягким материалом (нить, кожа). Торцевая часть коронки покрыта продольными линейными следами, а корень слабо заполирован на выступающих участках[1]. Назначение обработанного таким образом зуба не ясно. Возможно, что часть операций (заполировка корня, шейки) могла быть произведена после того, как зуб удалили из челюсти. Другие операции (односторонний пропил, обработка торцевой части коронки) могли быть произведены на зубе в его естественном состоянии при жизни человека. Возможно также, что умерший пользовался каким-то особым приспособлением типа пластины, вставлявшейся между двумя аналогичным способом пропиленными зубами (при условии удаления других передних зубов), а после смерти человека зуб вошел в разряд культовых предметов. Впрочем, не исключены и другие интерпретации находки.

В центральной части пола ямы обнаружено несколько костей от позвоночника, ребер, пальцев рук, ключицы взрослого человека. Все кости располагались без анатомического порядка. При этом отметим, что сурчинами не была потревожена центральная часть могилы, и характер останков скелета указывает на изначальное размещение костей именно в таком разрозненном состоянии.

Рядом с костями сохранились остатки органической подстилки, и здесь же обнаружены предметы погребального инвентаря: костяное (роговое) изделие, костяные (роговые) шипы от псалиев, кремневые наконечники стрел, бронзовые нож и скоба, глиняные сосуды.

Костяное (роговое) изделие фиксировалось в СЗ углу лишь в виде тлена. Полностью его форму установить не удалось. В общих же чертах предмет выглядел как тонкая (1-1,5 мм) прямоугольная пластина размерами 4,4 х 5 см с закругленными углами. По его периметру нанесены тонким резцом восемь сдвоенных насечек крестовидной формы (рис. 3, 7). С одной стороны изделия были расположены два небольших отверстия.

Костяные (роговые) шипы псалиев в количестве семи экземпляров размещались в один ряд на расстоянии 0,4 м к ЮВ от рассмотренного изделия. Шипы (рис. 2, 16-22) имеют длину от 2,2 до 2,7 см, конусовидную форму с характерной подрезкой для крепления в диске. Поверхность их заполирована. Торцы некоторых шипов орнаментированы тонкими линиями в виде креста с ромбами на его концах (рис. 2, 19), четырех спиралей, закрученных против часовой стрелки (рис. 2, 20, 22), мелких насечек, отходящих от центрального кружка в разные стороны (рис. 2, 21).

Кремневые наконечники стрел в количестве 12-ти экземпляров лежали компактно, располагаясь недалеко от шипов. Все они имеют удлиненно-треугольную форму и прямое основание. Выполнены техникой двустороннего ретуширования по всей поверхности (рис. 3, 4, 6,-15) из кремня черного, коричневого и розового цветов. Для

[1] Здесь и далее трасологический анализ проведен В.В. Килейниковым.

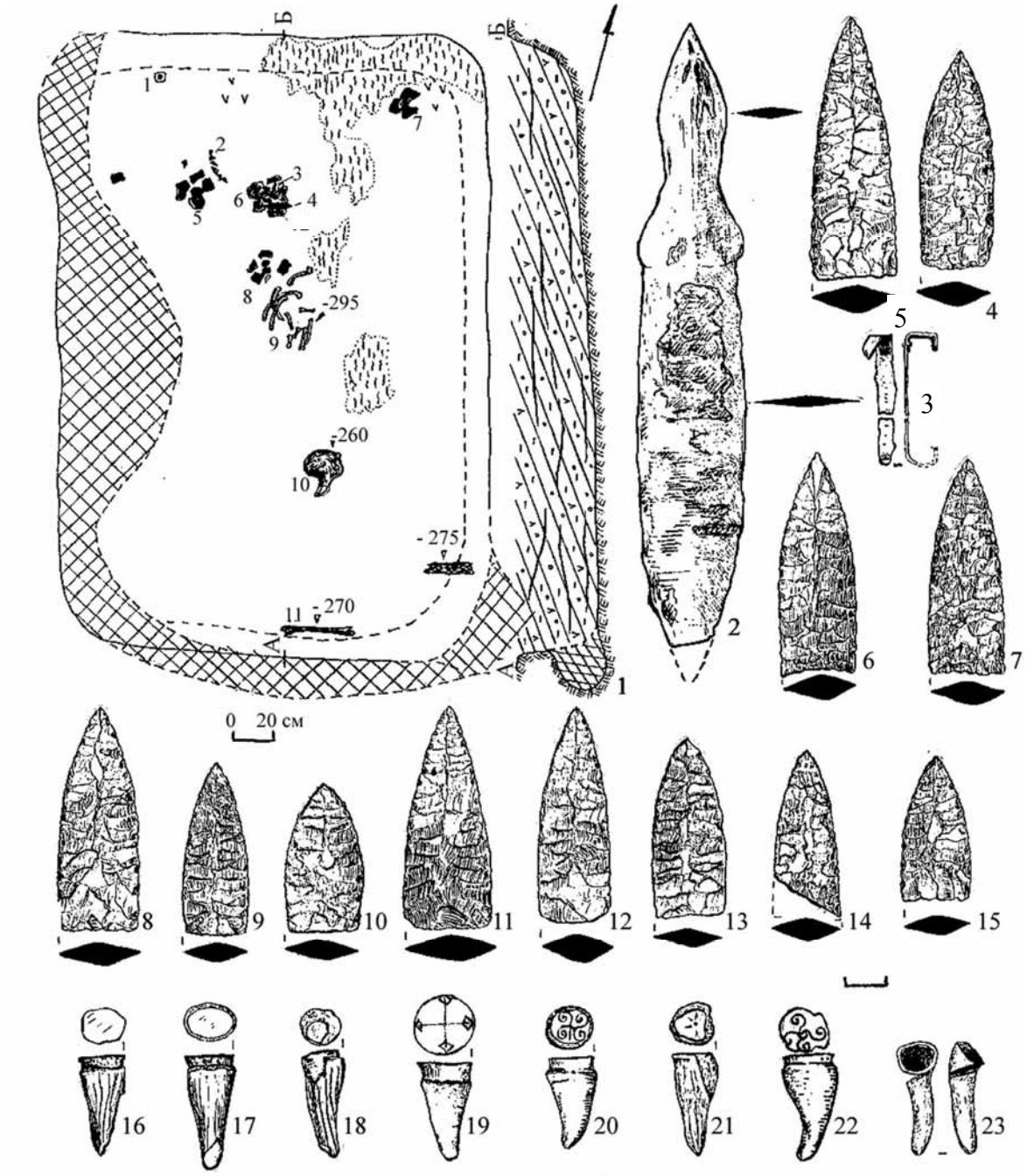


Рис. 2. *Первый (южный) Плясоватский курган.*
1 – план и профиль погребения 1 (цифрами пронумеровано местонахождение изделий: 1 – роговая пластина; 2 – шипы псалиев; 3 – кремневые наконечники стрел; 4 – медный нож; 5, 6 – сосуды; 7, 8 – фрагменты сосудов; 9 – фрагменты человеческого скелета; 10 – тазовая кость; 11 – бедренная кость); 2 – медный нож; 3 – бронзовая скобка; 4-15 – кремневые наконечники стрел; 16-22 – костяные (роговые) шипы псалиев; 23 – зуб человека

их изготовления использовался в основном валунный низкокачественный кремень.

Бронзовый нож находился рядом с наконечниками стрел (рис. 2, 2). Он был вложен в кожаный чехол, от которого сохранились органические остатки серого цвета и отпечатки кожи на самом изделии. Нож листовидной формы, имеет намеченное перекрестье и ромбовидную расковку черешка. Длина ножа 15,2 см, ширина лезвия 2,5 см.

Бронзовая скоба обнаружена рядом с ножом. Представляет собой тонкую пластину шириной 0,4 см и длиной 3,2 см с загнутыми концами (рис. 2, 5). Судя по всему, скоба принадлежала ножнам.

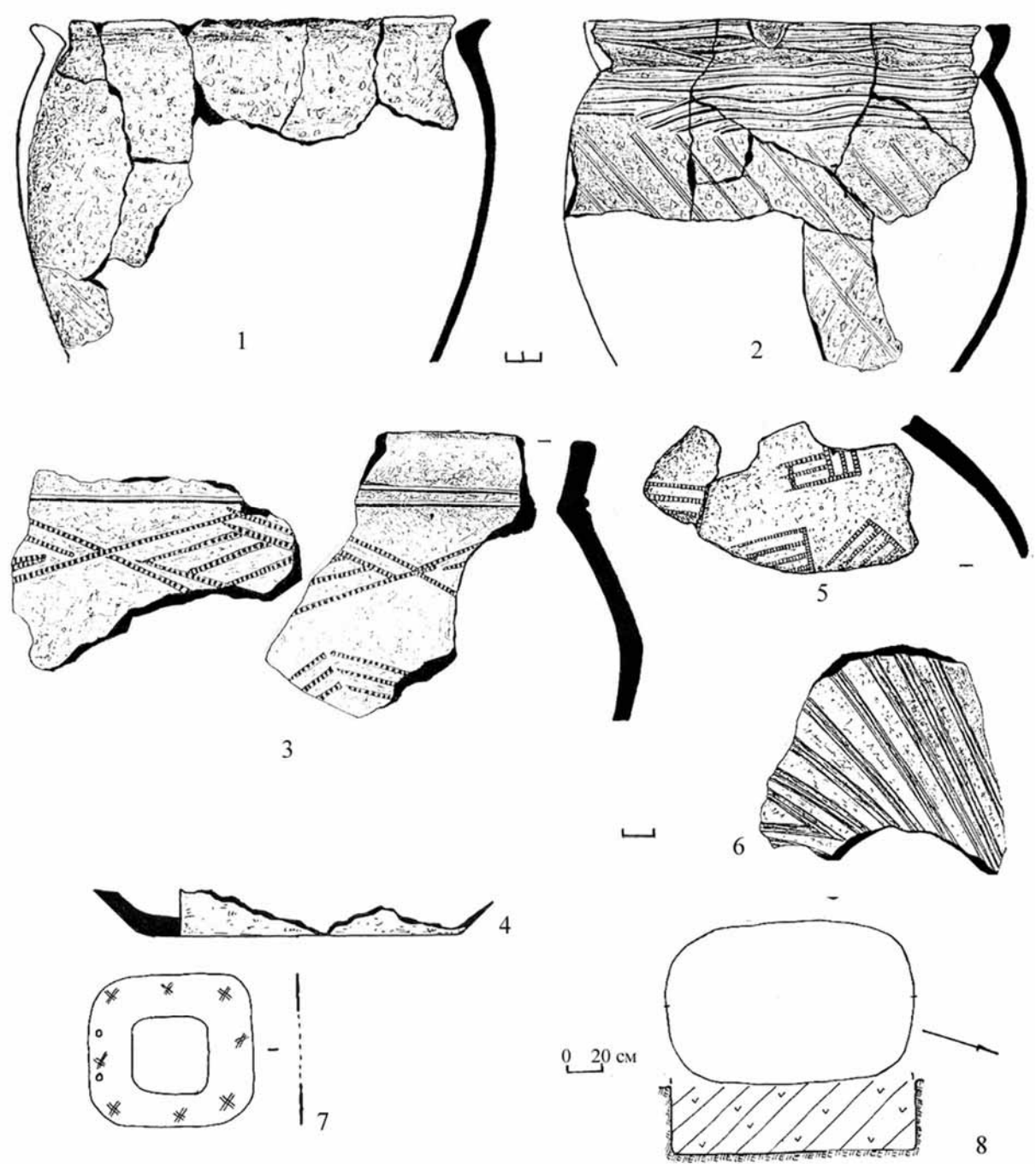


Рис. 3. *Первый (южный) Плясоватский курган.*
1-6 – керамический материал; 7 – костяное (роговое) изделие;
8 – план и профиль жертвенной ямы

Глиняные сосуды представлены двумя экземплярами. Рядом с шипами псалиев лежали фрагменты горшка серо-коричневого цвета с округлым туловом и коротким, резко отогнутым наружу венчиком (рис. 3, 1). Сосуд не орнаментирован, в тесте имеется обильная примесь толченой раковины.

Над кремневыми наконечниками, ножом и скобой находился неполный развал второго сосуда той же формы, но с характерным желобком с внутренней стороны венчика (рис. 3, 2). Цвет сосуда коричневый, в глиняном тесте присутствует обильная примесь толченой раковины. Верхняя часть сосуда орнаментирована рядами глубоких горизонтальных прочерчиваний, а ниже располагаются косо-вертикальные линии с наклоном в одну сторону. Отметим, что фрагменты этого сосуда находились и в заполнении ямы.

В шести метрах к ЗЮЗ от центра кургана располагалась жертвенная яма (рис. 1, 3), в которой найдены зубы крупного травоядного животного и фрагментарные кости

ребенка. Незначительный по мощности выкид (толщина до 0,1 м и ширина 1,0-1,3 м) окружал ее со всех сторон. Судя по его приподнятости в восточную сторону, яма была впущена в западную полу первичной насыпи, после чего была произведена досыпка кургана. Яма прямоугольной формы с сильно закругленными углами, размерами 0,95 х 1,5 м, глубиной 0,4 м в материке, ориентирована по линии ЮЮВ-ССЗ (рис. 3, 8). Заполнение состояло из чернозема с включениями древесных углей. Здесь же найдены два зуба крупного жвачного животного. Данное сооружение скорее всего может быть связано с рассмотренным выше захоронением. Размещение его в плане строго напротив перемычки выкида из погребения подкрепляет такое предположение.

Само же погребение относится к кругу древностей, связанных с традициями абашевского этнокультурного мира. При этом фиксируется устойчивый набор признаков, характеризующий социально престижные захоронения эпохи бронзы, датируемые концом XVII-XVI вв. до н.э. Ныне они хорошо известны на донской территории и относятся одними исследователями к доно-волжской абашевской культуре (Пряхин А.Д., Матвеев Ю,П., 1988; Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И., 1998 и др.), а другими – к покровско-абашевской (Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995; Синюк А.Т., 1996 и др.)[1].

К устойчивому набору признаков прежде всего относятся: тип погребальной ямы (обширные размеры, обваловка из выкида); сопровождение захоронения жертвенниками; каменными наконечниками стрел; бронзовыми ножами с расковкой черенка, сосудами с ракушечной примесью; щитковыми (дисковидными) псалиями с шипами, или же только шипами. В каждом конкретном случае сумма и комбинации признаков могут быть достаточно вариабельными. В нашем случае интересна параллель с материалами погребения 4 кургана Селезни 2, где наряду с типологическим единством каменных наконечников стрел (при их почти равном количестве), ножей и сосудов, сходство дополняется присутствием бронзовых скоб-хомутиков от ножен (Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И., 1998). Кстати, на торце одного из шипов псалиев, находившегося в погребении 1 того же памятника, нанесен весьма сходный с плясоватским крест, только подчеркнутый на концах не ромбиками, а треугольничками (Пряхин А.Д,, Моисеев Н.Б., Беседин В.И., 1998, рис 9, 6). Композиционное и семантическое единство здесь очевидно. Отметим и сходство орнаментации на торце одного из плясоватских шипов и на шипах псалия из Пичаевского кургана (Моисеев Н.Б., Ефимов К.Ю., 1995), где на первом изображены четыре спиралевидных кружка, а на вторых – по четыре концентрических кружка. С погребением же 3 кургана Селезни 2 рассматриваемый нами комплекс взаимоувязывается присутствием сосудов с крышками, несущими затейливую орнаментацию зубчатым штампом (Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И., 1998).

Говоря о сосудах плясоватского погребения, заметим, что наряду с типично местными приемами их изготовления (обильная примесь в тесте крупнотолченой ракушки, косо-вертикальные расчесы поверхности, колоколовидность формы и желобчатость венчика) в орнаментации одного из них присутствует мотив в виде опоясывающей цепочки лежащих «заполненных» ромбов – мотив, более всего характерный в орнаментации сосудов Волго-Уральского лесостепного и степного регионов потаповского, петровского, алакульского круга памятников, а шире – андроновско-срубного культурного ареала. Интересно также, что сосуды со сходной орнаментацией в отмеченных регионах сопутствуют и социально престижным погребениям с костяными псалиями (Зданович Г.Б., 1985). В бассейне Дона, помимо Плясоватского, они встречены в погребении 3 Власовского кургана №16 (Синюк А.Т., 1996), а также в погребении 1 Первомайского кургана №3 (Моисеев Н.Б., 1998). При этом и другие признаки отмеченных захоронений несут традиции восточных от Дона территорий.

---

[1] Такое разночтение не ограничивается терминологическим аспектом, а несет принципиальный характер разного понимания причин появления и соотношения культурообразующих компонентов данной группы памятников. Придерживаясь последнего определения, мы не ставим в рамках этой публикации задачу его обоснования, что еще ждет своего времени.

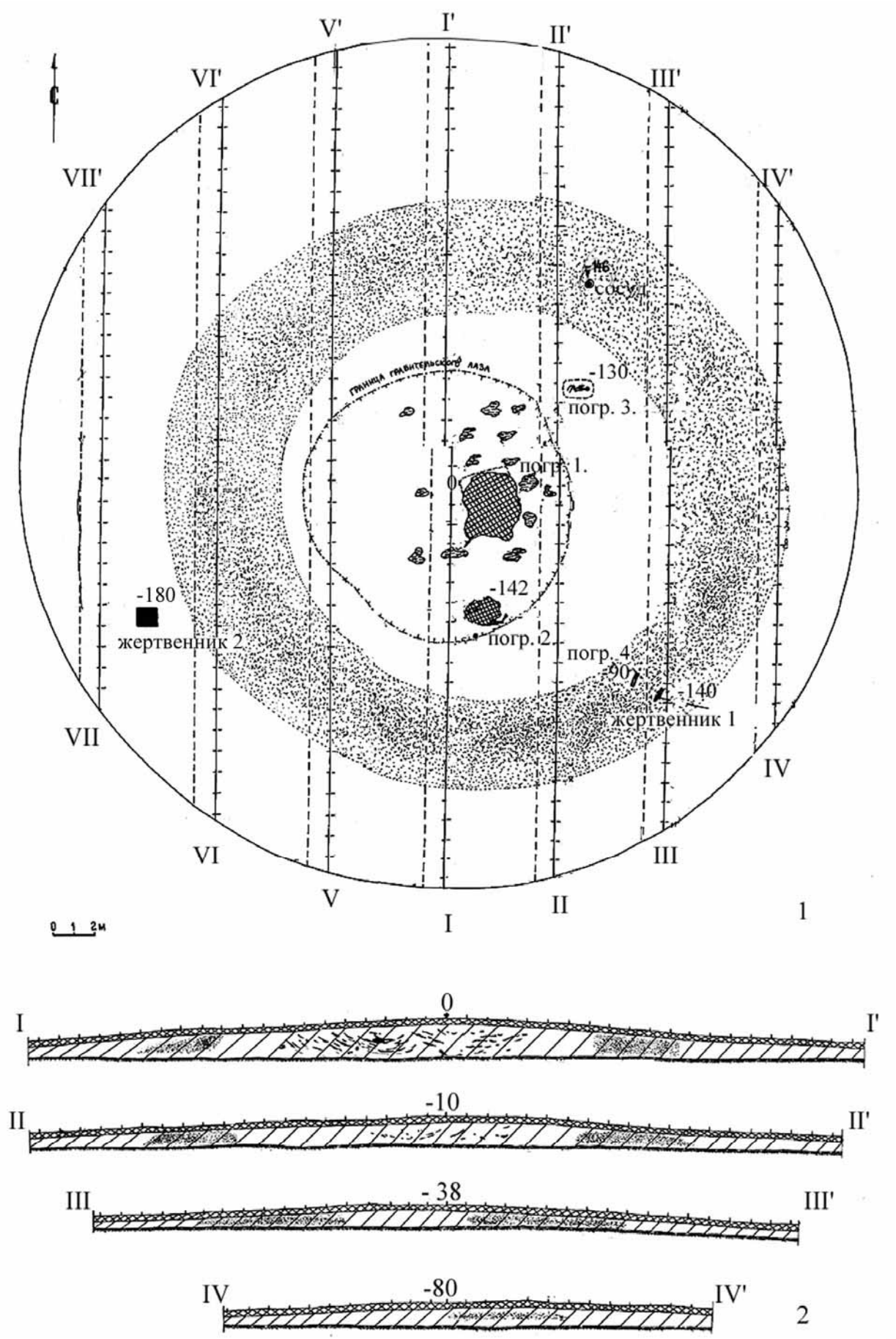


Рис. 4. *Плясоватские курганы.*
Второй (северный) курган: 1 – план; 2 – профили бровок

Таким образом, уже приведенных сравнений вполне достаточно для того, чтобы рассматриваемый комплекс включать в круг социально престижных покровско-абашевских захоронений.

Вместе с тем, еще раз отметим его специфические проявления. Прежде всего, обращают на себя внимание конструктивные детали погребального сооружения. Как отмечалось выше, яма была преднамеренно заполнена специально созданной смесью грунта и утрамбована, причем с трети высоты от ее пола последовательно укладывались три настилки из органического материала, разделенные слоями этого грунта. На каждой из настилок находились фрагменты преднамеренно разбивавшихся сосудов. Именно среди них найдены обломки остроребероного сосуда (рис. 3, 3) и крышки (рис. 3, 5). Заполненную таким образом яму перекрыли деревянными плахами, а далее из чернозема была возведена полусферическая насыпь до границ материкового выкида, на которую настелили относительно тонкий слой материковой глины. И лишь затем была возведена внешняя насыпь с устройством жертвенника.

Вопрос о том, что же представляли собой настилки в заполнении могильной ямы, пока остается открытым. Можно лишь предполагать достаточно специфический характер докурганной могильной конструкции, внешне приобретавшей юртообразную форму.

Наконец, обращает на себя внимание одна деталь погребальной обрядности – семь шипов, принадлежавших, надо полагать, паре псалиев (комплект для колесничей упряжки) были расположены в один ряд по дуге. Такое размещение говорит, во-первых, об их компоновке с низкой в качестве украшения или особого культового атрибута, а, во-вторых, о не обязательном присутствии в такого рода погребениях псалиев и самих колесниц, поскольку символика их существования отражена присутствием деталей – шипов. Шипы без псалиев встречены и в некоторых других погребениях покровско-абашевского облика, в частности, во Власовском кургане №16 (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1993). Но отмеченный выше характер их размещения фиксируется впервые.

Второй (северный) курган

Высота насыпи от современной поверхности составляла 0,9 м, диаметр – 41 м. Поверхность кургана подвергалась многолетней распашке и, по словам старожилов, разрушена в связи с вывозом почвы для хозяйственных нужд. Кроме того, по центру насыпи была устроена обширная яма (началом чему послужил древний грабительский лаз), куда сваливался мусор. При осмотре насыпи на ее поверхности были обнаружены старые кости животных, а также неорнаментированные фрагменты лепных сосудов (или одного сосуда) с примесью в тесте толченой раковины. В ходе изучения кургана выявлена следующая система наслоений: под пахотным слоем (0,3-0,4 м) залегал чернозем (в центре до 1,65 м), подстилаемый плотной желтой материковой глиной (рис. 4). Погребенная почва визуально не прослеживалась.

Центр кургана оказался разрушенным поздней ямой и грабительским лазом. Разрушения имели диаметр 12,5-13 м. В заплыве ямы чернозем включал вкрапления мелких, а иногда крупных (до 15 см в поперечнике) кусков материковой глины. Они встречались на разном уровне и не составляли сколько-нибудь организованных скоплений. Могильные выкиды в кургане не фиксировались. Вместе с тем, в процессе раскопок выявлен уникальный элемент внутренней архитектоники кургана, явно отражающий семантическую специфику погребальной обрядности: вокруг центра была устроена кольцевая обваловка из чернозема комковатой структуры с карбонатными конкрециями, каковой мог быть образован лишь при близком залегании грунтовых вод[1]. Кольцо четко выделялось как по цвету, так и своей особой плотностью на фоне обычного чернозема, из которого сооружена насыпь.

Внешний диаметр кольца – от 28 до 30,5 м; средняя ширина его составляла около 10 м. Наибольшая толщина кольца (в срезе) фиксировалась со стороны центра кургана – от 0,5 до 1 м; в направлении к полам кургана толщина относительно плавно сходит на нет. Таким образом, кольцо под центром кургана оконтуривало округлую площадку

[1] Анализ грунта проведен в лаборатории естественно-географического факультета Воронежского педуниверситета А.Б. Ахтырцевым и В.И. Шмыковым.

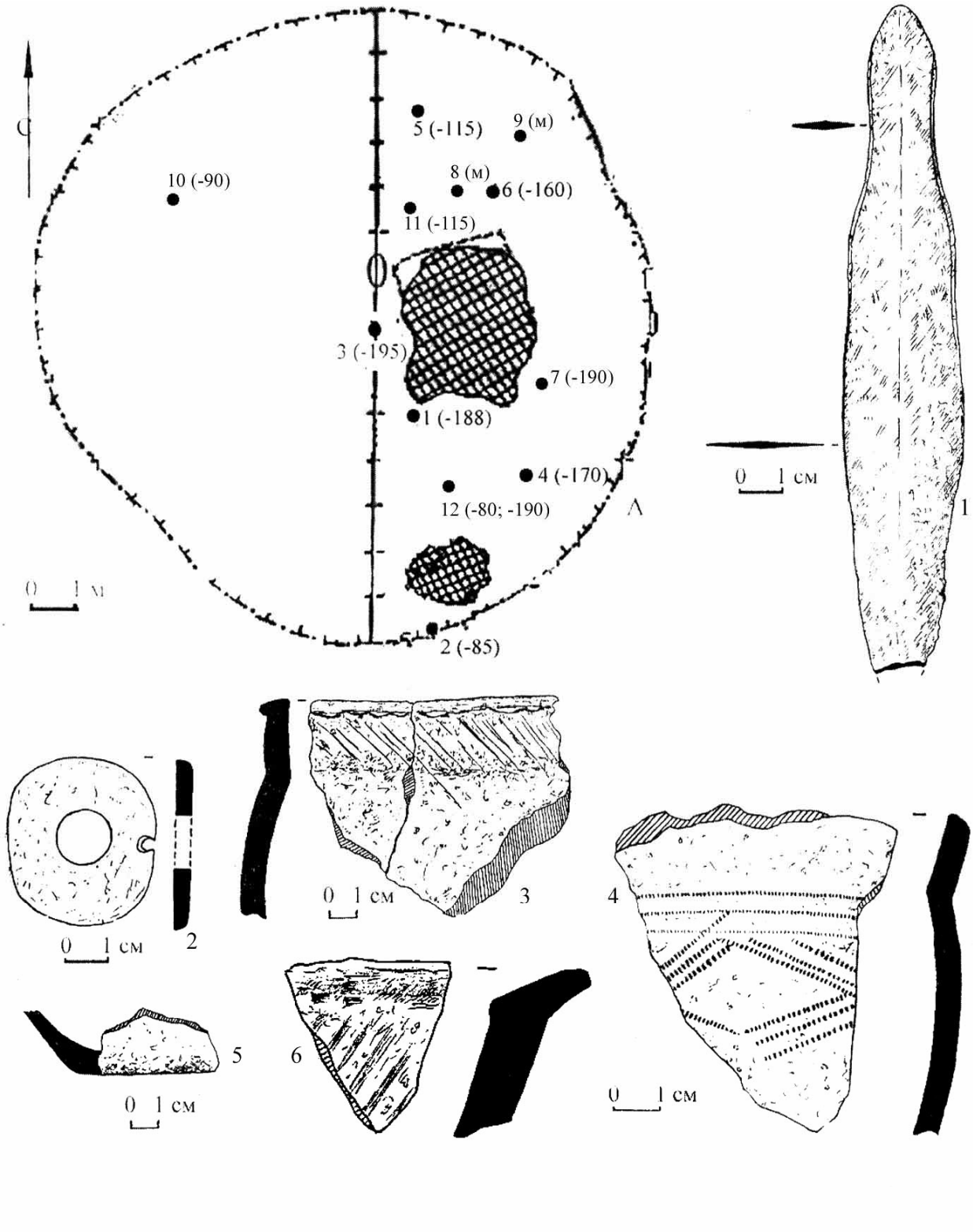


Рис. 5. *Второй (северный) Плясоватский курган.*
А – план грабительского лаза (в плане даны номера находок и глубины их залегания);
1-6 – материалы из заполнения лаза
(1 – бронзовый нож; 2 – костяная пряжка; 3-6 – керамика)

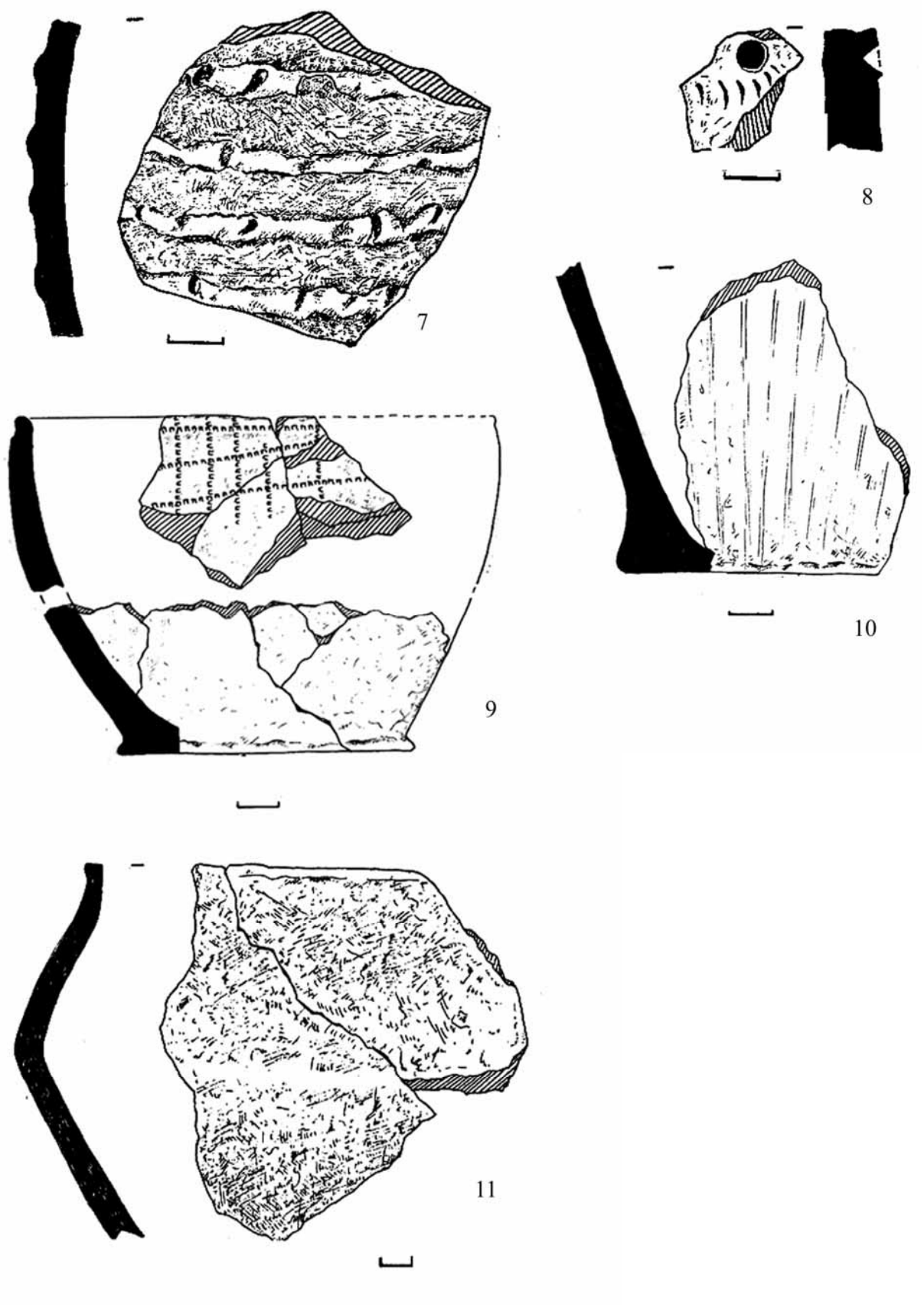


Рис. 5 *(продолжение). 7-11 – керамика*

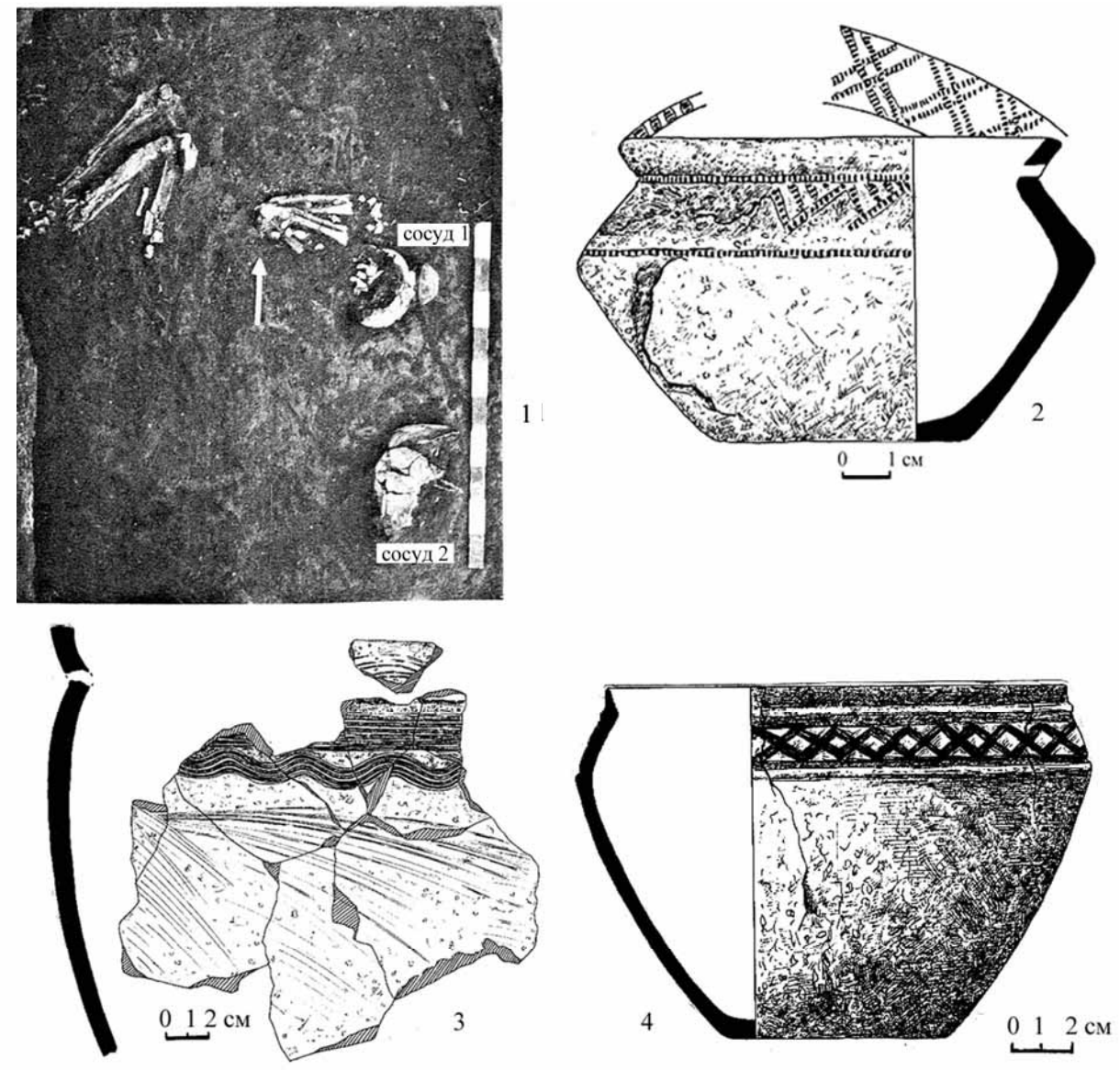


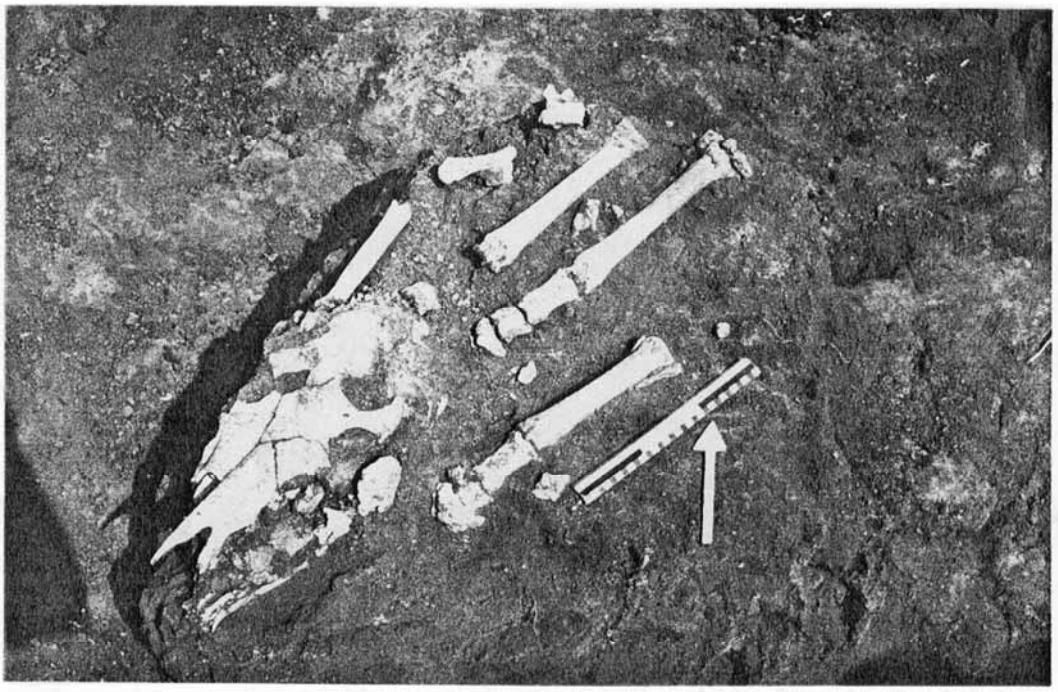
Рис. 6. *Второй (северный) Плясоватский курган.*
1 – впускное погребение 3; 2, 3 – сосуды из погребения 3; 4 – сосуд из насыпи

диаметром 18-19,5 м. Можно с уверенностью говорить о доставке сюда грунта для окольцовки площадки (или небольшого первичного кургана) с пойменных приречных участков, отличавшихся особым режимом грунтовых вод. Но таковые находятся в нескольких десятках (а то и сотнях) метров от места сооружения кургана, что предполагает весьма трудоемкий процесс устройства данного сооружения.

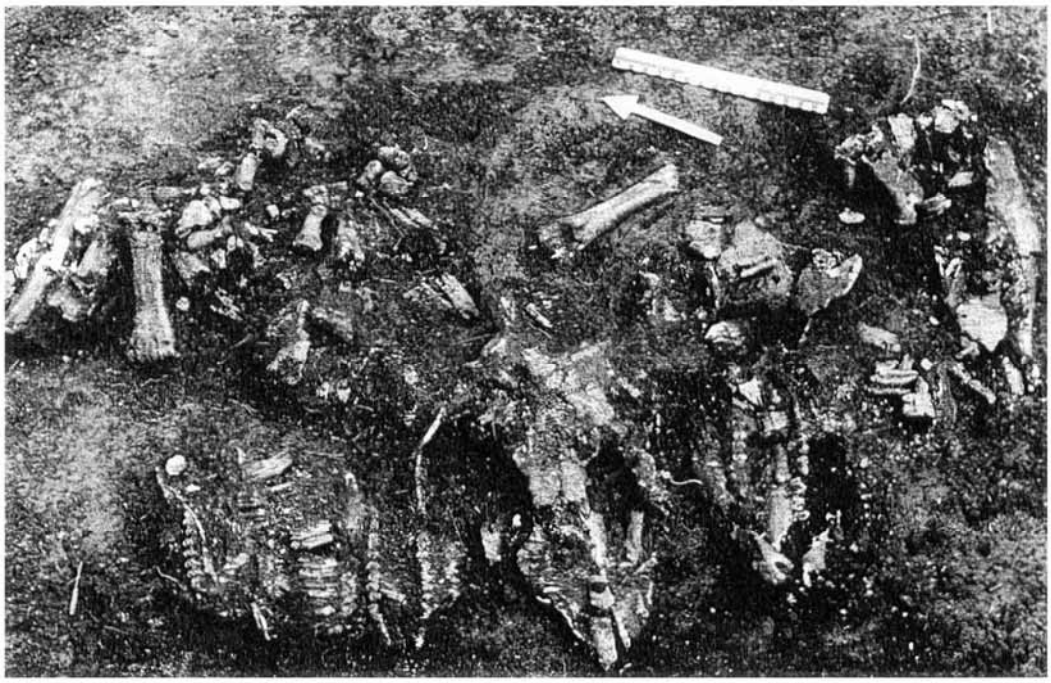
Стратиграфические признаки лишь в самых общих чертах позволяют проследить последовательные этапы сооружения кургана. Первоначально была устроена насыпь диаметром 18 м, для чего использовалась почва с прилегающей площадки, но при этом материк не обнажался, поскольку произведенная затем кольцевая обваловка насыпи (второй строительный этап) не залегала непосредственно на материковой глине. Третий этап – досыпка кургана, перекрывавшая кольцевую обваловку и придавшая всему сооружению сфероидную форму [1].

Сейчас можно лишь умозрительно предполагать, какую форму и высоту имела первичная насыпь, связана она или нет с последующим процессом сооружения курганной конструкции и каковой была эта связь. Но именно под разрушенным центром кургана (всего в одном метре к востоку от нулевой отметки) обнаружены остатки погребальной ямы.

[1] Возможно, что досыпки производились в несколько приемов, не исключено – в разное время.



1



2

Рис. 7. *Второй (северный) Плясоватский курган.*
1 – жертвенник 1 (череп и передние ноги коня);
2 – жертвенник 2 (передние ноги и черепа жеребят)

П о г р е б е н и е 1 сохранилось лишь в виде небольшого торцевого участка ямы, выходившего к северу-северо-западу за пределы грабительского шурфа. Шурф, следуя направлению погребальной ямы, несколько нарушая ее контуры, уничтожил и пол ямы. Она имела прямоугольную форму шириной 2,5 м и длиной (предположительно) - около 3-х м. Углублялась в материк на 0,25 м. Судя по всему, могила была ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ (рис. 4, 1; рис. 5, А). Надо полагать, что большинство находок, выявленных в пределах заполнения грабительского лаза, принадлежит заупокойному инвентарю рассматриваемого погребения. Среди них отметим медный нож, костяную пряжку от портупеи, развал и несколько

обломков глиняных сосудов.

1. Медный нож со сломанным концом лезвия имеет едва намеченное перекрестье и слабую расковку черешка; листовидное перо в сечении – ромбовидное. Сохранившаяся длина ножа – 14,7 см, наибольшая ширина лезвия - 2,7 см (рис. 5, 1). Найден в 3-х м к ЮЮВ от нулевой отметки на глубине 1,88 м.

2. Костяная (роговая) пряжка подпрямоугольно-округлой формы (2,7х3,0 см), плоская, с большим отверстием в центре и малым – на краю (рис. 5, 2). Найдена в 7,7 м к ЮЮВ от нулевой отметки на глубине 0,85 м.

3. Фрагмент горшка с прямым горлом и слегка оттянутым наружу краем, с примесью ракушки в тесте, серого цвета, с косо-вертикальными расчесами по горлу (рис. 5, 3). Найден в 1,0 м к югу от нулевой отметки на глубине 1, 95 м.

4. Фрагмент колоколовидного сосуда серого цвета, с примесью ракушки, орнаментированный оттисками гребенчатого штампа в виде горизонтальных линий под горлом и свисающих, «лежащих» ромбов (рис. 5, 4). Выявлен в 5, 2 м к ЮВ от нулевой отметки на глубине 1,7 м.

5. Фрагмент плоского днища без закраин с примесью раковины в тесте (рис. 5, 5). Выявлен в 3,8 м к ССВ от нулевой отметки на глубине 0,9 м.

6. Фрагмент горшка с высоким горлом и оттянутым наружу краем. Он серого цвета, с раковинной примесью в тесте, по горлу несет косо-вертикальные расчесы (рис. 5, 6). Обнаружен в норе грызунов в 3-4 м к СВ от нулевой отметки ниже уровня материка.

Все отмеченные материалы, включая нож и пряжку, принадлежат кругу памятников абашевского облика и более всего соотносятся с погребением под центром кургана.

Однако в пределах заполнения и на дне грабительского лаза находились материалы и иной культурной принадлежности.

Прежде всего отметим близ южной границы грабительского лаза остатки захоронения (погребение 2)[1]. На месте находок черепной крышки ребенка и астрагала овцы оказалось уходящее в материк бесформенное пятно грунта (1,5х1,8 м), полностью перерытое норами грызунов, что не позволило определить ни контуры, ни глубину погребального устройства. Культурная принадлежность его с достоверностью не устанавливается, но в связи с этим весьма интересна находка в пределах лаза фрагмента стенки сосуда коричневого цвета без видимой примеси в тесте, украшенного налепными валиками с пальцевыми защипами (рис. 5, 7). Не исключено, что и костяная пряжка, найденная поблизости от погребения 2, могла сопутствовать фрагменту с валиками, а следовательно – этому погребению, поскольку аналогичные пряжки в равной степени характерны для погребальных комплексов как покровско-абашевского облика, так и культуры многоваликовой керамики (КМК). Но возможна принадлежность данного захоронения, если привязать к нему только керамический материал (рис. 5, 7, 8), финальному этапу среднедонской катакомбной культуры. Столь же сложно говорить о хронологической позиции данного погребения (при той или другой его культурной оценке) относительно центрального погребения 1 ввиду синхронности всех трех отмеченных культурных образований, а отсюда в курганах могут иметь случаи и обратной стратиграфии такого рода комплексов.

Еще более, казалось бы, усложняют ситуацию находки в заполнении лаза керамики срубной культуры (рис. 5, 9-11), в числе которой неполный развал баночного сосуда с закраиной на днище, с примесью в тесте мелкозернистого песка, орнаментированный по верху оттисками мелкозубого штампа в виде прямой сетки (рис. 5). Последний залегал в 3,5 м к СВ от нулевой отметки на глубине 115 см.

Добавим, что в пределах лаза найдены кость ноги лошади с зарубками (орудие для мягчения шкур) и две реберные кости, одна из которых со следами использования в качестве струга для обработки шкур (рис. 5, 12).

За пределами лаза в насыпи выявлены два погребения, два жертвенника, а также глиняный сосуд, не связанный планиграфически с конкретным захоронением или жертвенником.

---

[1] В отчете В.Д. Березуцкого данное погребение фиксируется под номером 3.

Погребение 3 (впускное) располагалось в 6,4 м к ВСВ от нулевой отметки на глубине 1,3 м в насыпи, в пределах площадки, образованной кольцевой обваловкой. Форма и размеры погребального сооружения не определялись. В черноземе (вероятно, в погребенной почве) лежал плохо сохранившийся скелет взрослого человека скорченно на правом боку, головой на ВСВ. Руки согнуты в локтях, кисти притянуты к лицу (рис. 6, 1).

На черепе выше глазниц сохранились следы слабого окисления от какого-то медного изделия. Рядом с головой на боку лежал остроребериый сосудик, а с южной стороны находился неполный развал другого сосуда.

Первый сосуд имеет оттянутый наружу короткий срезанный наружу венчик, реберчатое тулово и плоское дно. Диаметр верха – 9,4 см; диаметр по ребру – 11 см, высота сосуда – 6 см, диаметр дна – 5,2 см. Цвет поверхности темно-серый, в тесте – примесь толченой раковины. В верхней половине между поясками зубчатого штампа (под венчиком и на ребре) оформлены свисающие «заполненные» треугольники; на внутренней стороне горла нанесены сдвоенные, а по срезу венчика – перекрещивающиеся короткие оттиски того же штампа (рис. 6, 2).

Второй сосуд – неполная верхняя часть горшка колоколовидной формы с желобчатым горлом. Он серого цвета, с примесью в глине толченой раковины. Под горлом размещены прочерченные горизонтальные линии, а под ними – волнистые (рис. 6, 3).

Рассмотренное погребение принадлежит кругу абашевских древностей.

П о г р е б е н и е 4 (впускное) выявлено в 13,5 м к ЮВ от нулевой отметки на глубине 0,9 м. Сохранились отдельные части скелета взрослого человека (фрагмент таза, часть ноги, челюсть), судя по размещению которых определяется лишь ориентировка умершего: головой на СВ.

Ж е р т в е н н и к 1. В 1,3 м к ЮВ от этого захоронения выявлен жертвенник в виде черепа и передних ног с копытами лошади, ориентированных на ЮЗ (рис. 7, 1). Кости человека и лошади лежали на разном уровне (соответственно: 0,9 и 1,4 м), но те и другие – в толще обваловки, и совсем не исключено (учитывая планиграфическую близость), что они составляли единый жертвенный комплекс.

Ж е р т в е н н и к 2. Находился вблизи от обваловки, с ее внешней стороны, в 15, 5 м к ЮЗ от нулевой отметки на глубине 1,8 м (почти на уровне материка). Здесь лежали плохой сохранности черепа и передние кости ног четырех жеребят. Контуров какого-либо углубления не фиксировалось. Черепа и другие кости выложены в ряд по дуге, явно повторяя округлость обваловки и ориентируясь во внешнюю от нее сторону (рис. 7, 2).

Наконец, целый сосуд залегал в толще обваловки в 11,2 м к СВ от нулевой отметки на глубине 1,46 м. Это остроребериый горшок с едва выделенным и косо срезанным горлом, образующим изнутри ребро при переходе в тулово. Высота сосуда 18 см, диаметр верха – 15 см, диаметр по ребру – 16,8 см, диаметр дна – 7 см. В глиняном тесте – примесь толченой раковины. Цвет внешней поверхности – серый. Орнаментирован в верхней половине поясками из глубоких вдавлений, между которыми размещены ромбы (рис. 6, 4).

При известной сложности в оценке взаимосвязи полученных артефактов, нам представляется совершенно очевидной ситуация, отразившая единство как внутрикурганного содержания, так и между двумя курганами Плясоватского могильника.

Во-первых, очевидно сопровождение структурного оформления конструкции второго кургана (включая создание приподнятой круглой площадки, ее обваловку карбонатным черноземом, устройство жертвенников, возведение вторичной насыпи) центральному захоронению покровско-абашевского облика[1]. Во-вторых, очевидно культурно-хронологическое единство и тождественность ведущих признаков (вплоть до орнамен-

[1] Этому не противоречит вероятность того, что на месте кургана находились признаки захоронения местной катакомбной культуры (либо КМК), возможно, под небольшой насыпью. К примеру, Филатовский курган с аналогичными покровско-абашевскими социально престижными захоронениями был устроен на месте инокультурного погребения.

тальных мотивов на сосудах), как и в целом сходство по социальной значимости центральных погребений двух курганов. Более того, это сходство подчеркивается и локальным признаком: для отправления погребального ритуала в обоих случаях использовался приносной грунт (карбонатный чернозем). При этом прослеживается системность в размещении такого рода курганов попарно, на что уже исследователями обращалось внимание.

Березуцкий В.Д., 1991. Отчет об археологических исследованиях в Воронежской области в 1991 г. // Архив ИА РАН.

Березуцкий В.Д., 1999. Отчет об археологических исследованиях в Воронежской области в 1999 г. // Архив ИА РАН.

Березуцкий В.Д., 2002 . Отчет об охранных раскопках курганов в Воронежской области в 2002 г. // Архив ИА РАН.

Зданович Г.Б., 1985. Щитковые псалии Среднего Приишимья // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Моисеев Н.Б., 1998. Курганы Окско-Донской равнины. Тамбов

Моисеев Н.Б., Ефимов К.Ю., 1995. Пичаевский курган // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара.

Пряхин А.Д., Матвеев В.П., 1988. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж.

Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И., 1998. Селезни 2 - курган доно-волжской абашевской культуры. Воронеж.

Синюк А.Т, 1996.. Бронзовый век бассейна на Дона. Воронеж.

В.В. Килейников, Ю.А. Чекменев
(Воронеж, ВГПУ)

Материалы бронзового века стоянки Щучье II в Среднем Побитюжье

Стоянка была выявлена в 1991 году в ходе разведочных работ неолитического отряда археологической экспедиции ВГПУ В.В. Килейниковым (Гапочка С.Н., 1991). В 1991, 1993, и 1997 годах авторами настоящей статьи были проведены раскопки стоянки (Гапочка С.Н., 1991; Гапочка С.Н., 1993; Гапочка С.Н., 1997). Описание топографии и стратиграфии памятника дано в статье С. Н. Гапочки в настоящем сборнике.

В верхнем стратиграфическом горизонте выявлена прослойка белесого органического тлена толщиной от 0,02 до 0,04 м подпрямоугольной формы 9 х 6 м, уходящий в восточную стенку раскопа (см. рис. 1, 4 стат. Гапочка С.Н.). По периметру прослойки прослежены ямки диаметром то 0,1 до 0,2 м и глубиной от 0,3 до 0,45 м. В рассматриваемой прослойке на глубине 0,46 м от «0» зафиксировано незначительное количество костей животных. Под центром исследованной части органического белесого тлена выявлена очажная яма округлой формы глубиной до 0,3 м, заполненная древесным углем и золой. Дно и стенки ямы имеют следы прокала.

Скорее всего, это следы постройки (постройка №1) аналогичной по площади и конструкции постройкам №2; 13; 26; 39; 40 Мосоловского поселения, расположенного на р. Битюг южнее стоянки Щучье 2 (Пряхин А.Д., 1993, с. 37, 39, 46, 49, 58). В частности их сближают следы столбов по периметру постройки и очажная яма. Вместе с тем, прослойка белого органического тлена стоянки Щучье 2 позволяет предположить устройство кровли из прибрежного камыша.

Рядом с юго-западной стенкой постройки №1 расположена хозяйственная яма овальной формы, диаметром до 1,5 – 0,7 м и глубиной до 0,64 м (см. рис. 1, 4 стат. Гапочка С.Н.). Она прорезала линзу из утрамбованной ракушки. Последняя, судя по наличию в ней неолитической керамики, относится к более раннему времени бытования памятника.

Хронологическая принадлежность постройки №1 может быть определена по

наличию на ее полу керамики срубного времени. Керамика лепная, довольно «рыхлая», со значительной примесью органики и шамота. Обжиг – костровой. Цвет внешней поверхности варьирует от серого до темно-коричневого, внутренней – от темно-коричневого по черного. Все фрагменты толстостенные (до 1 см) со следами грубого заглаживания внутренней и внешней поверхности (рис. 1, 2-6). Кроме того, к юго-востоку от постройки №1 на глубине 0,45 – 0,57 от «0» выявлены фрагменты придонной части сосуда, что позволяет частично реконструировать его облик (рис. 1, 1). Внешняя и внутренняя поверхности несут следы от грубого заглаживания. Внешняя поверхность темно-коричневая, внутренняя – черная. Заметим, что в первом стратиграфическом горизонте выявлено еще двадцать фрагментов аналогичной керамики. Весь керамический материал по составу теста и по способу обработки поверхности, а также по форме венчиков и дна идентичен материалам донской лесостепной срубной культуры.

В рассматриваемом горизонте к северу от постройки №1 выявлено шесть скоплений камней. Четыре из них, располагались вдоль восточной стенки раскопа, а две – западнее (рис. 1, 4). Каждое скопление включало компактно сложенные камни.

Трасологический анализ каменных находок из песчаника и магматических пород, которые типологически и планиграфически могут быть связаны с культурными остатками эпохи поздней бронзы, выявил небольшую серию орудий, обладающих хорошо фиксируемыми как визуально, так и под бинокуляром, функциональными признаками. Все орудия первично были связаны с металлообрабатывающим процессом. Три из них являются кузнечными ударными инструментами, а два орудия – абразивами по металлу.

Интересен массивный кузнечный молоток из серой магматической породы весом 1,32 кг, длиной 15 см, шириной 9,5 см и толщиной 5,5 см, имеющий уплощенно-прямоугольную форму (рис. 2, 7). В средней части орудия наблюдаются незначительные боковые выемки, а также глубокие сколы с одной стороны, которые служили подобием перехвата для стабилизации ременной привязи к рукояти. На противолежащих торцах орудия расположены парные локализованные рабочие участки. Отмечается диагональная взаимопараллельность плоскостей рабочих участков, что указывает на два варианта крепления орудия к деревянной рукояти Т-образного типа (использовались в качестве опорных площадок для рукояти обе плоскости орудия). При одном варианте крепления кузнечная ковка осуществлялась рабочими участками А и В, а во втором случае – участками Б и Г.

Подобное изменение присоединения рукояти к каменному молотку отчасти вызвано его значительной массивностью (по весовому показателю молоток приближается к функциональному типу кузнечных кувалд), которая, как подтверждается экспериментальными данными, является одним из факторов ослабления ременного крепления. Следовательно, кузнецу необходимо было периодически укреплять перевязь, что создавало возможности попеременного использования в качестве опорной площадки обеих плоских сторон каменного орудия.

Второй кузнечный молоток из красного кварцитовидного песчаника отличается меньшими размерами (его длина 11 см, ширина 6 см, толщина 3,8 см) (рис. 1, 8). Он имеет один рабочий край, предварительно пришлифованный по двум плоскостям, которые на участке соприкосновения образуют грань. Молоток использовался в рукояти, о чем свидетельствуют локальная забитость на рабочем крае, наличие плоской опорной площадки и естественного перехвата по боковым сторонам орудия.

Третий кузнечный ударный инструмент длиной 6 см, шириной 3,5 см, толщиной 2,5 см относится к типу полифункциональных орудий (рис. 2, 9). Одна торце-

вая часть орудия, предварительно ограненная пришлифовкой, выполняла функцию кузнечного молоточка. Противоположная торцевая часть являлась отбойником по камню. Орудие имеет слабо выраженный перехват и уплощенную опорную площадку, что указывает на его использование в соединении с деревянной рукоятью.

На всех кузнечных ударных орудиях наблюдаются близкие микропризнаки износа, отличающиеся лишь степенью интенсивности. Сработанный участок предварительно пришлифованной поверхности всегда локализуется в пределах 1-2 см. На этом участке поверхность камня «уплощающе» забита и отличается плавным, незначительным микрорельефом. Причем, на массивных кузнечных орудиях этот рельеф более выражен.

Рабочий участок отбойника по камню несет резкую, глубокорельефную забитость, которая, чаще всего, не имеет четкой локализации. Верхние участки зерен камня деформированы от сильного ударного воздействия.

Два каменных орудия выполняли функцию абразива для заточки металлических изделий (рис. 2, 10, 11). Первое орудие из розового кварцитовидного песчаника подпрямоугольной формы фрагментировано и обладает двумя противолежащими рабочими сторонами (рис. 2, 10). Второе аморфное орудие из желтого кварцитовидного песчаника имеет одну рабочую поверхность (рис. 2, 11). Микропризнаки износа абразивов по металлу состоят в стачивании рабочей поверхности и постепенном заглаживании выступающих зерен камня. Однако полного выравнивания рабочей поверхности, в отличие от операции шлифования камня, в данном случае не происходит. Кроме того, абразивная обработка металла приводит иногда к образованию линейных следов на рабочих участках, отражающих кинематику орудия и определяющих пассивную или активную роль каменного абразива при заточке металлического изделия.

Находки типичных для эпохи поздней бронзы каменных орудий на многослойной стоянке Щучье 2 вместе с незначительной коллекцией керамики донской лесостепной срубной культуры позволяют рассматривать этот памятник как временное (сезонное) место пребывания небольшой группы срубного населения. Интересно, что в 0,6 – 1,8 км к востоку от данного памятника на краю первой надпойменной террасы располагается несколько стационарных срубных поселений (Гапочка С.Н., 1991), жители которых могли приносить каменные орудия металлообрабатывающей функциональной группы на берег реки (где находится стоянка Щучье 2) и вторично использовать их, возможно, в качестве грузил сетей для ловли рыбы. Наличие перехватов на молотках и молоточке-отбойнике, а также естественные углубления по периметру абразивов позволяли стабилизировать перевязь, соединяющую каменные орудия (вторично – грузила) с сетью. Но трасологической информации о подобном вторичном применении металлообрабатывающих орудий обнаружить не удалось. Поэтому следует признать гипотетичность вывода о финальном способе использования каменных орудий анализируемой коллекции с учетом специфики этого археологического памятника.

Под верхним пятном белесого тлена на границе между слоями суглинка и глины на глубине 0,6 м от «0», выявлено аналогичное пятно подпрямоугольной формы (8 х 5 м) с сильно скругленными углами, ориентированное длинной стороной по линии северо-запад – юго-восток (рис. 1, 3,4) и толщиной от 0,1 м до 0,05 м. В центре оно прорезается ямой очага постройки №1. С этим пятном невозможно достоверно связать фиксируемые следы от столбовых конструкций. Возможно, что это следы от легкой конструкции типа шалаша. Отсутствие в постройке №2 следов очага указывает на эксплуатацию в теплое время года.

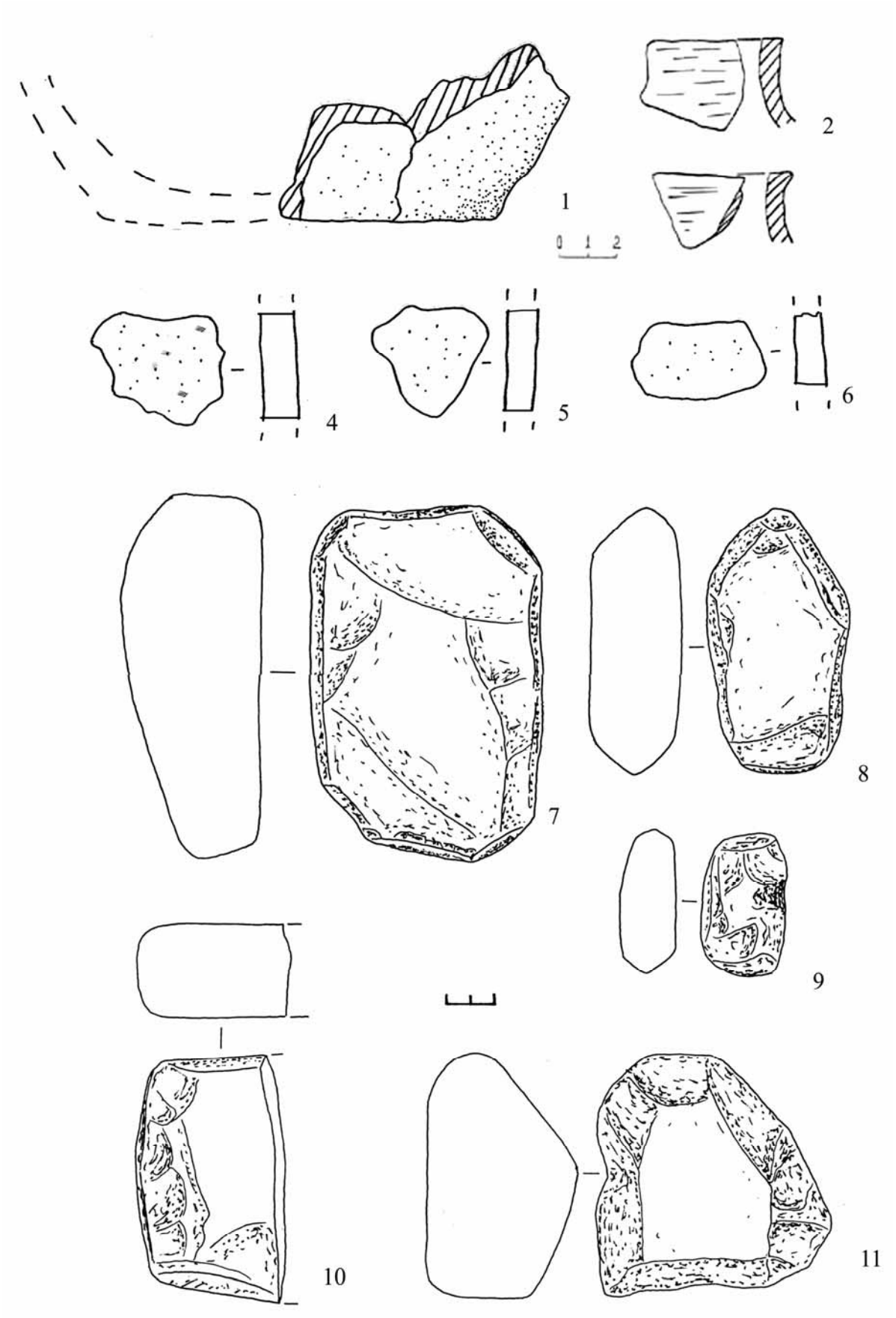


Рис. 1. *Стоянка Щучье II (1-6 – керамика; 7-11 – камень).*
1 – придонная часть сосуда срубной культуры; 2, 3 – фрагменты венчиков сосудов срубной культуры; 4-5 – фрагменты стенок сосудов срубной культуры; 7-9 – кузнечные молотки; 10, 11 – абразивы

На площади постройки зафиксированы два скопления керамики идентичные вышеописанной керамики срубного времени. Данная постройка использовалась населением срубной культуры второй половины II тысячелетия до нашей эры.

Верхний стратиграфический горизонт стоянки Щучье II позволяет выявить два этапа существования промысловой стоянки донской лесостепной срубной культуры. Это новый тип памятников. Он раскрывает комплексный характер экономики эпохи поздней бронзы включавшей в себя как производящий тип хозяйства, так и присваивающий (рыболовство).

Гапочка С.Н., 1992. Отчет об археологической разведки в Эртильском районе Воронежской области в 1991г. // Архив ИА РАН

Гапочка С.Н., 1994. Отчет о раскопках неолитического поселения Щучье II в 1993 г. // Архив ИА РАН

Гапочка С.Н., 1998. Отчет о раскопках стоянки Щучье II в Эртильском районе Воронежской области в 1997 г. // Архив ИА РАН

Гапочка С.Н., 1996. Неолитическая стоянка Щучье II в Среднем Побитюжье // Археологические исследования высшей педагогической школы: Сб. науч. тр. Воронеж.

Пряхин А.Д., 1993. Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы. Воронеж.

И.Е. Бирюков, Ю.Д. Разуваев
(Липецк, ГосДирекция по охране памятников, Воронеж, ВГПУ)

Городище скифского времени у с. Каменка на Верхнем Дону

Публикуемое городище, самое северное из известных на Дону скифоидных укрепленных поселений, находится у южной окраины с. Каменка Задонского района Липецкой области, в 0,4 км к ЮЮЗ от заброшенной каменной церкви и кладбища. Оно расположено на вершине холма – останца каменистого правого берега Дона, возвышающегося над уровнем поймы на 30-35 м (рис. 1). Останец, имеющий местное наименование «Курган», образовался в устьевой части долины р. Каменка, впадающей в Дон севернее. Восточный и южный склоны холма крутые, западный и северный – более пологие. На пологих склонах располагалось одновременное городищу селище.

Площадка городища имеет размеры 70 х 40 м и площадь примерно 2800 кв.м. Со стороны пологого склона она огорожена линией укреплений, состоящей из трех валов и двух рвов между ними. Внутренний вал в современном виде имеет ширину 8 м, высоту 1,2 м; средний – ширину 5-6 м, высоту 0,8 м; внешний – ширину 5-6 м, высоту 0,5 м. Внутренний ров шириной 3 м достигает глубины 0,8 м; второй ров при ширине 4-5 м имеет глубину до 0,4 м. Таким образом, максимальные размеры городища составляют 95 х 50 м (общая площадь около 4500 кв.м). В северной части во внешнем валу и рву имеется неширокий (2-2,5 м) проход.

Поверхность памятника задернована, местами растут небольшие деревья и мелкий кустарник. Около трети площадки уничтожено (в основном в дореволюционный период) каменными выработками. Возможно, во время Великой Отечественной войны на площадке городища находилась позиция зенитной батареи.

Городище было известно уже в XIX в. Сведения о нем содержатся в сводке археологических памятников, подготовленной Орловским статистическим комитетом (Пупарев А.Г., 1877). В 1895-1896 гг. городище у с.Каменка, наряду с другими древностями Елецкого уезда, обследует член Орловской ученой архивной комиссии П.М. Еременко. Он достаточно подробно описывает памятник, приводит размеры укреплений, а также отмечает, что местные крестьяне, выбирая камень и раз-

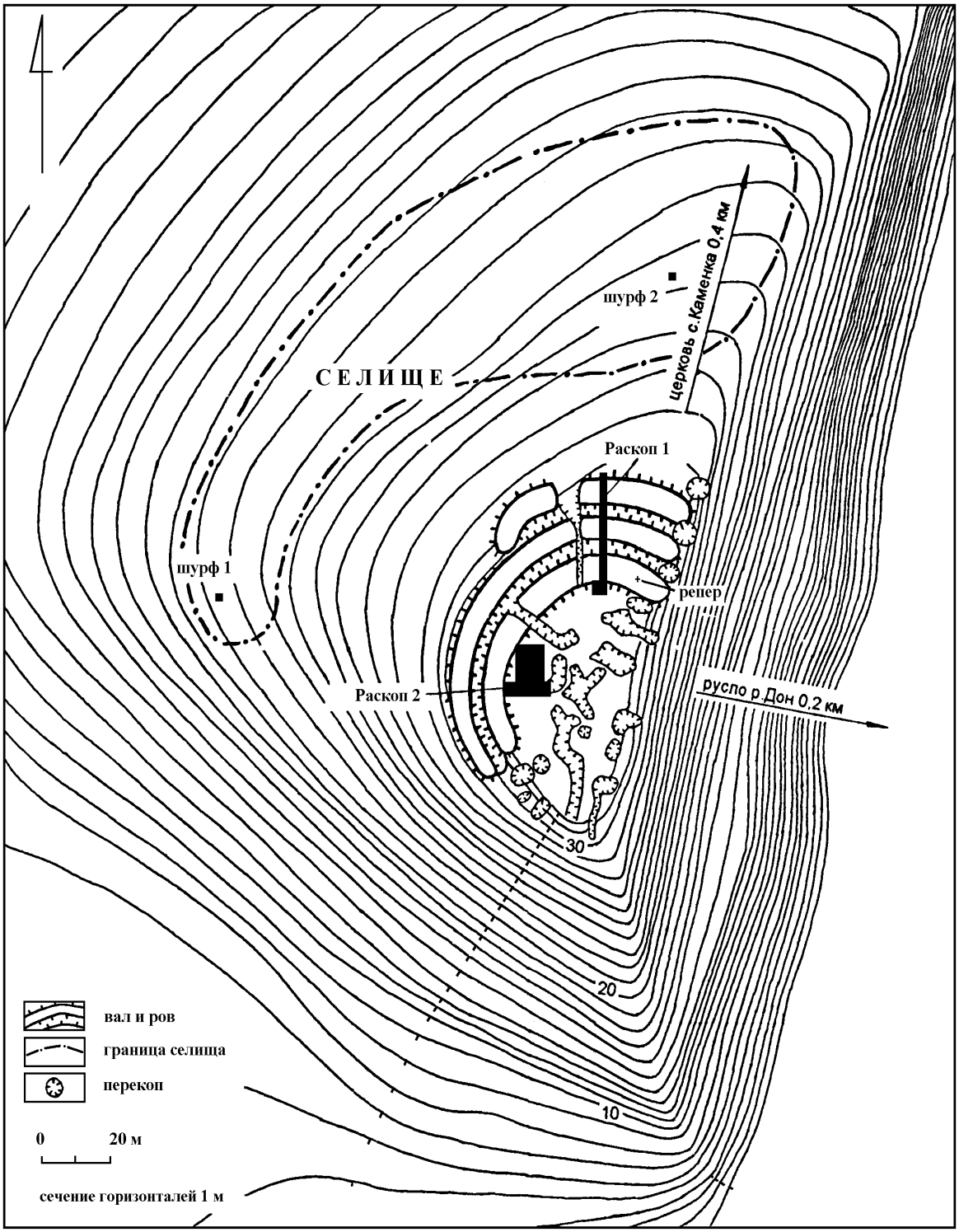


Рис. 1. *План городища у с. Каменка*

Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара.

Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1993. Курган №16 Власовского могильника // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии. Уфа.

тем самым городище, находили много обломков лепной посуды и человеческий череп (Труды ОУАК за 1904 и 1905 гг., с. 109). В дореволюционной литературе есть упоминание о находке на городище каменного наконечника стрелы (Шульгин А.,1903, с. 11). В 20-е годы XX в. небольшую коллекцию керамики на городище собрали сотрудники Елецкого краеведческого музея (Тропин Н.А.,1999, с. 11-13).

В 1962 г. Верхне-Донской археологической экспедицией на городище был

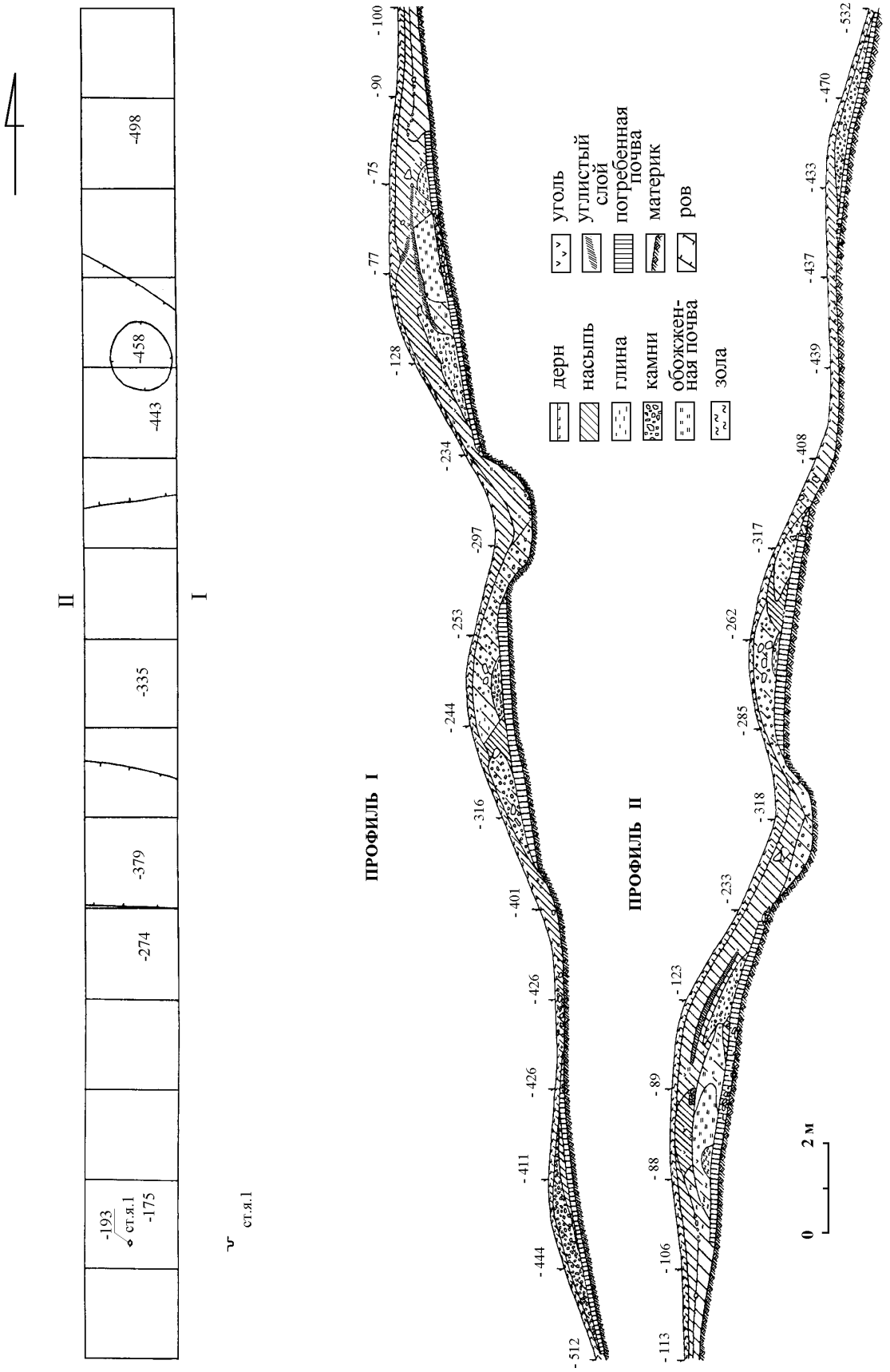


Рис. 2. *План и профили распопа 1 на городище у с. Каменка*

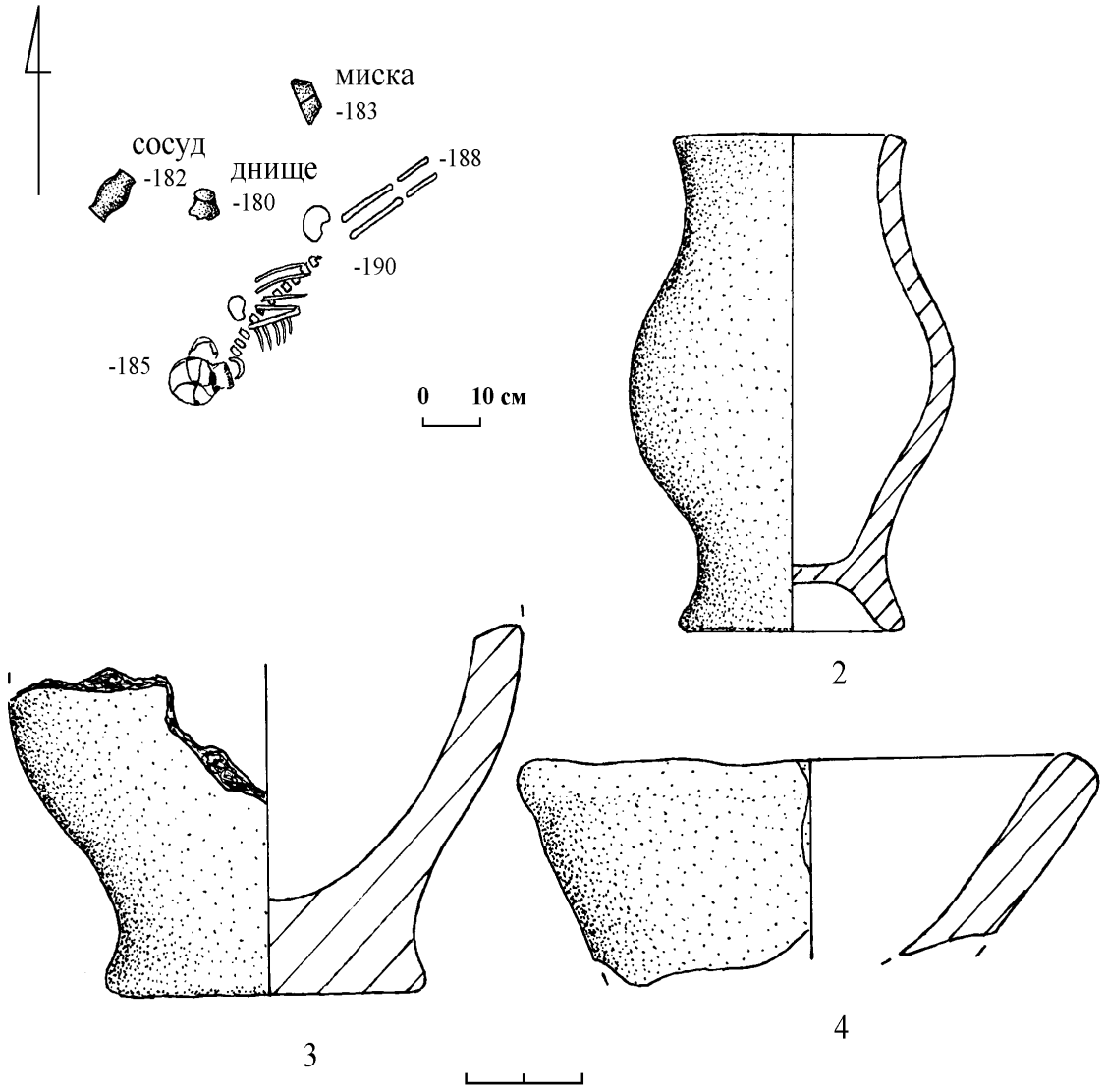


Рис. 3. *План и инвентарь погребения на городище у с. Каменка*

собран подъемный материал эпохи бронзы и раннего железного века (Левенок В.П., 1962, пункты 152,153). После этого памятник был включен в число укрепленных поселений городецкой культуры (Левенок В.П., Миронов В.Г.,1976, с. 22). Уточнить атрибуцию городища позволили разведочные работы экспедиции Липецкого госпединститута, проводившиеся в 1999 г. в приустьевой части р.Каменки (Земцов Г.Л., 1999). В заложенном тогда шурфе была найдена керамика среднедонской культуры скифского времени. Еще более выразительные в культурно-хронологическом отношении материалы были получены в результате раскопок, осуществленных в 2001 г. совместным отрядом Воронежского государственного педагогического университета и государственной дирекции по охране культурного наследия Липецкой области (Бирюков И.Е., 2001).

На памятнике было заложено 2 раскопа, общая площадь которых составила 200 кв.м. Раскоп 1 (76 кв.м) разрезал линию укреплений в северной части городища. Раскопом 2 (124 кв.м) исследован западный участок площадки (сюда вошел и шурф 1999 г.). Нивелировочные отметки в пределах раскопов давались от единого репера, установленного на вершине внутреннего вала. В результате раскопок получены разнообразные материалы эпохи бронзы и скифского времени (материалы эпохи бронза опубликованы (Ивашов М.В., 2003)).

Раскоп 1 представлял собой траншею 34 х 2 м, южная часть которой была

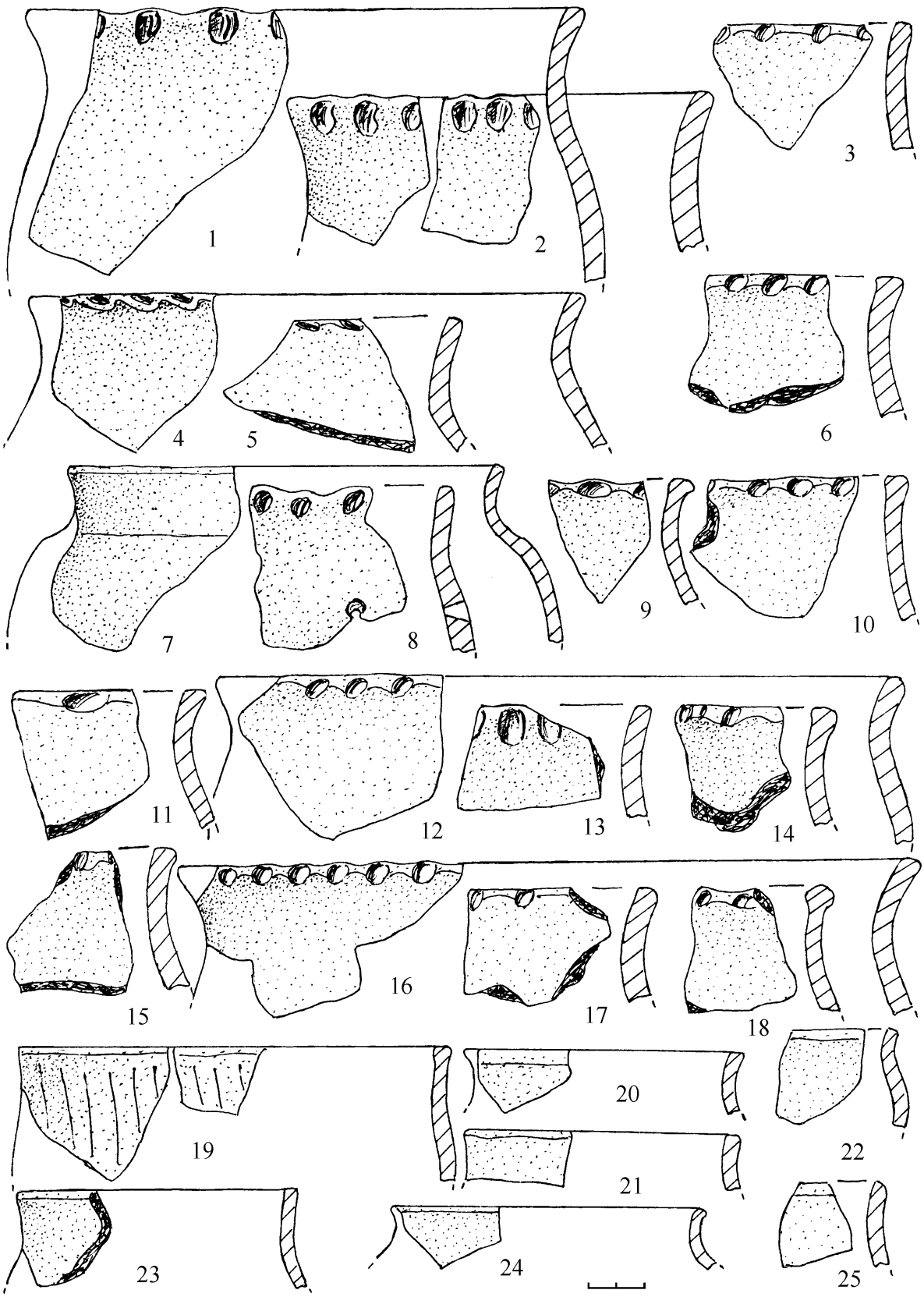


Рис. 4. *Керамика скифского времени с городища у с. Каменка*

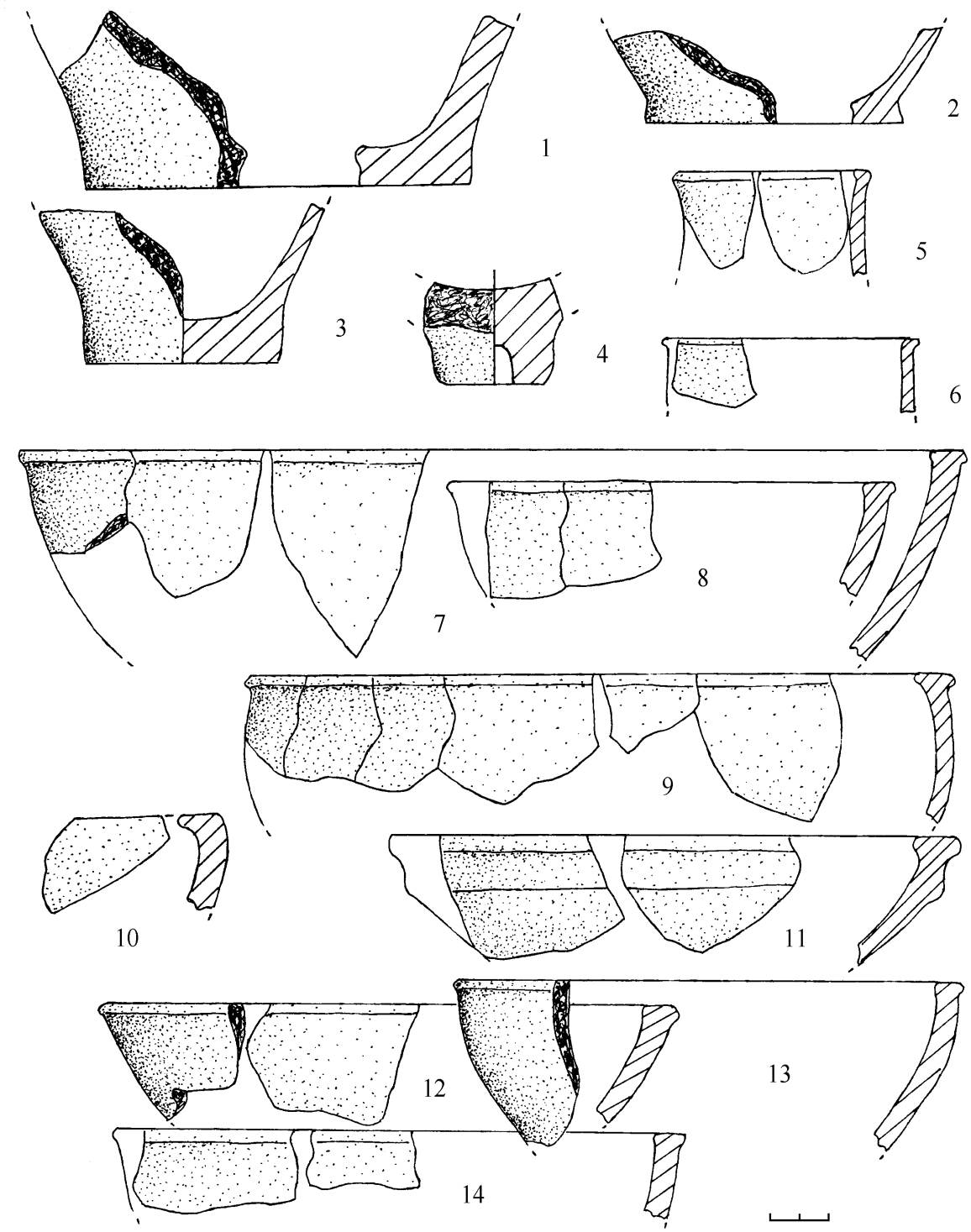


Рис. 5. *Керамика скифского времени с городища у с. Каменка*

расширена еще на два квадрата 2 х 2 м. Он разрезал по линии С-Ю все три вала и оба рва (рис. 2).

Насыпь внутреннего вала состояла, в основном, из гумусированного суглинка темно-серого или коричневато-серого цвета в центре, в нижней части – из обожженной земли и почвы серого цвета с включениями золы, углей. Внешние валы насыпаны из взятой из рвов почвы, сильно насыщенной известняковыми камнями и щебнем. Заполнение рвов – гумусированный суглинок с включениями щебня. Поверхность валов и рвов задернована: толщина дерна составляет 0,05 м. Погребенная почва фиксировалась под всеми валами и представляла собой слой коричневато-серого суглинка толщиной 0,12-0,20 м. Материк – известняковый щебень и желтая глина.

Находки в раскопе представлены фрагментами керамики эпохи бронзы и скиф-

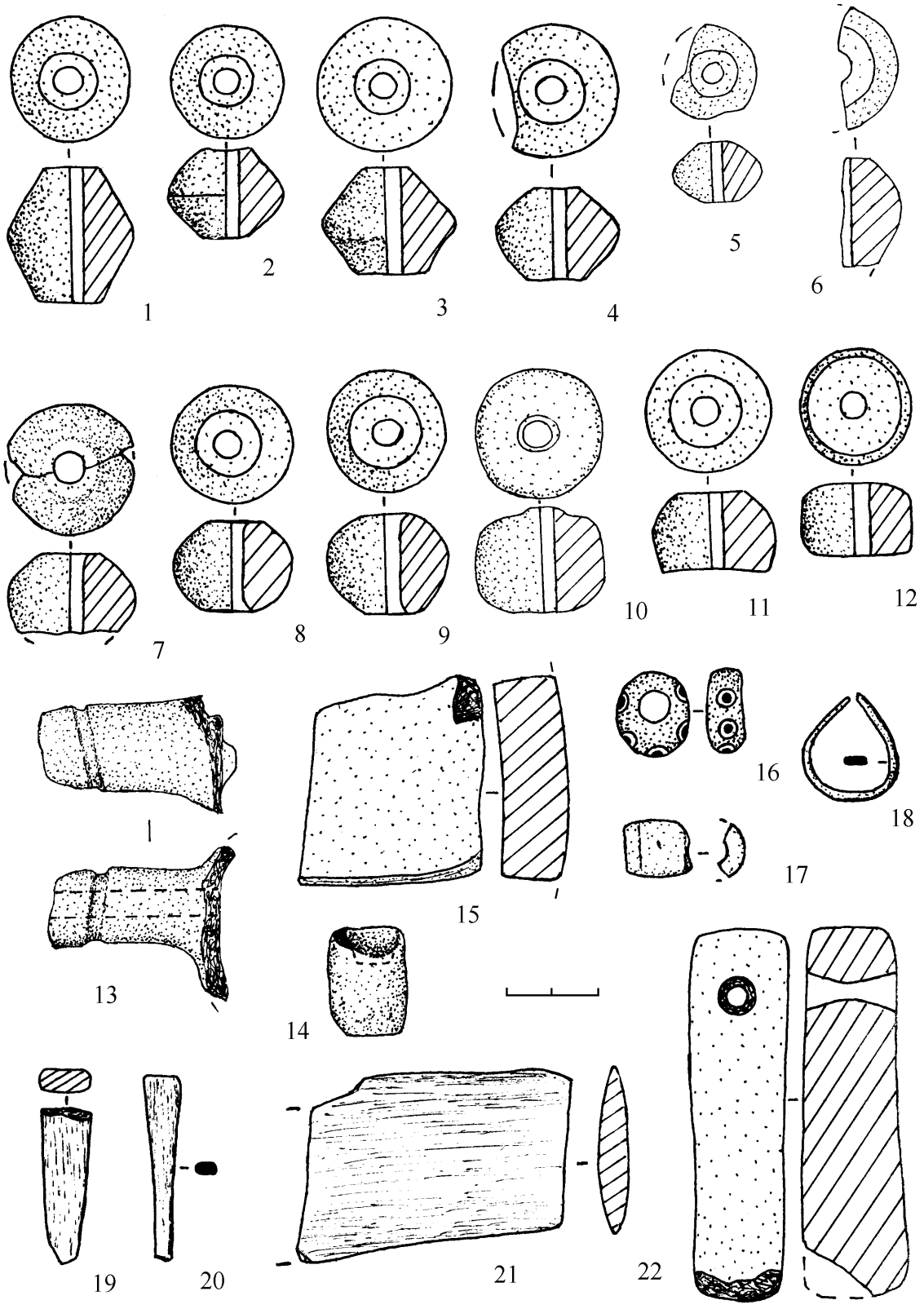


Рис. 6. *Индивидуальные находки скифского времени с городища у с. Каменка. 1-15 – глина; 16,17 – стекло; 18 – бронза; 19-21 – кость; 22 – камень*

ского времени, костями животных. Практически все они обнаружены в южной части раскопа (насыпь и заполнение внутренних вала и рва, слой на площадке городища).

Судя по стратиграфическим наблюдениям, *укрепления городища* сооружались в два этапа.

Первоначально по краю площадки, на месте внутреннего вала, была возведена деревянная стена, основание которой присыпалось землей. О ее конструкции судить сложно. Судя по всему, стена не углублялась в материк (возможно, из-за трудоемкости такого рода операции). В материке выявлена лишь небольшая столбовая ямка (№ 1) диаметром 0,08 м и глубиной 0,18 м, однако вряд ли она осталась от оборонительной стены – слишком мала и расположена у края вала. Погребенная почва (на участке под вершиной внутреннего вала) была сильно насыщена известняковыми камнями – как крупными плитками, так и щебнем. Какой-либо системы в расположении камней не просматривалось, но вполне возможно, что они служили для закрепления основания стены.

Укрепления были уничтожены пожаром. В результате образовался слой обожженной до кирпично-красного цвета и серой золистой почвы шириной 4-4,5 м, высотой до 0,6 м. Сверху его перекрывала углистая прослойка черного цвета (толщиной до 0,15 м), особенно четко просматривающаяся в профиле I (рис. 2). Примечательно, что обожженная почва составляет центральную и внешнюю часть этой насыпи, внутренняя же состоит из перемешанной с золой земли с включениями отдельных углей. Такая стратиграфия может быть объяснена конструктивными особенностями оборонительных сооружений. Основу их, как уже было сказано, могла составлять деревянная стена, низ которой, углубленный в погребенную почву, закрепляли камни и невысокая земляная насыпь, обожженная пожаром впоследствии. Возможно, с внутренней стороны к стене примыкало какое-то сооружение, с которым и связаны столбовая ямка и продукты горения над погребенной почвой (зола, угли).

В погребенной почве под внутренним валом встречены только материалы эпохи бронзы. Они же в небольшом количестве попадались в первоначальной насыпи. Лишь поверх нее, в углистом слое, найдены два венчика и пять стенок скифоидных сосудов. Таким образом, сооружение укреплений, скорее всего, относится к самому началу существования поселка скифского времени. После пожара оборонительная линия была существенно усилена: досыпан вал на краю площадки, ниже его, уже на склоне, сооружены еще два вала и рва. Как видно из стратиграфии, это делалось почти единовременно.

Сначала отрывались рвы, отстоящие друг от друга на 5,5-6 м. Чуть раньше было завершено сооружение внешнего рва. Он имеет ширину 4,5-5,5 м и незначительную глубину. С южной стороны ров достигал максимальной глубины в материке 0,45 м и выраженную, хотя и довольно пологую, стенку. К северу, по направлению понижения склона, ров, имеющий почти горизонтальное дно, сходит на нет. У внешнего края рва выявлено незначительное понижение его дна, представлявшее собой в плане яму округлой формы диаметром 1,5 м, глубиной до 0,15 м.

Почва из рва с большим количеством щебня откидывалась по обе стороны: из нее состоит внешний вал шириной 5-6 м и высотой до 0,6 м от уровня материка (0,45 м – от уровня погребенной почвы), а также часть среднего вала (шириной 3,0-3,5 м).

Внутренний ров, край которого расположен на расстоянии 4,5 м от первоначальной насыпи, имеет ширину около 3 м, глубину до 1 м от уровня погребенной почвы (до 0,8 м от уровня материка). Материковая глина со щебнем из рва подсыпалась к первичной насыпи, частично перекрывая ее, – явное свидетельство хронологической последовательности этих напластований внутреннего вала.

Черноземная и материковая почва из внутреннего рва отбрасывались и в другую сторону, частично поверх выкида из внешнего рва. Таким образом была окончательно сформирована насыпь среднего вала. Она имеет ширину 5-6 м, высоту до 1 м от материка (до 0,8 м от уровня погребенной почвы). Характерно, что в южной части, у

края рва, насыпь перекрывала тонкую обожженную прослойку по верху погребенной почвы – еще одно свидетельство того, что внешние валы и рвы появились после пожара.

Никаких следов деревянных конструкций во внешнем и среднем валах не выявлено. Как уже отмечалось, не было здесь и материалов скифского времени (находки эпохи бронзы единичны). Основной внутренний вал поверх обожженной почвы и выкида из внутреннего рва был досыпан гумусированным суглинком. Для этого, видимо, бралась земля с площадки городища – не случайно под южной полой вала погребенная почва не фиксируется. В окончательном виде вал достиг ширины 7,5-8 м, высоты 1,3 м от материка (1,1 м от погребенной почвы). Следы деревянных оборонительных конструкций, связанных со вторым строительным этапом, не сохранились.

В 1-3 штыках насыпи внутреннего вала, т.е. в слое досыпки, и была найдена основная часть материалов скифского времени, происходящих из раскопа 1 (23 венчика, 11 днищ, 240 стенок лепных сосудов).

Раскоп 2, западным бортом вплотную примыкавший к внутреннему валу, вскрыл культурный слой на площадке городища, состоявший из гумусированного суглинка темно-серого цвета, сильно насыщенного щебнем. Мощность слоя в основном незначительная – 0,1-0,2 м, только ближе к валу она увеличивается до 0,40-0,65 м. Материковое основание – известняк с глиной. Это обстоятельство препятствовало сооружению каких-либо котлованов. В площади раскопа выявлена только одна хозяйственная яма эпохи бронзы. Возможно, поселок скифского времени составляли какие-то легкие наземные сооружения, от которых остались куски обожженной глиняной обмазки.

В юго-западной части раскопа 2, в слое на глубине 0,15-0,20 м от поверхности, выявлено *погребение 1*. Умерший ребенок лежал на правом боку, практически вытянуто, головой ориентирован на юго-запад (рис. 3, 1). На расстоянии 0,3 м к северо-западу от головы погребенного находился небольшой неорнаментированный лепной горшочек, имеющий тщательно заглаженную поверхность и кольцевой поддон (рис. 3, 2). Неподалеку лежало донышко от небольшого лепного горшка (рис .3, 3). В 0,2 м к северу от тазовых костей найден развал верхней части небольшой миски (рис. 3, 4). Судя по этим находкам, погребение относится к скифскому времени. Его открытие весьма примечательно, поскольку ставит данное городище в один ряд с синхронными донскими поселениями, на которых уже были выявлены захоронения (городища Семилукское, Мостище). Кроме того, этот факт служит очередным подтверждением существования у скифоидного населения обычая погребать детей в каких-то случаях на территории поселка (Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., 2000, с. 253).

Несмотря на отсутствие строительных комплексов, слой в раскопе 2 был довольно сильно насыщен керамикой (163 венчика, 123 днища и свыше 2500 стенок), а также большим количеством костей животных (около 1300 обломков) и комков глиняной обмазки (175 экз.). В раскопе встречены и отдельные индивидуальные находки скифского времени.

Керамическая серия скифского времени с городища достаточно однородна. Все найденные здесь сосуды лепные, для них характерна хорошо заглаженная внешняя поверхность (изредка лощеная), чаще всего серого или темно-коричневого цвета. В глиняном тесте посуды в качестве примесей присутствует шамот, мелкая дресва, крупнозернистый песок.

В серии из 190 венчиков сосудов, найденных при раскопках, абсолютно преобладают горшки разных размеров (свыше 80%). Среди них господствуют профилированные формы, характеризующиеся плавно отогнутой шейкой (рис. 4, 1, 2, 4, 6, 9, 11-18, 20, 22, 24, 25). Менее представительны горшки со слабо профилированной, почти прямой шейкой (рис. 4, 3, 8, 10, 19, 21, 23). В единичных экземплярах найдены горшки с отогнутой в виде раструба шейкой (рис. 4, 5) и выделенным переходом шейки в тулово (рис. 4, 7). Большая часть горшков – 137 экз. – орнаментирована по краю венчика пальцевыми защипами и вдавлениями (рис. 4, 1-6, 8-18), у остальных сосудов

орнамент отсутствовал.

Миски, представленные 14 венчиками, большой частью груболепные, хотя встречены и лощеные. Они различных размеров, но преобладают некрупные. Выделяются открытые миски (рис. 5, 7, 8, 11-14) и миски с загнутым внутрь бортиком (рис. 5, 9, 10). Срез венчика у них часто бывает оттянут в одну или обе стороны. Встречен фрагмент миски, под венчиком которой просматривается желобок (рис. 5, 11).

Один из найденных в раскопе 2 венчиков, возможно, принадлежал кувшину (рис. 5, 5). Слабопрофилированные сосуды типа банок или чаш представлены одиннадцатью венчиками (рис. 5, 6).

Днища (135 экз.) принадлежат, как правило, горшкам различных форм и размеров, отличаются толщиной и наличием или отсутствием закраины (рис. 5, 1-3). Отметим днище с кольцевым поддоном, оставшееся от кувшина или миски (рис. 5, 4).

Охарактеризованные формы посуды типичны для скифоидных поселений лесостепного Подонья, существовавших в IV-III вв. до н.э. Отметим, что на городище не встречено сосудов с проколами по венчику, характерных для более раннего времени.

Индивидуальные находки представлены в значительной степени глиняными грузиками-пряслицами разных форм: биконической – 6 экз. (рис. 6, 1-6), шаровидной – 3 экз. (рис. 6, 7-9), уплощенно-округлой – 2 экз. (рис. 6, 10) и цилиндрической – 1 экз. (рис. 6, 12). В культурном слое был найден обломок льячки: цилиндрическая ручка с продольным отверстием и перехватом для шнура (рис. 6, 13). Из других глиняных предметов назовем нижнюю часть миниатюрного сосудика (рис. 6, 14) и стенку античной амфоры красно-коричневого цвета, имеющую сточенный край (рис. 6, 15).

В раскопе 2 найдены две стеклянные бусины. Одна из них, уплощенно-округлой формы, изготовлена из синего стекла и имеет пять глазков сине-белого цвета (рис. 6, 16). Хотя точной аналогии найти не удалось, но, по типологии Е.М. Алексеевой, наиболее близок или тип 33, возможно, вариант Р, или тип 42, вариант Б, датировка которых соответственно определяется как IV-II вв. до н.э. и скифское время (Алексеева Е.М., 1975, с. 62-63). Обломок боченковидной бусины из глухого грязно-синего стекла (рис. 6, 17) относится, по Е.М. Алексеевой, к типу 28, датирующемуся III-II вв. до н.э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 65, табл. 33, 6).

Для скифского времени типична и бронзовая подвеска, найденная в раскопе 2 (рис. 6, 18).

Среди относительно немногочисленных предметов из кости к скифскому времени можно предположительно отнести костяную проколку с обломанным концом (рис. 6, 19), фрагмент приостренного орудия (рис. 6, 20) и обломок струга из крупного ребра животного (рис. 6, 21).

На городище обнаружено 13 обломков каменных орудий типа терочников, растиральных плит, наковаленок, ударных инструментов, абразивов, однако их культурно-хронологическая атрибуция затруднена. Исключение составляет брусковидный оселок с отверстием для подвешивания, форма которого типична для скифского времени (рис. 6, 22).

Материалы раскопок позволяют относить Каменское городище к памятникам среднедонской скифоидной культуры и датировать IV-III вв. до н.э. Являясь самым северным скифоидным городищем на Верхнем Дону, оно маркирует границу распространения памятников указанной культуры по Задонской Острой Луке. Найденные материалы не дают оснований сомневаться в жилом характере этого укрепленного поселения, однако, учитывая его сравнительно малые размеры, следует говорить о городище как центре соответствующей округи. По берегам р. Дон и р. Каменка в пределах 1-1,5 км открыто несколько небольших поселков скифского времени со слабо насыщенным слоем. Что характерно, здесь существовали в свое время и поселки городецкой культуры. Однако на городище не найдено ни одного фрагмента «рогожной» керамики, не говоря о других инокультурных свидетельствах. Поэтому

вопросы хронологического соотношения скифоидных и городецких поселений на Дону, степени задействованности местного населения в этнокультурных и хозяйственных контактах скифоидного и финно-угорского миров определяют целесообразность дальнейших полевых исследований в данном районе.

Алексеева Е.М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12

Алексеева Е.М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12

Бирюков И.Е., 2002. Отчет археологической экспедиции Липецкой госдирекции по охране культурного наследия области за 2001 г. // Архив ИА РАН.

Земцов Г.Л., 2000. Отчет о проведении разведочных работ в бассейне р.Каменка Задонского района Липецкой области в 1999 г. // Архив ИА РАН.

Ивашов М.В., 2003. Материалы эпохи бронзы с городища «Курган» на Верхнем Дону // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань.

Левенок В.П., 1962. Отчет о полевых работах Верхне-Донской археологической экспедиции ЛО ИА АН СССР и Липецкого областного краеведческого музея в 1962 г. // Архив ИА РАН.

Левенок В.П., Миронов В.Г., 1976. К вопросу о новом районе городецкой культуры на Дону // СА. № 2.

Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., 2000. К интерпретации захоронений на Семилукском городище скифского времени // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э.: Палеоэкология, антропология и археология. М.

Пупарев А.Г., 1877. Материалы для истории и статистики Орловской губернии. Орел. Т.1.

Тропин Н.А., 1999. Изучение археологических древностей в Елецком уезде // Записки Липецкого областного краеведческого общества. Вып. II.

Труды Орловской Ученой архивной комиссии за 1904 и 1905 гг., 1906. Орел.

Шульгин А., 1903. Минувшее Орловского края // Труды Орловской Ученой архивной комиссии. Орел.

Ю.Д. Разуваев, А.В. Курьянов
(Воронеж, ВГПУ, ВОКМ)

Акинак из с. Латное Воронежской области

В 1999 г. в Воронежский областной краеведческий музей был передан железный меч скифского времени (инв. №11561), случайно найденный на юго-восточной окраине с. Латное Семилукского р-на Воронежской области. Он был обнаружен дачником при рытье погреба на глубине около 1,5 м вместе с какими-то другими железными предметами. Скорее всего, меч происходит из погребения. Учитывая характер местности (плато правого коренного берега р. Ведуга), нельзя исключить наличия здесь в прошлом курганной насыпи.

Общая длина меча составляет 41 см (рис. 1). Ромбический в сечении клинок имеет длину 25,7 см, ширину в верхней части 4 см, толщину до 0,4 см и плавно сужается к острию (судя по некоторому смещению осевого ребра, лезвия сточены, за счет чего длина клинка несколько уменьшилась). Прямоугольная рукоять (длина 9,5 см, ширина 2,5 см, толщина 0,3 см) отделена от клинка сегментовидным перекрестием. Последнее состоит из двух сваренных пластин с прямым верхним и округлым нижним краями, имеющих максимальные размеры 2,3 х 5,2 см. Отметим, что у одной из пластин внизу имеется маленький вырез, что несколько сближает ее с бабочковидной формой перекрестий. Сверху на рукоять наковано антенное навершие (4,5 х 5,7

см), разомкнутые концы волют которого слегка заходят друг за друга.

Публикуемая находка относится, по классификации А.И. Мелюковой, к 3-му типу первого подотдела II отдела скифских мечей и кинжалов (Мелюкова А.И., 1964, с. 55). Акинаки такого типа довольно редко встречаются в скифских погребениях и могут быть датированы V в. до н.э. (Фодор И., 1969; Евдокимов Г.Л., Мурзин В.Ю., 1984, с. 78-80). На территории лесостепного Подонья в погребальных комплексах скифского времени такого рода мечи неизвестны (Либеров П.Д., 1965; Медведев А.П., 1999, рис. 50; Пузикова А.И., 2001). Практически нет их и в довольно представительной серии случайных находок в Верхнем и Среднем Подонье (Клоков А.Ю., 1996; Медведев А.П., 1999, рис. 51). Единственное исключение – меч, обнаруженный у д. Бурдино в окрестностях с. Вторые Тербуны Липецкой области, в 60 км к север-северо-западу от публикуемой находки, также в правобережной части верхнедонского бассейна (Шоков А.Ф., 1967; Клоков А.Ю., 1996, рис. 5, 14).

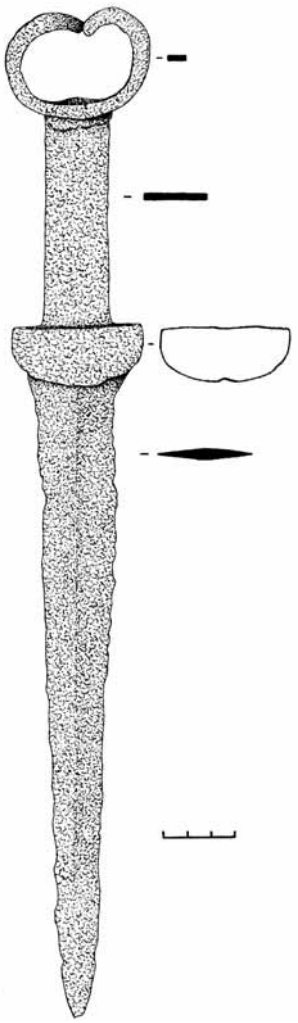


Рис. 1. *Акинак из с. Латное*

Традиционно случайные находки мечей и кинжалов в правобережье Верхнего Дона рассматриваются исследователями как свидетельства военных столкновений населения среднедонской культуры скифского времени с враждебными соседями (Либеров П.Д., 1971, с. 535; Пузикова А.И., 1984, с. 212; Медведев А.П., 1999, с. 52). Однако картографирование этих находок показывает, что они привязаны к водоразделам и практически все значительно удалены от территорий расселения оседлого населения. Более логично было бы связывать эти предметы с погребальными, а возможно, и культовыми комплексами кочевых или полукочевых этнических групп, в сферу хозяйственной деятельности которых могли входить обширные остепненные пространства верхнедонского правобережья (Разуваев Ю.Д., 1997, с. 50, 142).

Евдокимов Г.Л., Мурзин В.Ю., 1984. Раннескифское погребение с оружием из Херсонской области // Вооружение скифов и сарматов. Киев.

Клоков А.Ю., 1996. Находки скифских мечей и кинжалов в бассейне Верхнего Дона // Археологические памятники лесостепного Придонья. Липецк.

Либеров П.Д., 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. М. Вып. Д1-31.

Либеров П.Д., 1971. Древняя история населения Подонья. Дис…док. ист. наук. М.

Медведев А.П., 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.

Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. М. Вып.Д1-4

Пузикова А.И., 1984. Акинак из с.Ключ Курской обл. // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Пузикова А.И., 2001. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). М.

Разуваев Ю.Д., 1997. Поселения скифского времени в правобережье Верхнего Дона. Дис... канд. ист. наук. Воронеж.

Фодор И., 1969. Скифские и сарматские мечи с сегментовидным перекрестием // СА. № 3.

Шоков А.Ф., 1967. Второй скифский меч с Верхнего Подонья // Известия ВГПИ. Т.63.

В.Д. Березуцкий
(Воронеж, ВГПУ)

Погребальный инвентарь из курганов скифского времени лесостепного Дона и вопрос об «этнокультурном сходстве и единстве»

Одним из самых сложных и значимых вопросов донской археологии является вопрос об этнической (этнокультурной) принадлежности населения лесостепного Дона в скифское время. Противоречивость и недостаточная информативность античных письменных источников о скифах вообще и о населении лесостепного Дона в частности, на которые часто ссылаются исследователи, достаточно хорошо известна. С другой стороны, многие противоречия во взглядах на эту проблему порождены самими археологами из-за различных подходов к анализу и интерпретации археологических источников. На эту сторону проблемы нами обращалось внимание в ходе оживившейся дискуссии об этнической (этнокультурной) принадлежности памятников скифского времени лесостепного Дона (Березуцкий В.Д., 2002). Сказанное в полной мере относится и к погребальному инвентарю – одному из важнейших источников для реконструкции социальных, религиозно-мифологических, этнокультурных и других вопросов.

До середины 90-х гг. прошлого столетия курганы скифского времени лесостепного Дона типа Частых и Мастюгинских рассматривались только с точки зрения отражения в них погребальной практики всего среднедонского населения (Либеров П.Д., 1965; 1971). С середины 90-х гг. в существующие положения начинают вноситься коррективы, приведшие в итоге к пересмотру вопроса о социальной сущности лиц, погребенных под курганами (Березуцкий В.Д. 1995; Медведев А.П., 1999). Курганные некрополи лесостепного Дона были отнесены не ко всему населению региона, а лишь к его военно-аристократической, дружинной верхушке. Основополагающим критерием для системы доказательств послужил погребальный инвентарь, проанализированный с иных позиций (Березуцкий В.Д., 1995, с.48-54; Медведев А.П., 1999, с. 102-117). Сходное мнение применительно к исследованному курганному могильнику у сел Терновое и Колбино высказали недавно В.И. Гуляев («аристократия») (Гуляев В.И., 2001, с. 31) и Е.И. Савченко (Савченко Е.И., 2000; 2001).

Признание данного факта приводит к необходимости по-иному рассматривать вопрос об этнокультурном содержании предметов из курганов скифского времени лесостепного Дона. Нельзя не замечать особого характера этих вещей, поскольку они отражали эстетические и иные запросы не всего общества, а лишь его элиты. В аристократических верхах предметы теряют свое этнокультурное своеобразие, нивелируются, поскольку во все времена элита общества впитывала в себя все лучшее, роскошное и инородное в том числе. Однако обозначенные выше особенности погребального инвентаря из среднедонских курганов не всегда учитываются. Это особенно видно на фоне дискуссии, предметом которой снова стали вопросы единства Скифии (степной и лесостепной). Отчетливо эти идеи отстаиваются в настоящее время В.И. Гуляевым. Возрождая взгляды М.И. Ростовцева о единстве культуры Степи и Лесостепи в скифское время и о скифской принадлежности населения Среднего Дона, исследователь делает главный акцент на археологические материалы, а точнее – на «вещевые комплексы» (Гуляев В.И., 2000, с. 146; 2001, с. 24). На них построены сравнительные характеристики территориально-культурных образований, и им отдается предпочте-

ние перед другими источниками. На основании сходства отдельных категорий инвентаря среднедонских, днепровских лесостепных, степных скифских и нижнедонских курганов обосновывается вывод о культурном и этническом единстве населения указанных территорий (скифы).

Обращение к вещевым комплексам как этнокультурному индикатору без учета специфики предметов, находящихся в погребениях элиты общества, как представляется, значительно ограничивает возможности выяснения объективной этнокультурной картины. Сущность метода, которым оперирует В.И. Гуляев, заключается в поисках аналогий престижным вещам из среднедонских курганов. Такой поиск приводит к находкам схожих (или идентичных) предметов на широкой территории Степи и Лесостепи. Отсюда делается вывод о культурном сходстве и этническом родстве населения, обитавшего на этих территориях. В итоге Средний Дон оказывается населенным скифами (как и Днепровская лесостепь, Нижний Дон вместе с его Правобережьем и междуречьем Дона и Северского Донца).

В.Е. Максименко, также видящий «очень много общего» (Максименко В.Е., 1998, с. 62) между памятниками Среднего Дона с одной стороны и Правобережьем Нижнего Дона и территорией междуречья Дона и Северского Донца – с другой, и выступающий в русле рассматриваемого единства, только с «савромато-сирматским» этнокультурным акцентом, тем не менее, различает *культуру и этнос* (выделено нами – В.Б.), которые не всегда равнозначны, и считает данный подход «принципиально важным» (Максименко В.Е., 2000, с. 181). Многочисленные примеры распространения социально-престижных предметов на широкой территории Степи и Лесостепи Восточной Европы, приведенные В.И. Гуляевым, вовсе не свидетельствуют о каком-либо культурном или этническом единстве населения, обладавшего этими предметами. И тот факт, что часть предметов погребального инвентаря с территории Среднего Дона имеет прямые аналогии в скифской Степи (исследователь привел новые примеры с изучаемого им курганного могильника Колбино-Терновое), еще не дает оснований для выводов этнокультурного порядка. Являясь по большей части произведениями греческих мастеров, они не несут на себе этнических признаков.

Сомнительны попытки в качестве доказательства «единства» привлечь не только отдельные предметы престижного характера, но и «скифскую триаду» в целом в качестве атрибута именно скифов (Гуляев В.И., 2001, с. 31). Один из авторов этого термина А.И. Мелюкова не только отрицает возможность использования триады для рассуждений о «единстве», но и указывает на кардинальные различия в ее составных элементах у разных групп населения Степи (Яблонский Л.Т., 1999, с. 40). По замечанию В.С.Ольховского, триада не может рассматриваться как индикатор скифской культуры из-за огромного ареала ее встречаемости у кочевого, полукочевого и оседлого населения (Ольховский В.С., 1997, с, 90), а культурная близость на уровне триады не является бесспорным доказательством близости этнической. Подобные взгляды распространены среди археологов (Яценко И.В., Раевский Д.С., 1980, с. 112; Шрамко Б.А., 1980, с. 94 и др.). Насколько выводы исследователей согласуются в этом вопросе применительно к среднедонской культуре скифского времени?

Наступательное вооружение из среднедонских курганов представлено мечами, копьями, дротиками и стрелами. Большая часть мечей (10 из 15-ти) относятся, по классификации А.И. Мелюковой, к отделу I типу 3. Они типичны для воинов Степи и Лесостепи Восточной Европы и датируются IV в. до н.э. Выделяется несколько экземпляров, которые выпадают из общей выборки: два меча синдо-меотского типа из кургана 15 у с. Дуровка (рис. 1, 26); меч из кургана 7 у с. Русская Тростянка, который близок ранним прохоровским мечам с прямым навершием и изломанным дугой перекрестьем (рис. 1, 5); меч из кургана 5 у с. Владимировка, возможно, с утерянным навершием, отчего получил неоднозначную этнокультурную оценку (Либеров П.Д., 1965, с. 5; Смирнов К.Ф., 1980, с. 41, 43); оригинальный меч, не имеющий пока аналогов, из кургана 38 Староживотинного могильника с валютообразным навершием и

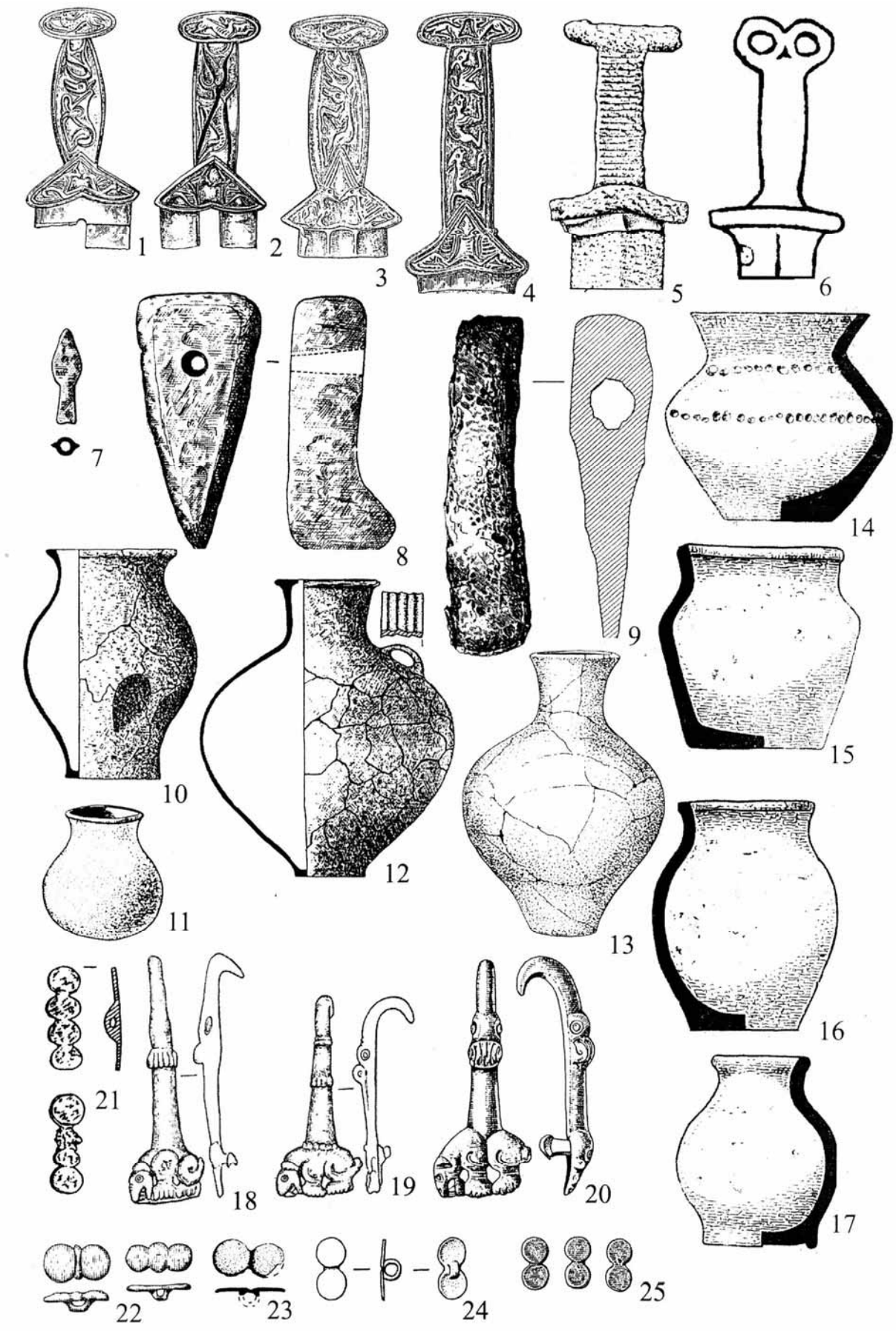


Рис. 1. *Материалы из подкурганных погребений Скифии, Лесостепного Дона, междуречья Дона и Северского Донца, Нижнего Дона*

необычным для IV в. до н.э., которым датируется погребение, прямым перекрестьем (Медведев А.П., 1999, рис. 50, 8) (рис. 1, 6). Не характерны для погребений кинжалы, представленные в качестве случайных находок в пограничных районах распространения среднедонской культуры, что отличает среднедонские погребения от степных скифских и днепровских лесостепных. Лишь однажды кинжал был обнаружен в грунтовом погребении на Мостищенском городище (Правобережье Среднего Дона) (Синюк А.Т., Березуцкий В.Д., 2001, рис. 104, 6). Находки кинжалов в среднедонских курганах, возможно, еще будут сделаны, но общая картина от этого вряд ли изменится.

Копья встречены в более чем 40 погребениях (см. статью А.Н. Ворошилова в данном сборнике). Несмотря на незначительные различия, все они повторяют формы, характерные для Степи и Лесостепи V-IV вв. до н.э. Тем не менее, значительная часть копий отличается от распространенных «общескифских» типов длинными втулками, которые равны длине пера или превышают ее.

Дротики найдены примерно в 40 погребениях. Они принадлежат типу с узким жаловидным пером и длинной тонкой втулкой. Данный тип дротиков часто встречается в погребениях V-IV вв. до н.э. Степи и Лесостепи (Мелюкова А.И., 1964, с. 45). Широкое распространение дротиков в среднедонских курганах составляет еще одну особенность в вооружении населения этого региона (Либеров П.Д., 1965, с. 16), что, возможно, связано с необходимостью борьбы со щитоносной пехотой (Мелюкова А.И, 1964, с. 45; Медведев А.П., 1999, с. 104).

Копья и дротики имели характерные для среднедонских курганов рюмковидные втоки. В кургане 7 группы Частых (V в. до н.э.) были обнаружены два типичных для степных погребений цилиндрических втока копий (Замятнин С.Н., 1946, с. 30). Однако уже с V в. до н.э. по каким-то причинам рюмковидные втоки, изредка встречавшиеся в Днепровском Левобережье, получают широкое распространение в памятниках только Среднего Дона, что составляет еще одну локальную особенность вооружения.

Стрелы – наиболее распространенные находки из предметов вооружения. Если бронзовые втульчатые наконечники стрел имеют широкие аналогии в степных и лесостепных памятниках конца VI-IV вв. до н.э., то абсолютное преобладание на Среднем Дону железных втульчатых наконечников стрел (более 80%) (Медведев А.П., 1999, с. 105) составляет еще одну локальную особенность в вооружении населения лесостепного Дона V-IV вв. до н.э. Известные и на других территориях (в савроматской культуре Поволжья, на Кубани и Нижнем Дону), они нигде не встречаются в таком количестве, как на Среднем Дону. Плоские втульчатые наконечники стрел являются типичной местной чертой вооружения (Мелюкова А.И., 1964, с. 25). Вместе с тем, находки таких наконечников отмечены и на других территориях – Днепровском лесостепном Левобережье (Шрамко Б.А., 1987, рис. 56, 47, 48), в междуречье Дона и Волги (Смирнов К.Ф., 1964, рис. 5, 32).

Защитное вооружение, представленное главным образом железными чешуйчатыми панцирями, найдено в более чем в 20% погребений. Они типичны для степных и лесостепных памятников скифского времени, но в погребениях лесостепного Дона встречаются значительно чаще.

Принадлежности конской упряжи в целом повторяют формы, характерные для памятников широких территорий и в этом отношении ничем не отличаются (без учета особенностей оформления в зверином стиле).

Таким образом, вооружение населения лесостепного Дона, имея во многих показателях «общескифские» стандарты, распространенные на широких территориях Степи и Лесостепи, тем не менее содержит локальные особенности. Данный тезис не нов: локальные особенности среднедонских памятников вообще и вооружения в частности были в свое время подробно охарактеризованы еще П.Д. Либеровым почти 40 лет назад (Либеров П.Д., 1965), но их снова приходится напоминать.

Не являясь этнокультурным показателем, вооружение среднедонской элиты демонстрирует отличные от скифских стандарты, и видимо, несколько иные приемы

ведения боевых действий, что не вписывается в рамки тезиса о «единстве». Не поддаются однозначной трактовке погребения с мечами синдо-меотского типа и мечом ранне-прохоровского типа. Такие находки на Среднем Дону единичны, но они не исключают того, что в состав среднедонских дружинников могли входить и отдельные представители других этнокультурных групп, например, синдо-меотов, как полагает А.И. Пузикова, исследовавшая курган 15 у с. Дуровка с мечами синдо-меотского типа и другим инвентарем, выпадающим из материалов среднедонской культуры (Пузикова А.И., 1995, с. 12). Если учесть, что состав боевых дружин более позднего времени (раннее средневековье) не был строго моноэтничным, то такое предположение не покажется неприемлемым.

Если оружие и конский убор не являются надежными индикаторами этнокультурной принадлежности, то более информативными в этом отношении являются изделия в зверином стиле, отражающие мировоззрение общества, в том числе и этнос, поскольку искусство являлось и является важнейшим этнографическим показателем.

Недавно Л.Ю. Гончаровой был проведен тщательный анализ предметов звериного стиля с погребальных памятников лесостепного Дона (Гончарова Л.Ю., 2001). Выводы исследователя в общих чертах таковы. Многие мотивы звериного стиля IV-начала III вв. до н.э. лесостепного Дона имеют прямые аналогии в степных памятниках, относимых исследователями к скифам. Это свернувшиеся в кольцо и припавшие на лапы кошачьи хищники, лежащие олени, грифоны. Подобные элементы составляют чуть более 20% от всех предметов в зверином стиле, которые представляют собой античный импорт. Подобные изделия были широко распространены как в Степи, так и Лесостепи Восточной Европы и не могут быть показателями этнического или культурного родства.

Что касается другой, более многочисленной части изделий в зверином стиле (главным образом, это оформленные соответствующим образом детали конской узды), то здесь отчетливо видно стремление к переработке скифских сюжетов на местный лад в сторону более реалистичных изображений. В среде среднедонских аристократов появляется и своя мода, отличная от степной, которая воплощается в новые образы, незнакомые Степи: поясные крючки-застежки (исследователи единодушно относят эти изделия к творчеству среднедонских мастеров); золотые нашивные бляшки в виде кабаньей головы; изображения медведя в «восточном стиле»; изображение голов волка, фантастического хищника, «ушастой хищной птицы». При этом на уровне зооморфного искусства «культурное и этническое родство» среднедонских и нижнедонских племен заключается лишь в находке в кургане у хут. Кащеевка на Нижнем Дону поясных крючков в виде медведя, близких среднедонским образцам (рис. 1, 19-20). Сходные мотивы изображения головы грифона на конских налобниках и лежащих зверей на золотых рукоятях парадных мечей из курганов Степи и Среднего Дона свидетельствуют не о связи двух регионов, а о том, что они восходят к прототипу-оригиналу круга Чертомлыка (рис. 1, 1-4) (Гончарова Л.Ю., 2001, с. 41).

В итоге приходится констатировать, что фиксируемые по составляющим триаду локальные особенности погребальных памятников не могут быть трактованы как показатели этнического или этнокультурного сходства «скифского мира» (Ольховский В.С., 1997, с. 92; Алексеев В.П., 1991, с. 42). Сказанное относится и к материалам лесостепного Дона.

В тезисе о «единстве» и сходстве среднедонских памятников со скифскими (В.И. Гуляев) и с савромато-сирматскими (В.Е. Максименко) постоянно фигурируют несколько курганов V-IV вв. до н.э., исследованных Азово-Донской экспедицией в междуречье Дона и Северского Донца (Смирнов К.Ф., 1984). Это курганы у пос. Шолоховский, хут. Сладковский, Кащеевка, Карнауховский, курган в группе «Частые курганы». Причем речь идет либо о «большом сходстве (и даже идентичности)» со среднедонскими погребениями (Гуляев В.И., 2000, с. 148), или близости к ним «по многим параметрам» (Максименко В.Е., 2000, с. 182). В какой степени указанные параметры сходства среднедонских курганов и курганов междуречья Северского

Донца и Дона соответствуют действительности?

Курган у пос. Шолоховский содержал предметы вооружения (доспех, копья, стрелы, втоки, железный меч без перекрестья, железный топор), которые нельзя однозначно увязать только со среднедонскими курганами, как и принадлежности конской упряжи, если не считать плоский втульчатый железный наконечник стрелы, составляющий характерную особенность среднедонской культуры (рис. 1, 7), а также бронзовые псалии с расширяющимися концами и S-видные псалии с бронзовыми шишечками на концах (Максименко В.Е. и др., 1984, рис. 58, 1, 3), известные в кургане 29/21 у с. Мастюгино (V в. до н.э.). Но такие же втульчатые наконечники стрел, как известно, встречаются и на других территориях (Днепровское лесостепное Левобережье, междуречье Дона и Волги), а псалии имеют широкие аналогии в скифских и савроматских комплексах V-IV вв. до н.э. Нельзя связать в рамках тезиса о «большом сходстве» находки в этом кургане бронзового котла, бронзового же круглого плоского зеркала с циркульным орнаментом, ворворок, налобников, пряжек, колец, железных ножей с костяными рукоятями, имеющих широкое распространение. А некоторые предметы из кургана вообще не находят себе аналогий (предметы с костяными рукоятями, наконечник стрелы или дротика с длинным черешком, серповидное орудие, железный топор) (Максименко В.Е. и др., 1984, с. 140). Правда, К.Ф. Смирнов привел топору полную аналогию – топор из кургана 7 группы Частых на Среднем Дону, но эти топоры различаются значительно (рис. 1, 8, 9). Добавим к этому показательные находки лепной керамики (рис. 1, 14-17). По мнению авторов работы, часть ее «близка скифской», другие находят аналогии в савроматских комплексах в IV в. до н.э. Нижнего Поволжья и Приуралья. Круглые ямки на одном из сосудов – характерная черта керамики савроматской культуры (Максименко В.Е., 1984, с. 140). В лесостепном Подонье в курганах представлены иные формы лепной керамики (рис. 1, 10-13).

В целом не вызывает сомнений этнокультурная интерпретация погребения, отнесеннного исследователями к кочевническим памятникам западной территории расселения «савроматов-сирматов». При этом авторы статьи не упустили случая отметить большую несхожесть материалов из кургана со среднедонскими и скифскими памятниками (Максименко В.Е., 1984, с. 141). По каким же тогда критериям Шолоховский курган вошел в систему доказательств «единства»? Видимо, по данным погребального обряда (большая квадратная яма, дромос, перекрытие из бревен, следы сильного огня, заупокойная пища в виде частей туш животных). Однако нетрудно увидеть, что перечисленные признаки несут в себе общеевразийское достояние (Мурзин В.Ю., 1984, с. 62; Мошкова М.Г., 1984, с. 7). Взятые по отдельности или вместе, они не могут служить надежным критерием ни культуры, ни этноса. Кроме того, подобные признаки могильных сооружений (сравнительно обширные ямы, бревенчатое перекрытие, дромосы, применение огня) известны к востоку от рассматриваемой территории – на Южном Урале в памятниках V-III вв. до н.э. (Пшеничнюк А.Х., 1983, с. 35-36, рис. 9; с. 38, рис. 10; с. 44, рис. 12; с. 65, рис. 16 и др.). Примем во внимание характерную для савроматской культуры лепную керамику из кургана у пос. Шолоховский – более весомый этнокультурный показатель, и необходимость увязывать данный памятник со среднедонскими отпадет.

Такая же ситуация складывается при выяснении вопроса о признаках сходства и с другими курганами, призванными свидетельствовать о «большом сходстве» или идентичности.

В *кургане у хут. Кащеевка* из предметов погребального инвентаря обнаружены: железный панцирь, остатки кожаного щита с железными пластинами, бронзовые и железные наконечники стрел, ворворки, бусы, железные ножи, бронзовое плоское зеркало, золотое кольцо, железное шило, костяная ложечка, бронзовая жаровня, остатки серебряного сосуда, лепной глиняный сосуд, бронзовые поясные крючки в зверином стиле. К находкам, имеющим несомненную связь с материалами среднедонской культуры, можно отнести лишь два поясных крючка-застежки с изображением

медведя. Железные плоские наконечники стрел, как было уже отмечено, не являются достоянием только среднедонской культуры. Поясные же застежки-крючки являются единственным надежным показателем связи между погребальными памятниками рассматриваемых регионов, но они известны и на других территориях (в скифской степи, например, в Александропольском кургане) и не могут быть ни показателем культуры в полном ее выражении, ни показателем этноса. Значительно больше фактов свидетельствуют в пользу отнесения кургана к кругу савроматской культуры («савромато-сирматы») (Максименко В.Е. и др., 1984-а, с. 156). Отметим, что и в этом кургане отмечены следы сожжения, деревянного перекрытия, входа-дромоса в могилу, что не добавляет информации по этнокультурной оценке погребений.

Курган 4 у хут. Сладковский не менее показателен в рассматриваемом ключе (Смирнов К.Ф., 1984, с. 41-54). К.Ф. Смирнов, давший материалам кургана подробную характеристику, отнес памятник к «позднесавроматской (сирматской)» культуре IV в. до н.э. (Смирнов К.Ф., 1984, с. 53). Среди многочисленных предметов погребального инвентаря отметим только бронзовые литые двойные и тройные бляшки (рис. 1, 22), которые имеют аналогии в материалах Среднего Дона (рис. 1, 21, 23-25). На Среднем Дону они по каким-то причинам встречаются чаще, чем на других территориях. На этом, собственно, сходство и заканчивается. Основная и многочисленная масса предметов погребального инвентаря, как это показано К.Ф. Смирновым, принадлежит кругу «савромато-сирматских» древностей (железный меч, бронзовый котел, лепная глиняная посуда). Другие же предметы не имеют четкой культурной привязки ввиду их широкого распространения.

Данные погребального обряда также не дают возможности увязывать погребение исключительно с кругом среднедонских памятников. Южная ориентировка, поза погребенных («атакующая поза»), наличие в могиле мела – признаки савроматские или раннесарматские (Смирнов К.Ф., 1984, с. 44). Примечательно, что основное погребение «амазонки» в могиле сопровождалось интенсивной меловой посыпкой. В среднедонских курганах мел фрагментарно отмечен только в двух случаях. Нет в среднедонских курганах и столь многочисленных захоронений в одной могиле (семь погребенных). Тип погребального сооружения (яма, перекрытая деревом с дромосом) не может претендовать на «единство» со среднедонскими типами ввиду широкого территориального распространения подобных сооружений (логичнее увязывать сладковское сооружение с Южным Приуральем) (Смирнов К.Ф., 1984, с. 42). Показателен результат анализа бронз из кургана, проведенный Т.Б.Барцевой. Он выявил приуральский состав бронз, характерный для всех «савромато-сарматских» изделий Южного Приуралья (Смирнов К.Ф., 1984, с. 141-148). Исключение в этом отношении составляют только нашивные двойные и тройные бляшки, для которых не исключается северопричерноморский центр производства.

Карнауховский курган содержал погребение в яме и набор вещей: обломки бронзового котла, железный нож с костяной ручкой, обломок железной ручки зеркала с бронзовой головкой какого-то животного на одном конце, фрагмент лепного профилированного сосуда с защипами по венчику, железные трехлопастные втульчатые наконечники стрел и один бронзовый наконечник стрелы (Либеров П.Д., 1969, с. 31, рис. 2). П.Д. Либеров без сомнений отнес погребение к среднедонской культуре скифского времени, а К.Ф. Смирнов – к савроматской (Смирнов К.Ф., 1964, с. 196). Погребение действительно содержит разнокультурные признаки, что и привело к противоречивым выводам исследователей. П.Д. Либеров безусловно прав, когда отмечает, что железные наконечники стрел, железный нож с костяной ручкой, часть лепного горшка не являются типичными для савроматских памятников (Либеров П.Д., 1969, с. 31). Но, заметим, не являются и исключением для них (как и заупокойная пища в виде части туши лошади). Лепной сосуд действительно «близок керамике Среднего Дона и украинской лесостепи», но пока нет достоверных фактов нахождения такой керамики в подкурганных погребениях лесостепного Дона.

Курган 1 могильника «Частые курганы» содержал многочисленные и разнообразные предметы погребального инвентаря (детали конской узды, оформленной в зверином стиле, меч, наконечники стрел, бронзовая ладонь, бронзовый котел, бронзовый ковш, лепную керамику, обломок точильного бруска). Авторы публикации комплекса не сомневаются в происхождении предметов погребального инвентаря из различных районов – синхронных памятников Поволжья и Южного Приуралья (бронзовый ковш, уздечный набор), Кавказа (лепной кувшин), Скифии (бронзовая ладонь, наконечники стрел) (Максименко В.Е. и др., 2001, с. 222-225). Два лепных больших черноглиняных сосуда с отогнутым венчиком и наколами под ним авторы охарактеризовали как весьма близкими среднедонским сосудам скифского времени (сосуды не прорисованы в публикации и судить о них трудно).

Что же оказывается в итоге? Налицо явное преувеличение значения и представительности отдельных признаков материальной культуры в курганах Среднего Дона и междуречья Дона и Северского Донца. Иными словами, сходство среднедонских памятников и памятников междуречья Дона и Северского Донца не носит тотального характера. Эти признаки схожести составляют лишь малую долю по сравнению с более представительными признаками, которые характеризуют культуру племен, пришедших из-за Дона с востока. В таких условиях говорить о единстве культур, по меньшей мере, преждевременно. При этом контакты населения Среднего Дона и междуречья Дона и Северского Донца исключить, конечно, нельзя. Они могли носить как прямой, так и опосредованный характер. Но на этом и заканчивается их связь. Материальная культура носителей населения междуречья Дона и Северского Донца имеет все же восточные корни с элементами заимствования на новой территории обитания, что вполне объяснимо.

Сказанное в полной мере относится и к материалам Нижнего Дона, которые также включаются в круг «единства». Здесь также имеются признаки сходства со среднедонскими материалами, что нашло отражение в погребальном обряде – распространении схожих типов погребальных сооружений (ямы со столбами, канавками для закрепления деревянных конструкций), инвентаре (некоторые изделия в зверином стиле схожи со среднедонскими экземплярами) (Копылов В.П., 2000, с. 162). Однако все это лишь элементы сходства, которые вовсе не дают картину единства. Далеко не все типы погребальных сооружений, господствовавших на Среднем Дону, представлены в Нижнем Подонье, а узкие длинные ямы, составлявшие в V в. в Елизаветовском могильнике не менее 55% могил (Копылов В.П., 1992, с. 41) и вовсе отсутствуют на Среднем Дону. Не получил широкого распространения в Нижнем Подонье и звериный стиль. В Елизаветовском могильнике предметы в зверином стиле обнаружены только в 3% захоронений, что в значительной степени контрастирует с материалами из курганов Среднего Дона (Гончарова Л.Ю., 2001, с. 41), а стилистические особенности его иные. Наиболее приемлемую точку зрения на происхождение нижнедонских памятников скифского времени высказал В.П Копылов, считающий истоками ее население Днепровского лесостепного Левобережья (Копылов В.П., 2000, с. 165), что и объясняет причины некоторой схожести (в отдельных признаках) между среднедонскими и нижнедонскими памятниками, но не идентичности.

В свое время П.Д. Либеров, проделавший огромную и разностороннюю работу по изучению памятников скифского времени в лесостепном Подонье, абсолютизировал локальные особенности местной культуры до признаков, связывающих ее с местными культурами эпохи бронзы. Дальнейшие исследования не подтвердили эти выводы. Кажется, теперь наметился путь другой абсолютизации археологического материала: развитие идеи культурного и этнического единства, в котором вряд ли останется место для многих реально существовавших этносов.

Березуцкий В.Д., 2002. «Скифы на Среднем Дону» и некоторые вопросы интерпретации археологических источников // ВДИ. № 4.

Березуцкий В.Д., 1995. Скифские курганы лесостепного Дона (к реконструкции

социальных отношений). Воронеж.

Гончарова Л.Ю., 2001. Искусство лесостепного Подонья и Европейской Скифии в IV-начале III вв. до н.э.: черты сходства и различия. Липецк.

Гуляев В.И., 2000. Об этнокультурной принадлежности населения Среднего Дона в V-IV вв. до н.э. // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. М.

Гуляев В.И., 2001. Общие проблемы археологии Среднего Дона скифского времени // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993-2000 гг. М.

Копылов В.П., 2000. Население дельты Дона в V-IV вв. до н.э. // Скифы и сарматы в VII-Ш вв. до н.э. Палеоэкология, антрропология и археология. М.

Копылов В.П., 1992. Погребения V в. до н.э. Елизаветовского могильника на Дону // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. науч. конф. Мелитополь.

Либеров П.Д., 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Вып. Д1-31.

Либеров П.Д., 1969. Савроматы ли сирматы? // Население Среднего Дона в скифское время. М., 1969.

Максименко В.Е. и др., 1984. Курган у пос. Шолоховский // Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.

Максименко В.Е. и др., 1984-а. Курган у хут. Кащеевка // Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.

Максименко В.Е., 1998. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории). Азов.

Максименко В.Е., 2000. Население междуречья Дона и Северского Донца в V-III вв. до н.э. // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. М.

Манцевич А.П., 1973. Мастюгинские курганы по материалам из собрания государственного эрмитажа //АСГЭ. Вып. 15.

Медведев А.П., 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история. М.

Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов. САИ. Вып. Д1-4.

Мошкова М.Г., 1984. Вступительная статья // Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждения их политического господства в Скифии. М.

Мурзин В.Ю., 1984. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев.

Ольховский В.С., 1997. Скифская триада // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. М.

Пузикова А.И., 1969. Раскопки могильника скифского времени у с. Дуровка в 1965 г. // МИА. № 115.

Пузикова А.И., 1995. Скифы Среднего Дона. М.

Пшеничнюк А.Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.

Савченко Е.И., 2000. Погребальный обряд населения Среднего Дона в V-IV вв. до н.э. (по материалам могильника Терновое I - Колбино I) // Скифы и сарматы в VII-III вв, до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. М.

Савченко Е.И., 2001. Могильник скифского времени Колбино I - Терновое I на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993-2000 гг. М.

Синюк А.Т., Березуцкий В.Д., 2001. Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы-ранний железный век). Воронеж.

Смирнов К..Ф., 1964. Савроматы. М.

Смирнов К..Ф., 1980. О мечах и кинжалах скифо-меотского типа // КСИА. Вып. 162.

Смирнов К.Ф., 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.

Шрамко Б.А., 1980. Обсуждение // НАЛ. № 6.

Шрамко Б.А., 1987. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев.

Яблонский Л.Т., 1999. Скифы, сарматы и другие в XXI в. // Археология России в XX веке: итоги и перспективы. Тез. докл. конф., посв. 275-летию РАН и 80-летию Института археологии. М.

Яценко И.В., Раевский Д.С., 1980. Некоторые аспекты состояния скифской проблемы // НАА. №5.

А.Н. Ворошилов
(Воронеж, ВГПУ)

Копья населения среднедонской культуры скифского времени

На территории Среднего Дона обнаружено 49 экземпляров копий, 46 из них (93,8%) находились в подкурганных погребениях. Помимо этого два копья найдены при раскопках Семилукского городища (Пряхин А. Д., Разуваев Ю. Д., 1995, с. 55) и один наконечник является случайной находкой (Березуцкий В. Д., Золотарев П. М., 2001, с. 20). Размеры и типология всех наконечников приведены в таблице 1[1].

Остатки 18 копий (36,7%) имеют втоки (табл. 2). Древки копий сохранились в незначительных обломках.

Копья найдены в 33 погребениях, что составляет 18% от всех известных нам погребальных комплексов. В третьей части из них (11 погребений) обнаружено по два экземпляра наконечников копий, один раз в погребении встречено сразу три наконечника, остальные погребения (21) содержали по одному экземпляру. Из всех находок наконечников только 34 (69,3%) хорошо сохранились (определяется размер и форма), остальные 15 наконечников представлены в обломках, не позволяющих их реконструировать (рис. 3; 8-14).

Вооружение среднедонского населения имеет много общих черт с оружием скифских племен, поэтому вполне правомерным является применение в данной работе уже разработанной типологической классификации А.И. Мелюковой (Мелюкова А.И., 1964, с. 35-44).

I отдел. Лавролистные наконечники копий. В большей степени характерны для лесостепи (Мелюкова А.И., 1964, с. 36). На территории Среднего Дона известно 11 экземпляров данного отдела. Все они имеют грани пера в виде более или менее правильных дуг, наибольшая ширина пера обязательно находится возле середины.

2 тип 3 вариант представлен четырьмя экземплярами (табл. 1, № 15, 16, 36, 40). Для них характерно узкое высокое ребро посередине пера, не переходящее во втулку, длина которой примерно равна перу, а само перо неширокое (рис. 1, 1-3). Наконечники этого типа имеют достаточно большую длину (38,2 – 45 см). Ширина пера относится к длине пера как 1:5, 7-6. Датируются эти наконечники первой половиной V – началом III вв. до н. э. (Мелюкова А.И., 1964, с. 38). Очевидно, что из всех типов I отдела и наконечники были наиболее надежны и эффективны (Мелюкова А.И., 1964, с. 40).

3 тип 2 вариант составляют два экземпляра (рис. 3, 4-5). Наконечники без ребра на пере, длина которого короче, втулки (1:0,9–0,8). Перо в разрезе имеет форму сильно вытянутого ромба. Общая длина – 44,4 и 47 см. Отношение ширины пера к длине как 1:4,9 и 1:5 (табл. 1, № 7, 23). Датировка этого типа для степной Скифии: VII – первая половина V вв. до н. э. (Мелюкова А.И., 1964, с. 39), на территории Среднего Дона они использовались в IV – начале III вв. до н. э.

---

[1] В статье использована следующая аббревиатура находок: А – курган у с. Абрамовка; В – могильник у с. Владимировка; Дб – могильник у хут. Дубовой; Др – могильник у дер. Дуровка; К – могильник «Колбино I»; М – могильник у с. Мастюгино; РТ – могильник у с. Русская Тростянка; Сем. г. – находки на Семилукском городище; Ст – могильник у с. Староживотинное; Т – могильник «Терновое I»; Чк – могильник «Частые курганы». Через дефис дается номер кургана (данный при публикации комплекса) или характер находки, в скобках приводится год раскопок. Римскими цифрами обозначены номера находок в одном комплексе.

Таблица 1

№ п/п	Находка Типология по А. И. Мелюковой / отдел-тип-вариант/	Длина наконеч-ника (см)	Длина пера (см)	Ширина пера (см)	Длина втулки (см)	Верхний диаметр втулки (см)	Нижний диаметр втулки (см)	Соотношение длины втулки и пера	Соотношение ширины и длины пера
1	А-1 (2000) /I-3-3/	40,0	25,0	4,5	15,0	2,2	3,0	1 : 1,6	1 : 5,5
2	В-5 (1900) /II-2-1/	20,2	13,8	4,0	6,4	2,2	2,2	1 : 2,1	1 : 3,4
3	Дб-3 (2002) /II-2-1/	27,2	15,2	4,2	12,0	2,0	4,0	1 : 1,2	1 : 3,6
4	Дб-4 (2002) /II-2-1/	30,0	14,5	3,6	15,5	1,8	3,0	1 : 0,9	1 : 4,0
5	Др-4 (1964) /II-2-1/	46,8	24,2	5,0	22,6	2,4	4,0	1 : 1	1 : 4,8
6	Др-14 (1986) /II-1-2/	39,6	19,6	3,6	20,0	2,0	3,4	1 : 0,9	1 : 5,4
7	Др-16 (1986) /I-3-2/	44,4	20,6	4,2	23,8	1,8	3,4	1 : 0,8	1 : 4,9
8	К-5 (1998)I /II-2-1/	44,2	22,0	4,0	22,2	1,8	3,8	1 : 0,9	1 : 5,5
9	К-5 (1998)II /?/	?	?	?	?	?	?	?	?
10	К-6 (1998) /II-2-2/	53,0	25,0	3,7	28,0	1,7	3,6	1 : 0,9	1 : 6,7
11	К-7 (1998)I /II-2-1/	38,8	18,6	4,0	20,2	2,0	4,0	1 : 0,9	1 : 4,6
12	К-7 (1998)II /II-2-1/	39,0	16,2	3,9	22,8	2,0	3,6	1 : 0,7	1 : 4,1
13	К-7 (1998)III /?/	?	?	?	21,6	1,6	3,9	?	?
14	К-14 (1999) /?/	?	?	?	?	?	?	?	?
15	М-2, 29/21 (1906, 1960) I /I-2-3/	42,0	22,0	3,8	20,0	2,0	3,6	1 : 1,1	1 : 5,7
16	М-2, 29/21 (1906, 960) II /I-2-3/	38,2	23,6	3,8	14,6	1,8	3,2	1 : 1,6	1 : 6,2
17	М-2 (1908)I /II-1-2/	46,0	26,0	5,4	20,0	2,6	3,6	1 : 1,3	1 : 4,8
18	М-2 (1908)II /I-3-3/	18,1	11,5	1,8	6,6	1,2	1,9	1 : 1,7	1 : 6,3
19	М-3 (1908) /II-1-2/	34,2	18,6	4,0	15,6	2,0	3,2	1 : 1,1	1 : 4,6
20	М-4/20 (1960) /?/	?	?	?	?	?	?	?	?
21	М-2/23 (1960)I /?/	?	?	?	?	?	?	?	?
22	М-2/23 (1960)II /?/	?	?	?	?	?	?	?	?
23	М-32/32 (1961) /I-3-2/	47,0	21,0	4,2	26,0	1,8	3,8	1 : 0,8	1 : 5,0
24	М-сл. нах. (1988) /II-1-2/	17,0	7,3	2,3	9,7	0,9	2,5	1 : 0,7	1 : 3,0
25	РТ-6 (1961) /?/	?	?	?	?	?	?	?	?
26	РТ-17 (1963) /II-2-1/	34,5	17,2	3,8	17,3	1,8	3,0	1 : 0,9	1 : 4,5
27	РТ-22 (1968) /II-2-1/	42,0	20,8	4,2	21,2	1,8	3,0	1 : 0,9	1 : 4,9
28	Сем. г. (1984-1993)I / II-2-1/	36,6	21,4	3,8	15,2	1,4	2,6	1 : 1,4	1 : 5,5
29	Сем. г. (1984-1993)II / II-2-1/	25,7	12,2	2,2	13,5	1,0	2,4	1 : 0,9	1 : 5,5
30	Ст-28 (1995-98) /II-2-1/	31,5	19,2	3,8	12,3	1,5	2,3	1 : 1,5	1 : 5,0
31	Ст-38 (1995-98)I /II-2-2/	49,5	26,2	4,6	23,3	2,0	4,0	1 : 1,1	1 : 5,6
32	Ст-38 (1995-98)II /?/	?	?	?	?	?	?	?	?
33	Т-4 (1994) /I-3-3/	31,5	16,6	3,8	14,9	1,3	3,2	1 : 1,1	1 : 4,7
34	Т-12 (1996) /II-2-1/	33,9	16,1	4,7	17,8	1,6	3,5	1 : 0,9	1 : 3,4
35	Чк-2 (1910)I /II-2-1/	53,0	29,0	6,0	24,0	2,0	3,5	1 : 1,2	1 : 4,8
36	Чк-2 (1910)II /I-2-3/	?	?	?	?	?	?	?	?
37	Чк-5 (1911)I /?/	?	?	?	?	?	?	?	?
38	Чк-5 (1911)II /?/	?	?	?	?	?	?	?	?
39	Чк-7 (1912)I /I-3-3/	43,2	30,7	5,5	12,5	3,2	3,5	1 : 2,5	1 : 5,5
40	Чк-7 (1912)II /I-2-3/	45,0	30,0	5,2	15,0	2,6	4,4	1 : 2	1 : 5,7
41	Чк-11 (1915) /II-1-2/	48,0	24,0	4,8	24,0	?	3,5	1 : 1	1 : 5
42	Чк-12 (1915) /II-2-1/	43,5	23,0	4,8	20,5	2,0	2,5	1 : 1,1	1 : 4,8
43	Чк-11 (1954) /II-2-2/	52,0	28,0	4,2	24,0	2,0	4,0	1 : 1,1	1 : 6,6
44	Чк-31 (1954)I /I-3-3/	36,5	21,0	4,5	15,5	2,7	3,3	1 : 1,3	1 : 4,6
45	Чк-31 (1954)II /?/	?	?	?	?	?	?	?	?
46	Чк-38 (1956)I /?/	?	?	?	?	?	?	?	?
47	Чк-38 (1964)II /?/	?	?	?	?	?	?	?	?
48	Чк-44 (1981)I /?/	?	?	?	?	?	?	?	?
49	Чк-44 (1981)II /?/	?	?	?	?	?	?	?	?

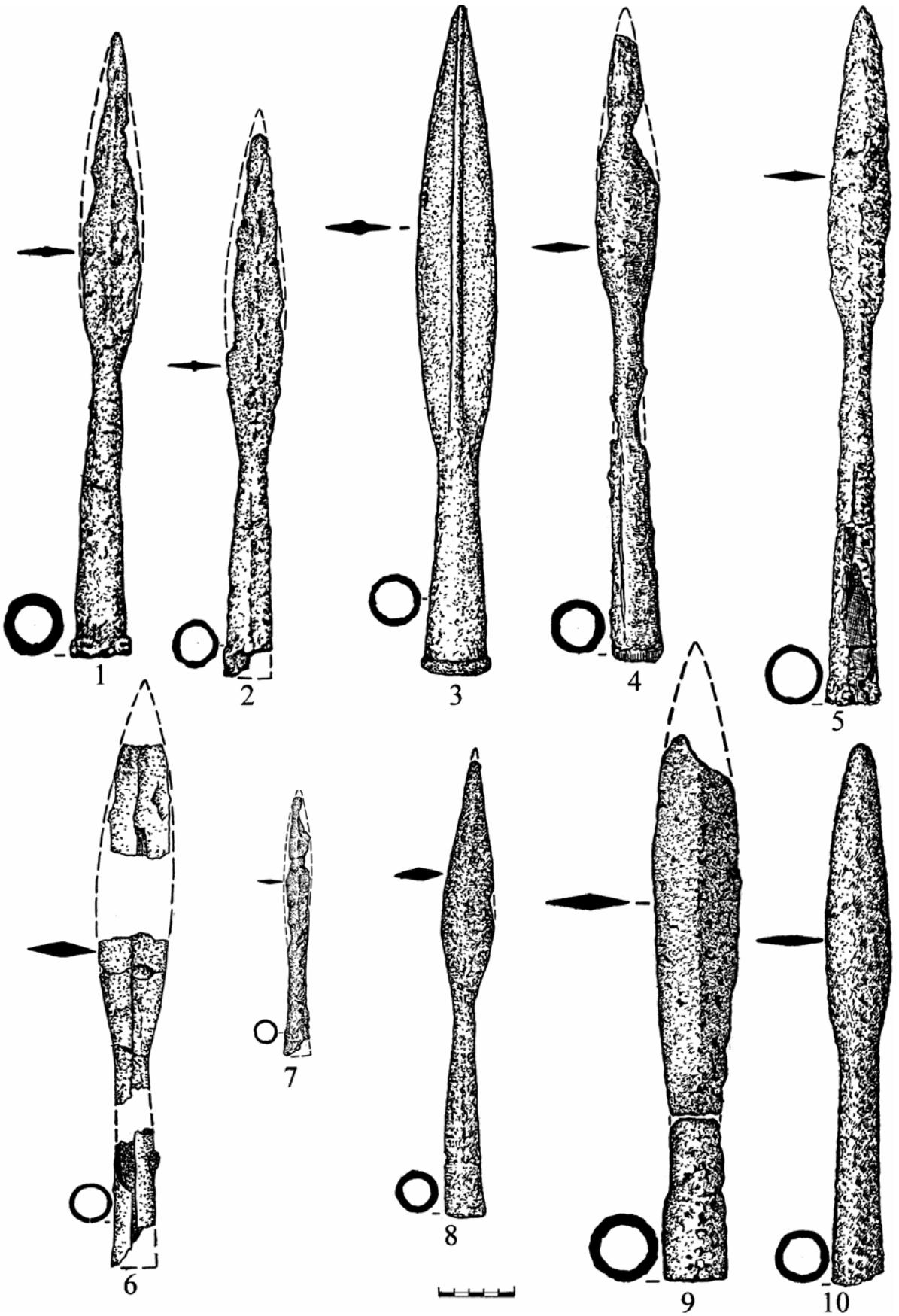


Рис 1. *Наконечники копий I отдела. 1-3 – 2-й тип 3 вариант; 4-5 – 3-й тип 2 вариант; 6-10 – 3-й тип 3 вариант. 1-2 – М-2, 29/21 (1906, 1960) I-II; 3 – Чк-7 (1912) II; 4 – Др-16 (1986); 5 – М 32/32 (1961); 6 – А-1 (2000); 7 – М-2 (1908) II; 8 – Т-4 (1994); 9 – Чк-7 (1912)I; 10 – Чк-31 (1954)*

Таблица 2

№ п/п	Находка	Тип втока	Длина втока (см)	Верхний диаметр втока (см)	Нижний диаметр втока (см)
1	В-5 (1900)	рюмковидный	19,1	2,6	2,3
2	Дб-3 (2002)	конический - витой	3,5	2,5	2,1
3	Др-4 (1964)	рюмковидный	11,0	2,3	2,7
4	Др-14 (1986)	рюмковидный	7,0	2,5	3,2
5	Др-16 (1986)	рюмковидный	6,5	2,1	2,5
6	К-5 (1998)	рюмковидный	15,0	2,2	3,0
7	К-6 (1998)	рюмковидный	13,4	2,8	3,3
8	М-2, 29/21 (1906, 1960)	рюмковид.	7,4	2,7	2,7
9	М-2 (1908)I	рюмковидный	7,5	2,6	2,7
10	М-2 (1908)II	рюмковидный	?	?	?
11	РТ-17 (1963)	рюмковидный	6,4	2,4	3,2
12	Т-4 (1994)	рюмковидный	10,3	2,1	2,3
13	Т-12 (1996)	рюмковидный	20,7	2,3	3,0
14	Чк-5 (1911)	рюмковидный	?	?	?
15	Чк-7 (1912)I	цилиндрический	18,5	3,0	3,0
16	Чк-7 (1912)II	цилиндрический	?	?	?
17	Чк-11 (1915)	рюмковидный	?	?	?
18	Чк-12 (1915)	рюмковидный	11,0	2,5	?

3 тип 3 вариант включает пять экземпляров (рис. 3, 6-10). Как и предыдущий тип, эти наконечники без ребра на пере. Несмотря на большие колебания в размерах (длина – 18,1-43,2 см), имеют вытянутое перо со слабодуговидными гранями, превосходящее длину втулки (1:1,3-2,5). Исключением является наконечник Т-4 (1994), длина пера которого примерно равна длине втулки. Отношение ширины к длине пера выражается как 1:4,6 - 1:6,3 (табл. , № 1, 18, 33, 39, 44). Датируются наконечники V – началом III вв. до н. э.

II отдел. Остролистные наконечники копий. Имеют перо с прямыми, сходящимися к острию гранями. Наибольшая ширина пера находится в последней трети от острия, ко втулке перо плавно сужается (Мелюкова А.И., 1964, с. 40).

1 тип 2 вариант представлен пятью находками наконечников с узким ребром посредине пера (рис. 3, 1-4). Этот тип более характерен для лесостепных районов (Мелюкова А.И., 1964, с. 40). Длина наконечников колеблется в пределах 17-48 см. Отношение длины втулки к длине пера выражается как 1:0,7-1,3. Отношение ширины к длине пера составляет 1:3-5,4 см (табл. 1, № 6, 17, 19, 24, 41). Датировка – V – начало III вв. до н. э.

2 тип 1 вариант составляют 15 находок наконечников копий без ребра, с широким и сравнительно коротким пером (табл. 1, № 2 - 5, 8, 11, 12, 26 - 30, 34, 35, 42). Длина их колеблется в пределах 20,2-53 см. Отношение между длиной втулки и длиной пера выражается как 1:0,7-2,1. Втулки большинства наконечников в нижней части стянуты кольцом. Длина пера в 3,4-5,5 раза больше его ширины. Датируются подобные находки IV – началом III вв. до н. э. Особенностью большинства среднедонских наконечников этого типа является длинная втулка, равная длине пера или незначительно превосходящая ее. Еще одна особенность – изобилие находок наконечников этого типа в среднедонской лесостепи, в то время как на других территориях подобные находки достаточно редки (Мелюкова А.И., 1964, с. 41).

2 тип 2 вариант включает три экземпляра наконечников, отличающихся от

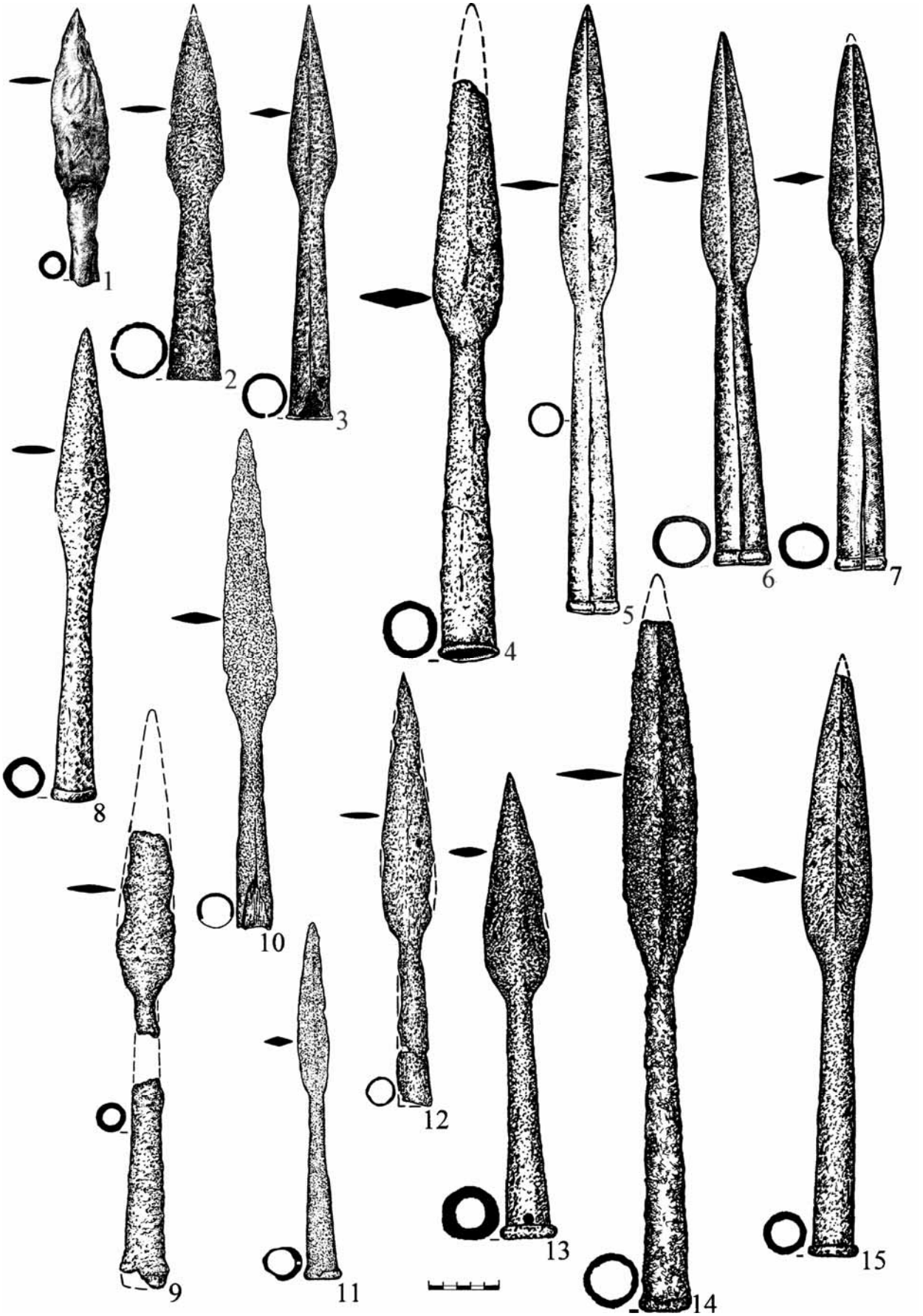


Рис 2. *Наконечники копий II отдела 2 типа 1 варианта.*
1 – В-5 (1900); 2 – Дб-3 (2002); 3 – Дб-4 (2002); 4 – Др-4 (1964); 5 – К-5 (1998); 6 – К-7 (1998) I; 7 – К-7 (1998) II; 8 – РТ-17 (1963); 9 – РТ-22 (1968); 10 – Сем. г.(1984-1993) I; 11 – Сем. г.(1984-1993) II; 12 – Ст-28 (1995-98); 13 – Т-12 (1996); 14 – Чк-2 (1910) I; 15 – Чк-12 (1915)

предыдущего варианта более узким и длинным пером (рис. 3, 5-7). Копья этого типа имеют внушительную длину (48 – 53 см). Соотношение длин втулки и пера выражается как 1 : 0, 9-1,1, а длина пера в 5, 6 - 6, 7 раза превышает его ширину (табл. 1, № 10, 31, 43). Таким образом, и этот вариант отличается длинными втулками, что не характерно для других территорий (Мелюкова А.И., 1964, с. 42). Датируются наконечники IV – началом III вв. до н. э.

Хорошо сохранившиеся наконечники различных типов имеют ряд общих признаков, не влияющих на их положение в классификации, но достаточно важных:

- наличие стягивающего кольца на нижнем конце втулки (19 экземпляров);
- вертикальный шов (щель) на втулке в одной плоскости с пером (пять экземпляров);
- вертикальный шов на втулке в перпендикулярной перу плоскости (13 экземпляров);
- вытянуто-ромбическое сечение пера (25 экземпляров);
- линзовидное сечение пера (девять экземпляров).

Из приведенной типологической схемы видно, что подавляющее большинство наконечников среднедонских копий имеют перо остролистной формы (67,6% из наконечников хорошей сохранности), причем преобладают экземпляры без ребра на пере. Скорее всего, это объясняется наибольшей эффективностью в действии копий, имеющих узкое и длинное острие пера (Мелюкова А.И., 1964, с. 42). Это подтверждается и эволюцией наконечников Среднего Дона. Так, наиболее древнее происхождение имеют наконечники лавролистной формы, а также наконечники с ребром на пере. Их появление на Среднем Дону, по данным погребальных комплексов относится к V в. до н. э. Благодаря функциональной надежности, подобные наконечники просуществовали вплоть до начала III в. до н. э. Но, несмотря на это, они не стали ведущим типом. В IV в. до н. э. появляются более популярные у населения Среднего Дона наконечники без ребра на пере, в большинстве своем остролистные. Применялись они до самого конца скифской эпохи.

Локальной особенностью, отличающей наконечники копий Среднего Дона от наконечников других территорий, является длина втулки. На этот факт неоднократно указывали исследователи (Медведев А.П., 1999, с. 102; Мелюкова А.И., 1964, с. 40; Савченко Е. И., 2002, с. 137). У 25-ти наконечников (73,5% от хорошо сохранившихся находок) втулка по длине больше или примерно равна перу, т. е. соотношение длины втулки и пера соответствует 1: 0,7-1,3 (табл. 1). Корреляция длины втулки с длиной пера показала, что чем длиннее втулка наконечника, тем больше показатель длины пера (граф. 1). Однако разбросанность данных на графике свидетельствует лишь о выраженной тенденции, а не о строгой закономерности. Из графика видно, что в ряде случаев признак роста длины втулки имеет тенденцию к приостановке при наличии тенденции роста длины пера. Эти тенденции более свойственны наконечникам с территорий Северного Причерноморья, Поволжья, Приуралья, а для Среднего Дона не характерны.

Следует отметить, что половина наконечников Среднего Дона (47 %) имеет большие размеры (40 – 53 см).

Вместе с наконечниками в 16 погребениях (48,4% от погребений с копьями) были найдены втоки (18 экземпляров). Причем в двух из них – попарно. Втоки предохраняли нижнюю часть древка от расщепления (Савченко Е. И., 2002, с. 137), и, вероятно, использовались для усиления наносимого противнику удара при метании короткого копья (или в качестве противовеса у больших копий). Втоки Среднего Дона представлены следующими типами.

1. Втоки рюмковидной формы являются основным типом втоков Среднего Дона. Представлены подавляющим большинством находок – 15 экземпляров (табл. 2, № 1, 3-14, 17-18). Все они железные, кованые, свернуты из одной заготовки, большинство имеет незамкнутый вертикальный шов, в сечении округлые (рис. 3, 15, 17-26). Длина их колеблется в пределах 6,4-20,7 см. Ширина втулки в большинстве случаев незначительно меньше диаметра основания (до 0,8 см).

2. Втоки цилиндрической формы более характерны для степной Скифии и терри-

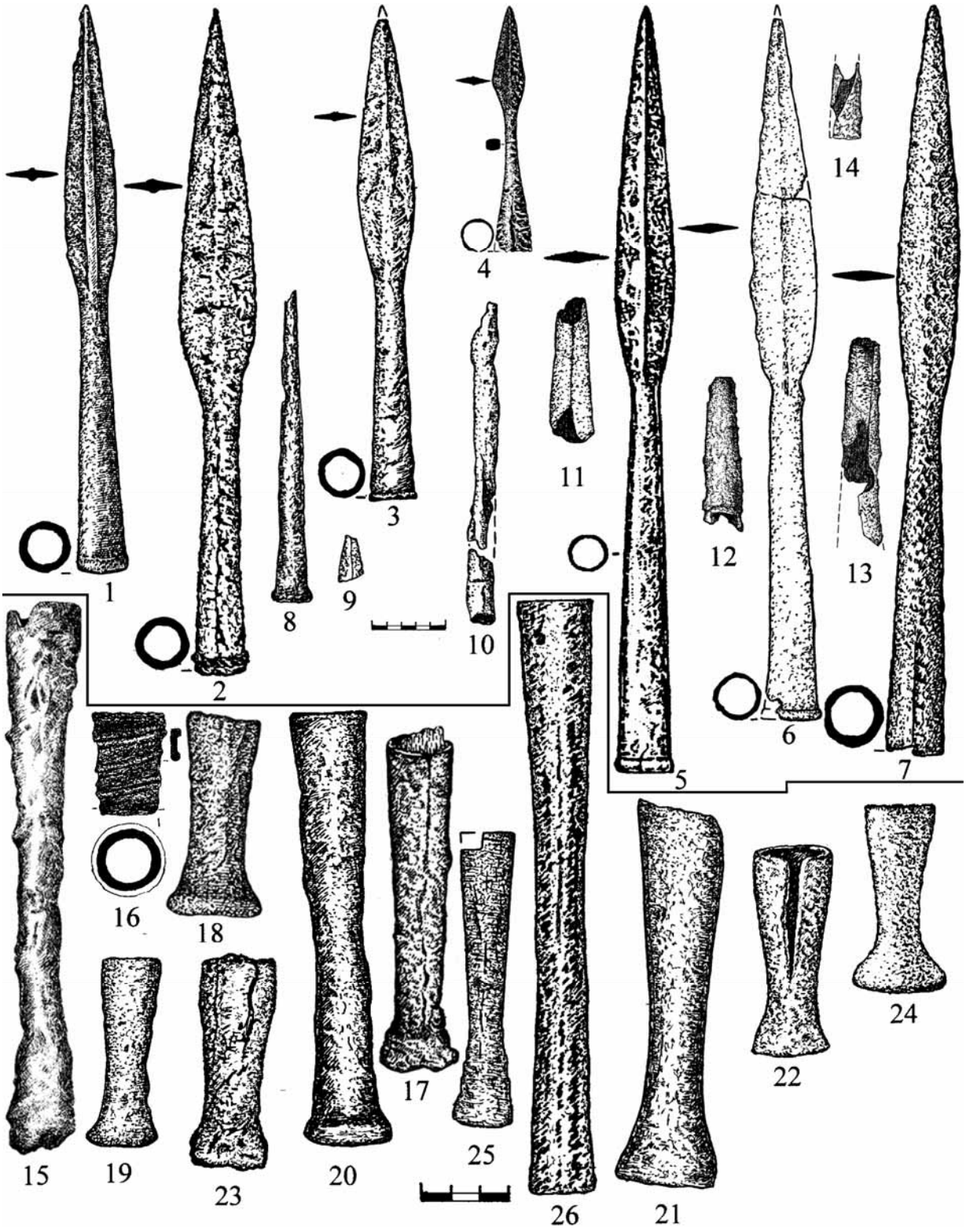


Рис. 3. *Наконечники копий II отдела, обломки наконечников и втоки копий.*
1-4 – 1 тип 2вариант; 5-7 – 2 тип 2 вариант; 8-14 – обломки наконечников; 15-26 – втоки.
1 – Др-14 (1986); 2 – М-2 (1908)I; 3 – М-3 (1908); 4 – М-сл. нах.; 5 – К-6 (1998); 6 – Ст-38 (1995) I; 7 – Чк-11 (1954); 8 – К-7 (1998) III; 9 – К-14 (1999); 10 – М-4/20 (1960); 11 – Ст-38 (1995-98) II; 12 – Чк-31 (1954) II; 13-14 – Чк-44 (1981) I-II; 15 – В-5 (1900);
16 – Дб-3 (2002); 17 – Др-4 (1964); 18, 19 – Др-14, 16 (1986); 20, 21 – К-5, 6 (1998);
22 – М-2, 29/21 (1906, 1960); 23 – М-2 (1908) I; 24 – РТ-17 (1963);
25 – Т-4 (1994); 26 – Т-12 (1996)

торий Нижнего и Среднего Приднепровья (Мелюкова А.И., 1964, с. 45). На Среднем Дону найдено всего два экземпляра, изображения которых не сохранились (табл. 2, № 15,16).

3. Вток конический витой – единственная находка такого рода (рис. 3, 16). Аналогии ему пока не найдены. Он представляет собой усеченно-коническую втулку из железной ленты с выступами на краях, скрученную в четыре витка (Березуцкий В.Д., 2002, с. 29). Втулка полая. Размеры приведены в табл. 2.

Таким образом, еще одной локальной особенностью копий лесостепного Дона являются втоки рюмковидной формы, не характерные для степной Скифии, а также для других скифоидных племен Лесостепи. Этот факт неоднократно констатировался исследователями (Медведев А.П., 1999, с. 103; Мелюкова А.И., 1964, с. 45 и др.). Втоки Среднего Дона, как и втоки других территорий, оставались неизменными в течение всего скифского времени, А.И. Мелюкова объясняет это тем, что втоки были второстепенной частью копья и не имели серьезного значения в действии (Мелюкова А.И., 1964, с. 45).

Немаловажной частью копья является древко. Древки копий лесостепного Подонья сохранились в незначительных обломках, находившихся во втулках наконечников и втоках. Судя по их форме, древки были круглыми в сечении. Диаметр нижнего конца втулки среднедонских наконечников обычно больше диаметра верхнего конца втока на 0,4-1,7см. Следовательно, древки копий постепенно сужались книзу. Е.И. Савченко считает, что это делалось для смещения центра тяжести копья ближе к наконечнику, что выгодно при метании (Савченко Е. И., 2002, с. 137). Определенное значение в бою играли толщина и прочность древка (Горелик М. В., 1993, с. 61), а эти показатели напрямую зависят от характера древесины, из которой древко изготавливалось. По мнению А.И. Мелюковой, для изготовления древков копий применялись плотные породы дерева (Мелюкова А.И., 1964, с. 43), однако на территории Среднего Дона имеется находка копья, древко которого было изготовлено из тополя (Пузикова А.И., 2001, с. 67). Эта единичная находка не может претендовать на обобщение, так как остальные обломки, происходящие с территории Среднего Дона, не подвергались подобному анализу, но в то же время этот факт является свидетельством применения, по крайней мере на Среднем Дону, мягких пород дерева для изготовления древков копий.

Так как копья по своему поражающему действию – уколу – однофункциональны, их наконечники значительно менее специализированы по сравнению с клинками других видов оружия. Таким образом, по наконечнику копья крайне трудно судить обо всех специфических особенностях его применения в бою (Горелик М. В., 1993, с. 61-62). Значительно важнее для определения этих особенностей копья информация о длине древка. На Среднем Дону подобные сведения получены лишь дважды (Савченко Е. И., 2002, с. 137). Полная длина копий по ним составляла 2,6 и 3,38 м. Этот факт, в сочетании с внушительными размерами наконечников, позволяет сделать следующие выводы относительно функций среднедонских копий:

- коническая форма древков, повышающая аэродинамические качества копья, а также находки достаточно легких наконечников и втоков подтверждают предположение о применении копий как метательного оружия (Мелюкова А.И., 1964, с. 43; Савченко Е. И., 2002, с. 137);

- большие размеры половины наконечников и большая длина древков некоторых копий позволяют нам выделить совсем иной по своему назначению тип этого вида наступательного вооружения Среднего Дона: длинные штурмовые копья-пики, которые обычно связываются с сарматским временем. Их существование у скифов доказал еще Е.В. Черненко (Черненко Е.В.,1984, с. 231).

Однако, конкретная боевая функция копья поддается определению только в совокупности с данными о применении прочего оружия, т. е. – всей системы вооружения (Горелик М.В., 1993, с. 62). Немаловажным является также то обстоятельство, кем применялся этот вид оружия (пехотинцем или всадником, дружинником или ополченцем, представителем высшего или низшего сословия общества) и какое значение он имел для тактики конкретного войска.

График 1

Корреляционный график зависимости длины втулки и длины пера наконечников копий

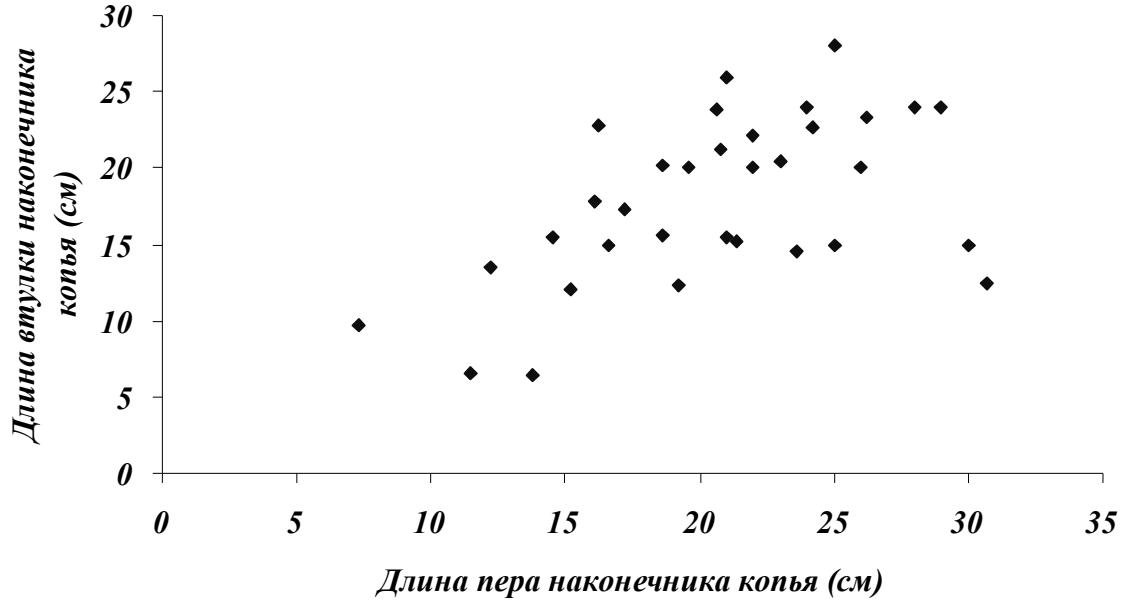
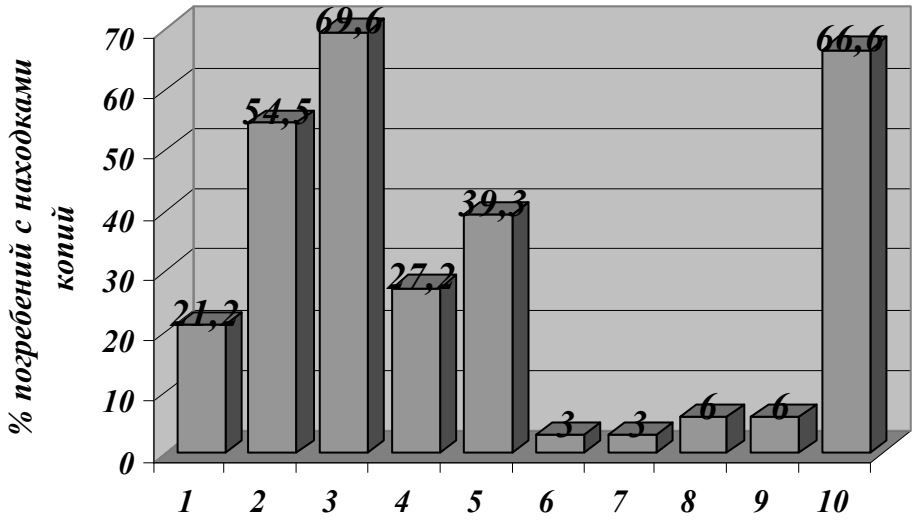


График 2

График встречаемости различных категорий вооружения и предметов снаряжения в погребениях с находками копий



Категории вооружения и снаряжения (1-меч; 2-дротик; 3-стрелы; 4-чешуйчатый панцирь; 5-боевой или портупейный пояс; 6-щит; 7-шлем; 8-поножи; 9-плеть; 10-упряжь боевого коня)

Для прояснения этого вопроса были проведены исследования относительно различных типов вооружения и снаряжения, встреченного в погребальных комплексах Среднего Дона вместе с копьями. Результаты проведенного анализа получили отражение в графике встречаемости различных категорий инвентаря, где изображены процентные показатели представительности всех видов вооружения и снаряжения в погребениях с копьями (граф. 2). Из графика видно, что большинство воинов, применявших копья, были всадниками, о чем свидетельствует высокий процент положения в могилу упряжи боевого коня (66,6%), а также несколько находок нагаек – неопровержимых свидетельств принадлежности погребенного к всадничеству (Медведев А.П., 1999, с. 107). Этому положению не противоречат и высокие процентные показатели встречаемости других видов наступательного вооружения – стрел (69,6%) и дротиков (54,5%). Достаточно часто с копьями встречается защитный доспех: чешуйчатый панцирь (27,3%) и боевой (или портупейный) пояс (39,3%), изредка присутствуют шлемы, щиты, кнемниды (поножи).

Все перечисленные категории оружия населения Среднего Дона скифского времени составляют неотъемлемую часть вооружения тяжеловооруженных всадников - катафрактариев, появление которых, как и их основного оружия – пики, ранее относилось к сарматскому времени (Блаватский В.Д., 1954, с. 114 – 119). Подтверждением существования на среднедонской территории конницы, подобной катафрактариям, являются находки в среднедонских погребениях достаточно значительного количества длинных мечей (21,2% погребений с копьями), размеры которых соответствуют длине мечей катафрактариев (около 1 м) (Блаватский В. Д., 1954, с. 118).

В связи с этим интересно обстоятельство, отмеченное еще П.Д. Либеровым и более детально разработанное А.П. Медведевым, которое заключается в том, что находки коротких скифских мечей – акинаков в лесостепном Подонье являются случайными и не связаны с курганами (Либеров П.Д., 1965, с. 16; Медведев А.П., 1999, с. 51). Большинство из них расположено вне территории обитания среднедонских племен по периметру границ среднедонской культуры скифского времени. При этом показателен факт их типологического несоответствия мечам, происходящим из курганных некрополей Среднего Дона. А.П. Медведев интерпретирует это обстоятельство как показатель весьма напряженных отношений с окружающими племенами (Медведев А.П., 1999, с. 51). К настоящему времени известно одно, безкурганное погребение с кинжалом на Мастищенском городище V – IV вв. до н. э. (Синюк А.Т., Березуцкий В.Д., 2001, с. 150). Полученные результаты не противоречат данной гипотезе, а скорее иллюстрируют ее, так как свидетельствуют не только об отличиях вооружения населения среднедонской культуры от оружия окружающих его племен, но и призваны пролить свет на этнокультурную ситуацию, сложившуюся на Среднем Дону в скифский период.

Что касается положения воинов-катафрактариев в структуре населения среднедонской культуры, то можно считать доказанной их принадлежность к военной аристократии, военно – дружинному сословию (Березуцкий В.Д., 1995, с. 53; Медведев А.П., 1999, с. 117). Однако, в связи с неоднородностью социального состава этой части населения, существует необходимость более точного определения их положения уже в этой страте общества. В.Д. Березуцкий разделил военно – аристократическую верхушку на социальные группы (модели), каждая из которых отличается по признаку трудовых затрат на создание погребального комплекса (Березуцкий В.Д., 1995). Хотя им использован общий признак – «копья и дротики», результаты этого исследования важны для нашей работы. Это объясняется тем, что приведенный признак в большей степени оказался характерен только для двух моделей из пяти, а именно II и IV. II модель характеризуется высоким количественным показателем и сравнительно низким социальным положением по отношению к IV модели, определяющейся как высшая социальная ступень дружинной аристократии. Вполне вероятно, что представители II модели являлись «рядовыми» дружинниками, входившими в состав легковооруженной конницы, основным оружием которой был лук, дротики и, возможно - легкие копья. Совсем

другими представляются воины, чьи погребения входят в IV модель, – это в большинстве своем тяжеловооруженные всадники, которым присуще наличие лука, чешуйчатого панциря, а также копий (Березуцкий В.Д., 1995, с. 43).

Не менее интересным вопросом является тактика, использовавшаяся среднедонскими племенами в борьбе с соседями. Определялась она, как и набор основного оружия, военной системой противника, против которого приходилось сражаться. Следовательно, сам факт существования у населения Среднего Дона длинных штурмовых копий – пик – является доказательством применения этим населением достаточно компактного концентрированного построения конницы (конного кулака), который мог сложиться, по мнению В.Д. Блаватского, только в результате наступательных войн. В первых рядах такого построения, вероятно, сражались богатые знатные тяжеловооруженные дружинники (которые могли позволить себе приобретение защитного доспеха), а уже за ними следовала хуже снаряженная масса всадников (Блаватский В.Д., 1954, с. 26). Как раз при таком построении решающее значение имел не дальний, а рукопашный бой, важнейшим оружием для которого являлись длинные копья и мечи. Применение такого строя наиболее эффективно против конного противника.

Факт наличия у населения Среднего Дона длинных штурмовых копий свидетельствует о необходимости борьбы не только со щитоносной пехотой, как предполагает А.П. Медведев (Медведев А.П., 1999, с. 104), но и с конным войском противника. Таким образом, вырисовывается ситуация противостояния среднедонского населения с соседними племенами, имевшими различную военную систему.

Вполне вероятно, что такими разными по своей военной организации соседями населения среднедонской культуры были лесные юхновские и городецкие племена, основная часть войска которых, возможно, состояла из пехоты, а также кочевые племена степи, военная система которых, судя по всему, опиралась на легкую конницу, не имевшую мощных штурмовых копий (Смирнов К.Ф., 1961, с. 71). Это обстоятельство еще раз подтверждает наш вывод об использование среднедонским населением скифского времени компактного построения конницы как одного из основных тактических приемов ведения войны.

Березуцкий В. Д., 1995. Курганы скифского времени Лесостепного Дона (к реконструкции социальных отношений). Воронеж.

Березуцкий В. Д., 1996. Курганы скифского времени у с. Ближнее Стояново // Археологические исследования высшей педагогической школы. Воронеж.

Березуцкий В.Д., 2002. Курган скифского времени на юге Воронежской области // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж.

Березуцкий В.Д., 2002. Отчет об охранных раскопках курганов в Воронежской области в 2002 г. //Архив ИА РАН.

Березуцкий В. Д., Золотарев П. М., 2001. Новые материалы скифо–сарматского времени на Девице и Потудани // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк.

Блаватский В. Д., 1954. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.

Горелик М. В., 1993. Оружие Древнего Востока. М.

Городцов В.А., 1947. Раскопки «Частых курганов» близ Воронежа в 1927 году // СА, Вып. IX.

Замятнин С.Н., 1946. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем // СА, Вып. VIII.

Либеров П. Д., 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Вып. Д1 – 31.

Манцевич А.П., 1973. Мастюгинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа // АСГЭ. Вып. 15.

Матвеев Ю. П., 1981. Отчет о раскопках курганного могильника «Частые курганы» в 1981 г. // Архив ИА РАН.

Медведев А.П., 1999. Ранний железный век Лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тыс. до н.э. М.

Медведев А.П., 2001. Раскопки Староживотинного могильника скифского времени // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк.

Медведев А.П., Ефимов К. Ю., 2001. Курган скифского времени у с. Абрамовка // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М.

Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов. САИ. Вып. Д1-4.

Пряхин А. Д., Разуваев Ю. Д., 1995. Семилукское городище позднескифского времени на р. Дон // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4. Рязань.

Пузикова А. И., 2001. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). М.

Савченко Е. И., 2001. Могильник скифского времени «Терновое - Колбино» на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М.

Савченко Е. И., 2002. Наступательное вооружение (копья) населения Среднего Дона (по материалам из могильника Терновое I – Колбино I) // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж.

Синюк А. Т., Березуцкий В. Д., 2001. Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж.

Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов. МИА, 101.

Тевяшов В. Н., 1902. Отчет о раскопках в Острогожском уезде в 1900 – 1901 гг. // Труды ВУАК. Вып. I.

Черненко Е. В.,1984. Длинные копья скифов // Древности Евразии в скифо – сарматское время. М.

В.В. Кравец
(Воронеж, ВГПУ)

О типологии погребальных памятников поздних кочевников Среднего Подонья

Погребальный памятник мы рассматриваем как сохранившийся и зафиксированный археологически результат комплекса обрядовых действий. Эти действия были направлены не только на оборудование места захоронения, их результатом является и нахождение в могиле определенных вещей, особенности размещения покойника.

Поэтому типологизация погребальных памятников не может быть сведена к выявлению закономерностей в их конструкции, выделению типов могильных ям, курганных насыпей. Обязательной частью типологической системы должны быть и вещевые комплексы. Разрабатывая типологию погребальных памятников поздних кочевников Среднего Подонья, мы столкнулись с обычным для средневековья обилием вариантов конструкций сооружений и их объёмных характеристик, вариантов ориентировок погребённых, наборов сопроводительных вещей и их качественных показателей.

Отсюда понятной становится задача поиска закономерностей в связях между типами надмогильных и погребальных сооружений и особенностями положения покойников, количеством и качеством вещей, помещённых в могилы. Выявление такого рода связи позволило бы представить типологию памятников не в виде ряда типологий (особо насыпей, затем могильных ям в совокупности с ориентировкой человека, наличием или отсутствием лошади, типами вещевых комплексов), а в виде схемы, увязывающей самые разные признаки в качественное, типообразующее содержание.

Исходя из этого, а также из известного факта соответствия вещей рассматриваемого региона имеющимся типологическим датирующим системам, классификацию

погребальных памятников представляется целесообразным осуществлять по следующему плану:

1) классификация надмогильных сооружений;

2) классификация могильных ям;

3) классификация вещей и выявление типов вещевых комплексов (классификация вещей в настоящей работе опускается из-за ограниченного объёма);

4) выявление и сопоставление комплексов устойчивых признаков, определение их информативных возможностей.

Надмогильные сооружения[1]

Погребальные памятники как сохранившийся до наших дней результат обрядовых действий отражают некоторые закономерности в организации места захоронения. Эти закономерности касаются особенностей выбора места для устройства могильной ямы.

По этому признаку погребения распределяются по трем отделам.

Отдел I составили основные погребения.

Отдел II – погребения, у которых могильная яма устроена у основания ранее сооруженного кургана. Курганная насыпь над этой ямой перекрывает раннюю насыпь. Обоснованность неслучайного характера подобного устройства определяется, во-первых, проявлением этой особенности как тенденции (два памятника имеют эту черту: ВГ 3/2 и БМ 2/2); во-вторых, типичностью этой черты для некоторых групп кочевников Евразии. (Степи.., с. 194-195).

Отдел III – впускные в насыпи ранее сооруженного курганов погребения.

Социальные и этнотрадиционные факторы отражаются на облике памятников всех трех отделов. Это проявляется, в частности, в размерах надмогильных сооружений: насыпей, досыпок над впускными погребениями. Объемные показатели, как правило, выражены четко, и мы имеем возможность по этому признаку выделить варианты каждого из отделов.

В качестве критерия для характеристики насыпи как «большой» (**вариант А**) или «небольшой» (**вариант Б**) следует принять степень близости к средним размерам по высоте и диаметру группы схожих по величине курганов, существенно отличающихся по этим показателям от других, подобным образом сформированных групп.

Выделяются однообразием курганы могильника Третьяки. Их диаметр лишь в одном случае превышает 10 м. Средний показатель диаметра 8,0 м, высота – не более 0,7 м при среднем показателе 0,4 м (имеются в виду основные погребения). К этому же типу принадлежат курганы могильника Лесное (9,6 м и 0,38 м соответственно).

На основе данных этих могильников определим типичные размеры насыпей варианта А: диаметр – до 9,0 м, высота – до 0,4 м. Эти критерии применимы для отделов I и II, обозначающих основные погребения. В отделе III вариант А обозначает погребения с заметно изменившимися при совершении подзахоронения размерами основной насыпи. Если же досыпка была незначительной, погребение следует отнести к варианту Б.

В качестве иллюстрации приведем следующие памятники: отдел IА – Высокая гора 2, отдел IБ – Караяшник 6; отдел IIА – Высокая гора 3/2; отдел IIБ – Богучар 2/1; отдел IIIА – Н. Меловатка 1; отдел III Б – Власовка 15/3.

Типы погребальных сооружений принято выделять по особенностям насыпи. Имеются основания обозначить два основных типа: простая грунтовая насыпь – **тип 1**; и грунтовая насыпь, содержащая каменные площадки различной формы – **тип 2** (рис. 1, 1). Различные вариативные признаки этих насыпей отражают степень сложности фиксируемых обрядовых действий и определяются следующим образом (литерные обозначения соответствуют обозначениям на схематичном плане):

---

[1] Названия погребений в тексте даны сокращённо. Расшифровку и библиографические ссылки см. в приложении. В числителе – номер кургана. В знаменателе – номер погребения.

а) участки прокаленного докрасна грунта (рис. 1, 2);
б) кости животных (обычно трактуются как остатки тризны) (рис. 1, 3);
в) кострища – зольные пятна (тризна) (рис. 1, 3);
г) фрагменты дерева (рис. 1, 3);
д) отдельные камни (рис. 1, 3);
е) кольцевой ров (рис. 1, 4);
ж) остатки шатровой конструкции (рис. 1, 5);
з) насыпки обваловки вокруг могильной ямы (рис. 1, 6);
и) ямы-кенотафы вокруг могильной ямы (рис. 1, 1);
к) наличие погребения лошади в отдельной яме.

При исследовании связи между выбором места погребения (как основного или основного, но у основания ранее сооружённого кургана с последующей досыпкой насыпи, в насыпи ранее сооружённого кургана) и размерами надмогильного сооружения не выявлено наличие такого рода устойчивой связи.

Погребальные сооружения

Приступая к классификации могильных ям, остановимся на вопросе атрибутировности типообразующих признаков. Как известно, типы выделяются по существенным признакам погребального памятника, в которых проявились достаточно устойчивые нормированные действия. Выделяемые для типологии признаки маркируют этнический и социальный характер памятника.

В числе главных классификационных признаков Г.А. Федоров-Давыдов предложил ориентировку человека и наличие или отсутствие лошади (в том числе ее чучела) (Фёдоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 123). Признавая существенность этих черт, мы согласимся и с наблюдением А.О. Добролюбского о том, что «типологически сходные, но разным образом ориентированные могилы представляют собой различные этапы существования близкого этнически населения – диахронный срез его развития» (Добролюбский А.О., 1981, с. 7; 1986, с. 44). Поэтому следует иметь в виду возможную этническую и социальную идентичность разным образом ориентированных, но аналогичных по конструкции могил.

Сложнее в этом случае оценить соответствие в двух хронологических срезах места погребения лошади. Оно может быть стабильным во времени, не зависящим от расположения покойника. Может быть и «привязанным» к последнему, меняя вместе с ним свою позицию.

Хронологическим показателем являются в определенной степени и форма могильной ямы (так, только в XIV в., по нашему мнению, обычными становятся узкие длинные могильные ямы без уступов, ориентированные разнообразно, чаще – в широтном направлении (Кравец В.В., 2002, с. 197)).

По признаку ширины выделяются два блока могильных ям. Могильные ямы первой группы имеют ширину от 0,5 м до 1,05 м. Средний показатель ширины в этой группе составляет 0,82 м. Ямы ориентированы разнообразно.

Могильные ямы второй группы отличаются широкой формой – от 1,3 м до 2,75 м (в среднем 2,0 м). При этом последние довольно однообразны по ориентировке погребенных: на север – четыре случая, на север – северо-восток – один, север-юг (?) – один, северо-запад – юго-восток (?) – один, северо-восток – юго-запад (?) – один случай.

В целом признак “ширина ямы” представляется более устойчивым в отношении этнокультурной атрибутировности, чем ориентировка.

Деревянную перегородку в некоторых широких ямах целесообразно обозначить как “деревянная стена сбоку от покойника”, а не только как перегородку. Не исключено, что деревянная облицовка стены в погребении Богучар 2/1 является заимствованной или реликтовой чертой двухкамерных погребений. При изменении ориентировки и формы ямы мог сохраниться обычай устройства такой деревянной конструкции, скажем, как социально-ранговый признак. Таким образом, мы не ограничиваем поле этнокультурных и социальных интерпретаций жесткой привязкой друг к другу двух признаков.

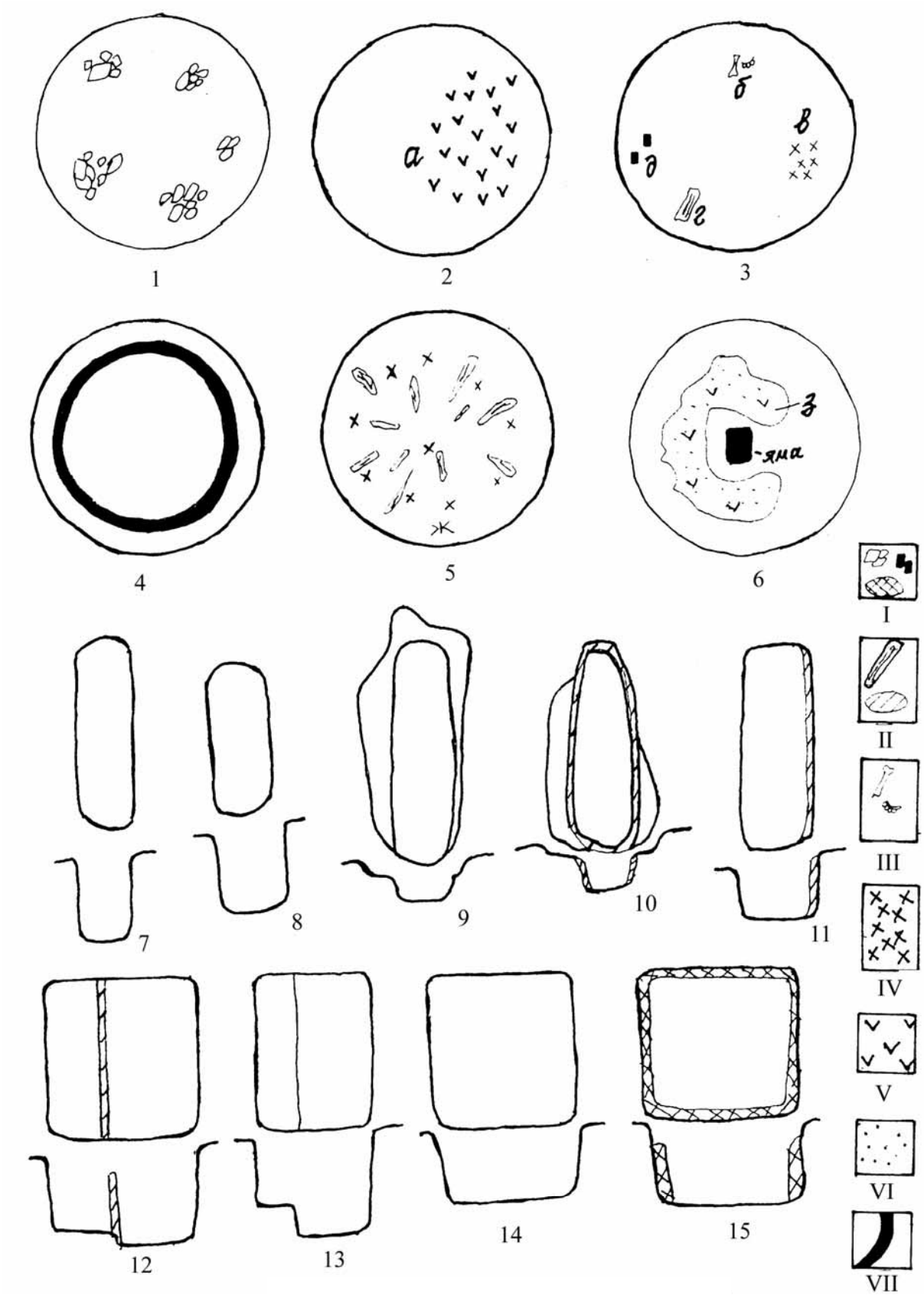


Рис. 1. *Типология погребальных памятников.*
1-6 – типы и варианты устройства курганных насыпей; 7-15 – типы погребальных сооружений (схемы). Условные обозначения: I – камень; II – дерево; III – кость; IV – зольные пятна; V – прокаленный грунт; VI – обваловка вокруг могильной ямы; VII – ров

Наличие в могиле скелета лошади или ее частей в различных вариантах составляет особую линию классификации. Следует иметь в виду динамику этого обряда при этнических контактах и вследствие иных факторов: использование чучела, форму чучела, наконец, исчезновение в золотоордынский период традиции снабжать покойника лошадью.

Важными признаками выступают такие особенности устройства, как перекрытие, подбой, подстилка, обмазка дна, облицовка стен, но и они не являются однозначным и стабильным маркером этнического своеобразия каких-либо групп населения.

Идя по пути, предложенному А.О. Добролюбским, который свел 66 типов погребений, выделенных Г.А. Федоровым-Давыдовым к 27 типам, и рассматривая, кроме ориентировки, другие зафиксированные явления погребального обряда в диахронном срезе, мы убеждаемся в невозможности определить статичные классификационные признаки. Все признаки в той или иной степени непостоянны во времени и при этом атрибутируют не только этнокультурные традиции.

Исходным классификационным признаком должен быть признак наиболее общий, соответствующий различным вариациям погребального обряда. В качестве такого признака мы предлагаем форму могильной ямы – длину и ширину – и вводим такую категорию как *группа*. Охарактеризуем выделенные группы.

Группа I – узкие длинные. Показатель отношения длины к ширине превышает 2. Средняя ширина – 0,8 м, средняя длина – 2,0 м (в расчет не принимались размеры оригинальной ямы погребения Власовка 10/2.

Группа II – узкие, соответствующие ростовым параметрам погребенных.

Группа III – широкие. Средняя ширина 2,0 м.

Внутри каждой из групп классификация ведется по типологии Г.А. Федорова-Давыдова (с примечаниями, отражающими особенности оригинальных памятников или иные особенности, не отраженные Г.А. Федоровым-Давыдовым (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 124-128)). Исследователь обозначил следующие отделы:

А. “Костяк человека, обращенного головой на запад без костей коня”;

Б. “Костяк человека, обращенного головой на запад, с костями или остовом коня”;

В. “Костяк человека, обращенного головой на восток, без костей коня”;

Г. “Костяк человека, обращенного головой на восток, с костями или остовом коня”;

Д. “Костяк человека, обращенного головой на север, без костей коня”;

Е. “Костяк человека, обращенного головой на север, с костями или остовом коня”;

Ж. “Костяк человека, обращенного на юг, без костей коня”;

З. “Костяк человека, обращенного головой на юг, с костями или остовом коня”.

(Отклонения от меридиональной или широтной ориентировок в 45 градусов или близкое к 45 градусам нами принимаются за промежуточную ориентировку, а не за случайное или сезонное отклонение от традиционной.)

К группе I следует отнести погребения могильника Третьяки: Т1/1, Т 4/1, Т7, Т20 и погребение ВМ 15/3 – с северной ориентировкой погребенных, лежащих в простой яме (тип Д1 по Г.А. Федорову-Давыдову). Тип погребения К 6 определяется как промежуточный – Д-В1. Как БХХ1 классифицируются памятники с западной ориентировкой и погребением лошади Т24 и Т69/1. Ямы обоих погребений отличаются “неправильной” формой, южная стена могильной ямы погребения Т 24 имеет прирезку в виде уступа. Примечательно, что число ям подобной формы исчерпывается этими однотипными погребениями. Таким образом, на примере двух погребений прослеживается связь признаков “тип БХХ1” и “неправильная форма ямы”.

К этому же отделу Б относится погребение БМ 2/2. Северная стена ямы отделана деревом. Такая особенность ям Г.А. Федорову-Давыдову была неизвестна, и этот вариант типа в его системе не имеет.

Как А1 определяются погребения Т32, Т81, Л2, Л3, БМ 2/1, как А-Ж 1 – Т25.

К погребениям В1 определенно относится одно погребение – Т31.

Промежуточной между отделами Г и З является позиция погребения СК1/3. С

типом Г III его сближает наличие уступа вдоль северной стены. Стены могильной ямы облицованы деревом.

Могильные ямы группы I более разнообразны по устройству в сравнении с сооружениями группы II (можно предположить, что разнообразие выявлено благодаря большему количеству ям такого рода). Выделяются следующие их варианты: прямоугольная яма; яма "неправильной" формы с небольшой приступкой; яма, имеющая в плане форму линзы с усеченными концами с приступкой и деревянной облицовкой стен; прямоугольная яма с деревянной облицовкой одной из боковых стен.

Группу II составили погребения ВМ15/3 – типа Д1 и Лоф. – типа Д-Ж (?).

Группа III включила погребения с северной ориентировкой погребенных (отдел Д). Ряд погребений совершен в простых ямах: НМ , ОК 6, ОК9. В последнем присутствуют незначительные подбои для расположения костей барана.

Яма погребения ОК 7 имела уступ вдоль западной стены.

Двухкамерная конструкция зафиксирована в погребениях ВГ2 и ВГ3/2. Вертикальная деревянная стена, делившая яму на две части располагалась по правую руку погребенного. Соседняя с человеком камера (пустая) была незначительно приподнята в обоих случаях.

Ограбленными и разрушенными оказались погребения ВМ3/2 и Л1. Ориентировка людей в этих случаях неизвестна и однозначной классификации памятники не поддаются: ВМ3/2 - Д-А, Ж-В (?), Л1 - Е-Б, З-Г(?).

Выделяются следующие варианты ям группы III: с небольшой приступкой и деревянной перегородкой, с приступкой без перегородки; с ровным полом без перегородки; с ровным полом, стены облицованы камнем, не исключено наличие каменной перегородки.

Отметим следующие особенности погребений, совершенных в узких длинных ямах:

1) 82 % таких могильных ям – основные, все они перекрыты небольшими насыпями; досыпка над впускными незначительна, не меняет существенно размеры насыпи;

2) все насыпи – простые земляные. 35% всех погребальных памятников имеют участки прокаленного докрасна грунта; 23% – следы тризны в виде костей животных, в половине случаев тризны, кроме костей, фиксируются кострища; 12% – включают отдельные камни, столько же содержат в насыпи фрагменты дерева. 76,5 % могильных ям имеют в площади близкую к прямоугольнику форму. "Неправильную" форму имеют 12% ям (два случая), причем в обоих случаях это погребения типа Б XX1, содержащие погребение лошади в отдельной яме (половецкий признак (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 145). Можно допустить наличие гробов в 23,5% погребений. В 12% – отмечен поворот головы покойника.

Ориентировка погребенных представлена разнообразно: на север – 29,4%, на запад – 52,9%, на восток, юго-восток и северо-восток – по 5,9%.

При анализе погребений группы III мы вправе исходить из их вероятной этнокультурной и социальной идентичности друг другу, отразившейся как в особенностях устройства места погребения, так и в подборе вещей. Разумеется, необходим поиск связей между всеми памятниками, причем не только на хронологической вертикали, но и в рамках каждого из периодов.

Вещевые комплексы

Прежде, чем обратиться к выделению типов вещевых комплексов кочевнических погребений, остановимся на основных положениях нашей исходной методической позиции.

Во-первых, мы исходим из представления о том, что нельзя объяснять обычай помещения в могилы вещей одним только стремлением обеспечить покойнику в загробном мире бытовые условия. Предметы имели и определенную знаковую функцию, несли ирреальную нагрузку. Например, известно, что зеркало, помимо утилитарно-практического назначения, выполняло роль оберега; казан обозначал социально-ранговый статус человека и т.д. Неопределенность атрибуции каких-либо вещей при

современном состоянии науки не отрицает их знаковой сущности.

Сложность понимания состоит в ирреальном характере мотивации. Если мотивация в оборудовании места захоронения затрагивает и утилитарно-практическую сферу (стремление не потерять погребение, соблюсти санитарно-гигиенические нормы), то в снабжении покойника вещами проявляются мотивы чисто идеологического порядка. Поэтому труднообъяснимыми, часто необъяснимыми оказываются атрибутивные функции предметов погребального инвентаря.

Во-вторых, мы имеем в виду, что определенную смысловую нагрузку может нести не только каждый предмет в отдельности, но и комплексы вещей. Не представляется случайным не только наличие какой-либо вещи в могиле, но и подбор предметов. Признавая невозможность масштабных реконструкций по инвентарю особенностей идеологической сферы, следует признать реальным определение устойчивых, типичных комплексов вещей, их связи с другими фиксируемыми чертами погребального обряда и выполнение этнокультурных и социальных реконструкций на этой основе.

В-третьих, обратим внимание на понятие погребального инвентаря. Под погребальным инвентарем обычно подразумевается совокупность всех вещей, найденных в могиле. Если для хронологических характеристик подобное отношение к вещам целесообразно, то при этнокультурных и социальных характеристиках оно может внести серьезные неточности.

Мы исходим из представления о погребальном инвентаре как сохранившейся части набора вещей, помещенного в могилу по определенным осознанным мотивам, имеющим неслучайный, социально значимый характер, и отражающим традиционные идеологические нормы. При попытках фиксации такого рода норм целесообразно отделить от основной массы такие вещи, как детали одежды, украшения, наконечники стрел при чётко выраженной направленности их внутрь скелета (Т1/1) (имеем в виду также, что археологически фиксируются не все вещи, некогда помещенные в могилу при совершении обрядовых действий).

Таким образом, понятием «погребальный инвентарь» в ряде случаев с соответствующими оговорками следует обозначать вещи, помещённые в могилу помимо убранства покойника.

Понятие же “вещевой комплекс” мы принимаем для обозначения всех вещей погребального памятника, а также для обозначения их типичных наборов (например, “аристократический вещевой комплекс”).

В-четвертых, отметим необходимость при определении социальной атрибуции погребального инвентаря учитывать поло-возрастные и семейно-брачные аспекты социальной структуры, отразившиеся на наборе вещей.

Учитывая многообразие комбинаций в формировании вещевых комплексов, обусловленных как традиционным фактором (отражающим статус погребенного, обстоятельства смерти, разнообразные частные ситуации), так и элементами случайности, есть смысл выделять типы вещевых комплексов по самым основным показателям. В качестве такого рода критериев мы принимаем количественные и качественные характеристики материала в их диалектической связи. Эта связь отражает отсутствие жесткой зависимости между количеством вещей и их качеством (так, предметы из драгоценных металлов часто присутствуют и в малочисленных наборах вещей).

Выделение типов вещевых комплексов возможно при рассмотрении ненарушенных значительно природными и антропогенными факторами памятников.

Вещевые комплексы распределяются по четырём типам.

Тип I характеризуется отсутствием вещей или небольшим их количеством (обычно не более трёх фиксируемых предметов). Выделен по материалам могильника Третьяки. Тип включает следующие варианты:

а – отсутствие вещей;

б – детали убранства погребенного (украшения, детали одежды, обуви без пред-

Таблица 1.

Типология погребальных памятников. Характерные черты

Тип	Погребальное сооружение	Тип по организации места устройства погребального сооружения	Объемные характеристики надмогильного сооружения	Тип надмогильного сооружения	Преобладающая ориентировка	Тип инвентаря
I	Группа I- узкие длинные	Отдел I- основные	Вариант Б – небольшая Насыпь	Тип 1 – грунтовая насыпь без каменных конструкций	Запад, север	I – вещи не фиксируются, отсутствуют или «бедный» набор
II	Группа III - широкие	I-основные, II – с устройством ямы у основания раннего кургана	Вариант А – большая насыпь	Устойчивой связи с типообразующими признаками не выявлено	Север	II – «богатый» набор вещей.
III	Группа II узкие по ширине, соответствующие росту человека	Устойчивой связи не выявлено	Устойчивой связи не выявлено	Тип1 – грунтовая насыпь	Устойчивой связи не выявлено	Устойчивой связи не выявлено

метов погребального инвентаря);

в – погребальный инвентарь, состоящий примерно из одного-трех предметов. Обычно присутствуют следующие категории вещей: нож, ножницы, зеркало, стремя, шило, наконечник стрелы, модель казана или небольшая чаша (из меди, бронзы).

Тип II выделен по материалам могильников Высокая гора и Олень-Колодезь. Для этого типа характерно наличие казана, пиаловидного сосуда для питья (чаша или ковш). В мужских погребениях присутствуют шлем, кольчуга, копье, кинжал, большой комплект стрел (по шесть наконечников в обоих случаях). В могиле ОК 7, идентичной остальным погребениям с инвентарём этого типа, не было казана, но присутствовала такая оригинальная для Среднего Подонья вещь, как боевой топор. Ряд погребений, совершённых в широких могильных ямах, ограблен, что может лишь косвенно подтвердить факт их богатства. В другом разрушенном погребении (НМ) высокий имущественно-социальный статус погребённого фиксируется по позолоченному предмету и обрывку кольчуги.

В убранстве мужчин имеется наборный пояс. В женских погребениях, помимо предметов погребального инвентаря, присутствуют богатые наборы украшений из золота и серебра.

Тип III отличается небольшим количеством вещей, представленных в погребальном инвентаре вещевых комплексов типа II. В качестве примера приведем погребение у с. Новый Буравль, в котором найдены чаша и казан.

Тип IV включает вещевые комплексы с относительно разнообразными вещами, занимающими в количественном плане промежуточное положение между типами I и II. Например, вещевой комплекс погребения Власовка 15/3: четыре наконечника стрелы, кресало, нож, удила, стремена, седло, серебряный поясной набор.

Рассмотрение погребальных памятников позволяет разделить их на три типа (табл. 1).

В таблице 1 приведены характерные черты выделенных типов погребений. Тип I включил в себя памятники с весьма унифицированным обликом, это, видимо, погребения относительно единой этнополитической среды, результат действий, воплотивших в себе влияние единых процессов. Здесь мы предполагаем в первую очередь влияние непосредственно религиозного фактора, выразившегося в постепенном распространении новой для кочевников религии.

В типе II, напротив, наиболее отчётливо выражены этнографические, не универсальные для широких масс кочевников черты погребальной обрядности.

Что касается погребений типа III, то отсутствие устойчивых связей между различными типологическими признаками не позволяет рассматривать эти памятники в виде более-менее единого этнокультурного и хронологического массива.

Все погребения, вещевой комплекс которых сочетает признаки наличия изделий из драгоценных металлов, многочисленность инвентаря, наличие социально атрибутированных категорий инвентаря относятся к типу II. Тип I, напротив, представлен исключительно «бедными» погребениями. Первое мы склонны объяснять социально определённой нагрузкой признака «широкая яма» как аристократического, второе – внедрением так называемого «раннемусульманского» погребального обряда, бытующего в условиях сохранения языческих реминисценций.

Приложение

Список принятых обозначений погребальных памятников
(указаны все могильники, материал которых использован при выполнении работы)

БМ – III Богучарский могильник (Кравец В.В., 2001)
Б – Букановская (Цыбин М.В.,1986)
ВГ – Высокая гора (Кравец В.В., Березуцкий В.Д., Бойков А.А., 2000)
ВМ – I Власовский могильник (Березуцкий В.Д., 1989)
К – Караяшник (Матвеев Ю.П.. Медведев А.П., 1979)
Л – Лесное (Цыбин М.В., 1986)
Лоф. – Лофицкое (Погорелов В.И., 1985)
М – Марки (Цыбин М.В.,1986)
НБ – Новый Буравль (Цыбин М.В., 1986)
НМ – Новая Меловатка (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1986)
ОК – Олень-Колодезь (Ефимов К.Ю., 2000)
О – Ольховатка (Цыбин М.В.,1986)
СК – Старая Калитва (Ефимов К.Ю., 1999; Кравец В.В., 2001)
Т – Третьяки (Винников А.З., Ефимов К.Ю., Цыбин М.В., 1993)

Березуцкий В.Д., 1989. Новые данные о поздних кочевниках из левобережья Среднего Дона // Исследования памятников археологии Восточной Европы. Воронеж.

Винников А.З., Ефимов К.Ю., Цыбин М.В., 1993. Погребения средневековых кочевников в могильнике у с. Третьяки // Археология Доно-Волжского бассейна. Воронеж.

Добролюбский А.О., 1981. Кочевники конца IX-XIV веков на Западе Северного Причерноморья (проблемы этнического и социального развития по археологическим данным). Автореф. дисс. … канд. ист. н. Киев.

Добролюбский А.О., 1986. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев.

Ефимов К.Ю., 1999. Позднекочевническое захоронение в лодке у села Старая Калитва // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж.

Ефимов К.Ю., 2000. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // РА. №1.

Кравец В.В., 2001. Погребения кочевников X-XIV вв. на юге Воронежской области // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк.

Кравец В.В., Березуцкий В.Д.. Бойков А.А., 2000. Погребения кочевой знати золотоордынского времени в курганной группе «Высокая гора» на юге Воронежской области // Донская археология. № 3-4. Ростов-на-Дону.

Матвеев Ю.П., Медведев А.П., 1979. Курганы у с. Караяшник на территории Воронежской области // Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж.

Погорелов В.И., 1985. Раскопки курганов на юге Воронежской области // Археологические памятники на европейской территории СССР. Воронеж.

Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1986. Исследования курганов в левобережье Среднего Дона //СА. №1.

Степи Евразии в эпоху средневековья. 1981. М.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Цыбин М.В., 1986. Погребения средневековых кочевников X-XIV вв. в Среднем Подонье //СА. №3.

В.В. Кравец
(Воронеж, ВГПУ)

Поясные наборы золотоордынских кочевников Среднего Подонья

К настоящему времени в Среднем Подонье известно четыре поясных набора кочевников золотоордынского времени (Березуцкий В.Д., 1989; Кравец В.В., Березуцкий В.Д., Бойков А.А., 2000; Ефимов К.Ю., 2000, Кравец В.В.. 2001). Интересным и необходимым представляется специальное исследование этих комплектов.

1. Поясной набор из погребения Высокая гора 2. (рис. 1). Могильник Высокая гора (Богучарский район Воронежской области) исследовался отрядом экспедиции ВГПУ под руководством А.А. Бойкова (Кравец В.В., Березуцкий В.Д., Бойков А.А., 2000). Детали пояса выполнены из низкокачественного серебра. Пряжка отсутствует, вероятно, она была утеряна в древности. На некоторых бляхах сохранились следы позолоты. Бляхи разделяются на пять видов:

1) квадратные плоские – три экземпляра (рис. 1, 1-3). Оформление поля вокруг центральной композиции представляет собой сочетание геометрического (насечки, напоминающие условное обозначение на планах материка и пересекающиеся насечки) и растительного (элементы “бегунка”) орнаментальных мотивов. В центре на поле ромбической формы – изображение птенца с длинным клювом (цапля ?);

2) в форме, близкой к форме геральдического щита – два экземпляра (рис. 1, 4, 5). Орнамент аналогичен декору квадратных блях, но в центре – изображение распустившегося лотоса;

3) трехлопастные с гранеными лопастями. Контур остроребёрный. Выполнены в двух вариантах: без колец – восемь экземпляров (рис. 1, 7-14) и с подвижным кольцом, прикрепленным к перекрестью – два экземпляра (рис. 1, 15-16);

4) скобовидные – три экземпляра (рис. 1, 18-20);

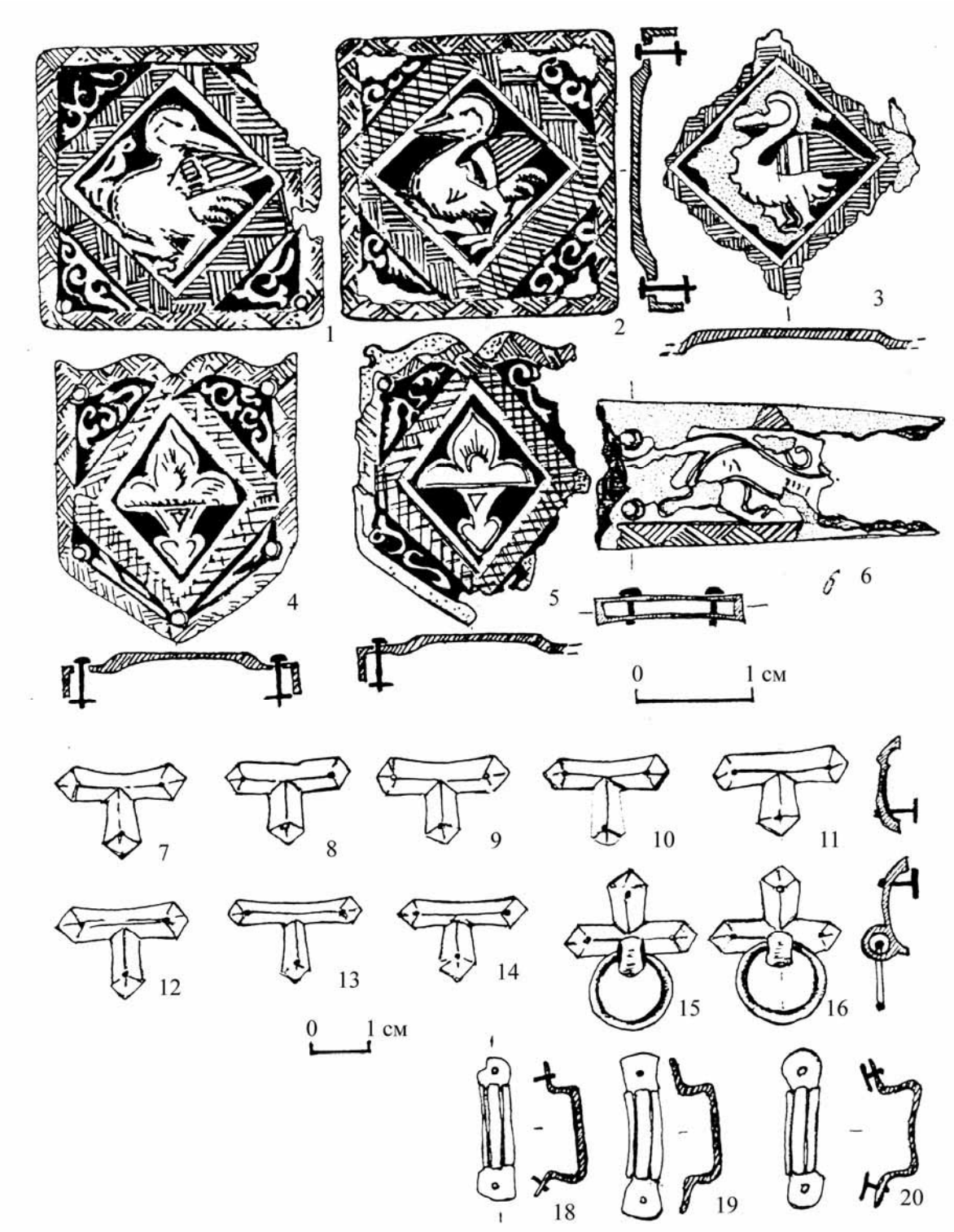


Рис. 1. *Поясной набор из кургана 2 могильника Высокая Гора. Серебряный сплав*

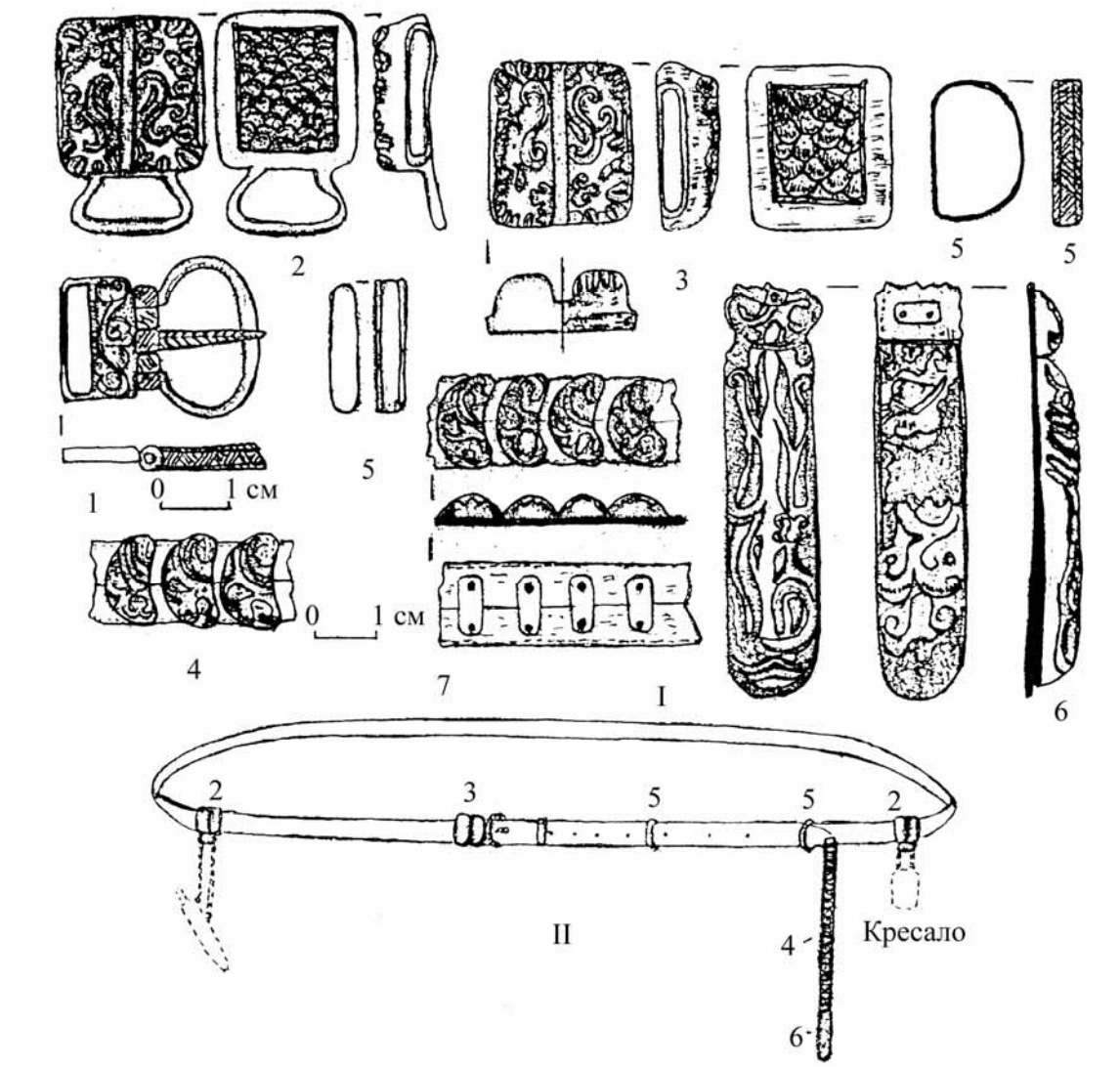


Рис. 2. *Поясной набор из погребения 3 кургана 15 Первого Власовского Могильника. I – детали пояса (серебро, кость); II – реконструкция*

5) конечная бляха – фрагмент (рис. 1, 6). Декорирована геометрическим и зооморфным орнаментом (часть туловища животного).

Крепление всех блях штифтовое. Порядок их расположения на поясе не восстанавливается.

Геометрический орнамент на бляхах поясного набора Высокой горы имеет аналогии в памятниках Западной Сибири XIII - XIV вв. (Молодин В.И. и др., с. 70, рис. 51), на кольцах поясного набора из погребения Власовка 15/3 (рис. 2, 1). Изображения цветка лотоса на ювелирных изделиях характерны для населения Кудыргэ монгольского времени (Алтай) (Гаврилова А.А., 1965, с. 60).

Технология – гравировка тонкими линиями – типична для XIII - XIV вв., при этом более – для XIV века (Крамаровский М.Г., 1974, с. 18-19). Таким образом и предпочтительно датировать поясной набор. Этой датировке не противоречит хронологическая позиция других предметов вещевого комплекса рассматриваемого погребения.

2. Поясной набор из погребения Власовка 15/3 (Березуцкий В.Д., 1989) (рис. 2 I, II). Власовский могильник (Грибановский район Воронежской области). Исследовался отрядом экспедиции ВГПУ под руководством А.Т. Синюка и В.Д. Березуцкого. Поясной набор изготовлен из серебра. Он включает пряжку, бляхи трех типов, кольца двух типов.

Рамка пряжки имеет овальный контур. На ней присутствует орнамент в виде насечек, расположенных в виде изображения на планах материка. Язычок украшен

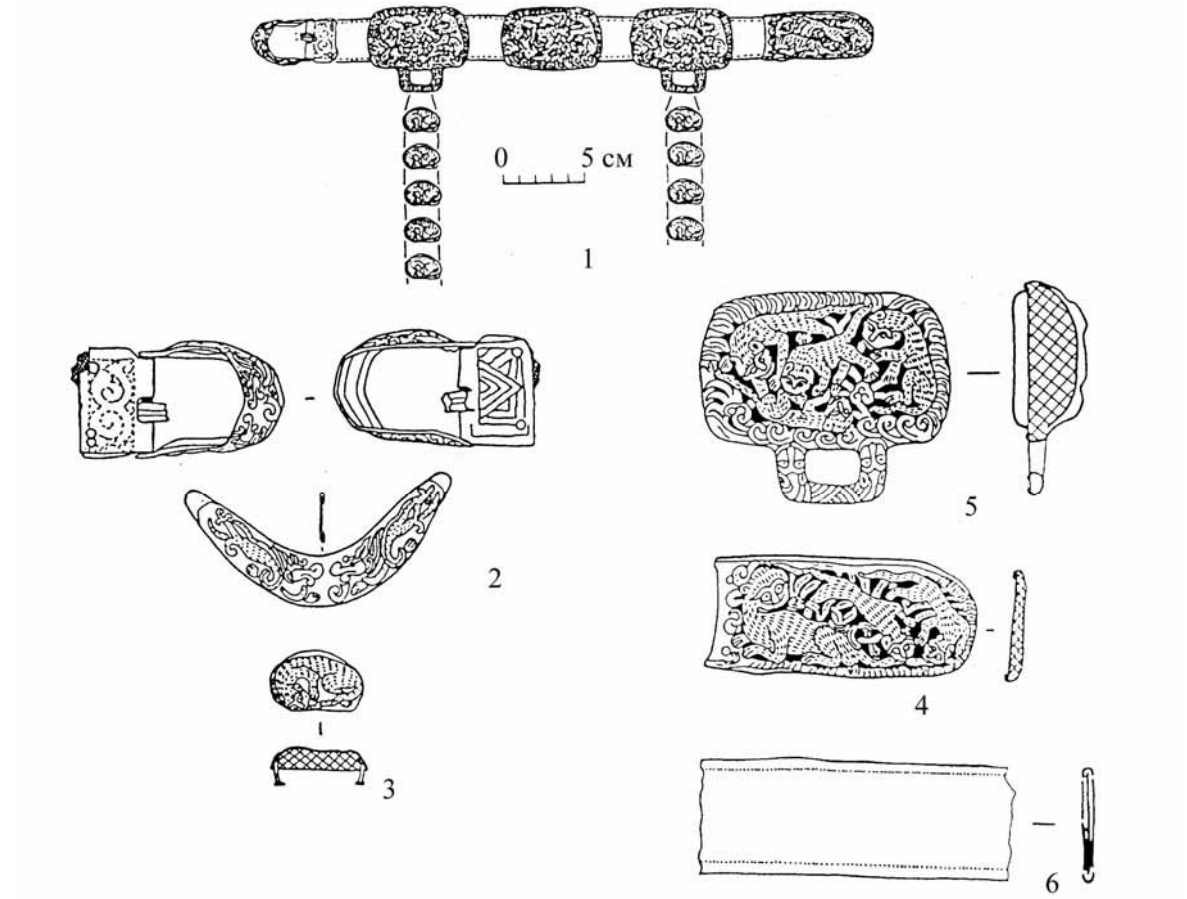


Рис. 3. *Поясной набор из погребения кургана 7 могильника Олень-Колодезь. 1 – реконструкция; 2-5 – детали пояса (серебро, позолота); 6 – фрагмент ремня (кожа)*

насечками. Переход от рамки к прямоугольной рамке-приемнику оформлен в виде щитка. Щиток орнаментирован растительными узорами (рис. 2, 1). Пряжка близка к изделиям типа Б II в классификации Г.А. Федорова-Давыдова. Отличие – в наличии щитка. Пряжки типа Б II имеют аналогии в памятниках IX-X вв. и XIV в. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 44).

Бляхи:

1) близкой к квадрату формы, в виде обоймы с дужкой для подвесного ремня – три экземпляра, в том числе одна бляха с отломанной дужкой (рис. 1, I, 2, 3). Внешняя поверхность покрыта рельефновыпуклым растительным орнаментом, распределенным по двум вертикальным зонам; внутренняя плоскость украшена чешуйчатым узором;

2) полулунной формы, фольгированные, на костяной основе. Орнамент растительный – 21 экземпляр (рис. 2, I, 4);

3) конечная бляха удлиненной формы (рис. 2, I, 6). На серебряной фольге – растительный орнамент. Костяная основа крепилась штифтами к бронзовой пластине, которая также орнаментирована – тонким растительным узором.

Близкий аналог власовскому поясному набору известен в погребении кочевника XIV - XV вв. в Поднепровье у села Ново-Подкряжск (Березуцкий В.Д., 1989, с.162; Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В., 1980, с. 94, рис. 6).

3. Поясной набор из погребения Олень-Колодезь 7 (рис. 3). Могильник, располагавшийся у с. Олень-Колодезь Каширского района Воронежской области, исследовался экспедицией Госинспекции охраны историко-культурного наследия Воронежской области под руководством К.Ю. Ефимова (Ефимов К.Ю., 2000). Набор выполнен из серебра, все детали позолочены.

Пряжка крепилась к ремню с помощью щитка. Рамка и щиток орнаментированы чеканкой. Рамка плоская в сечении, на ней изображены стилизованные фигуры драконов. Лицевая сторона щитка украшена завитками растительного орнамента, тыльная

– линиями геометрического.

Бляхи распределяются по четырем группам:

1) состоящие из трех деталей близкой к прямоугольнику формы, выполнены одним штампом – три экземпляра (рис. 3, 1). Две бляхи оснащены скобами для подвесных ремешков (рис. 3, 5). Внешняя лицевая пластина имеет прорезной штампованный орнамент с последующей доработкой чеканкой. На ней изображены два взрослых и два молодых барса, играющие на волнообразной траве. На заднем плане помещены крупные лиственные растения. Боковые и верхний края бляхи обрамляет орнамент из листьев. На скобе для подвесного ремня на примыкающих к корпусу концах изображены львиные морды. Продольная часть скобы украшена насечками, напоминающими обозначение на планах материка.

Вторая, внутренняя, пластина изогнута и повторяет размер и форму основного, внешнего объема (без скобы). Прижатая к тыльной стороне лицевой пластины, она оттеняет прорези в последней.

Третья, тыльная, пластина имеет плоскую форму, повторяющую конфигурацию лицевой детали, включая скобу, и зажата ее краями. Пространство между внутренней и тыльной пластинами было заполнено кожей и войлоком. С внешней стороны к тыльной пластине припаяны две дужки для ремня;

2) овальной, близкой к полулунной формы. Украшали, видимо, подвесные ремни – девять экземпляров (рис. 3, 3). Штампованный с чеканкой орнамент изображает свернувшихся калачиком спящих молодых барсов. С тыльной стороны к каждой бляхе припаяно по две проволочные золотые заклепки;

3) конечная бляха выполнена в аналогичном подпрямоугольном стиле (рис. 4). На ней изображен полулежащий взрослый барс, повернувший морду назад, в сторону двух молодых барсов, грызущих его хвост. Тыльная сторона бляхи закрывается золотой пластинкой. На краю имеются отверстия для заклепок.

Сохранились также фрагменты ремня из трех слоев прошитой по краям кожи (рис. 3, 6).

Пряжка, аналогичная найденной, известна среди новгородских находок. Она датируется рубежом XIII- XIV вв. (Ефимов К.Ю., 2000, с. 176; Седова М.В., 1981, с. 149, рис. 58, 17).

4. Поясной набор из погребения Старая Калитва 2 (рис. 4, I, II). Найден в разрушенном при строительных работах погребении в с. Старая Калитва Россошанского района Воронежской области (Кравец В.В., 2001.).

Поясной набор изготовлен из серебра. Набор включает пряжку, кольцо и семь блях двух типов.

Пряжка относится к группе особых, по классификации Г.А. Федорова-Давыдова, которые по принципу устройства отличаются от пряжек с язычком (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 47-48, рис. 8, 1, 2). Пряжка (рис. 4, II, 1), состоящая из двух частей, крепилась к концам ремня с помощью прямоугольных рамок. Основная часть (рис. 4, II, 1а) представляет собой квадрат с круглым углублением в центре, пересекающимся продольной полосой отверстия. В эти отверстия и углубления плотно входит вторая часть пряжки (рис. 4, II, 1б). Часть ее, примыкающая к рамке, выглядит как шеевидный преход к дискообразной части детали. Остальная доля этой пластины наложена с тыльной стороны на диск таким образом, что при соединении деталей пряжки полоса заполняет отверстие в основной части, а диск – круглые углубления.

Диск пряжки орнаментирован тонкой гравировкой: кольцо по краю, в центре - стилизованное изображение цветка. Этот орнаментальный мотив - цветок и линия по контуру - повторяется и на бляхах.

Бляхи имеют следующий облик:

1) в виде обоймы со скобой для подвесного ремешка – два экземпляра. (рис. 4, 2а, 2б);

2) квадратные со скобовидным креплением к ремню – пять экземпляров (рис. 4, 3 а-д). Орнаментированы изображением четырехлепесткового цветка в квадратной рамке. Ременное кольцо имеет овальную форму.

Не исключено, что учтены не все детали поясного набора, так как погребение

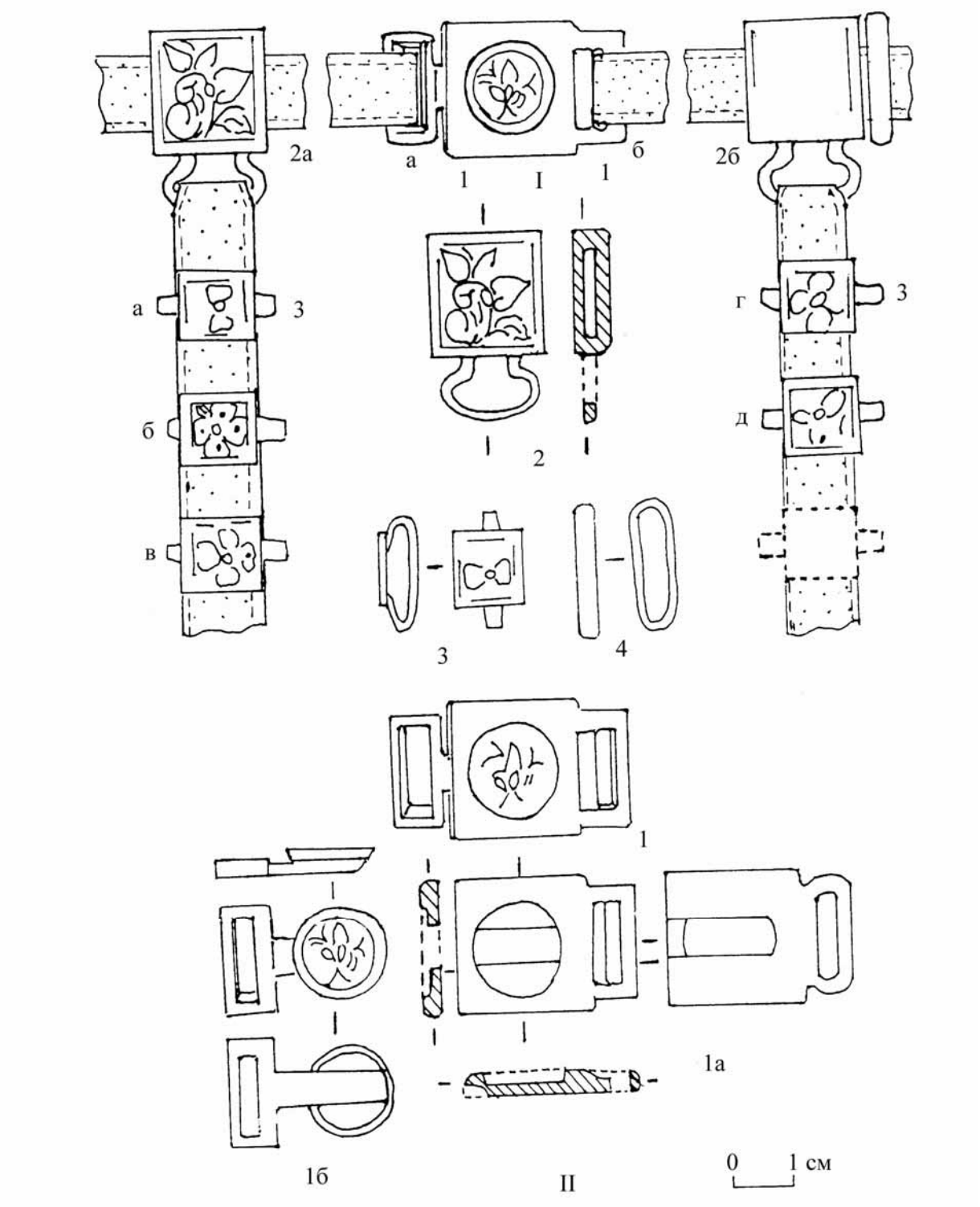


Рис. 4. *Поясной набор из погребения в с. Старая Калитва.*
I – реконструкция; II – детали пояса (серебро).
1а, 1б – пряжка; 2, 3 – бляхи; 4 – кольцо

было обнаружено при земляных работах и некоторые вещи были утеряны.

Орнамент поясного набора из Старой Калитвы типичен для художественной культуры Золотой Орды. Близким аналогом является изображение цветов на сосуде из Градижска (Федоров-Давыдов Г.А., 1976, с. 170, рис. 131). Пояса с особыми пряжками найдены в Новгороде в слое XII века, в мавзолее XIV века в Увеке (Саратовская область), в кургане у Тирасполя, датированном по монете хана Токтогу 1291-1310 гг. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 47; Фабрициус И.В., 1957, с. 23, 24, табл. XXII, рис. 11).

По характеру техники орнамента (тонкая гравировка) и по аналогиям пояс может быть датирован XIV веком.

Таким образом, все поясные наборы имеют хронологическую позицию, близкую к XIV веку. Все они оснащены приспособлениями для подвешивания дополнительных ремней. Оригинальным является такого рода приспособление в виде небольших подвижных колец (Высокая гора 2). Функционально и конструктивно аналогичными являются детали седла из могильника Кудыргэ на Алтае, датируемого XIII-XIV вв., и седла из погребения Олень-Колодезь 9 (Ефимов К.Ю., 2000).

Особое место, в виду необычного облика пряжки, занимает набор из Старой Калитвы. Выразительностью орнаментальных мотивов обращают на себя внимание поясные бляхи из могильников Олень-Колодезь и Высокая гора. За рамки типовых украшений ремесленной культуры Золотой Орды выходят, по нашему мнению, растительные элементы декора деталей пояса из Олень-Колодезя.

Общие черты заметны у поясов из Власовки и Олень-Колодезя. Это относится и к полулунной форме блях, и к многослойной конструкции деталей.

Аналогичны по устройству бляхи-обоймы со скобами для подвесного ремня в поясных наборах из Власовки и Старой Калитвы (рис. 2, 2, 4, II, 2). Подобным образом устроены детали золотого поясного набора из кургана 1 в группе белореченских курганов XIV-XV вв. (Краснодарский край) (Левашева В.П.. 1953, с. 196, рис. 10).

Общим для трех поясов (Власовка, Высокая гора, Олень-Колодезь) является присутствие, хотя и фрагментарное, геометрического узора в виде обозначения материка.

Помимо выявления сходных, типичных черт деталей поясных наборов, подтверждающих их происхождение из городских ремесленных центров, отметим ещё одно наблюдение, уже высказанное нами в одной из публикаций. Это факт наличия поясного набора в погребении XIV века с половецкими чертами – в с. Старая Калитва (Кравец В.В., 2001, с. 238). Л.М. Гаврилиной установлена нетипичность наборных поясов для половецкой культуры (Гаврилина Л.М., 1986, с. 12-13). В XIV же веке, видимо, происходит внедрение новых традиций в половецкую культурную среду.

В итоге можно констатировать связь среднедонских кочевников с городскими ремесленными центрами, что было обычно для населения Степи. Представляется актуальной постановка вопроса, выходящего за рамки настоящей работы, о том, что на Среднем Дону крайне малочисленны колчаны с орнаментированными накладками (тоже продукт городского производства), широко распространённые в различных регионах степного мира (Малиновская Н.В., 1974).

Березуцкий В.Д., 1989. Новые данные о поздних кочевниках из левобережья Среднего Дона // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж.

Гаврилина Л.М., 1986. Прикладное искусство кочевников Восточной Европы X-XIV вв. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. М.

Гаврилова А.А., 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М-Л.

Ефимов К.Ю.. 2000. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-

Колодезь» // РА. № 1.

Кравец В.В., 2001. Погребения кочевников X – XIV вв. на юге Воронежской области // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк.

Кравец В.В., Березуцкий В.Д., Бойков А.А., 2000. Погребения кочевой знати золотоордынского времени в курганной группе «Высокая гора» на юге Воронежской области.// Донская археология. № 3-4. Ростов-на-Дону.

Крамаровский М.Г., 1974. Торевтика Золотой Орды XIII-XIV вв. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Л.

Левашева В.П., 1953. Белореченские курганы // Труды ГИМ. Вып. XXII. М.

Малиновская Н.В., 1974. Колчаны XIII-XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М.

Фабрициус И.В., 1957. Археологическая карта Причерноморья. М.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В., 1980. Кочевнические погребения Среднего Поорелья // Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск.

В.В. Степкин, А.Н. Ворошилов
(Воронеж, ВГПУ)

Павловское городище на реке Дон

Одним из направлений поиска археологических памятников является проверка данных письменных источников разного времени. В ряде случаев это помогает заново «открыть» (теперь уже для науки) забытые или не найденные археологами объекты. Одним из таких «забытых» памятников является малоизвестное городище на Дону у нынешнего г. Павловска Воронежской области.

О существовании городища в окрестностях г. Павловска сохранились дореволюционные свидетельства. Так, к «Описанию, учененому в Павловском Уездном суде обще с Павловским же городничем и нижнем Земским судом, против запросов учрежденной при Императорской Академией Наук комиссии за 1781 г.» (Описание…, 1781) была приложена карта региона вблизи озера Тахтарка, на которой обозначено городище, разделенное на две части: Большое и Малое городище (рис. 1). В Архиве Статистического комитета г. Воронежа за 1873 г. также есть описание данного памятника, в котором отмечено следующее: «В народе есть предание, что это городище сооружено когда-то Татарами и что подтвердилось находками на городище древних Татарских монет» (Архив…, 1873). Надо заметить, что и до сегодняшнего дня подобные предания ходят в среде местных жителей.

Городище расположено на плато высокого песчаного останца, в левобережной пойме р. Дон на берегу оз. Тахтарка, в двух километрах к северо-западу от ближайшей окраины г. Павловска (рис. 2; 1). Памятник был осмотрен и подробно охарактеризован в ходе археологической разведки в 2000 г. (Степкин В. В., 2000) при активном содействии краеведа П.М. Золотарева.

С СЗ в профиле останец имеет трапециевидную форму (рис. 2, 2). Создается впечатление, что верх останца был преднамеренно горизонтально подрезан. Высота останца, вытянутого по линии СЗ-ЮВ, в настоящее время составляет около 40 м, наибольшая длина – 1,5 км, наибольшая ширина – 450 м, наименьшая – 220 м. Через останец по площади городища проходит грунтовая дорога, которая раньше вела в с. Белогорье (рис. 1-2).

Со стороны г. Павловска (юго-восточная часть городища) останец имеет наиболее пологий склон. В связи с этим, укрепления, отсекающие пологую юго-восточную часть останца в наиболее узкой его части, имеют достаточно мощную линию обороны:

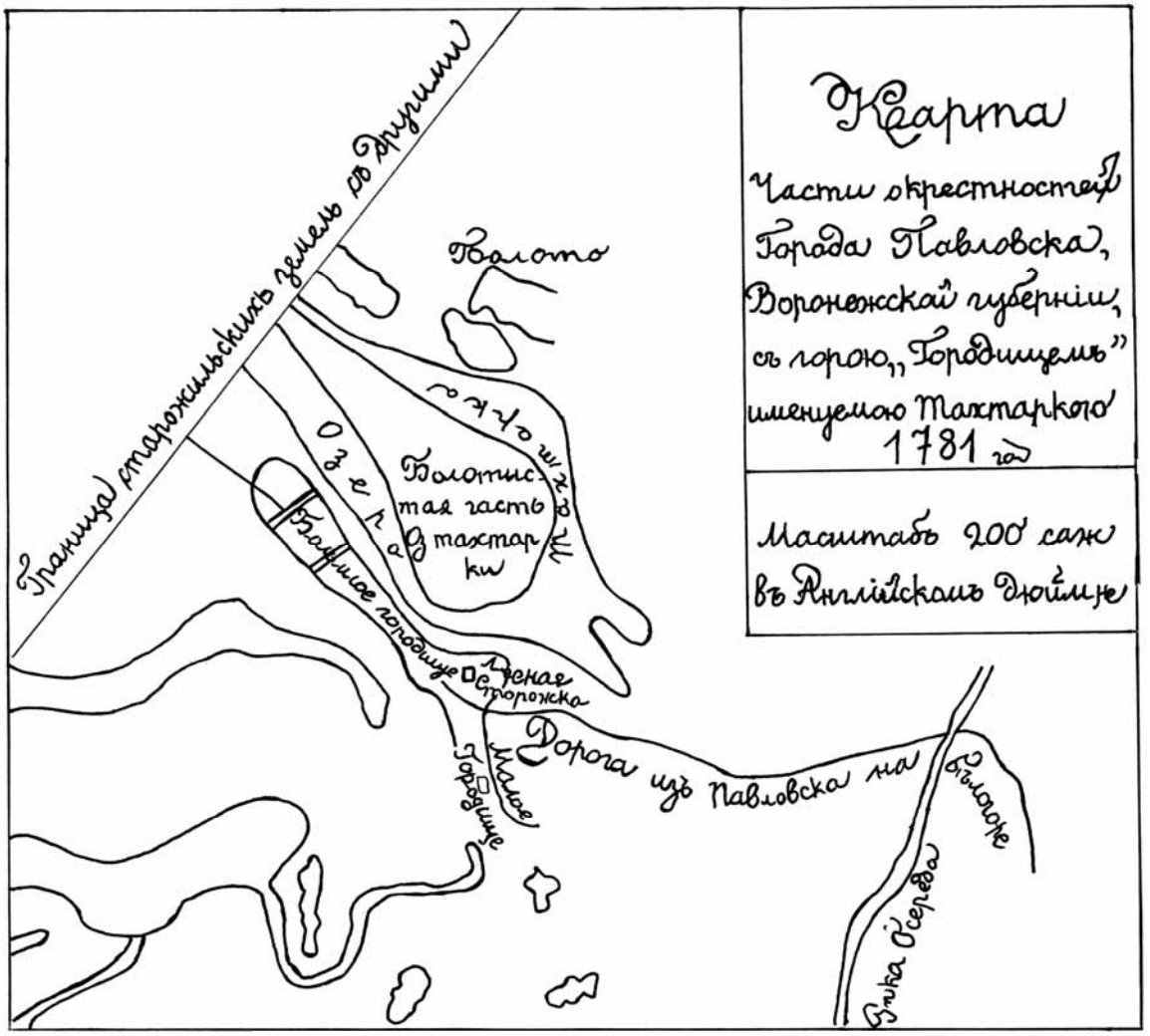


Рис. 1. *Карта Павловского городища (1781 г.)*

вал шириной около 12 м и высотой до 1 м и ров шириной 18 м и глубиной до 2,8 м. Расположение вала с внешней стороны можно объяснить тем, что ранее перед ним находился еще один ров, заплывший к настоящему времени. Отсутствие вала с внутренней стороны, вероятно, объясняется тем, что здесь останец имеет естественное поднятие, создающее необходимое условие обороны.

Городище имеет также двойную линию обороны в северной своей части. Первая линия обороны в настоящее время представляет собой ров шириной около 8 м, глубина которого варьирует от 0,6 до 1,6 м, и следующий за ним вал шириной около 12 м и высотой до 0,4 м. Вторая линия обороны представляет собой вал шириной около 7 м и высотой до 0,3 м, следующий за ним ров шириной около 13 м, глубина которого в настоящее время варьируется на разных участках от 0,5 до 1,6 м, и еще один вал шириной до 10 м и высотой до 0,2 м. С южной и с северной стороны (в районе оз. Тахтарка) склон останца достаточно крутой. Площадь городища покрыта сосновым лесом.

В ходе археологической разведки был обнаружен подъемный материал – фрагмент подковы XVII в. (рис. 3, 5). В юго-восточной части останца (в непосредственной близости от вала городища, с его внешней стороны), где на карте 1781 г. обозначено Малое городище, а также на площади самого городища (вблизи внутренней стороны второй линии обороны) с целью выяснения культурной принадлежности памятника и его стратиграфии были заложены шурфы № 1-2 (1 м х 1 м), ориентированные по сторонам света. В обоих случаях выявлена почти идентичная стратиграфия наслоений: 0-0,35-0,4 м – темно-серая супесь; 0,35-0,4 м - 0,55-0,65 м – светлая супесь; 0,55-0,65 м - материк – светлый однородный песок (рис. 3, 1-2). В верхнем слое первого шурфа

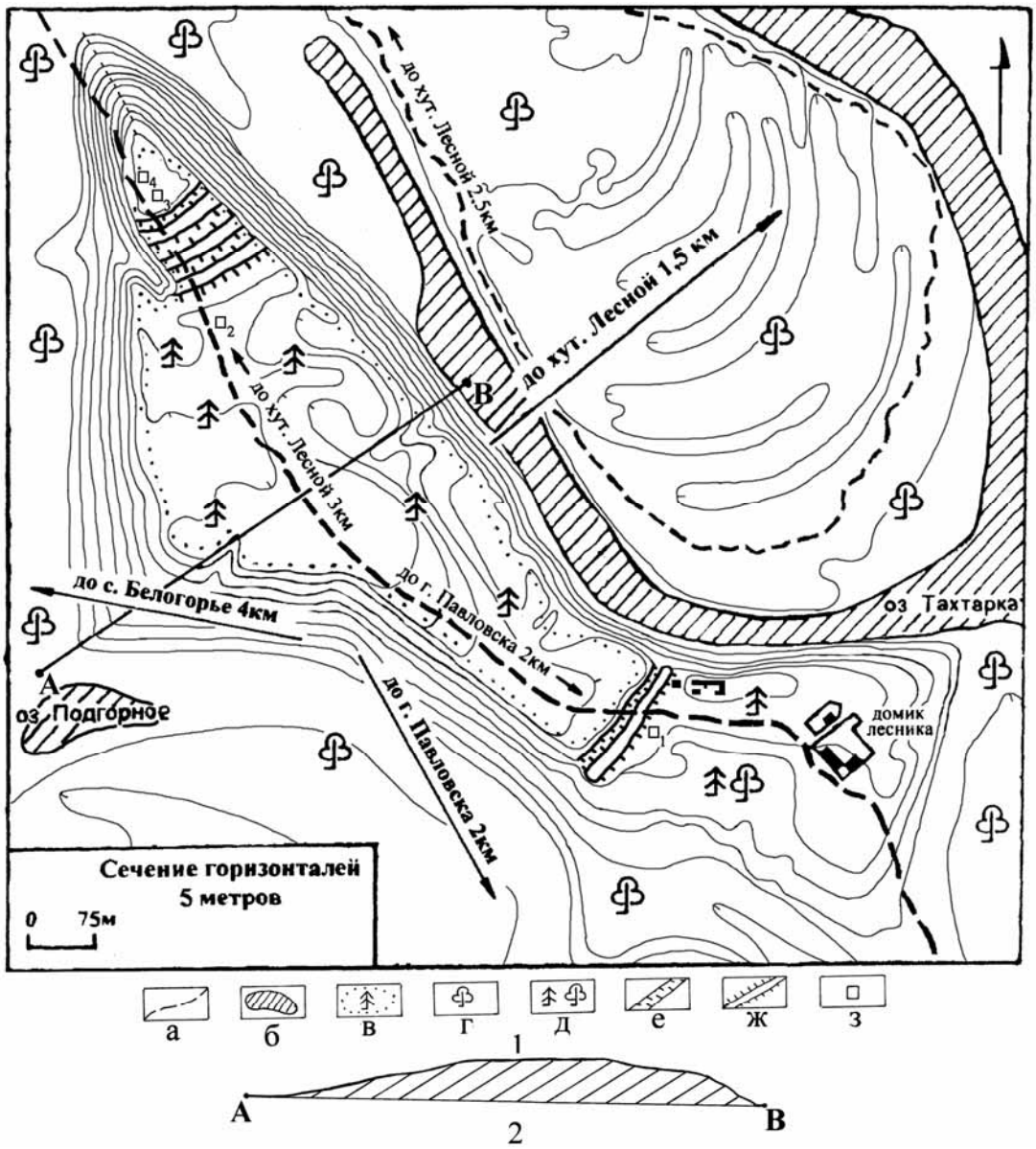


Рис. 2. *Павловское городище.*
1 – план городища (а – грунтовая дорога; б – озеро; в – сосновый лес; г – лиственный лес; д – смешанный лес; е – ров; ж – вал; з – шурф); 2 – разрез останца городища по линии АВ

было найдено круглое металлическое ядро диаметром 12 см. Вероятно, оно относится к тому же периоду времени, что и подкова.

Вторично памятник был обследован в июле 2001 г. (Степкин В. В., 2001). В ходе осмотра обнажений культурного слоя, неподалеку от внутренний стороны оборонительных укреплений, отсекающих пологую юго-восточную часть останца, на городище был найден следующий подъемный материал: кремневый наконечник стрелы подромбовидной формы, вся его площадь ретуширована, такая форма наконечника характерна для позднего неолита лесной полосы и эпохи бронзы донской лесостепи (рис. 3, 7); кремневое орудие труда эпохи бронзы (рис. 3, 6); две стенки плотной лепной неорнаментированной керамики коричневого цвета с наружной стороны и черного с внутренней с примесью в тесте крупного песка, относящиеся к эпохе бронзы; одна керамическая стенка серого цвета с наружной стороны и черного с внутренней, принадлежащая сарматскому сосуду; неорнаментированная стенка амфоры первых веков н. э., светло коричневого цвета; один фрагмент венчика (рис. 3, 8) и две стенки плотной светло-коричневой керамики, выполненной на гончарном круге, на одной стенке видны крупные расчесы (данные находки датированы XVII в.).

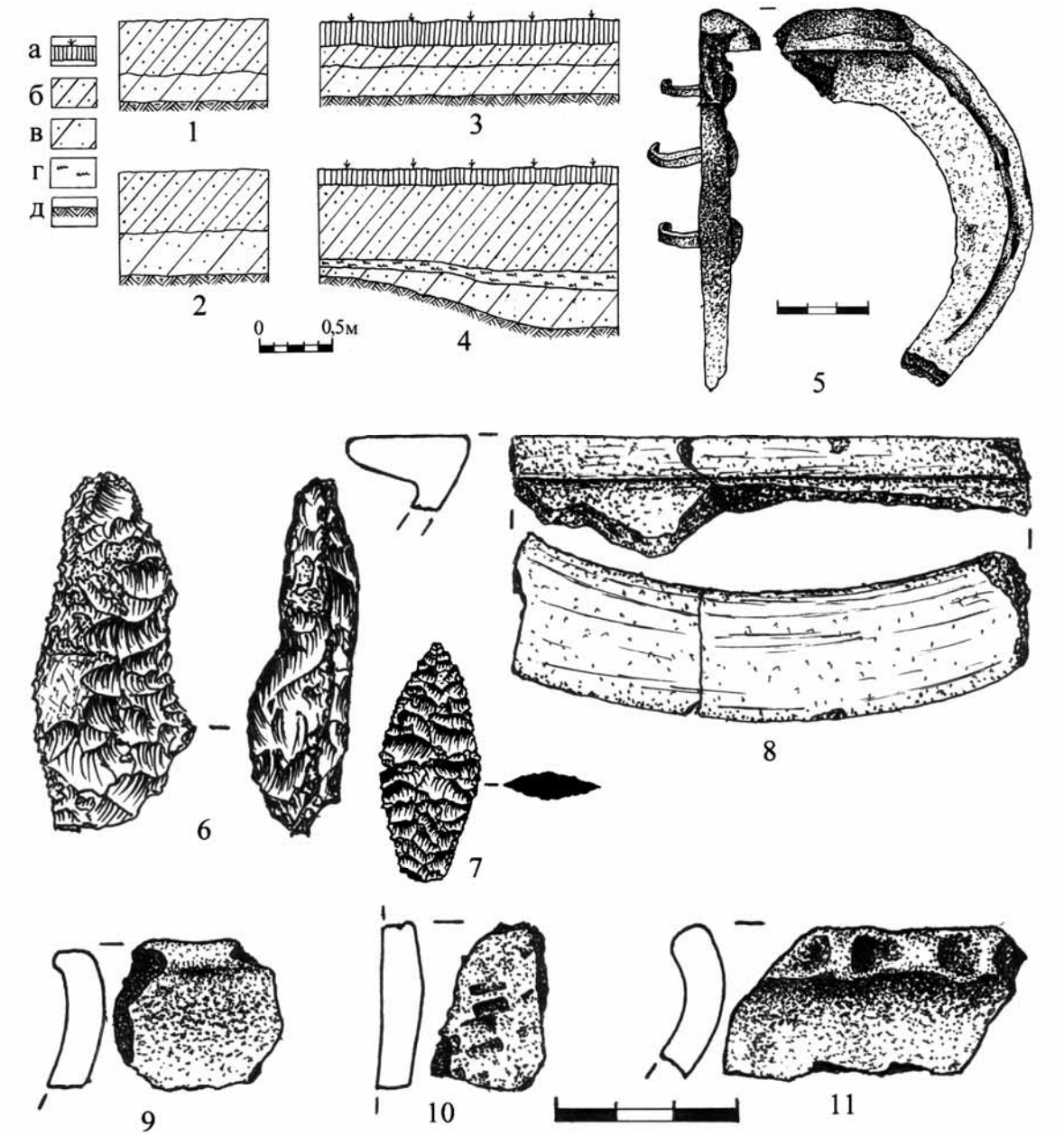


Рис. 3. *Павловское городище.*
а – дерновый слой; б – темногумуссированная супесь; в – светлогумуссированная супесь; г – зола; д – материковый слой.
1 – северная стенка шурфа №1; 2 – северная стенка шурфа №2;
3 – северная стенка шурфа №3; 4 – восточная стенка шурфа №4;
5 - 8 – подъемный материал; 9 - 10 – шурф №3; 11 – шурф №4

В северо-западной части останца, с внешней стороны оборонительных укреплений было заложено два шурфа № 3-4 (2 х 2 м), которые выявили схожую стратиграфию наслоений: 0-0,16 (0,1) м – дерн; 0,16 (0,1)-0,3 (0,6-0,7) м – темная супесь; 0,3 (0,64-0,82)-0,5 (0,72-1,08) м – светлая супесь; 0,5 (0,72-1,08) м – материк – песок (рис. 3, 3-4). Однако в шурфе № 4 была затронута постройка, что объясняет наличие прослойки золы, мощностью 0,6-0,7-0,64-0,82 м (рис 3, 4).

В слоях шурфа № 3 обнаружено восемь стенок плотной лепной неорнаментированной керамики коричневого цвета с внешней стороны и черного – с внутренней (в тесте примесь песка и шамота) и один фрагмент венчика с защипом (рис. 3, 9). Фрагменты принадлежат сосудам среднедонской культуры скифского времени и датируются V-IV вв. до н. э. Помимо этого, в нижнем слое встречена одна стенка лепной керамики городецкой культуры V-III вв. до н. э. с рогожным орнаментом (рис. 3, 10),

коричневая с наружной и черная с внутренней стороны.

В шурфе № 4 обнаружено шесть фрагментов глиняной обмазки с отпечатками прутьев; один фрагмент венчика лепного сосуда скифоидного типа V-IV вв. до н. э. с защипами (рис. 3, 11) коричневого цвета с внутренней и наружной стороны, в изломе черного; две стенки плотной лепной неорнаментированной керамики раннего железного века коричневого цвета с наружной стороны, черного с внутренней, с примесью в тесте крупного песка; семь стенок плотной, толстой, лепной неорнаментированной керамики коричневого цвета с внутренней и с наружной стороны, в изломе черного, предположительно относятсящиеся ко второй четверти I тыс. н. э., и принадлежащие киевской культуре; три небольших фрагмента костей животных.

Залегание в четвертом шурфе славянской керамики ниже керамики эпохи раннего железного века (V-IV вв. до н. э.), объясняется, на наш взгляд, тем, что здесь была затронута славянская постройка (это отражается и в стратиграфических наблюдениях), прорезающая в ЮВ части шурфа слой раннего железного века.

Таким образом, исследования 2000-2001 гг. позволяют охарактеризовать данный памятник как многослойное поселение и поставить под сомнение расхожее мнение о его принадлежности золотоордынской эпохе. Первоначально люди поселились здесь еще в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.), затем они осваивали данную территорию в раннем железном веке (V-III вв. до н. э.). В III-X вв. н.э. здесь обитали славянские племена. Памятник функционировал и в XVII-XVIII вв.

Без раскопок линий обороны проблематично ответить на вопрос о времени их постройки. Существует вероятность разновременного сооружения оборонительных укреплений, расположенных в различных частях городища.

Архив Губернского Статистического комитета г. Воронежа за 1873 г. (Запросы по уездам о имеющихся городищах и курганах и ответы на них) // Фонды ВОКМ №3821.

Описание, учененое в Павловском Уездном суде обще с Павловским же городничем и нижнем Земским судом, против запросов учрежденной при Императорской Академией Наук комиссии за 1781 г. // Фонды краеведческого музея г. Павловска.

Степкин В. В., 2000. Отчет о разведке в Павловском районе Воронежской области в 2000 г. // Архив ИА РАН.

Степкин В. В., 2001. Отчет о разведке в Павловском районе Воронежской области в 2001 г. // Архив ИА РАН.

Н.А. Поташкина
(Воронеж, ВГПУ)

Программа археологических исследований Воронежской учёной архивной комиссии

Губернские учёные архивные комиссии были учреждены в России Положением комитета Министерства внутренних дел “О губернских исторических архивах и губернских учёных архивных комиссиях” от 13 апреля 1884 г. Главная функция этих учреждений согласно Положению – “собирание и приведение в известность архивных дел и документов” (Положение о губернских..., 1902, с. LXI). Вместе с тем учёным комиссиям предоставлялось широкое поле деятельности: они могли “включать в круг своих занятий разыскание, описание и объяснение всяких других памятников старины” (Циркулярное сообщение..., 1902, с. LXIV): эволюция архивных комиссий в археологические или исторические общества признавалась не только естественной, но и законной. В речи на открытии Рязанской учёной архивной комиссии директор

Археологического института, автор проекта губернских учёных архивных комиссий сенатор Н.В. Калачов сказал, что работа над архивными документами – не единственное и исключительное занятие членов комиссии: при исследованиях более отдалённого прошлого местного края требуются "местные раскопки и исследования в недрах земли" (Записка Рязанской УАК, 1904, с. V). Археологическое направление деятельности комиссий было закреплено и в новом названии: в апреле 1908 года на съезде представителей губернских учёных архивных комиссий был выработан проект нового положения об учёных архивно-археологических комиссиях.

Воронежская учёная архивная комиссия (ВУАК) была открыта 1 декабря 1900 г. Инициатива учреждения комиссии принадлежит небольшому кругу лиц, среди которых были коротоякский предводитель дворянства Л.М. Савёлов, секретарь статистического комитета М.Н. Былов, законоучитель Михайловского кадетского корпуса С.Е. Зверев, преподаватель духовного училища М.И. Успенский и др. Её учреждение признавалось особенно желательным "в виду предстоящего в 1902 г. Харьковского археологического съезда, в программу которого входит исследование истории придонского края и в частности Воронежской губернии" (Открытие ВГУАК, 1901, с. 50). Сразу по открытии архивная комиссия по причине "совпадения задач" была слита с особой комиссией по подготовке к XII археологическому съезду (создана 23 октября 1900 года), и программа археологического исследования края во многом определялась задачами, поставленными комиссии Московским и Харьковским предварительными комитетами.

Московский предварительный комитет намечал общий план работ: выработка программ подготовительных работ на основе предложенных Харьковским комитетом; организация экскурсий на места раскопок; составление археологической карты своей губернии; собирание сведений о частных коллекциях.

На первом заседании воронежской подготовительной комиссии на основе программ, присланных из Харьковского комитета, этот план был конкретизирован: собрать сведения о местных археологических и этнографических коллекциях, а также об исторических памятниках, в том числе и о курганах, причём некоторые из них, наиболее интересные, например, курганы Хазарского кладбища на берегу реки Воронеж, и другие, если представится возможность, подвергнуть раскопкам, пригласив к участию в них специально подготовленных лиц; составить археологическую карту губернии.

Вместе с тем члены ВУАК понимали свои функции как местного общеисторического общества гораздо шире и на более длительную перспективу, чем подготовка к съезду. С.Е. Зверев подчёркивал, что в деятельности ВУАК цели и задачи XII археологического съезда лишь "отчасти принимались...во внимание" (Зверев С.Е., 1904, с. 147). Общую концепцию археологической программы архивной комиссии в Воронежском крае изложил товарищ председателя комиссии Л.М. Савёлов в речи на первом заседании. В ней отразились представления воронежских краеведов о предмете и целях археологических исследований.

Л.М. Савёлов обозначил три отдела работы комиссии: 1) архивный – разбор местных архивов и издание материалов; 2) историко-археологический – исследование местной истории, раскопки курганов; 3) этнографический – антропологические исследования, фольклор. Главная цель, стоящая перед членами ВУАК – воссоздание истории Воронежского края. Сделать эту работу могут, по мнению Л.М. Савёлова, совместные усилия археологов, археографов и этнографов: их усилия объединяет общая цель, на пути к которой каждый решает собственные задачи, обусловленные спецификой методов исследований.

Затем он раскрывает содержание каждого из отделов.

До XVI в. в придонских степях царят кочевники: хазары, печенеги, половцы и, наконец, татары, которые "осели здесь надолго". Все эти народы оставили различные следы своего пребывания (каменные и бронзовые предметы, глиняная посуда, человеческие кости, монеты VIII в. и т.п.), которые уже обнаруживались раньше в виде случайных находок, а теперь комиссия должна по этим безмолвным памятникам "рассказать нам, чем был наш край до появления здесь христианства, до появления здесь великорусской и малорусской колонизации, как формировалось здесь Русское государство" (Открытие

ВГУАК, 1901, с. 52), и всё это указанное время подлежит разработке чисто археологической.

В конце XVI в. историческая ситуация в крае меняется – начинается великорусская колонизация, которая приносит с собой письменные документы в виде писцовых и строельных книг, указов, наказов и т.п. Археология и теперь играет ведущую роль изучении древностей Воронежского края, но на помощь уже приходит археография. Начиная со второй половины XVII в. архивисты стоят во главе, а археологи им только помогают.

Со второй половины XVII в., когда колонизация (русская – с севера, малорусская – с юга) целым потоком вливается в пределы Воронежской губернии, появляется работа для этнографии. С этого времени археологи, археографы и этнографы работают совместно.

Так представлял себе Л.М. Савёлов материал, с которым могут работать члены архивной комиссии. Археологи, по его мнению, принимают участие в каждом отделе: любые памятники могут быть изучены археологически. Такое понимание предмета и задач археологии было характерно для того времени, его основные положения высказывались графом А.С. Уваровым, который определял археологию как "науку, изучающую древний быт народов по всем памятникам какого бы то ни было рода, оставшимся от древней жизни каждого народа" и не отделял предмет археологии от предмета истории: "история, равно как и археология, занимается исследованием остатков древнего быта, и они обе суть отрасли одной и той же общей науки бытописания народов" (Уваров А.С., 1878, с. 21, 30). Отличие же археологии от истории - в существовании особого "археологического метода", которым нужно изучать и письменные памятники. Такое же понимание предмета археологии заложено и в "Положении о губернских исторических архивах...", в котором предполагается поручить разбор архивных дел и документов специалистам, имеющим "научную подготовку в чтении старинных рукописей и в оценке важности их содержания для археологии и истории" (Положение о губернских..., 1902, с. LXII).

Некоторые конкретные задачи перед местными археологами поставил председатель комиссии Е.Л. Марков на втором заседании комиссии 11 декабря в реферате "Древние татарские шляхи" (подзаголовок – "Программа для некоторых археологических исследований местного края"), посвящённом выяснению историко-археологического значения старинных шляхов Воронежской и Курской губернии: точное исследование "на местах, руководствуясь древними актами, истинного направления различных старинных путей, имевших значение в истории нашего края и целого государства, в распутывании той невольной путаницы, которую внесло в эту область время и невежество, и в подробном затем описании исторических поселений и урочищ, по которым проходили эти пути", ибо "изучить археологически эти шляхи – значит изучить в некотором смысле пути нашей старой истории" (Марков Е.Л., 1902, с. 43, 41).

На этом же заседании Л.М. Савёлов обратил внимание членов ВУАК на важность составления археологической карты Воронежской губернии с подробными обозначениями местностей, где находятся те или иные вещественные памятники (курганы, остатки оружия, домашняя утварь, каменные бабы и проч.). Он предложил и программу, по которой должны быть собираемы сведения: разослать по уездам опросные листы, использовать материалы, уже имеющиеся в Московском археологическом обществе, Археологической комиссии, Центральном статистическом комитете и других столичных и местных учреждениях, обратиться за полезными указаниями к тем, кто занимался изучением Воронежской губернии (проф. Московского университета Д.Н. Анучин, преподаватель Задонского духовного училища Н.В. Воскресенский) (Журналы заседаний ВГУАК , 1902, с. X).

Одной из главных проблем на пути организации археологического изучения Воронежского края была проблема отсутствия специалистов. Член комиссии В.Н. Тевяшов в отчёте о раскопках 1900 года в Острогожском уезде отметил, что эта задача не по силам любителям археологии, лишённым научной подготовки и практической опытности, поэтому на начальном этапе существования ВУАК даже не ставилась задача организации широких самостоятельных раскопок, а лишь задача привлечения внимания профессионалов к археологическим памятникам Воронежского края (Тевяшов В.Н., 1902, с. 94).

Специально этой теме было посвящено сообщение М.П. Трунова на заседании комиссии 2 июня 1904 г "К организации изучения Воронежского края в археологиче-

ском отношении". Докладчик подчеркнул, что комиссия сама не сможет научно и широко организовать изучение истории родного края по разбросанным по всей губернии памятникам, и не только по причине отсутствия возможностей и средств, но и потому, что "правильное производство раскопок (курганов, а главным образом – городищ) даётся не только упорным и долгим трудом, но и тщательной теоретической и практической подготовкой под руководством опытного учителя-археолога" (Трунов М.П., 1908, с. XV). М.П. Трунов предлагает обратиться к центральным археологическим обществам, к Императорской Археологической комиссии с предложением командировать опытных археологов в провинцию не только с целью исследования остановивших их внимание памятников, но и для организации преподавательской работы, чтобы местные любители археологии могли хотя бы в форме простых работников "получить необходимый элемент познания в производстве раскопок" (Трунов М.П., 1908, с. XV). Впоследствии участники этих "курсов", по мнению М.П. Трунова, могли бы без особых затрат поработать сами, хотя бы в районе своего проживания. Контингент даровой и понятливой рабочей силы могла бы доставить приезжающая на каникулы в деревню и в уездные города учащаяся молодёжь, что не только удешевит раскопки, но и "послужит зерном, из которого впоследствии вырастет если не армия археологов, так сознательное отношение к дорогим памятникам прошлой жизни" (Трунов М.П., 1908, с. XV). Для обсуждения частностей проекта М.П. Трунов предложил создать особую комиссию при ВУАК и сформулировал свои предложения по организации курсов:

- запросить какое-либо Археологическое общество о командировке своего члена в Воронежскую губернию;
- указать те местные памятники старины, изучением которых необходимо заняться в первую очередь;
- просмотреть археологическую карту Воронежской губернии и обсудить уже изданные материалы по археологии губернии;
- обратиться к подготовительному комитету Харьковского Археологического съезда, который получал некоторые сведения об археологических памятниках губернии от разных лиц и учреждений, с просьбой предоставить эти материалы;
- просить Церковно-археологический комитет о совместной работе;
- предложить всем сочувствующим путём печати сообщать всё, что найдут интересным.

Программа археологических исследований Воронежской учёной архивной комиссии, изложенная в данной статье, определила и основные направления деятельности: археологические экскурсии в разные районы губернии с целью выявления археологических памятников (для этого использовались сообщения населения и бытовавшие в его среде легенды, сведения собранные по опросным листам и др.), нанесение их затем на археологическую карту губернии и проведение предварительных раскопок для привлечения внимания специалистов к памятникам (самостоятельные полевые исследования комиссия начинает проводить с 1906 г.).

Аникович М.В., 1989. Проблема определения археологии как науки в русской дореволюционной археологии // Историки об истории. Омск. С. 4-26.

Генинг В.Ф., 1983. Предмет и объект науки в археологии. Киев.

Журналы заседаний ВГУАК, 1902 // ТВУАК. Вып. I. Воронеж. С. I-XXXVII.

Записка Рязанской Учёной Архивной Комиссии, 1904 // Труды ВУАК. Вып. II. Воронеж. С. V-VII.

Зверев С.Е., 1904. Воронеж на XII Археологическом съезде // Труды ВУАК. Вып. II. Воронеж. С. 147-157.

Марков Е.Л., 1902. Древние татарские шляхи Воронежской губернии // Труды ВУАК. Вып. I. Воронеж. С. 36-51.

Открытие ВГУАК, 1901 // Памятная книжка Воронежской губернии на 1901 год. Воронеж. С. 50-53.

Положение о губернских исторических архивах и учёных архивных комиссиях, 1902 // Труды ВУАК. Вып. I. Воронеж. С. LXI-LXIV.

Рудаков В.Е., 1901. Археология и история в трудах губернских учёных архивных комиссий // Исторический вестник. № 12.

Тевяшов В.Н., 1902. Отчёт о раскопках в Острогожском уезде в 1900-1901 годах //

АО	–	Археологические открытия
АСГЭ	–	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВГПУ	–	Воронежский государственный педагогический университет
ВГУ	–	Воронежский государственный университет
ВДИ	–	Вестник древней истории
ВОКМ	–	Воронежский областной краеведческий музей
ВУАК	–	Воронежская ученая архивная комиссия
ГИМ	–	Государственный исторический музей
ИАК	–	Известия Археологической комиссии
ИА РАН	–	Институт археологии Российской Академии наук
ИИМК АН СССР	–	Институт истории материальной культуры Академии наук
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	–	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАСП	–	Материалы по археологии Северного Причерноморья
МГУ	–	Московский государственный университет
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
НИИЯЛИЭ	–	Научно-исследовательский институт языка, литературы,истории и этнографии
РА	–	Российская археология
РЭ	–	Российская этнография
СА	–	Советская археология
САИ	–	Свод археологических источников
СГЭ	–	Сообщения Государственного Эрмитажа
СЭ	–	Советская этнография
ЭО	–	Этнографическое обозрение

Труды ВУАК. Вып. I. Воронеж. С. 106-112.

Трунов М.П., 1908. К организации изучения Воронежского края в археологическом отношении // Труды ВУАК. Вып. IV. Воронеж. С. XV-XVIII.

Циркулярное сообщение Товарища Министра Внутренних Дел Губернаторам, 1902 // Труды ВУАК. Вып. I. Воронеж. С. LXIV - LXVIII.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Попов В.В., Пустовалов А.Ю. Поселение 2-го культурного слоя стоянки Костенки 11 (Аносовка 2)……. 3

Попов В.В., Дудин А.Е. Каменный инвентарь третьего культурного слоя стоянки Костенки 11……. 8

Чернышев С.С. История изучения аносовско-мезинских жилых комплексов……. 18

Федюнин И.В. К вопросу о периодизации мезолита Лесостепного Подонья…….. 27

Сурков А. В. Неолитическая стоянка Плаутино 1 в Лесостепном Похоперье… ….. 35

Сурков А.В., Федюнин И.В. Археологические исследования в Среднем Похоперье……... 47

Смольянинов Р.В. Материалы эпохи неолита поселения Карамышево 19 на р. Воронеж……. 55

Гапочка С.Н. Неолитические материалы многослойной стоянки Щучье II в Среднем Побитюжье……. 60

Гапочка С.Н., Крючков М.А. Некоторые итоги исследования стоянки Затон I на юге Лесостепного Подонья……... 72

Матвеев Ю.П., Маслихова Л.И. Курганная группа «Таганка»……. 83

Березуцкий В.Д., Маслихова Л.И. Зареченские курганы…….. 97

Килейников В.В. Каменные навершия булав бронзового века лесостепного Подонья……. 131

Ивашов М.В., Мельников Е.Н. Материалы эпохи средней-поздней бронзы Балахнинского поселения на Верхнем Дону…… 146

Синюк А.Т., Березуцкий В.Д., Зацепин А.А. Плясоватские курганы…….. 162

Килейников В.В., Чекменев Ю.А. Материалы бронзового века стоянки Щучье II в Среднем Побитюжье…… 177

Бирюков И.Е., Разуваев Ю.Д. Городище скифского времени у с. Каменка на Верхнем Дону……... 181

Разуваев Ю.Д., Курьянов А.В. Акинак из с. Латное Воронежской области……... 191

Березуцкий В.Д. Погребальный инвентарь из курганов скифского времени Лесостепного Дона и вопрос об «этнокультурном сходстве и единстве»…….. 193

Ворошилов А.Н. Копья населения среднедонской культуры скифского времени…….. 202
Кравец В.В. О типологии погребальных памятников поздних кочевников Среднего Подонья……..……... 213
Кравец В.В. Поясные наборы золотоордынских кочевников Среднего Подонья……. 222
Степкин В. В., Ворошилов А. Н. Павловское городище на реке Дон…….. 229
Поташкина Н.А. Программа археологических исследований Воронежской учёной архивной комиссии……. 233

Научное издание

Археологические памятники бассейна Дона

МЕЖВУЗОВСКИЙ СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Компьютерная верстка: Сурков А.В.